

У Ч Ѕ Н Ы Е
ЗАПИСКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

2019

Санкт-Петербург

У Ч Ѕ Н Ы Е ЗАПИСКИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА
ПСИХОЛОГИИ
И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

2019 • Выпуск 2 • Том 32

Научно-практический журнал

Издается с 2001 года

Редакционная коллегия

Председатель — *Платонов Юрий Петрович*, д. п. н., профессор (Россия, Санкт-Петербург).

Зам. председателя — *Платонова Наталья Михайловна*, д. пед. н., профессор (Россия, Санкт-Петербург).

Секретарь — *Горбатов Дмитрий Сергеевич*, д. п. н., доцент (Россия, Санкт-Петербург).

Аралбаева Рысжамал Кадыровна — к. пед. н., д. соц. н. (Казахстан, г. Талдыкорган), *Беличева Светлана Афанасьевна* — д. п. н., профессор (Россия, Москва), *Журавлев Анатолий Лактионович* — д. п. н., профессор (Россия, Москва), *Келасьев Вячеслав Николаевич* — к. п. н., д. филос. н., профессор (Россия, Санкт-Петербург), *Лебедев Андрей Андреевич* — д. биолог. н., профессор (Россия, Санкт-Петербург), *Лэнгле Альфрид* — д. п. н., д. мед. н. (Австрия, г. Вена), *Малкина-Пых Ирина Германовна* — доктор физико-математических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург), *Панферов Владимир Николаевич* — д. п. н., профессор (Россия, Санкт-Петербург), *Хамбургер Франц* — д. пед. н., профессор (Германия, г. Майнц), *Шеръязданова Хорлан Тохтамысова* — д. п. н., профессор (Казахстан, г. Алматы), *Эйзман Мартин* — д. мед. н., профессор (Норвегия, г. Тромсё).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-27499 от 14 марта 2007 г.

ISSN 1993-8101

Подписной индекс: 19304

© Санкт-Петербургский государственный институт
психологии и социальной работы, 2019

© Авторы публикаций, 2019

SCIENTIFIC NOTES JOURNAL

OF ST. PETERSBURG
STATE INSTITUTE
OF PSYCHOLOGY
AND SOCIAL WORK

2019 • Iss. 2 • Vol. 32

Science and practice journal
Published since 2001

Editorial Board

Chairperson — *Yuriy Platonov*, D.Sc. (Psychology), Professor (Russia, St. Petersburg)

Vice-Chairperson — *Nataliya Platonova*, D.Sc. (Pedagogy), Professor (Russia, St. Petersburg)

Secretary — *Dmitry Gorbatov*, D.Sc. (Psychology), Associate Professor (Russia, St. Petersburg)

Ryszhamal Aralbayeva — Cand.Sc. (Pedagogy), D.Sc. (Sociology), Professor (Kazakhstan, Taldykorgan), *Svetlana Belicheva* — D.Sc. (Psychology), Professor (Russia, Moscow), *Dr. Franz Hamburger* — Prof. iR. (Germany, Mainz), *Anatoliy Zhuravlev* — D.Sc. (Psychology), Professor (Russia, Moscow), *Andrey Lebedev* — D.Sc. (Biology), Professor (Russia, St. Petersburg), *Vyacheslav Kelasyev* — Cand.Sc. (Psychology), D.Sc. (Philosophy), Professor (Russia, St. Petersburg), *Alfried Längle* — Ph. D. (Psychology), M. D. (Medicine) (Austria, Vienna), *Irina Malkina-Pykh* — D.Sc. (Physics and Mathematics), Professor (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Panferov* — D.Sc. (Psychology), Professor (Russia, St. Petersburg), *Khorlan Sheryazdanova* — D.Sc. (Psychology), Professor (Kazakhstan, Almaty), *Martin Eisemann* — Ph.D. (Medicine) (Norway, Tromso)

The journal is registered by the Federal Service for Monitoring Compliance with Cultural Heritage Protection Law.
Registration certificate ПИ № ФС-77-27499 as of 14.03.2007.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дмитриева Н. В., Дмитриева А. Д., Соколова Г. И.	
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «СОВРЕМЕННОГО ИДЕАЛА ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ» В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM	9
Бардиер Г. Л.	
СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ: АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ	22
Кузьменкова Л. В., Кусков Д. В.	
ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛИЕНТОВ С РАЗНЫМ ТИПОМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМООСОЗНАНИЯ В СИТУАЦИЯХ СУБЪЕКТИВНОЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ УРОВНЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ	31
Смолова Л. В.	
СМЫСЛ КРАСОТЫ ЧЕЛОВЕКА: ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «КРАСОТА» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ	40
Маргошина И. Ю.	
РОЛЕВАЯ ИГРА: СТРУКТУРНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	50

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Платонова Н. М.	
СОЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЛАСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ	57
Лебедева С. С.	
ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ»	66
Шипунова Т. В.	
СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	73
Марковская Г. Г., Крюкова Т. А.	
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГОТОВНОСТИ К ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ИНВАЛИДОВ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА	81
Егорова О. И., Косихина Е. Ю.	
ПОДДЕРЖАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ОБОРУДОВАНИЯ «PERTRA»	92
Лыонг Мань Ха	
СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЬЕТНАМА: ДОСТИЖЕНИЯ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	100

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

Ельникова О. Е.

РОЛЬ СЕНСОМОТОРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ТОРМОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ
В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ
У ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ 106

Исаев А. А., Никифоров Г. С., Родионова Е. А.

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ: ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ 114

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Москвитина Н. Ю., Хорошилова Е. П., Селюкова Е. А.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ
СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ 123

Снегова Е. В., Мальцева С. Е.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ 130

Костина Л. М.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В АДАПТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД 138

Рябченко С. А.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВОГО КИНО
В ИНТЕРАКТИВНОМ ОБУЧЕНИИ 145

Полякова О. Н., Арефьева Н. В.

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ВЫПУСКНИКА СРЕДНЕГО ОБЩЕГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ
В ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН 153

Пырьев Е. А.

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ
С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ 161

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ

Бандура О. О., Усова А. В., Ольховский М. Д.

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ОТСРОЧЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ 171

Касаркина Е. Н.

ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННОЙ ПОМОЩИ В ПРЕОДОЛЕНИИ КРИЗИСА
МОРДОВСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ НА СЕЛЕ 180

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Семенков В. Е.

БОЛЕЗНЬ КАК СОМАТИЧЕСКИЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕНЫ 188

Семено А. А., Колосова М. А., Ваховская К. А., Миронова Е. В.

ОБЗОР ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОВАЦИОННЫХ ПЛОЩАДОК УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА 194

CONTENTS

RESEARCH IN APPLIED PSYCHOLOGY

Dmitriyeva N. V., Dmitriyeva A. D., Sokolova G. I.	
PSYCHOLOGICAL FEATURES OF «THE MODERN IDEAL OF FEMALE BEAUTY» IN SOCIAL NETWORK INSTAGRAM	9
Bardier G. L.	
SOCIAL NEEDS AND SOCIAL CAPITAL: ASPECTS OF PERSONALITY AND ORGANIZATION	22
Kuzmenkova L. V., Kuskov D. V.	
INDIVIDUAL PERSONALITY FEATURES OF CLIENTS BELONGING TO DIFFERENT TYPES OF ECONOMIC SELF-AWARENESS IN SITUATIONS OF SUBJECTIVE DISSATISFACTION WITH THE LEVEL OF ECONOMIC WELL-BEING	31
Smolova L. V.	
THE MEANING OF BEAUTY: UNDERSTANDING OF THE BEAUTY PHENOMENON IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING	40
Margoshina I. Yu.	
ROLE-PLAY: STRUCTURAL AND PROCEDURAL CHARACTERISTICS	50

RESEARCH IN SOCIAL WORK

Platonova N. M.	
SOCIAL EDUCATION AS AN AREA OF INNOVATIVE PRACTICE OF TRAINING SOCIAL SPECIALISTS	57
Lebedeva S. S.	
INNOVATIVE FOCUS OF SOCIAL AND EDUCATIONAL WORK WITH PEOPLE WITH DISABILITIES AT THE REGIONAL LEVEL IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT «EDUCATION»	66
Shipunova T. V.	
SOCIAL SECURITY IN THE HUMAN DIMENSION	73
Markovskaia G. G., Kryukova T. A.	
SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF READINESS FOR LABOR ACTIVITY IN DISABLED EMPLOYEES	81
Egorova O. I., Kosikhina E. Yu.	
MAINTENANCE AND STRENGTHENING OF COGNITIVE FUNCTIONSS IN THE ELDERLY THROUGH THE USE OF SPECIALIZED EQUIPMENT «PERTRA»	92
Luong Manh Ha	
SOCIAL SECURITY SYSTEM OF VIETNAM: ACHIEVEMENTS, NEW CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS	100

RESEARCH IN HEALTH PSYCHOLOGY

Yelnikova O. Ye.

THE ROLE OF SENSORIMOTOR INTEGRATION AND INHIBITORY PROCESSES
IN THE FORMATION OF HEALTH-SAVING BEHAVIOR IN ADULTS 106

Isayev A. A., Nikiforov G. S., Rodionova Ye. A.

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL HEALTH: A REVIEW OF CONCEPTS 114

RESEARCH IN EDUCATION

Moskvitina N. Yu., Khoroshilova Ye. P., Selyukova Ye. A.

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES
OF SENIOR PRESCHOOL CHILDREN IN CONDITIONS OF PRESCHOOL
EDUCATIONAL ORGANIZATION 123

Snegova Ye. V., Maltseva S. Ye.

PSYCHOLOGICAL STUDY OF PROFESSIONAL PREFERENCES
OF HIGH SCHOOL STUDENTS 130

Kostina L. M.

PSYCHOLOGICAL MODEL OF FORMATION OF PSYCHOLOGICAL SECURITY
OF THE PERSONALITY OF STUDENTS IN THE ADAPTATION PERIOD 138

Ryabchenko S. A.

PECULIARITIES OF THE USE OF FEATURE FILMS IN INTERACTIVE LEARNING 145

Polyakova O. N., Arefyeva N. V.

PERSONAL QUALITIES OF A GRADUATE OF GENERAL SECONDARY
EDUCATIONAL INSTITUTION SPECIALIZING IN NATURAL SCIENCES 153

Pyryev Ye. A.

DIAGNOSIS OF EMOTIONAL SPHERE OF STUDENTS WITH ATTENTION
DEFICIT AND HYPERACTIVITY DISORDER 161

RESEARCH IN PSYCHOLOGICAL AND SOCIAL WORK WITH FAMILIES

Bandura O. O., Usova A. V., Olkhovskiy M. D.

DOMESTIC VIOLENCE: AFTER-EFFECTS OF ABUSE OF CHILDREN 171

Kasarkina E. N.

POTENTIAL OF THE FAMILY-RELATED HELP IN OVERCOMING CRISIS
OF THE MORDOVIAN YOUNG FAMILY IN THE COUNTRYSIDE 180

DISCUSSION CLUB

Semenkov V. Ye.

DISEASE AS A SOMATIC AND EXISTENTIAL PHENOMENON 188

Semenov A. A., Kolosova M. A., Vakhovskaya K. A., Mironova Ye. V.

REVIEW OF EXPERIMENTAL ACTIVITIES OF INNOVATIVE PLATFORMS
OF SOCIAL SERVICE INSTITUTIONS SAINT PETERSBURG 194

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ДМИТРИЕВА НАТАЛЬЯ ВИТАЛЬЕВНА

доктор психологических наук, профессор кафедры прикладной педагогики и логопедии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
dnv2@mail.ru

NATALYA V. DMITRIYEVA

*D.Sc. (Psychology), Professor at the Department of Applied Pedagogy and Speech Therapy
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

ДМИТРИЕВА АНАСТАСИЯ ДЕНИСОВНА

психолог Образовательного центра «Метафора» (Санкт-Петербург),
dnv2@mail.ru

ANASTASIYA D. DMITRIYEVA

Psychologist of the Educational Center «Metafora» (St. Petersburg)

СОКОЛОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры прикладной педагогики и логопедии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
sokolova.rabota@mail.ru

GALINA I. SOKOLOVA

*Cand.Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Applied Pedagogy and Speech Therapy
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УДК 316.6

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «СОВРЕМЕННОГО ИДЕАЛА ЖЕНСКОЙ КРАСОТЫ» В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

PSYCHOLOGICAL FEATURES OF «THE MODERN IDEAL OF FEMALE BEAUTY» IN SOCIAL NETWORK INSTAGRAM

Аннотация. В статье представлены результаты исследования психологических особенностей «современного идеала женской красоты» в социальной сети Instagram. Описаны и проанализированы следующие аспекты изучаемого феномена: историческая динамика представлений о женской красоте, «идеал женской красоты» в современном обществе, элементы внешности как часть «современного идеала женской красоты», раскрытие «современного идеала женской красоты» с точки зрения концепта: современная красота — «красота потребления». Выделены характерные для «современного идеала женской красоты» психологические особенности образа женщины-матери и женщины-хозяйки, нашедшие свое отражение в профилях десяти самых популярных девушек в социальной сети Instagram. Представлены результаты исследования феномена «современный идеал женской красоты», позволяющие понять основные ценности, превалирующие в обществе, т. к. два этих аспекта тесно взаимосвязаны. Женские образы в социокультурном пространстве иллюстрируют своеобразные нормы внешнего вида, поведения, самопрезентации в определенный промежуток времени. Сделаны выводы.

ABSTRACT. The article presents the results of studies of psychological characteristics of “the modern ideal of female beauty” in social network Instagram. Historical dynamics of ideas about female beauty, “the ideal of female beauty in modern society”, some elements of appearance as a part of “the ideal of female beauty, revelation of “modern ideal of female beauty” from the point of view of the concept: modern beauty is beauty of consumption are described and analyzed. Psychological features of the image of a woman-mother and a woman-mistress are

reflected in the profiles of the ten most popular girls in social network Instagram. The results of the study of the phenomenon "the modern ideal of female beauty" allowing to understand the main values dominating in the society are presented. Female images in socio-cultural space illustrate particular norms of appearance (behaviour) of self-presentation at a certain period of time.

Ключевые слова: красота, идеал женской красоты, психологическое восприятие, привлекательность и женский образ в социокультурном пространстве, самопрезентация, «красота провокации», «красота потребления».

KEYWORDS: beauty, ideal of female beauty, psychological perception, attractiveness and female image in the socio-cultural context, self-presentation, "the beauty of provocation" "the beauty of consumption".

Введение

Во все времена и во всех сообществах красоте придавалась особая ценность. Ученые различных областей пытались дать определение, выделить факторы и критерии оценки красоты. Однако до сих пор не существует точного определения данного феномена.

В различных философских, культурологических, эстетических, антропологических, лингвистических, социологических и психологических работах приводится ряд понятий, используемых для определения красоты. По мнению О. Буткевич, красота — это «такая вечная проблема, относительно которой больше всего сказано и меньше всего ясно» [3, с. 5].

В толковом словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой есть следующее определение красоты: «Красота — все красивое, прекрасное, все то, что доставляет эстетическое и нравственное наслаждение» [14]. Понятие «красота» является объектом рассмотрения многих философов-мыслителей. Красота как идеальная форма бытия сущего анализировалась в работах Платона, Аристотеля, Пифагора, Гераклита, Анаксагора, Августина и др. Отечественные философы (П.Д. Юркевич, В.В. Бычков, В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, Л.П. Карсавин, С.С. Аверинцев, А.В. Волошинов и др.) затрагивали проблему красоты с точки зрения ее объективности. В работах представителей феминистской философии (Н. Фрайдей, Н. Вульф, С. Бордо, С. Бартки, К.П. Морган, К. Дэвис, Э. Гросс) затрагивается проблема стандартов женской красоты как способа подавления женщин в социуме [1].

С точки зрения психологии проблему красоты можно рассматривать через такие категории, как «обаяние», «аттрактивность», «привлекательность» в работах А.А. Бодалева, В.Н. Панферова, В.А. Лабунской, Д.В. Погонцевой и ряда других авторов, так или иначе затрагивающих проблему восприятия и оценки внешнего облика Другого.

Д.В. Погонцева, анализируя работы, посвященные изучаемому нами феномену, выделила две основные тенденции изучения красоты: красота как привлекательность внешнего облика и как социально-психологическая характеристика «внутренней красоты» [8].

Внешний облик — это конструкт, который является полисемантичным, ценностно-смысловым

образованием, на интерпретацию которого влияет весь комплекс характеристик ситуации общения, встроенной в определенный социокультурный контекст [16].

«Женская красота» как особый социальный конструкт была значимым элементом жизни общества на протяжении всей истории человечества. В течение этого времени он менялся, адаптируясь под те или иные происходящие в обществе изменения. Результаты исследования феномена «современный идеал женской красоты» позволяют понять основные ценности, превалирующие в обществе, т. к. два этих аспекта тесно взаимосвязаны. Женские образы в социокультурном пространстве иллюстрируют своеобразные нормы внешнего вида/поведения/самопрезентации в определенный промежуток времени.

Принимая во внимание то, что сегодняшняя эпоха является эпохой Интернета, когда значительная часть социального взаимодействия, покупок, работы, рекламы находится именно в Сети, можно предположить, что и идеалы красоты также нашли в ней свое место. Интернет стал пространством, где наиболее широко отражены все ценности современного общества. Благодаря социальным сетям можно не только общаться, работать и обмениваться информацией, но и следить за последними тенденциями и модными течениями. Одной из самых популярных социальных сетей является *Instagram*. В 2018 году число его пользователей достигло 1,1 млрд человек [15], что составляет примерно 14,6% от количества всех живущих на Земле людей [9]. Пользователей женского пола в данной сети примерно 60% [11].

На сегодняшний день самый популярный профиль в данной сети насчитывает 148 млн подписчиков и принадлежит девушке [5]. Это число составляет примерно 13,5% от всех зарегистрированных в *Instagram* пользователей. Исходя из этого задачей данного исследования являлся поиск ответа на вопрос о том, какие особенности современного «идеала женской красоты» можно выделить в профилях самых популярных девушек в социальной сети *Instagram*.

Проанализировав имеющиеся в литературе данные, мы сформулировали следующие гипотезы исследования:

1. Характерными психологическими особенностями современного «идеала женской красоты» (на примере профилей самых популярных девушек

в социальной сети *Instagram*) являются присутствие в образе девушек элементов концептов «красота провокации» и «красота потребления» (яркого макияжа, откровенной одежды и так называемых «предметов роскоши»).

2. Ролевая позиция матери, хозяйки — нехарактерная черта «идеальной современной женщины».

Для ответа на поставленный вопрос предстояло решить несколько задач:

1. Проанализировать историю явления «идеал женской красоты»; проследить его изменения в течение различных эпох, выявить факторы, которые на это влияли.

2. На основе анализа литературы обнаружить характерные элементы концепта «идеал женской красоты» для проведения последующего анализа.

3. На основании контент-анализа 10 самых популярных женских профилей в социальной сети *Instagram* выявить особенности, характерные для «современного идеала женской красоты».

Эмпирическим объектом исследования являлись профили десяти самых популярных девушек в социальной сети *Instagram*; предметом — психологические особенности «современного идеала женской красоты», отраженные в этих профилях.

Историческая динамика представлений о женской красоте

Под понятием «современный идеал женской красоты» мы подразумеваем совокупность психологических, социокультурных и внешних черт, характерных для девушек/женщин той или иной эпохи, наиболее соответствующих устоям и традициям, существующим в обществе.

Каким же был этот идеал в предыдущие эпохи?

Достаточно детально история трансформации общественных представлений о женской красоте (и о понятии «красота» в целом) представлена в работе итальянского философа и теоретика культуры Умберто Эко «История красоты». Так, в Древней Греции (по крайней мере, до эпохи Перикла) «не было настоящей эстетики и теории Красоты» [20, с. 38]. Красота была идентична таким понятиям, как «мера» и «умеренность». Для греков «красивым» был любой предмет/человек, вызывающий эстетическое наслаждение.

В эпоху Возрождения тема красоты начинает рассматриваться под другим углом зрения. В это время была доведена до своего логического завершения теория, согласно которой внешняя красота и привлекательность человека зависит исключительно от пропорций тела.

Социальный статус женщин в ходе Реформации значительно окреп по сравнению с предыдущими эпохами, и им необходимо было соответствовать новой позиции в обществе.

В XVIII веке формируется новая «концепция прекрасного», о чем свидетельствует появление таких терминов, как «вкус», «воображение», «чувство». Эти термины не имеют никакого отношения к физическим свойствам объекта — они воспроизводят качества того, кто производит или созерцает прекрасное. Эстетические особенности субъекта отходят на второй план, о чем свидетельствует

значительный рост образованных женщин в обществе. Женщинам данной эпохи была свойственна многогранность. Для того чтобы соответствовать общественным традициям, они могли совмещать игру на нескольких музыкальных инструментах, живопись, гимнастику и т. д. Внешние составляющие женской привлекательности отходят назад, уступая место внутренним.

Одновременно в Англии процветает идея «викторианской красоты». Эта красота представляет собой сдержанность в жестах, манерах и поведении, но приветствует самовыражение в ярких цветах и пышных нарядах. Женщины этой эпохи старались во многом подражать королеве Виктории — ее стилю, поведению, образу жизни, — потому что она была своеобразным «идеалом» в этот период времени.

Идеал красоты XIX века очень многогранен. Для этого время характерны «красота провокации», «красота потребления».

«Красоту провокации» предлагали различные авангардистские течения и творческие эксперименты: футуризм и кубизм, экспрессионизм и сюрреализм, Пикассо и великие мастера информального искусства и т. д. Искусство авангарда не задается проблемой Красоты. Конечно, подразумевается, что новые образы художественно «прекрасны» и должны доставлять то же наслаждение, какое испытывали современники перед живописью Джотто или Рафаэля, но обусловлено это тем, что авангардистская провокация нарушает все до сих пор соблюдавшиеся эстетические каноны.

«Красота потребления» — это более абстрактная концепция. Она описывает сегодняшнее общество потребления, в котором большинство людей обладают определенным уровнем достатка и материальные ценности начинают иметь впечатляющее значение. Женская красота в современном мире полноценно включается в процессы коммерциализации. А для этого ей необходимо быть довольно броской — соответствовать всем существующим модным течениям [20].

«Идеал женской красоты» в современном обществе

Сегодняшние тенденции продолжают развиваться по законам прошлого века. Согласно мнению ряда исследователей, например М. В. Болоховой, в современном обществе существует «культ внешности», пропагандирующий то, как должна выглядеть женщина, для того чтобы быть привлекательной. Автор указывает, что «в период 1980–90-х годов произошло универсальное выравнивание “идеала” женского тела: успех, красота, самообладание начали ассоциироваться только со стройностью без учета культурного разнообразия» [4, с. 69].

В современном обществе из-за влияния СМИ и всевозможных экономически-социальных преобразований постепенно начинают разрушаться существовавшие веками устои, которые пропагандировали то, что женщина должна быть исключительно «феминной», а мужчина — «маскулиным» [11, с. 31].

Энтони Гидденс дает следующее определение понятия феминности: «Феминность — характерные

формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе» [7, с. 680]. Получается, что постепенное отхождение от стереотипа, что женщина обязательно должна быть феминной, говорит нам о том, что в современном обществе женщина с точки зрения ее действий и поведения начинает восприниматься более «жесткой», способной совершать ранее только мужскую работу.

Исходя из этого можно утверждать, что в современном обществе женщина не обязательно вести себя «женственно» с точки зрения социума, дабы быть принятой им, но для того, чтобы быть привлекательной и соответствовать существующему в мире «культура красоты», ей необходимо выглядеть «женственно».

Что же представляет собой «женственность» в современном мире? По мнению И. М. Сколовой, «формирование новых представлений о женской красоте и трансформация традиционного образа в культуре были связаны с распространением западного влияния и западных модернистских стандартов женской красоты, которые во многом противоречат традиционным» [18, с. 183]. В течение этого процесса внутренним составляющим концепта прекрасного отводилось все меньше внимания, и постепенно они полностью сменились внешними, главными из которых были красота и стройность фигуры. Упор стал делаться на внешние данные: молодость, привлекательность, сексуальность.

В рамках современного постиндустриального общества тело является центральной точкой формирования представления о себе, где привлекательность становится источником уважения, признания, имиджа [2].

Значимость внешней привлекательности для самой женщины также связана с тем, что ощущение собственной красоты, значимости для противоположного пола оказывает влияние на самооценку женщины. Так, например, И. С. Кленица считает привлекательную внешность одной из ведущих составляющих женского самоутверждения [5]. Это связано во многом с тем, что женщины в большей степени, чем мужчины, испытывают на себе социокультурное влияние, связанное с идеализацией внешней привлекательности.

Значимость красоты для женщин связана с тем, что красота является формой культурного капитала для девушек, который можно использовать в социальной жизни. В современном обществе красота становится той ценностью, к которой стремятся женщины как к абсолютному, религиозному императиву [2].

Одной из причин озабоченности женщин внешним видом является тот факт, что при выборе партнерши мужчины обращают большое внимание на ее физическую привлекательность [21, с. 66]. Поэтому тело, его красота становится «объектом инвестиции», который может принести не только успешное социальное положение, но и реальный доход (шоу-бизнес, модельный бизнес) [2, с. 170].

Из-за влияния СМИ в сознании человека изменилась суть понятия «женская красота». В СМИ практически не присутствуют образы женщины-матери, женщины-хозяйки. Внутренняя суть была

полностью заменена внешней привлекательностью, раскрученностью комплекса внешних данных. Красота постепенно обрела полноценный статус предмета коммерциализации, с помощью которого женщины могут добиваться поставленных перед собой целей.

Исходя из вышеперечисленного можно сформулировать определение «идеала женской красоты» в современном социокультурном пространстве. Итак, такая женщина должна быть привлекательна внешне; в ее образе может присутствовать большое количество довольно откровенной одежды, яркого макияжа. Эта женщина может быть несколько «маскулинной» в своем образе жизни и поведении, поскольку, как мы уже выяснили раньше, ей не обязательно быть исключительно феминной, дабы обладать привлекательностью. Исходя из того, что наше общество — общество потребления, в ее изображениях могут и, скорее всего, будут присутствовать так называемые «предметы роскоши», являющиеся своеобразным критерием успеха в современном мире.

Для выявления связи вышесказанного с социальной сетью *Instagram* используем драматургический подход Ирвина Гофмана, согласно которому идентичность и ее составляющие, в том числе и женственность, являются набором своеобразных ролей, которые индивид исполняет в тех или иных жизненных ситуациях. Гофман пишет, что у каждого человека есть два «Я». Первое — внутреннее, оно отвечает за самовосприятие человеком себя таким, какой он есть на самом деле. Второе — идеальное, которое содержит представление о совершенном себе, складывающееся из окружающей социокультурной реальности, традиций, которым надо соответствовать, влияния СМИ и повседневных практик. У каждой женщины, как и у любого индивида, есть эта концепция идеального «Я».

Таким образом, мы можем рассматривать *Instagram* в качестве своеобразной сцены, на которой огромное количество людей ежедневно играют свои роли при помощи выкладывания публикаций. Причем данная социальная сеть значительно облегчает задачи индивидов, поскольку им не приходится менять свои манеры, жесты, лексикон, — на фотографиях этого не заметно.

Л. В. Сулейманова пишет, что, согласно концепции Гофмана, для того, чтобы наиболее полно конструировать личность (мы рассматриваем определенную ее составляющую — женственность), «важным инструментом является потребление товаров и услуг, формирующих костюм (внешность индивида), «декорации для спектаклей», стиль жизни как относительно устойчивое амплуа» [19, с. 138]. Исходя из этого можно сделать вывод, что для конструирования наиболее женственного образа в *Instagram* значительное внимание отводится стилю жизни, внешнему облику, интерьеру.

Описание выборки для проводимого исследования

Контент-анализ проводился среди десяти женских профилей, которые на момент исследования насчитывали наибольшее количество подписчиков

(среди всех женских профилей) в социальной сети *Instagram*. Анализ проводился на основании всех постов, опубликованных обладательницами этих аккаунтов в период с 1 января по 31 марта 2019 года.

Профили девушек выбирались исходя из того, что можно рассматривать *Instagram* как одну из разновидностей современных социальных сцен, а количество подписчиков данных профилей является своеобразным маркером, указывающим на то, что именно эти девушки являются более популярными, чем другие, из чего можно сделать вывод, что они больше соответствуют концепту «современный идеал женской красоты».

Профиль №1 (Бейонсе *@beyonce*) на момент проводимого исследования насчитывал 126 млн подписчиков (фолловеров), и за выделенный временной отрезок в нем было опубликовано 33 поста. Профиль №2 (Селена Гомез *@selenagomez*) — 148 млн подписчиков, 11 постов. Профиль №3 (Ариана Гранде *@arianagrande*) — 150 млн подписчиков, 196 постов. Профиль №4 (Кайли Дженнер *@kyliejenner*) — 131 млн подписчиков, 100 постов. Профиль №5 (Кендалл Дженнер *@kendalljenner*) — 107 млн подписчиков, 103 поста. Профиль №6 (Ким Кардашьян *@kimkardashian*) — 133 млн подписчиков, 92 поста. Профиль №7 (Дженифер Лопез *@jlo*) — 90,7 млн подписчиков, 57 постов. Профиль №8 (Ники Минаж *@nikiminaj*) — 101 млн подписчиков, 107 постов. Профиль №9 (Майли Сайрус *@mileycyrus*) — 90,8 млн подписчиков, 206 постов. Профиль №10 (Тэйлор Свифт *@taylorswift*) — 115 млн подписчиков, 22 поста. Таким образом, всего было обработано 867 постов.

На основании полученных ранее теоретических данных и анализа вышеперечисленных постов нам удалось выделить 11 отличительных черт (кодов), которые с той или иной стороны раскрывают концепт «современного идеала женской красоты». Они подразделились на три условные группы, первая из которых характеризует различные элементы внешности, характерные для данных девушек, тогда как вторая связывает полученные данные с теоретическим концептом «красота потребления», а третья описывает, как образ женщины-матери и женщины-хозяйки представлен в выделенном ранее конструкте.

Результаты исследования

На первом этапе нами анализировались особенности внешности респондентов.

Первая отличительная черта девушек из рассматриваемых профилей — на фото/видео одета в откровенную одежду. Наличие данной черты в публикации определяется, например, тем, что девушка одета в купальник/нижнее белье, изображена вообще без одежды; большая часть ее тела не скрыта одеждой. 434 поста из 867 (50%) содержат данную черту (рис. 1). Причем при анализе профилей в отдельности становится видно, что процент варьируется довольно значительно (от 18 до 75), но при этом подавляющее большинство профилей имеют схожие результаты. Например, 43% (86 публикаций) у профиля №3, 53% (49 публикаций) у профиля №6, 55% (55 публикаций) у профиля №4, 44% (19 публикаций) у профиля №5 и т. д.

Вторая выделенная нами черта также относится исключительно к внешней составляющей. Она сформулирована следующим образом: девушка, изображенная на фото/видео, ярко накрашена (присутствие видимого макияжа). 490 из 867 постов (57%) содержат данную черту (рис. 2).

Здесь опять наблюдается довольно значительный разброс в процентном отношении (от 27% до 88%), но большинство профилей имеют схожую статистику. Например, 57% у профилей №4 (57 постов) и №6 (52 поста), 65% (69 постов) у профиля №8 и 63% (124 поста) у профиля №3.

Третья выделенная черта — девушка на фото/видео одета в одежду пастельных (неярких) цветов. 606 постов из 867 (70%) содержат ее (рис. 3). Здесь также наблюдается довольно значительный разброс в процентной составляющей — от 30 до 91%, — но при отдельном анализе цифры, опять же, являются довольно близкими. Например: 70% (70 постов) у профиля №4, 79% (163 поста) у профиля №9, 83% (163 поста) у профиля №3 и 74% (32 поста) у профиля №5.

То же самое, например, можно сказать и про яркий/необычный цвет волос, присутствующий у девушки, изображенной на фото/видео. В данном случае процент так же невысок, как и в прошлом. Всего 60 постов из 867 (7%) содержат данную черту, что позволяет нам говорить о ее очевидной невыраженности (рис. 4). Процентная составляющая

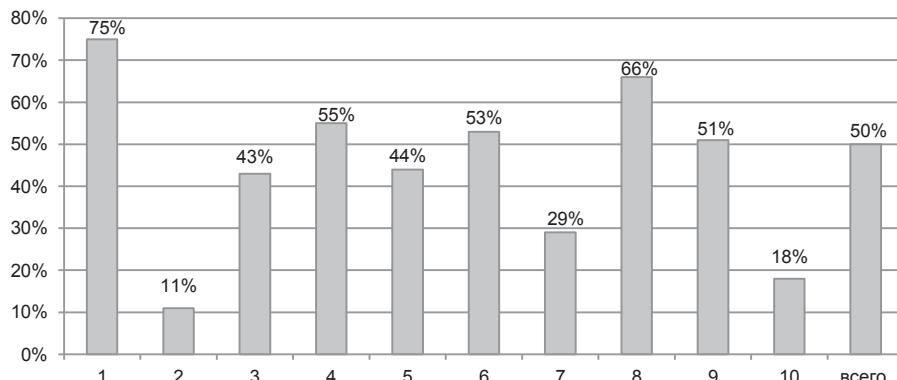

Рис. 1. Наличие у девушек сообщений с фотографиями в откровенной одежде

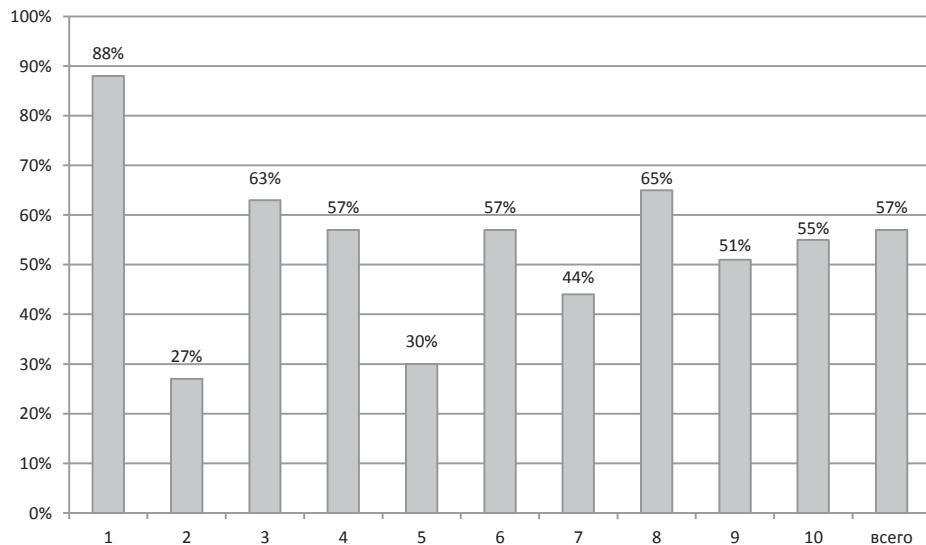

Рис. 2. Наличие у девушек сообщений с фотографиями с ярким макияжем

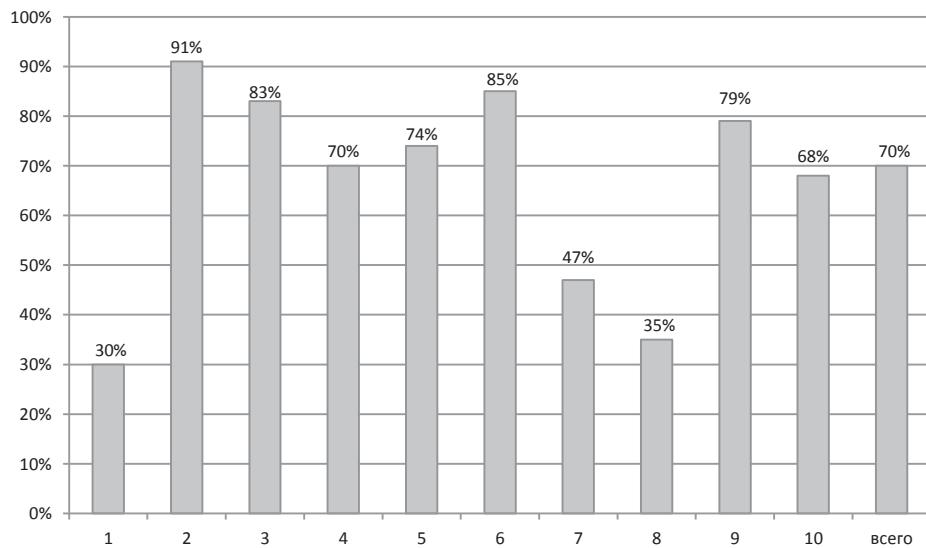

Рис. 3. Наличие у девушек сообщений с фотографиями в одежде в пастельных (неярких) тонах

этой черты колеблется от 0 % до 40 %, и при этом ее абсолютное отсутствие наблюдается сразу у 5 профилей (№ 1, № 2, № 7, № 9 и № 10).

Именно с волосами связан еще один выделенный нами признак. Девушка на фото/видео изображена с длинными распущенными волосами (рис. 5). 370 постов из 867 (43 %) содержат данную черту, что позволяет нам говорить о ее достаточной выраженности. Процентная составляющая в данном случае колеблется с 2 до 63, тогда как у профиля № 10 ее, например, содержат 9 постов (41 %), у профиля № 5–16 постов (37 %), у профиля № 8–52 поста (49 %).

Следующая выделенная нами черта — наличие ярких/длинных ногтей в изображении девушки на фото/видео. 221 пост из 867 (25 %) содержит эту черту, но именно в данном случае можно говорить скорее о ее выраженности (рис. 6). Потому что всего 5 постов (2 %) у профиля № 9 значительно

понижают общую процентную составляющую. У профиля № 4, например, таких публикаций 61 (61 %), тогда как у профиля № 8–49 (46 %), а у профиля № 1–14 (42 %).

На втором этапе исследования изучался концепт: современная красота — «красота потребления».

Как упоминалось выше, в современном обществе «идеал женской красоты» полноценно включается в цепочку коммерциализации. Подтверждение этому феномену нашлось в двух выделенных нами чертах, первая из которых — присутствие на фото/видео так называемых «предметов роскоши» (украшения, машины, брендовая одежда и т. д.). Данная черта считалась присутствующей, если на девушке, например, можно было заметить различные драгоценности или аксессуары; если на ее одежде можно было различить названия или логотипы брендов;

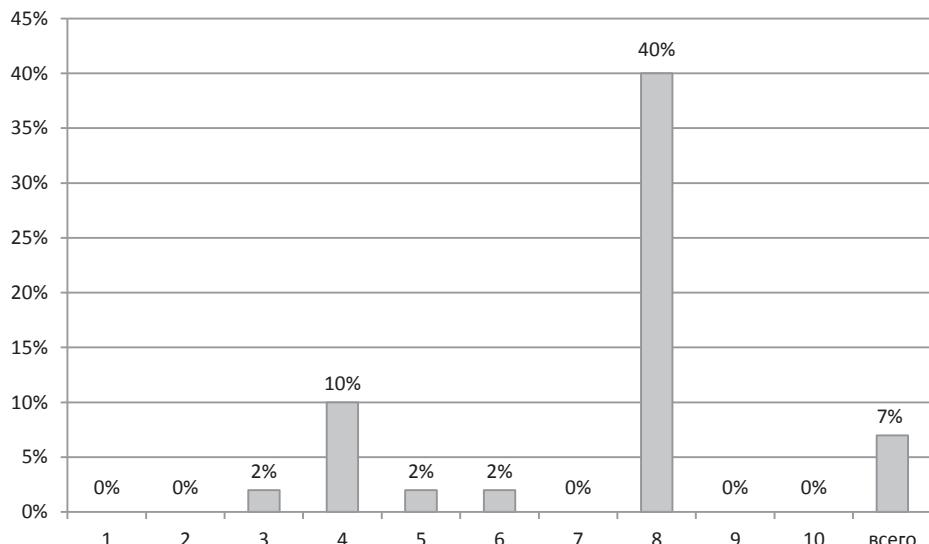

Рис. 4. Наличие у девушек сообщений с фотографиями с ярким/необычным цветом волос

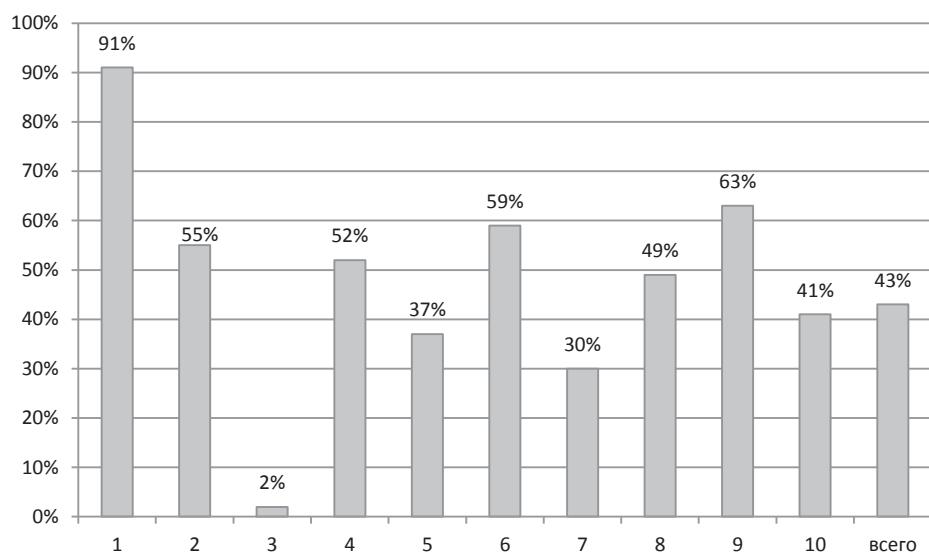

Рис. 5. Наличие у девушек сообщений с фотографиями с распущенными длинными волосами

на публикации присутствовали автомобили или дорогостоящая техника (например, телефоны). На 528 публикациях из 867 (61%) присутствует данная черта, что позволяет нам квалифицировать ее как неотъемлемую составляющую концепта «современный идеал женской красоты» (рис. 7). В данном случае процентная составляющая колеблется от 30 до 88, тогда как статистика отдельно взятых профилей демонстрирует схожие результаты: у профиля № 2 содержание данной черты есть в 6 постах (55%), в 23 постах (53%) — у профиля № 5, в 72 постах (67%) — у профиля № 8.

Следующая выделенная нами черта — наличие в посте *paid promotion* (публикация сделана в колаборации с каким-либо брендом/модным изданием и т. д.). 384 поста из 867 (44%) содержат данную черту, что, опять же, позволяет нам говорить о ее выраженности. В данном случае процент колеблется от 3 до 70, но при анализе каждого из профилей

в отдельности цифры в большинстве вновь являются схожими (рис. 8). Например, 89 постов (45%) — у профиля № 3, 40 постов (40%) — у профиля № 2, 83 поста (40%) — у профиля № 9 и 42 поста (39%) — у профиля № 8.

На третьем этапе исследования анализировалось отражение образа женщины-матери и женщины-хозяйки.

Первый фактор для анализа — присутствие на фото/видео ребенка. Всего 44 поста из 867 (5%) содержат данную черту, что позволяет нам говорить о ее откровенной невыраженности и квалифицировать ее как некое подтверждение отсутствия образа «женщины-матери» (рис. 9). В данном случае процентная составляющая колеблется от 0 до 20, и сразу 4 профиля (№ 2, № 3, № 9 и № 10), тогда как у профиля № 5 всего 1 пост (2%) содержит данную черту, а у профилей № 1 и № 8 — по одному посту (3% и 1% соответственно).

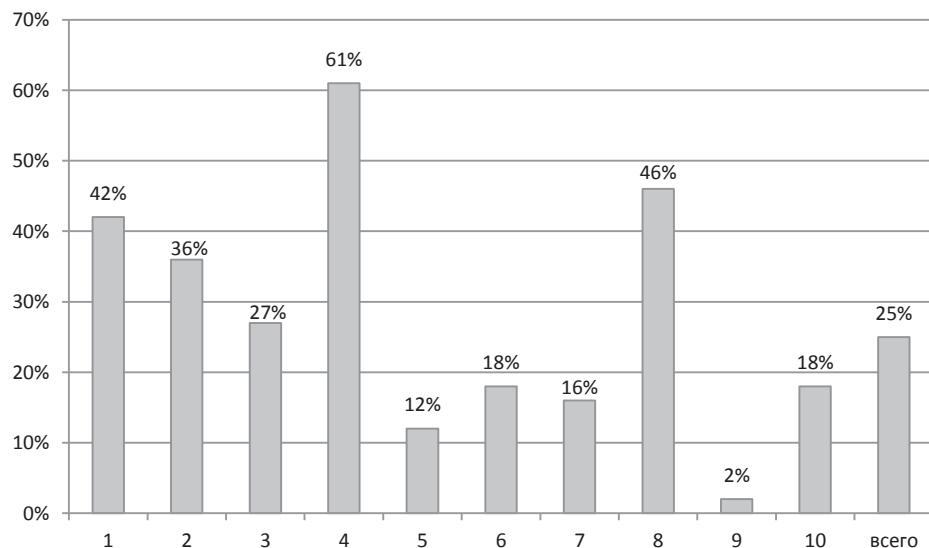

Рис. 6. Наличие у девушек сообщений с фотографиями с ярким, вызывающим маникюром

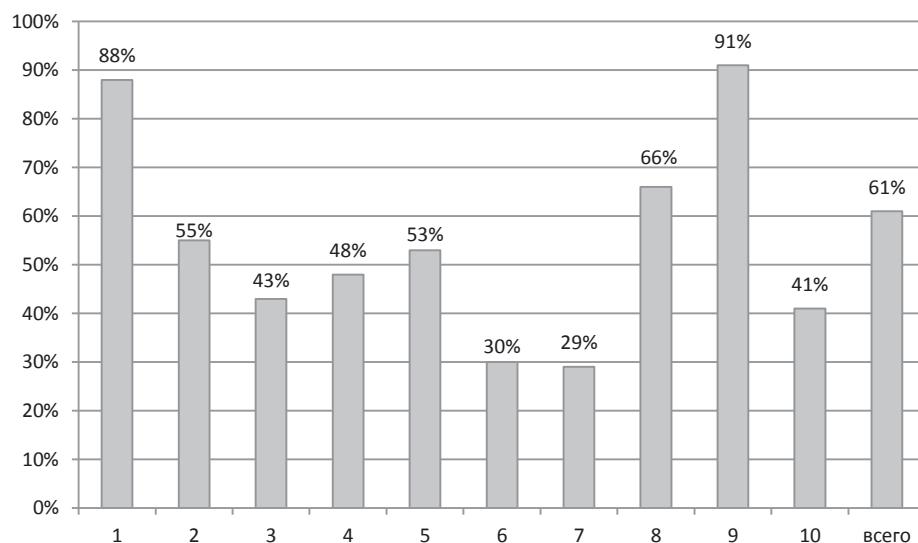

Рис. 7. Наличие у девушек сообщений с фотографиями с «предметами роскоши»

Вторая выделенная черта связана с первой. Наличие на фото/видео партнера (молодого человека/мужа). О личных отношениях свидетельствовали позы на изображениях (люди целовались, обнимались, фотографировались в романтической обстановке, демонстрировали свой статус пары и т. д.). 76 постов из 867 (9 %) содержат данную черту, что, опять же, позволяет говорить о ее откровенной невыраженности (рис. 10). В данном случае процентная составляющая колеблется от 0 до 26, и публикации четырех профилей (№ 2, № 3, № 5 и № 10) вновь абсолютно не отражают данную черту, тогда как у профиля № 4, например, ее содержат 9 постов (9 %), у профиля № 9–21 пост (10 %), а у профиля № 8–12 постов (11 %).

Третья выделенная нами черта связана с образом женщины-хозяйки — присутствие на фото/видео домашнего животного. 24 поста из 867 (3 %) содержат ее, что вновь позволяет нам говорить о ее

очевидной невыраженности (рис. 11). Процентная составляющая колеблется от 0 до 9, и сразу 6 профилей (№ 1, № 2, № 4, № 6, № 7 и № 8) не содержат ее совсем. У профиля № 3 данную черту содержат 17 публикаций (9 %), у профиля № 10–2 поста (9 %), а у профиля № 5–3 поста (7 %).

Обсуждение результатов

Анализ результатов 1 этапа исследования показал, что для популярных профилей характерно наличие откровенной одежды в образе женщины (50 % постов), что соотносится с понятием «красота провокации», введенным Умберто Эко. Эко пишет о том, что в XX веке откровенное изображение женского тела в массовой культуре становится очень распространенным. Его можно встретить на страницах журналов, в рекламных роликах, транслируемых по телевизору, в фильмах, идущих в кинотеатрах [16].

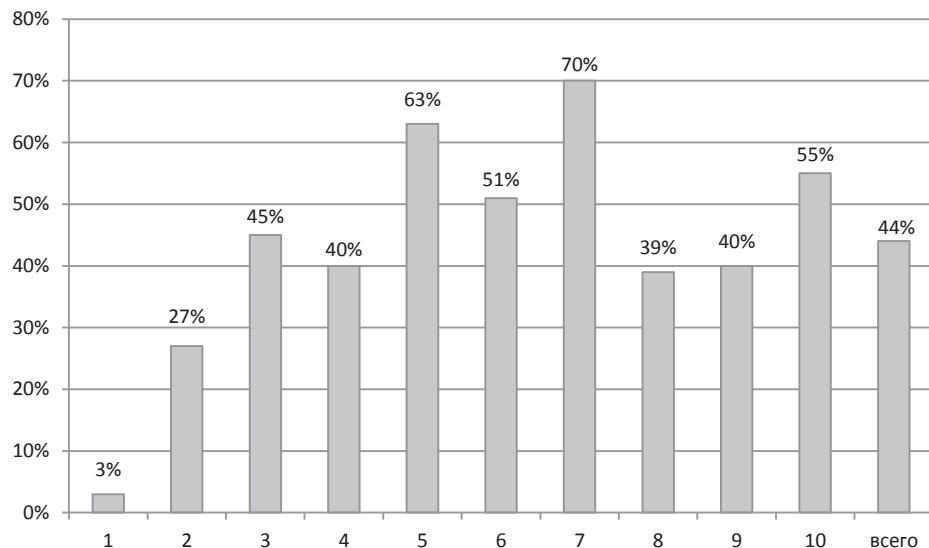

Рис. 8. Наличие у девушек сообщений с «paid promotion»

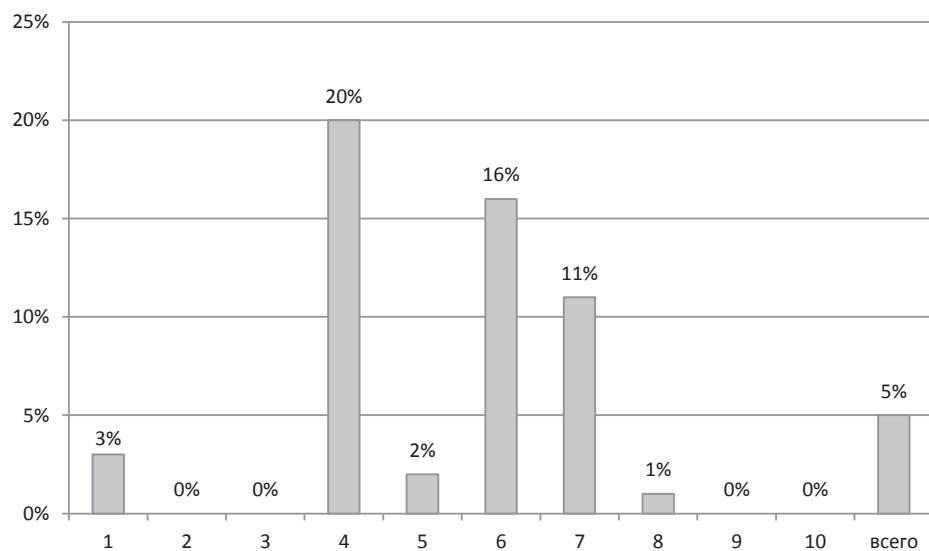

Рис. 9. Присутствие у девушек сообщений с фото/видео ребенка

Для девушек из популярных профилей также характерен яркий макияж (57% постов). Наличие его в совокупности с другими факторами, на наш взгляд, косвенным образом свидетельствует об уверенности в себе женщине, демонстрирующей внешнюю привлекательность и не имеющей каких-либо комплексов.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что для девушки респонденты на фото/видео одеты в одежду пастельных (неярких) цветов (70% постов). В этом случае можно говорить об откровенной выраженности данной черты, потому что процентная составляющая очень внушительная. Можно предположить, что эта черта имеет такое высокое процентное соотношение из-за того, что девушки, которым принадлежат данные профили, не хотят отвлекать внимание от собственной персоны (от своей внешней привлекательности), потому что яркие цвета в одежде/аксессуарах будут

отвлекать внимание подписчиков/обычных пользователей *Instagram*, которые увидят публикацию, от образа самой девушки. А с точки зрения И. М. Сколовой, это крайне невыгодно, так как для того, чтобы соответствовать «современному идеалу женской красоты», девушкам необходимо делать акцент именно на своей внешней привлекательности [18].

Данный факт может быть и данью моды. А следовать последней моде для девушки, которая хочет соответствовать «современному идеалу женской красоты», крайне важно, поэтому не удивительно, что выбранные для анализа девушки предпочитали пастельные цвета ярким [20].

С точки зрения И. Е. Герасименко, пастельные тона ассоциируются с мягкостью и спокойствием [6]. Использование в одежде данных цветов позволяет девушкам, на наш взгляд, более полноценно сформировать женственный образ.

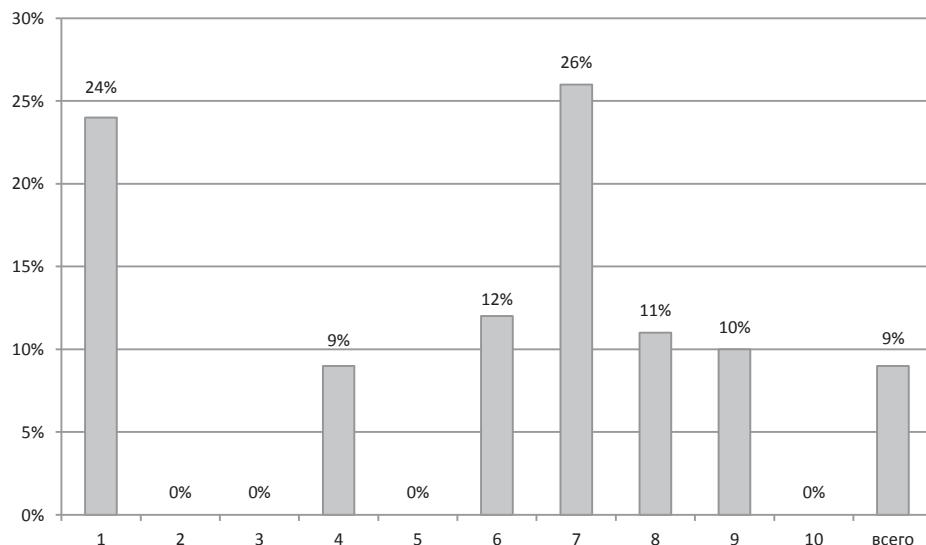

Рис. 10. Присутствие у девушек сообщений с фото/видео партнера

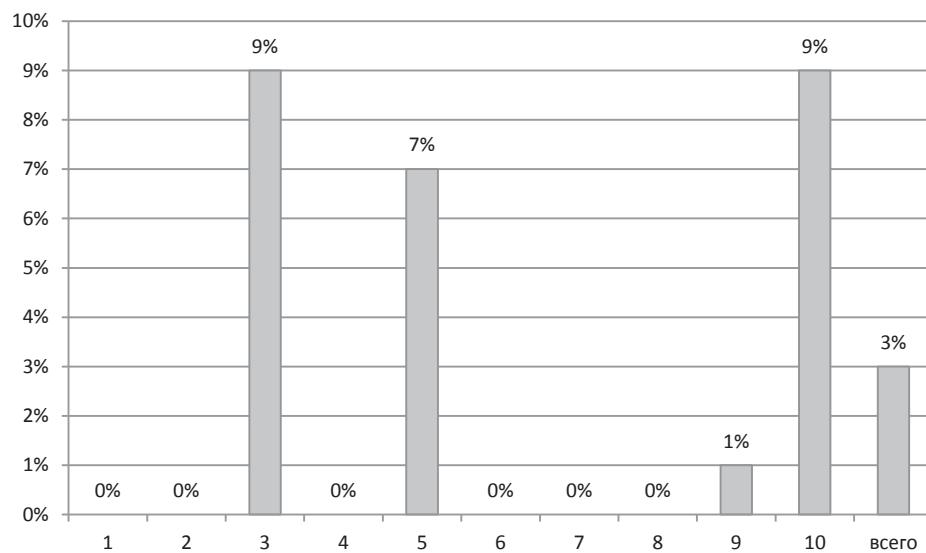

Рис. 11. Присутствие у девушек сообщений с фото/видео домашнего животного

Для популярных профилей характерны изображения на фото/видео девушек с длинными распущенными волосами (43 % постов) естественных цветов (93 % постов).

Длина волос в современной культуре по-прежнему является одним из основных признаков отличия женщин от мужчин, поэтому, если девушка стремится выглядеть наиболее «женственно», ей необходимо носить именно длинные волосы.

В 25 % изученных нами постов у девушек яркие/длинные ногти. Длина ногтей, в отличие, например, от цвета одежды, — вещь, напрямую связанная с личным комфортом, а не с модой, и девушки, у которых данная черта не настолько очевидно выражена, могут просто предпочитать короткие ногти длинным.

Для современных девушек данная черта является показателем наличия у них высокого социального статуса. Им не свойственна тяжелая работа

по дому, выполнять которую с такими длинными ногтями крайне затруднительно. Женщины сегодня более склонны реализовывать себя в различных профессиональных сферах, а не только в однотипном домашнем труде.

Анализ второго этапа исследования (изучение концепта: современная красота — «красота потребления») показал, что для популярных профилей характерно наличие на фото/видео так называемых «предметов роскоши» (украшения, машины, брендовая одежда и т. д.). Этот аспект хорошо объясняется с помощью теории Ирвина Гофмана, из которой следует, что *Instagram* — одна из социальных сцен, и люди стремятся продемонстрировать себя на ней в наиболее выгодном свете, а так называемые «предметы роскоши» как минимум говорят о довольно высоком социальном статусе человека. О том, что человек (в нашем случае девушка) в большинстве случаев зарабатывает больше, чем

человек, который смотрит на эту публикацию, благодаря чему как раз и формируется более высокий социальный статус. В нашем обществе потребления материальные ценности играют значимую роль, а это значит, что их откровенная демонстрация прямо соответствует сложившимся социальным стандартам.

Л. В. Сулейманова писала о потреблении всевозможных товаров и услуг как о необходимом инструменте для успешного конструирования женственности в социальной сети *Instagram* [19].

Следующая выделенная нами черта — наличие в посте *paid promotion* (публикация сделана в коллaborации с каким-либо брендом/модным изданием и т. д.) — присутствует в 44%. Согласно Умберто Эко, в современном обществе женская красота может рассматриваться как полноценное звено цепочки коммерциализации. Из этого следует, что выбранные для анализа девушки «используют» внешнюю привлекательность как своеобразный маркетинговый инструмент для рекламы различных продуктов [22]. Популярные же бренды, в свою очередь, осознавая, что в *Instagram* зарегистрировано примерно 15% от всех живущих на Земле людей и значительная часть их подписана на этих девушек, заказывают у них в профилях рекламу своей продукции [15].

Из-за влияния средств массовой информации в современном человеческом сознании изменилась сама суть понятия «женская красота». В СМИ практически не присутствуют образы женщины-матери, женщины-хозяйки. Внутренняя суть полностью заменена внешней привлекательностью, «раскрученностью» комплекса внешних данных. Красота постепенно обрела полноценный статус предмета коммерциализации, с помощью которого женщины могут добиваться поставленных перед собой целей.

На третьем этапе исследования анализировалось отражение образа женщины-матери и женщины-хозяйки.

Только в 5% постов на фото/видео присутствует ребенок, в 9% — партнер (молодой человек/муж), в 3% — домашнее животное.

Эти три черты, на наш взгляд, относятся к одному и тому же аспекту — образу девушки как женщины-хозяйки, женщины-матери, а также неразрывно связанны с таким социальным институтом, как семья. Партнер, ребенок, домашнее животное (даже если последнее не является сельскохозяйственным, оно все равно требует заботы и внимания со стороны хозяйки) — это составляющие одного классического концепта, традиционно приписывающего женщинам определенный функциональный набор. Женские же функции в современном обществе во многом отличаются от того, какими их видели раньше.

Исходя из обзора литературы и полученных нами результатов контент-анализа, можно сделать вывод, что женский образ в современном обществе уже не так плотно связан исключительно с экспрессивной функцией, прямо подразумевающей под собой наличие мужа, ребенка и домашнего животного. Современные девушки, соответствующие конструкту «идеала женской красоты», уверены

в себе, у них нет никаких видимых комплексов, они стараются идти в ногу с всевозможными модными трендами и течениями. Для того чтобы соответствовать выделенному конструкту, у них нет необходимости олицетворять образ так называемой «классической домохозяйки», которая заботится о детях, занимается хозяйством и ожидает прихода «мужа-добытчика» с работы [15].

В статье «Два общества, одна социология и никакой теории» Г. Эспинг-Андерсен пишет, что семьи в том виде, каким ее описал Парсонс, сегодня не существует. Автор отмечает, что мы живем в такое время, когда из-за постоянных изменений в общественной жизни — например, активного экономического роста — традиционные социальные институты начинают значительно преображаться или же вовсе исчезать из жизни общества за ненадобностью. Институт брака, по мнению автора, также претерпевает значительные изменения. Это происходит не только из-за того, что брак перестает быть экономически обязательным, как это было раньше, но и вследствие значительного изменения роли женщины. По мнению Эспинг-Андерсен, отойдя от образа «классической домохозяйки», современные женщины постепенно начинают преодолевать «стеклянный потолок» и «стеклянные стены», начинают работать наравне с мужчинами. А поскольку этот образ, достаточно продолжительное время навязываемый обществом, не соответствует сегодняшней действительности, девушки стремятся максимально дистанцироваться от него и от всех его составляющих [23].

Но при этом хотелось бы отметить, что не во всех культурах образ женщины неразрывно связан с образом «классической домохозяйки», которая заботится о детях, занимается хозяйством и ожидает прихода «мужа-добытчика» с работы. Так, в «традиционной» России XIX века крестьянство составляло около 90% населения. Женщина-крестьянка трудилась в домашнем хозяйстве всегда наравне с мужчиной, и даже если «ожидала» мужа с работы, то постоянно работая: в доме, в поле, в огороде, в хлеву. Но при этом роль матери и хозяйки дома была значима для русского крестьянства, что ярко отражено в культуре: в обрядах, в традициях, фольклоре.

Выводы

Таким образом, в результате проведенного исследования выделены характерные для «современного идеала женской красоты» особенности, нашедшие свое отражение в профилях десяти самых популярных девушек в социальной сети *Instagram*.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

1. Соответствующие «современному идеалу женской красоты» девушки демонстрируют новую для них социальную роль, обусловленную современными общественными трансформациями.

2. Для популярных в *Instagram* девушек характерно снижение интереса к роли и образу женщины-матери и женщины-хозяйки (отсутствие в проанализированных нами публикациях партнера/ребенка/домашнего животного); в наличии

у девушек длинных ногтей, явно мешающих выполнению домашней работы.

3. В современном идеале женской красоты» ярко отражены концепты «красота потребления» и «красота провокации», выделенные У. Эко. Это выражается в том, что в изображении девушек постоянно фигурируют «предметы роскоши» (украшения, брендовая одежда, автомобили и т.д.), или же в наличии фотографий, сделанных в оплаченной коллaborации с известными брендами; девушки одеты в кровавую одежду и ярко накрашены.

4. Девушки, соответствующие «современному идеалу женской красоты», стараются

выглядеть наиболее «женственно», начиная с того, что они в своем большинстве носят длинные распущенные волосы натурального оттенка, что является неотъемлемой составляющей женственности, и заканчивая тем, что они предпочитают одежду пастельных тонов, ассоциирующихся с их мягкостью, спокойствием и постоянством. Следовательно, девушки стараются включать в свой образ некоторые внешние компоненты «женственности».

Таким образом, полученные в результате исследования данные подтверждают правильность выдвинутых гипотез

1. Барсукова С.В., Ковалева Д.Г. Отношение современной российской молодежи к стандартам красоты // Современные прикладные исследования. Материалы II национальной научно-практической конференции. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, 2018. С. 223–227.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, Культурная революция, 2006. 269 с.
3. Буткевич О.В. Красота: природа, сущность, формы. Л.: Художник РСФСР, 1979. 438 с.
4. Болохова М. Физическая привлекательность женщины: особенности современных представлений // Женщина в российском обществе. 2006. №3. С. 69–74.
5. Вудвард Э. Ariana Grande Is Now The Most Popular Woman On Instagram // BuzzFeed [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.buzzfeed.com/elliewoodward/ariana-grande-beat-selena-gomez-most-followed-instagram> (дата обращения: 26.03.2019).
6. Герасименко И. Е. Концепты «мужественность» и «женственность» как основа гендерной культуры и ментальности//Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №20. С. 40–43.
7. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 704 с.
8. Демина О. Психология волос // Lady.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wh-lady.ru/psixologiya-volos> (дата обращения: 26.04.2019).
9. Игнатьева Н. Макияж: история и эволюция // consumers.narod.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consumers.narod.ru/book/makeup.html (дата обращения: 26.04.2019).
10. Корнеева Е. Население мира // Worldometers [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.worldometers.info/ru> (дата обращения: 26.03.2019).
11. Котлярова О. Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики // Universum: филология и искусствоведение. 2015. №9. С. 28–36.
12. Кречетова А. Исследование аудитории Инстаграм: сервисом пользуется каждый девятый в России, большинство — женщины // Forbes [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/amp/343331> (дата обращения: 27.03.2019).
13. Нестерова М. Человеческое тело в культуре и моде последней трети XX начале XXI века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. №60. С. 202–207.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: АЗЪ, 1995. 298 с.
15. Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // Человек. Общество. Управление. 2006. №2. С. 95–103.
16. Погонцева Д. В. Социально-психологические особенности представлений женщин о красивой женщине: дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2010. 299 с.
17. Савченко Г. Число пользователей Instagram достигло 1 миллиарда // Brightflight [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://birdinflight.com/ru/novosti/20180621-instagram-1-billion-users.html> (дата обращения: 26.03.2019).
18. Сколова И. СМИ и новое концептуальное наполнение образа женской красоты в современной массовой культуре // Научный журнал КубГАУ. 2014. №98. С. 180–194.
19. Судейманова Л. Конструирование женственности в дискурсе социальных сетевых медиа (на примере Instagram) // Общество, социология, психология, педагогика. 2017. №1. С. 136–142.
20. Трайнел А. Воздействие цвета и психология цветовосприятия // Elitarium.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.elitarium.ru/psihologija-cvetovosprijatie-vozdejstvie-cvet-sinij-krasnyj-bezhevyyj-issledovaniya> (дата обращения: 26.04.2019).
21. Фролова Ю.Г., Скугаревский О. А. Социальные факторы формирования негативного образа тела // Социология. 2004. №2. С. 61–68.
22. Эко У. История красоты. М.: Слово/Slovo, 2018. 440 с.
23. Эспинг-Андерсен Г. Два общества, одна социология и никакой теории // Журнал исследований социальной политики. 2008. №2, т. 6. С. 241–266.

References

1. Barsukova S. V., Kovaleva D. G. Otnosheniye sovremennoy rossiyskoy molodezhi k standartam krasoty [Attitude of modern Russian youth to beauty]. *Sovremennyye prikladnyye issledovaniya: Materialy vtoroy natsionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Modern applied studies. Proc. of the 2nd National Scientific and Practical Conference]. Novocherkassk: South-Russian State Polytechnic University named after M. I. Platov, 2018, pp.223–227 (in Russian).
2. Bodriyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya: yego mify i struktury* [Society of consumption: its myths and structures]. Moscow: Respublika, Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2006. 269 p. (In Russian).
3. Butkevich O. V. *Krasota: priroda, sushchnost, formy* [Beauty: nature, essence, forms]. Leningrad: Khudoznik RSFSR Publ., 1979. 438 p. (In Russian).
4. Bolokhova M. Fizicheskaya privlekatelnost zhenshchiny: Osobennosti sovremennykh predstavleniy [Physical attractiveness of a woman: features of modern ideas]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve — Woman in Russian society*, 2006, (3), pp. 69–74 (in Russian).
5. Vudvard E. Ariana Grande Is Now The Most Popular Woman On Instagram (in English). Available at: <https://www.buzzfeed.com/elliewoodward/ariana-grande-beat-selena-gomez-most-followed-instagram> (accessed 26.03.2019).
6. Gerasimenko I. Ye. Kontsepty “Muzhestvennost” i “Zhenstvennost” kak osnova gendernoy kultury i mentalnosti [The concepts of “Masculinity” and “Femininity” as the basis of gender culture and mentality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2008, (20), pp. (in Russian).
7. Giddens E. *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1999. 704 p. (In Russian).
8. Demina O. *Psikhologiya volos* [Psychology of hair] (in Russian). Available at: <https://www.wh-lady.ru/psixologiya-volos/> (accessed 26.04.2019).
9. Ignatyeva N. *Makiyazh: istoriya i evolyutsiya* [Make up: history and evolution]. (in Russian). Available at: <https://www.wh-lady.ru/psixologiya-volos/> (accessed 26.04.2019).
10. Korneyeva Ye. *Naseleniye mira* [Population of the world] (in Russian). Available at: <http://www.worldometers.info/ru/> (accessed 26.03.2019).
11. Kotlyarova O. Muzhestvennost i zhenstvennost, maskulinnost i feminnost kak fundamentalnyye svoystva v formate genderistiki [Masculinity and femininity as fundamental properties in the format of genderistics]. *Universum: filologiya i iskusstvovedeniye — Universum: filology and art*, 2015, (9), pp. 28–36 (in Russian).
12. Krechetova A. *Issledovaniye auditoria Instagram: servisom polzuyetsa kazhdyy devyatyi v Rossii, bolshinstvo — zhenshchiny* [Research of Instagram audience: the service is used by every ninth in Russia, most of them are women] (in Russian). Available at: <https://www.forbes.ru/amp/343331> (accessed 27.03.2019).
13. Nesterova M. Chelovecheskoye telo v culture i mode posledney treti XX — nachala XXI veka [The human body in the culture and fashion of the last third of 20th and early 21st century]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertseva — Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen*, 2008, (60), pp.202–207 (in Russian).
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar russkogo yazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow: AZ Publ., 1995, 298 p. (In Russian).
15. Parsons T. Amerikanskaya semya: otnosheniye s lichnostyu I sotsialnoy strukturoy [The American family: its relationship with personality and social structure]. *Chelovek. Obshchestvo. Upravleniye — Person. Society. Management*, 2006, (2), pp. 95–103 (in Russian).
16. Pogontseva D. V. *Sotsialno-psikhologicheskiye osobennosti predstavleniy zhenshchin o krasivoy zhenshchine: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Socio-psychological features of women's ideas about a beautiful woman: Cand. Sc. (Psychology) diss.]. Rostov-na-Donu: The South Federal University Publ., 2010, 299 p. (In Russian).
17. Savchenko G. *Chislo polzovateley Instagram dostiglo 1 milliarda* [The number of Instagram users reached 1 billion] (in Russian). Available at: <https://birdinflight.com/ru/novosti/20180621-instagram-1-billion-users.html> (accessed 26.03.2019).
18. Skolodova I. SMI I novoye kontseptualnoye napolneniye obraza zhenskoy krasoty v sovremennoy massovoy culture [Media and new conceptual content of the image of female beauty in modern popular culture]. *Nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta — Scientific Journal of the Kuban State Agrarian University*, 2014, (98), pp. 180–194 (in Russian).
19. Suleymanova L. Konstruirivaniye zhenstvennosti v discourse sotsialnykh setevykh media (na primere Instagram) [Constructing femininity in the discourse of social network media (on the example of Instagram)]. *Obshchestvo, sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika — Society, sociology, psychology, pedagogy*, 2017, (1), pp. 136–142 (in Russian).
20. Traindl A. *Vozdeistviye tsveri i psikhologiya tsvetovospriyatiya* [The impact of colour and the psychology of colour perception]. Available at: <http://www.elitarium.ru/psihologija-cvetovospriyatiye-vozdejstvie-cvet-sinij-krasnyj-bezhevyyj-issledovaniya/> (accessed 26.04.2019).
21. Frolova Yu. G., Skugarevskiy O. A. Sotsialnyye faktory formirovaniya negativnogo obraza tela [Social factors in the formation of negative body image]. *Sotsiologiya — Sociology*, 2004, (2), pp. 61–68 (in Russian).
22. Eko U. *Istoriya krasoty* [History of beauty]. Moscow: SLOVO Publ., 2018. 440 p. (In Russian).
23. Esping-Andersen G. Dva obshchestva, odna sotsiologiya I nikakoy teorii [Two societies, one sociology and no theory]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki — Journal of Social Policy Research*, 2008, 6 (2), pp. 241–266 (in Russian).

БАРДИЕР ГАЛИНА ЛЕОНИДОВНА

доктор психологических наук, профессор кафедры культурологии и общегуманитарных дисциплин
Невского института языка и культуры,
galinabardier@yandex.ru

GALINA L. BARDIER

Doctor Sc. (Psychology), Professor at the Department of Cultural Studies and General Humanitarian Disciplines of the Nevsky Institute of Language and Culture, Saint Petersburg

УДК: 331 (075.4)

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ:
АСПЕКТЫ ЛИЧНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ¹**

**SOCIAL NEEDS AND SOCIAL CAPITAL:
ASPECTS OF PERSONALITY AND ORGANIZATION**

Аннотация. В статье на теоретическом уровне в контексте концепции социальных потребностей В. Шутца рассматривается социально-психологическое смысловое поле понятий «социальный капитал личности» и «социальный капитал организации». Соответственно характеру удовлетворяемых человеком своих социальных потребностей в аффекте, включенности и контроле предлагается выделять эмоциональный, коммуникативный и когнитивный социальный капитал личности (организации). На основе разработанной операциональной модели социального капитала на эмпирическом уровне с помощью авторской качественной методики «Капитал, капитал...» доказываются гипотезы о структурной организации социального капитала и связи его видов с опытом удовлетворения человеком своих социальных потребностей. Для более глубокой проверки гипотезы о связи видов социального капитала с видами социальных потребностей проводится корреляционное исследование с использованием методики ОМО А. А. Рукавишникова (отечественный вариант методики В. Шутца FIRO). Выдвигаются и обосновываются гипотезы о соотношении трех выделенных видов социального капитала с человеческим, пабликитным и репутационным капиталом организаций.

ABSTRACT. The article considers the socio-psychological semantic field of the concepts “social capital of the individual” and “social capital of the organization” at the theoretical level in the context of the concept of social needs of W. Schutz. It is proposed to allocate emotional, communicative and cognitive social capital of an individual (organization) according to the nature of his/her social needs in affect, inclusion and control. On the basis of the developed operational model of social capital at the empirical level with the help of the author’s qualitative methodology “Capital, capital...” hypotheses about the structural organization of social capital and the relationship of its types with the experience of satisfying human social needs are proved. For a deeper test of the hypothesis about the relationship of types of social capital with types of social needs, a correlation study is conducted using the OMO methodology of A. A. Rukavishnikov (domestic version of the methodology of W. Schutz FIRO). Hypotheses about the correlation of the three types of social capital with human, public and reputational capital of organizations are put forward and substantiated.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные потребности, социальные представления; эмоциональный, коммуникативный, когнитивный социальный капитал личности (организации).

KEYWORDS: social capital, social needs, social representations, emotional, communicative, cognitive social capital of the person (organization).

Постановка проблемы

Социальный капитал — это понятие, изначально предложенное социологами и далее активно употребляемое преимущественно ими же; к этому понятию также обращаются философы, экономисты, политологи [8, 9, 10, 13].

Первая научная модель социального капитала была предложена Пьером Бурдье, который сделал

акцент на инструментальном значении социального капитала. Его понимание социального капитала сосредоточено на утилитарном значении последнего, то есть на той пользе, которую люди накапливают, постоянно участвуя в группах с целью создания некоего общего ресурса [9].

Пьер Бурдье определяет социальный капитал как «совокупность актуальных или потенциальных

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, № 19-013-00560.

ресурсов, связанных с обладанием прочными сетями связей, более или менее институализированных отношений взаимного знакомства и признания» [9, с. 59].

Согласно Бурдье, социальный капитал — это ресурсы, содержащиеся в социальных сетях. Используя социальный капитал, люди имеют возможность не только получать доступ к ресурсам партнеров, но и увеличивать собственный культурный капитал через контакты с компетентными людьми, считающимися носителями культурного капитала, а также присоединяться к социальным институтам, связанным с распределением привилегий, присуждением наград, званий, и т. д.

Надо отметить, что П. Бурдье рассматривает *социальные сети* как форму социального капитала. Другими формальными характеристиками являются *социальные нормы и доверие*.

С психологической точки зрения важно также обратить внимание на то, что, по Бурдье, некоторые формы социального капитала могут приводить к негативному эффекту. Эти формы образуются на основе функционирования формальных институтов, во многом определяя характер формальных норм и санкций. Так, в частности, по мнению П. Бурдье, именно наличие формальных норм и санкций препятствовало развитию социального капитала в советской и постсоветской России.

Для психологов понятие «социальный капитал» остается относительно новым, хотя начало разработки фундаментального научного подхода уже положено [12, 16, 18, 19].

Несмотря на то что в психологии к понятию «социальный капитал» стали обращаться сравнительно недавно, разными авторами был предложен целый ряд психологических определений этого понятия. Были также предложены и критерии его классификации.

Соответственно предмету социальной психологии логично на макроуровне выделять социальный капитал больших групп и общностей (возрастных, гендерных, этнических, политических, экономических, государства в целом), на мезоуровне — социальный капитал малых групп (рабочих коллективов, неформальных объединений, организаций) и на микроуровне — социальный капитал человека как личности, индивидуальности, субъекта деятельности.

Несомненно, социальный капитал — это междисциплинарное понятие. Нетрудно заметить, что на междисциплинарном уровне границы между дисциплинарными подходами еще находятся в процессе формирования. Этот процесс, как правило, сопровождается терминологической и критериальной избыточностью, смысловыми разнотечениями, «мозаичностью» самого предмета социального капитала. В литературе можно встретить понятия «сетевой», «культурный», «символический», «когнитивный социальный капитал».

Социологи обсуждают преимущественно общественный социальный капитал, экономистов более всего интересует влияние социального капитала на экономические процессы, а политологи соотносят социальный капитал

с явлениями глобализации, модернизации, политических перемен.

Психологи вводят понятия «социальный капитал личности» и «социальный капитал организации».

На теоретико-концептуальном уровне социальный капитал определяется через понятия «связи», «коммуникации», «доверие»; в определениях также используются понятия «социальный опыт», «социальные отношения», «оценки», «нормы», «ценности», «социальный ресурс».

Некоторую упорядоченность вносит выделение сетевого, коммунитарного, коммуникационного и синергического подходов к определениям [16, с. 31–38], но границы этих подходов, на наш взгляд, оказываются достаточно условными. В особенности если на них опираться в эмпирических исследованиях.

Так, например, ресурсный подход фактически отождествляется с коммуникационным. Предполагается, что коммуникационные ресурсы постепенно трансформируются в материальные. Соответственно, активно коммуницирующие люди получают значительное преимущество, не улавливаемое традиционной экономической теорией [16]. Предполагается, что коммуникация — это время, а время — ценный ресурс. Человек, обладающий таким ресурсом, устанавливает приоритетные связи и быстрее наращивает социальный капитал в своей группе. В дальнейшем социальный капитал группы способен переливаться в капитал других видов и становиться существенной величиной межгрупповой коммуникации, когда информация и коммуникация становятся наиболее востребованными ценностями рынка.

На научно-практическом уровне понятие «социальный капитал» нередко употребляется в контексте с такими понятиями, как «социальная ответственность», «социальная адаптация», «социальное служение» [3].

В бизнесе укоренились наряду с понятиями «социальный» и «человеческий» понятия «публичный» [20] и «репутационный» [11, 17] капитал.

Практическая психология, цели которой связаны с разработкой и внедрением помогающих технологий, ориентируется преимущественно на ресурсный подход.

Мы провели анализ некоторых направлений деятельности психологов-практиков и пришли к выводу о целесообразности употребления категории «социальный капитал личности (организации)» для обозначения того или иного ресурса человеческой деятельности [4, 5, 6].

Теоретико-концептуальные основы исследования

Отталкиваясь от междисциплинарного смыслового поля, мы предлагаем в рамках социально-психологического подхода в качестве сущностных признаков социального капитала рассматривать все те социально-психологические свойства личности, организации, общества, которые могут быть использованы в качестве того или иного психологического ресурса социализации, социальной

адаптации и социальной интеграции. В частности — социокультурной адаптации, инкультурации, аккультурации, социальной самореализации и самоактуализации.

В качестве психологических критериев классификации социального капитала мы предлагаем использовать традиционную социально-психологическую триаду, предполагающую выделение в структуре анализируемого феномена трех аспектов (компонентов): аффективного, когнитивного и конативного. Соответственно, в социально-психологическом понимании социальный капитал будет целесообразно разделять на эмоциональный, когнитивный и коммуникативный (психологический аналог сетевого). Основание такого разделения — тот факт, что в каждом отдельном случае социально-психологической активности личности (организации) можно говорить о том, какой именно ресурс оказывается ведущим.

Так, если ведущим оказывается эмоциональный ресурс, то мы видим, что личности (организации) наложены с социальным окружением хорошие доверительные отношения, позволяющие решать вопросы и взаимодействовать эффективно не только на формальном, но и на неформальном уровне.

Ведущий когнитивный ресурс в составе социального капитала обеспечивает личности (организации) возможность оперативного достижения взаимопонимания со значимыми окружающими и высокую вероятность принятия соответствующих референтным для каждого конкретного случая нормам «правильных» решений.

Коммуникативный ресурс позволяет личности (организации) выстраивать нужные и полезные коммуникации, устанавливать и использовать ценные рабочие (как деловые, так и межличностные) связи.

Базируясь на таком подходе, мы закладываем в основу для разработки операциональной концепции положение о существовании *трех видов социального капитала: эмоционального, когнитивного и коммуникативного*.

Далее на операциональном уровне мы, исходя из того, что формирование любого ресурса не может осуществляться, если у человека (организации) нет потребности в нем, соотносим обозначенные три вида социального капитала с теорией и классификацией социальных потребностей, которую предложил В. Шутц [1].

На основании анализа многочисленных исследований межличностного поведения В. Шутц сделал вывод о том, что основными межличностными (социальными) потребностями человека являются *контроль, включенность и привязанность (любовь)*.

По В. Шутцу, потребность во включенности — это потребность в интенсивности социальных контактов; потребность в контроле связана с зависимостью и ответственностью; потребность в любви (позже он ее переименовал в потребность в аффекте, еще позже — в потребность в открытости) — со степенью готовности человека делиться своими чувствами. Эти три измерения социальных потребностей соответствуют трем шкалам его авторского

опросника *FIRO* [21] (в адаптированной российской версии — ОМО).

В самом опроснике под *включенностью* понимается потребность создавать удовлетворительные (психологически приемлемые для данного индивида) отношения и «включаться» в соответствующие коммуникации с другими людьми, на основе чего далее возникают взаимодействие и сотрудничество. Потребность во включенности понимается как желание нравиться, привлекать внимание, вызывать симпатию. Потребность во включенности — это потребность создавать и поддерживать чувство взаимного интереса в общении, быть замечанным, отличаться от других людей, обладать индивидуальными особенностями, которые принимаются другими людьми.

Контроль понимается В. Шутцем как потребность создавать и сохранять чувство взаимного уважения и взаимопонимания, опираясь на компетентность и ответственность. Поведение, вызванное потребностью в контроле, относится к процессу принятия решения, а также затрагивает области силы, влияния и авторитета. Выраженность потребности в контроле варьируется в диапазоне от стремления к власти, авторитету и контролю над другими до желания быть контролируемым, избавиться от ответственности.

Аффект понимается В. Шутцем как потребность создавать и удерживать удовлетворительные отношения с остальными людьми, опираясь на эмоциональную сторону этих отношений. Эта потребность определяется как стремление создавать и сохранять чувство взаимного теплого эмоционального отношения, как потребность человека чувствовать, что он и сам любит (проявляет симпатию), и достоин любви (симпатий окружающих).

Если попытаться изобразить все три потребности в пространстве трех осей координат, то включенность можно проиллюстрировать как отношения «внутри — снаружи» («свой — чужой», «понимает — не понимает», «владеет информацией — не владеет информацией», «знает — не знает»...), контроль — «вверху — внизу» (позиционное распределение коммуникативных ролей), а аффект — «близко — далеко» (степень приемлемости, желательности, открытости, доверия по отношению к другому).

Сопоставление трех видов социального интеллекта с тремя видами социальных потребностей представляется нам оправданным. С одной стороны, В. Шутц связывает характер удовлетворения социальных потребностей с качеством социального поведения человека. С другой стороны, его классификация социальных потребностей (в аффекте, включенности и контроле) вполне соответствует упомянутой выше традиционной социально-психологической триаде (аффективный — конативный — когнитивный).

Операциональная модель и гипотезы исследования

Опираясь на данные литературы, мы выстраиваем операциональную модель социального капитала, включая в нее в качестве содержательных

компонентов эмоционального социального капитала социальные отношения, доверие, культуру; в качестве содеряательных компонентов когнитивного социального капитала — ценности, нормы, символы; в качестве содеряательных компонентов коммуникативного социального капитала — сети, связи, взаимодействия.

На основе разработанной операциональной модели социального капитала были выдвинуты следующие гипотезы эмпирического исследования:

1. Социально-психологическая структура социального капитала подразумевает выделение трех его видов: эмоционального, когнитивного и коммуникативного.

2. Как ресурс качественных характеристик социального поведения человека, социальный капитал базируется на опыте удовлетворения человеком своих социальных потребностей — в аффекте, включенности и контроле.

3. В число эмпирических характеристик эмоционального социального капитала входят социальные отношения, доверие и культура; когнитивного социального капитала — ценности, нормы, символы; коммуникативного социального капитала — сети деловых и межличностных коммуникаций, связи, взаимодействия (применительно к организациям — это система внутрикорпоративных коммуникаций).

Методология и методический инструментарий исследования

Для проверки гипотез мы обратились к методологии реверсивного подхода. Суть такого подхода заключается в эмпирическом исследовании социальных представлений об изучаемом понятии, сложившихся у «внутридисциплинарных» специалистов (в данном случае — у психологов).

В нашем исследовании в качестве таких специалистов выступили практикующие психологи, аспиранты, магистранты и студенты-психологи старших курсов ($n = 40$). Изначально исследование планировалось как пилотажное².

В качестве методического инструментария был использован разработанный специально для данного исследования опросник «Капитал — капитал...». Респондентов спрашивали о капитале вообще: что такое накопление капитала, для чего люди его накапливают, как потом расходуют и пополняют... И только после погружения респондентов в смысловое поле понятия «капитал» им предлагали осознать и вербализовать свои профессиональные или житейские представления о том, что такое социальный капитал.

Основная идея опросника — получить от респондентов информацию об их представлениях относительно социального капитала, основываясь на их житейском понимании функций, психологического содержания (сущности), ресурсного многообразия и механизмов «работы» финансового капитала.

² В проведении эмпирической части исследования и первичной интерпретации его результатов принимала участие психолог Ольга Гарипова.

Методический прием — ассоциативная связь двух понятий через ключевое слово «капитал».

Опросник состоит из 6 блоков следующего содержания:

Блок 1. Функции финансового капитала.

Блок 2. Психологическое содержание (психологическая сущность) финансового капитала.

Блок 3. Ресурсное многообразие предназначения финансового капитала.

Блок 4. Механизмы «работы» финансового капитала.

Блок 5. Психологическое содержание понятия «социальный капитал»

Блок 6. Механизмы «работы» социального капитала.

Обработка полученных от респондентов ответов была проведена по технологии целевого анализа содержания: были выделены категории, с помощью которых респонденты обозначили свои социальные представления о том, что является сущностным признаком социального капитала, каково его целевое назначение, какие психологические категории описывают его формирование и применение.

Предполагалось, что выделенные сущностные признаки позволят не только оформить психологическую дефиницию, но и обозначить психологические критерии классификации выделенных нами на концептуальном уровне видов социального капитала (первая гипотеза).

Вопросы о целевом назначении, формировании и применении социального капитала были заданы, с одной стороны, для расширения терминологического поля, а с другой — для проверки второй нашей гипотезы.

Вопросы о накоплении и расходовании социального капитала были направлены на вербализацию его динамических характеристик, которые, как предполагалось, могли бы в дальнейшем рассматриваться как его эмпирические характеристики.

Результаты исследования

Результаты проведенного целевого анализа содержания позволили нам на уровне качественного анализа найти подтверждение первых двух гипотез, а также частично подтвердить, уточнить и дополнить третью гипотезу нашего исследования.

Примеры высказываний респондентов, полученные в данном исследовании, приведены во фрагменте обобщения ответов респондентов на четыре основных вопроса.

Фрагмент приведен в таблице 1.

В подтверждение нашей первой гипотезы отметим, что, давая определение социальному капиталу, респонденты-психологи выделяют его эмоциональную, когнитивную и коммуникативную стороны.

Описывая эмоциональную сторону социального капитала, они используют такие понятия, как «чувство», «любовь», «эмоции», «страдание».

Описывая когнитивную сторону — понятия «знание», «понимание», «взаимопонимание».

Коммуникативную сторону социального капитала они описывают через понятия «связи», «сети», «действия», «вложения».

Табл. 1

Фрагмент обобщения ответов респондентов-психологов на четыре основных вопроса опросника «Капитал — капитал...», $n = 40$

Наряду с финансовым людьми накапливают и социальный капитал. Из чего, по-вашему, он состоит (мог бы состоять)?	Какие свои потребности люди удовлетворяют с его помощью?	Как (для чего) они свой капитал накапливают (укажите варианты)?	Каким образом (в каких направлениях) его расходуют (используют, тратят)?
<ul style="list-style-type: none"> Общий доход. Общее вложение средств. Культура. Социальная поддержка. Связи. Сети. Дружба. Знание. Понимание. Чувство. Действие. Имидж. Таланты. Финансово-моральная активность. Любовь. Опыт. Эмоции. Страдание. Взаимопонимание. Таланты... 	<ul style="list-style-type: none"> В причастности. Эмоциональные. Познавательные. Признание. В общении. В уважении. Утверждение идентичности. Защищенность. Принадлежность к группе. В общении. В увеличении эмоционального опыта. В самореализации. Привлечение. Укрепление позиции. В любви. Во включенности. В контроле. Удовлетворение жизнью. Повышение самооценки... 	<ul style="list-style-type: none"> Взаимопомощь. Статус. Демонстрация качества товара. Благотворительность. Самореализация. Повышение статуса. Расширение сети общения. Стабильность. Коммуникативность. Улучшение качества. Жизни. Польза в работе. Повышения самооценки. Адаптация. Опыт. Ценовая политика. Адаптация в социуме. Достижение целей. Устойчивость. Надежность. Помощь... 	<ul style="list-style-type: none"> Помощь. Нужды. Общество. Неимущие. Достижения. Организаторская сфера. Расширение сети интересов. Саморазвитие. Общение. Делятся с другими. Используют для обмена. Тратят на семью. Лидерство. Расширение личностных интересов. Саморазвитие. Социализация. Соц. Ответственность. Для будущих поколений. Образование. Социальное служение. Круги знакомых...

При проведении качественного анализа содержания первого блока опросника (вопрос: «Из чего, по Вашему мнению, состоит или мог бы состоять социальный капитал?») были получены ответы, которые укладываются в три группы, соответствующие трем подвидам социального капитала и общему показателю наличия капитала.

В частности:

- эмоциональный социальный капитал:** чувство, любовь, эмоции (2 упоминания), страдание, доверие, чувство общности, дружба (всего 13 референтных упоминаний);

- когнитивный социальный капитал:** знания (2 упоминания), понимание, взаимопонимание, информация (10 референтных упоминаний);

- коммуникативный социальный капитал:** связи (3 упоминания), сети, действие, круги знакомых (2 упоминания), окружение, социальная поддержка, активность, статус (16 референтных упоминаний);

- общие показатели социального капитала** в целом: доход, вложение, опыт, культура, имидж, достижения, таланты (всего более 20 референтных упоминаний).

Общие показатели подчеркивают позитивность и потенциальные функции социального капитала.

В подтверждение гипотезы о том, что социальный капитал — это и результат удовлетворения социальных потребностей, и ресурс социального поведения, говорит целый ряд высказываний, в частности таких: нужда, доход, самореализация, удовлетворение жизнью, улучшение качества жизни, польза, повышение самооценки, адаптация в социуме, достижение целей, саморазвитие, социализация и др.

Связь социального капитала с тремя социальными потребностями, описанными В. Шутцем, как это предполагалось в нашей второй гипотезе, также была обнаружена. В ответах на вопрос о том, какие потребности люди удовлетворяют с помощью социального капитала, явно упоминаются и потребность в аффекте (эмоциональный опыт, любовь), и потребность во включенности (причастность, общение, включенность), и потребность в контроле (самореализация, общение, уважение, контроль).

При проведении качественного анализа содержания второго блока (вопрос: «Какие свои потребности люди удовлетворяют с помощью социального капитала?») было выявлено, что приведенный респондентами перечень потребностей соответствует трем социальным потребностям по теории В. Шутца:

- потребности в любви (аффекте): увеличение эмоционального опыта (3 упоминания), любовь, удовлетворение, идентичность (2 упоминания);
- потребности во включенности: причастность, уважение, общение, включенность, познание (2 упоминания), признание (2 упоминания), защищенность, принадлежность к группе;
- потребности в контроле: реализация желаемого, самореализация, контроль, уверенность в себе, положение в обществе, укрепление позиции, доминирование, повышение самооценки.

Для более глубокой проверки гипотезы о связи видов социального капитала с видами социальных потребностей эмпирическое исследование было дополнено данными опроса, проведенного с помощью методики ОМО (отечественный вариант методики *FIRO* [21]).

Корреляционный анализ полученных данных и количественных результатов обработки ответов по опроснику «Капитал — капитал...» дал парадоксальные на первый взгляд результаты: значимая связь между потребностями и капиталом была выявлена, но эта связь оказалась отрицательной ($-0,96$ при $p < 0,05$). Результаты подсчета см. в табл. 2.

Указанный эффект, по нашему мнению, свидетельствует о том, что высокий уровень социального капитала наблюдается у людей, в достаточной мере удовлетворивших свои социальные потребности.

В данном исследовании также выявила значимая корреляционная связь между отдельными социальными потребностями и отдельными видами социального капитала.

Правда, величина этой связи оказалась большей между потребностью во включенности и коммуникативным, а не когнитивным капиталом, как было бы логично ожидать ($-0,72$). Хотя связь этой потребности с когнитивным социальным капиталом оказалась тоже значимой и высокой ($-0,55$).

Связь потребности в контроле с коммуникативным капиталом, как и ожидалось, значимо высокая ($-0,67$).

А вот связь социальной потребности в аффекте с эмоциональным социальным капиталом оказалась значительно ниже, чем ожидалось. Более того, эта связь не была обозначена как значимая ($-0,25$).

Вместе с тем связь потребности в аффекте с когнитивным и коммуникативным капиталами оказалась и значимой, и очень высокой ($-0,80$ и $-0,70$).

Мы объясняем выявленные зависимости тем, что данные были получены с помощью опросника «Капитал, капитал...», который ориентирован на то, что профессионалы-психологи могут ориентироваться на свои житейские наблюдения и соображения. А житейский опыт наших соотечественников, как известно, отличается повышенной эмоциональностью, которая в рабочих отношениях часто маскируется или даже блокируется когнитивными процессами. То есть эмоциональные потребности, как показало исследование, у наших респондентов не в полной мере удовлетворены. Следовательно, эмоциональный капитал у них еще недостаточно накоплен.

В целом, оказалось, что все три потребности в большей степени связаны с коммуникативным социальным капиталом.

Возможно, это объясняется тем, что Шутц, описывая социальные потребности, указывает, что включенность относится прежде всего к формированию отношений, тогда как контроль и аффект являются уже сформированных отношений.

Полученные покомпонентные корреляционные связи проиллюстрированы на рис. 1.

Относительно третьей гипотезы. Подтвердились эмпирические характеристики отношений (взаимопонимание, взаимопомощь, помощь, любовь), ценностей (улучшение, повышение, достижение), норм (помощь, польза, делиться с другими), сетей, связей и взаимодействия (сети, связи, обмен, действия).

При проведении качественного анализа содержания третьего блока (вопрос: «Как (для чего) люди накапливают социальный капитал (укажите варианты)?») было установлено следующее.

Все признаки указывают на ресурсную функцию социального капитала: помощь, улучшение, польза, адаптация, достижение, устойчивость, надежность, стабильность, сплочение, модернизация, приобретение опыта, развитие, благотворительность, самореализация, повышение статуса, расширение сети общения.

Табл. 2

Корреляционные связи между показателями социального капитала (по опроснику «Капитал — капитал...») и показателями выраженности социальных потребностей (по отечественному варианту опросника *FIRO* В. Шутца)

Correlations, Marked correlations are significant at $p < 0,05000, N = 40$				
	СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ, общий показатель	Когнитивный СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ	Коммуникативный СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ	Эмоциональный СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ
Общий показатель выраженности социальных потребностей	$-0,96$	$-0,85$	$-0,82$	$-0,32$
Социальная потребность во включенности	$-0,79$	$-0,55$	$-0,72$	$-0,56$
Социальная потребность в контроле	$-0,64$	$-0,47$	$-0,67$	$-0,16$
Социальная потребность в аффекте	$-0,86$	$-0,80$	$-0,70$	$-0,25$

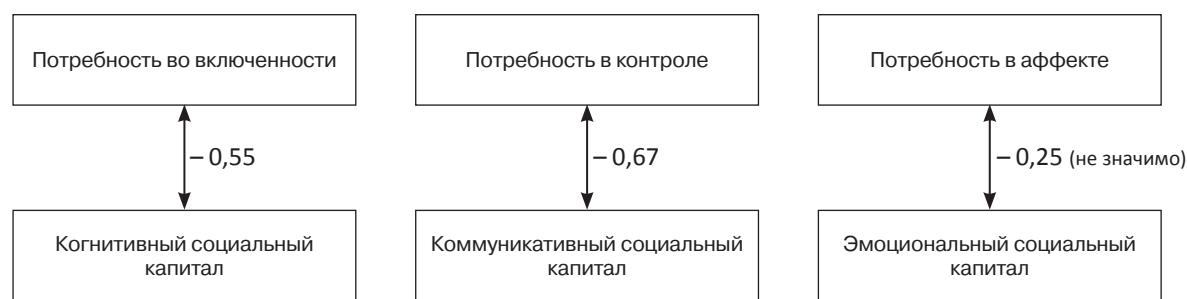

Рис. 1. Корреляционные связи между видами социальных потребностей и видами социального капитала (по данным опросников «Капитал, капитал...» и ОМО, $n = 40$, $p < 0,05$)

При проведении качественного анализа содержания четвертого блока (вопрос: «Каким образом (в каких направлениях) социальный капитал люди расходуют (используют, тратят?)?») в дополнение к нашим гипотезам установлено, что перечисленные признаки расходования социального капитала легко классифицируются по критерию уровневости, то есть указывают на три уровня его рассмотрения:

- **макроуровень** (общество): помощь, нужды, неимущие, социальная ответственность, будущие поколения;
- **мезоуровень** (группы и организации): организаторская сфера (2), передача информации, лидерство в группе, конкуренция, статус, семья;
- **микроуровень** (личность): саморазвитие, общение (3), образование, любовь близких, идентичность, личные интересы.

Не нашли прямого подтверждения эмпирические характеристики доверия, культуры, символов. Хотя косвенно эти характеристики в ответах респондентов угадываются. Не выявила явная дифференциация характеристик коммуникативного социального капитала.

В качестве дополняющих нашу гипотезу были выявлены следующие характеристики: на уровне общей дефиниции — опыт, удовлетворение, устойчивость, надежность и быстрота реализации (желаемого). Дополняющими отдельные виды социального капитала оказались характеристики ответственности (когнитивный капитал), общественной значимости (коммуникативный капитал), негативных эмоций (страдание).

Основные выводы и перспективы исследования

Таким образом, результаты проведенного исследования, несмотря на первоначально

планируемый его пилотажный характер, продемонстрировали, что смысловое поле, позволяющее работать с понятием «социальный капитал» в психологическом контексте, уже в профессиональном сознании специалистов-психологов существует. Это означает, что и на содержательном, и на формально-терминологическом уровне о психологическом (точнее — о социально-психологическом) подходе говорить можно, актуально и, что особенно важно, востребовано.

Более того, если анализировать востребованность, то можно заметить, что современная практическая психология заинтересована в развитии профессионального психологического подхода не только и даже не столько к социальному капиталу личности, сколько к социальному капиталу организаций. В частности, в психологической литературе в настоящее время активно обсуждается такое понятие, как «когнитивный социальный капитал организации» [14, 15].

Мы полагаем, что наша модель социального капитала применима не только к личности, но и к организациям.

Мы уже предпринимали попытки полного или частичного применения модели к обсуждению соотношения формальных и неформальных норм в деятельности руководителя [7], а также технологий психологического аудита интервенций в организационное развитие [2]. Актуальными для нас являются гипотезы о соотношении трех выделенных нами видов социального капитала с человеческим, пабликитным и репутационным капиталом организаций.

Перспективным направлением продолжения исследований мы считаем эмпирическую проверку этих гипотез.

1. Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2002. 287 с.
2. Бардиер Г.Л. Когнитивный социальный капитал как цель психологического аудита и интервенции организационного развития // Психология труда и управления как ресурс развития человека в условиях глобальных изменений // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета психологии Тверского государственного университета. 26–29 сентября 2018. Тверь: издательство Тверского государственного ун-та, 2018. С. 205–207.
3. Бардиер Г.Л. Операционализация смысловых связей между понятиями «социальная ответственность», «социальный капитал», «социальное служение» // Acta eruditorum. Изд-во Русская христианская гуманитарная академия. 2018. Вып 25. С. 66–68.

4. Бардиер Г.Л. Психология формирования отношений с миром и накопления социального капитала у современных подростков поколения Z // Advances in Science and Technology. Сборник статей XVII Международной научно-практической конференции, II. М.: Научно-издательский центр «Актуальность.РФ», 2018. С. 51–54.
5. Бардиер Г.Л. Социальный капитал как ресурс жизнестойкости личности // Личность в трудных жизненных ситуациях: ресурсы и преодоление [Электронный ресурс]: Материалы Международной научно-практической конференции / [редкол.: Л. И. Дементий (гл. ред.), А. Ю. Маленова (отв. ред.), А. А. Маленов]. Омск: изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. С. 199–203.
6. Бардиер Г.Л. Технология ресурсного партнерства как инструмент формирования социального капитала организации (социальной службы) // Актуальные проблемы социальной психологии в контексте информационного общества. СПб.: СПбГУП, 2019. С. 17–19.
7. Бардиер Г.Л. Формальные и неформальные нормы в структуре когнитивного социального капитала руководителя // Вестник Омского университета. Серия «Психология» 2018. № 3. С. 27–32.
8. Бочарова Е. Е. Социальный капитал как психологический феномен // Изв. Сарат. ун-та. Сер. «Философия. Психология. Педагогика». 2018. Т. 18, вып. 4. С. 433–438.
9. Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 2005. 288 с.
10. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139 и др.
11. Коханова М. Имидж и репутационный капитал фирмы: к проблеме модернизации PR // Научно-культурологический журнал Relga. 2005. № 12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=598&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 17.11.2019).
12. Нестик Т. А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Ч. 1 // Психол. журн. 2009. Т. 30, № 1. С. 52–63 и др.
13. Патнем Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
14. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: концепция и аспекты исследования // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 2. С. 47–71.
15. Почебут Л. Г., Чикер В. А., Волкова Н. В. Социально-психологическая модель когнитивного социального капитала организации: факторы формирования и объективация // Организационная психология. 2018. Т. 8, № 3. С. 29–59.
16. Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л., Марарица Л. В., Казанцева Т. В., Кузнецова И. В. Социальный капитал личности: Монография. М.: ИНФРА-М, 2014. 250 с.
17. Решетникова И. И. Репутационный капитал как фактор обеспечения конкурентоспособности российского бизнеса: теория, методология исследования, проблемы формирования и управления в условиях глобализации рынков: автореф. дис. доктора экон. наук: 08.00.05. Волгоград: Волгогр. гос. техн. ун-т, 2011. 49 с.
18. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН, 2009. 233 с.
19. Шихирев П. Н. Природа социального капитала: социально-психологический подход // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 17–31.
20. Ямбушев В. Ю. Управление пабликитным капиталом как предмет деятельности по связям с общественностью // Коммуникология. 2013. Т. 1, № 1. С. 52–58.
21. Schutz W. A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. New York, NY: Rinehart, 1958. 267 p.

References

1. Andreyeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A. *Zarubezhnaya sotsialnaya psikhologiya XX stoletiya: Teoreticheskiye podkhody: Uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Foreign social psychology of the 20th century: Theoretical approaches: Manual for higher school students]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2002. 287 p. (In Russian).
2. Bardiyer G. L. *Kognitivnyi sotsialnyi kapital kak tsel psikhologicheskogo auditu i interventsii organizatsionnogo razvitiya* [Cognitive social capital as a goal of psychological audit and intervention of organizational development] *Psikhologiya truda i upravleniya kak resurs razvitiya cheloveka v usloviyakh globalnykh izmenenii: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyshchennoy 25-letiyu fakulteta psikhologii Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Psychology of labour and management as a resource for human development in global changes: Proc. of International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 25th Anniversary of the Faculty of Psychology of Tver State University]. Tver: Tver State University, 2018. pp. 205–207 (in Russian).
3. Bardiyer G. L. *Operatsionalizatsiya smyslovyykh svyazey mezhdu ponyatiyami «sotsialnaya otvetstvennost», «sotsialnyi kapital», «sotsialnoye sluzheniye»* [Operationalization of semantic relations between the concepts «social responsibility», «social capital», «social service»]. *Acta eruditorum — Acta eruditorum*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2018, (25), pp. 66–68 (in Russian).
4. Bardiyer G. L. *Psikhologiya formirovaniya otnosheniy s mirom I nakopleniya sotsialnogo kapitala u sovremenyykh podrostkov pokoleniya Z* [Psychology of formation of relations with the world and accumulation of social capital in modern adolescents of generation Z]. *Dostizheniya nauki i tekhnologii: Sbornik statey XVII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Advances in Science and Technology: Collection of Articles of the 27th International Scientific and Practical conference]. Moscow: Aktualnost RF Publ., 2018, pp.51–54 (in Russian).

5. Bardiyer G. L. Sotsialnyi capital kak resurs zhiznestoykosti lichnosti [Social capital as a resource of the resilience of a personality]. *Lichnost v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh: resursy i preodoleniye: Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Personality in Difficult Life Situations: resources and overcoming: Proc. of the International Scientific and Practical conference]. Omsk: Omsk State University Publ., 2018, pp.199–203 (in Russian).
6. Bardiyer G. L. Tekhnologiya resursnogo parnnerstva kak instrument formirovaniya sotsialnogo kapitala organizatsii (sotsialnoy sluzhby) [Technologies of resource partnership as an instrument of the formation of social capital of an organization (social services)]. *Aktualnyye problemy sotsialnoy psikhologii v kontekste informatsionnogo obshchestva* [Actual Problems of Social Psychology in the Context of Information Society]. St. Petersburg: St. Petersburg State Trade Union University, 2019, pp.17–19 (in Russian).
7. Bardiyer G. L. Formalnyye i neformalnyye normy v structure kognitivnogo sotsialnogo kapitala rukovoditelya [Formal and informal norms in the structure of cognitive social capital of a head manager]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya — Bulletin of Omsk State University. Series: Psychology*, 2018 (3), pp. 27–32 (in Russian).
8. Bocharova Ye. Ye. *Sotsialnyi capital kak psikhologicheskiy fenomen* [Social capital as a psychological phenomenon]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika — Bulletin of Saratov State University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2018, 18, (4), pp. 433–438 (in Russian).
9. Burdy P. *Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva* [Sociology of social space]. Moscow Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2005. 288 p. (In Russian).
10. Koulman G. *Kapital sotsialnyi i chelovecheskiy* [Social and human capital]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost — Social Sciences and Modernity*, 2001, (3), pp. 122–139 (in Russian).
11. Kokhanova M. Imidzh i reputatsionnyi capital firmy: k problem modernizatsii PR [Image and reputation capital of a firm: to the problem of modernization of PR]. *Nauchno-kulturologicheskiy zhurnal Relga — Scientific and Cultural Journal Relga*, 2005, (12). (In Russian). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=598&level1=main&level2=articles> (accessed 17.11.2019).
12. Nestik T. A. *Sotsialnyi capital organizatsii: sotsialno-psikhologicheskiy analiz* [Social capital of an organization: socio-psychological analysis]. *Psikhologicheskiy zhurnal — Journal of Psychology*, 2009, 30 (1), pp. 52–63 (in Russian).
13. Patnem R. *Chtoby demokratiya srabotala. Grazhdanskiye traditsii v sovremennoy Italiy* [To make democracy work. Civil traditions in modern Italy]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1996. 287 p. (In Russian).
14. Pochebut L. G., Chiker V. A., Volkova N. V. Sotsialno-psikhologicheskaya model kognitivnogo sotsialnogo kapitala organizatsii: kontsepsiya i aspeky issledovaniya [Socio-psychological model of cognitive social capital of an organization: concept and aspects of research]. *Organizatsionnaya psikhologiya — Organizational Psychology* 2018, 8 (2), pp. 47–71 (in Russian).
15. Pochebut L. G., Chiker V. A., Volkova N. V. Sotsialno-psikhologicheskaya model kognitivnogo sotsialnogo kapitala organizatsii: factory formirovaniya i obyektivatsiya [Socio-psychological model of cognitive social capital of an organization: factors of formation and objectivation]. *Organizatsionnaya psikhologiya — Organizational Psychology* 2018, 8 (3), pp. 29–59 (in Russian).
16. Pochebut L. G., Sventsitskiy A. L., Mararitsa L. V., Kazantseva T. V., Kuznetsova I. V. *Sotsialnyi kapital lichnosti* [Social capital of a personality]. Moscow: INFRA-M Publ., 2014. 250 p. (In Russian).
17. Reshetnikova I. I. *Reputatsionnyi capital kak faktor obespecheniya konkurentosposobnosti rossiyskogo biznesa: teoriya, metodologiya issledovaniya, problem formirovaniya I upravleniya v usloviyakh globalizatsii rynkov: Avtoref. dis. ... d-ra econom. sciences* [Reputation capital as a factor insuring the competitiveness of Russian business: theory, methodology of research, problems of formation and management in the conditions of globalization of markets: D. Sc. (Economics) dissertation abstract]. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2011. 49 p. (In Russian).
18. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. *Sotsialnyi capital: teoriya i psikhologicheskiye issledovaniya* [Social capital: theory and psychological research]. Moscow: RUDN University Publ., 2009. 233 p. (In Russian).
19. Shikhirev P. N. Priroda sotsialnogo kapitala: sotsialno-psikhologicheskiy podkhod [The nature of social capital: socio-psychological approach]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost — Social Sciences and Modernity*, 2003, (2), pp. 17–31 (in Russian).
20. Yambushev V. Yu. Upravleniye palitsitnym kapitalom kak predmet deyatelnosti po svyazym s obshchestvennostyu [Public capital management as a subject of public relations activities]. *Kommunikologiya — Communication Science*, 2013, 1 (1), pp. 52–58 (in Russian).
21. Schutz W. A *Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior*. New York, NY: Rinehart, 1958. 267 p.

КУЗЬМЕНКОВА ЛИДИЯ ВСЕВОЛОДОВНА

кандидат психологических наук, доцент,

заведующая кафедрой консультативной психологии и психологии здоровья

Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,

sondy@mail.ru

LIDIYA V. KUZMENKOVA

Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Head of the Department of Counseling and Health Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

КУСКОВ ДЕНИС ВИКТОРОВИЧ

магистрант Санкт-Петербургского государственного института

психологии и социальной работы,

denis.kuskov@gmail.com

DENIS V. KUSKOV

Master's Degree Student of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 159.9.018

**ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КЛИЕНТОВ С РАЗНЫМ
ТИПОМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО САМООСОЗНАНИЯ В СИТУАЦИЯХ
СУБЪЕКТИВНОЙ НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ УРОВНЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ**

**INDIVIDUAL PERSONALITY FEATURES OF CLIENTS BELONGING TO
DIFFERENT TYPES OF ECONOMIC SELF-AWARENESS IN SITUATIONS
OF SUBJECTIVE DISSATISFACTION WITH THE LEVEL
OF ECONOMIC WELL-BEING**

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы определения индивидуально-личностных особенностей, специфических для определенных типов экономического самоосознания клиента, в консультационной работе с запросами фрустрационного характера в условиях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия клиента. Обоснована значимость фактора экономического благополучия в структуре качества современной жизни и развитии фрустрационных процессов в ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия. На основе результатов эмпирического исследования сделаны предположения о возможных объектах психокоррекционного воздействия в проблемных ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия клиента для разных типов субъективного экономического благополучия (СЭБ). Данные объекты, в случае подтверждения достоверности их значимости на базе более масштабных исследований, могут быть использованы при разработке специализированных программ психологической коррекции и психологической поддержки, ориентированных на индивидуально-личностные профили представителей разных типов СЭБ.

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the problem of determining individual personality characteristics specific to certain types of client's economic self-awareness in consulting work with frustration requests in the conditions of subjective dissatisfaction with the level of client's economic well-being. The significance of the factor of economic well-being in the structure of the quality of modern life and the development of frustration processes in situations of subjective dissatisfaction with the level of economic well-being is substantiated. Based on the results of an empirical study, assumptions are made about possible objects of psychocorrection in problematic situations of subjective dissatisfaction with the level of client's economic well-being for different types of subjective economic well-being. These objects, if the validity of their significance is confirmed on the basis of more large-scale research, can be used to develop specialized programs of psychological correction and psychological support, focused on individual-personality profiles of representatives of different types of subjective economic well-being.

Ключевые слова: психологическое консультирование, модель объектов психокоррекционного воздействия, субъективное экономическое благополучие, иерархическая модель субъективного экономического благополучия, экономическая фрустрированность, субъективный уровень жизни, эффективность психологического консультирования.

KEYWORDS: *psychological counseling, model of psychocorrections objects, subjective economic well-being, hierarchical model of subjective economic well-being, economic frustration, subjective level of living, effectiveness of psychological counseling.*

Предпосылки исследования. Экономическое благополучие в современном обществе является одним из ключевых факторов влияния в общественном и индивидуальном сознании, определяющим качество жизни и место в обществе современного человека. Значение феномена экономического благополучия подтверждает факт регулярно проводимого с 1998 года Федеральной службой государственной статистики РФ обследования потребительских ожиданий населения, в структуру которого входят, в частности, обследования произошедших и ожидаемых изменений личного материального положения, произошедших и ожидаемых изменений экономической ситуации в России [8]. Роль экономического благополучия в структуре качества жизни также подтверждается социологическими исследованиями — ответы на открытый вопрос «Что не дает быть счастливым?» в 2018 году указывают на ключевое значение в стремлении к полноценной комфортной жизни экономической составляющей (ответы в семантическом поле понятий «недостаток денег», «низкие заработки», «дороговизна жизни» составили 54% из всего множества отмеченных россиянами препятствий) [9]. Таким образом, взаимосвязь экономического благополучия с удовлетворенностью наиболее значимыми сферами жизни, с психологическим дистрессом [11, с. 26–27] находит подтверждение в текущем тренде самосознания россиян и косвенно указывает на основную причину потребности в социальной помощи и поддержке.

Проблема экономического самоосознания индивида и возникающие при этом напряжения трактуются с точки зрения психоэкономической антропологии как противоречие между оптимальным и равновесным состояниями индивида в контексте оценки своей экономической состоятельности и принятия экономических решений [1, с. 26]. Оптимальное с точки зрения сугубо экономической выгоды состояние в силу проявления индивидуально-личностных психологических феноменов может быть неравновесным (неустойчивым, вызывающим субъективные переживания и напряжения) состоянием для индивида, и наоборот. Противоречие между оптимальным и равновесным состояниями в психоэкономическом контексте можно проиллюстрировать, например, индивидуальной склонностью к откладыванию расходов на лечение «на потом». Удовлетворенность отсутствием данных расходов в текущем моменте (равновесное состояние) в предельном результате вступает в противоречие с необходимостью несения больших трат

в будущем, когда расстройство здоровья требует уже более дорогостоящего лечения (неоптимальное состояние, приводящее к фрустрированности и снижению оценки собственного материального благополучия). Таким образом, задача снижения уровня напряжения в процессе экономического самоосознания может быть сформулирована как задача сближения индивидом собственного равновесного и оптимального состояний. И если оптимальное состояние вне взаимной обусловленности с равновесным, как правило, определено внешними по отношению к индивиду условиями, то равновесное состояние является более субъективным, определяемым психологическим восприятием индивида.

Разработанная и эмпирически верифицированная В. А. Хашенко модель типологии субъективного экономического благополучия (СЭБ), основанная на оценке экономического благополучия индивида по двум шкалам (субъективный уровень жизни и экономическая фрустрированность), позволяет выделить четыре основных психоэкономических личностных профиля, условно называемых «финансово зависимым», «экономически депрессивным», «финансово терпимым» и «экономически устойчивым», каждый из которых обладает своим уникальным сочетанием аффективных и когнитивных компонент личностной структуры. Кроме того, данная типология устанавливает тесную связь между отношением к материальным условиям жизни и выбором индивидом направления своей активности, стратегии жизнеобеспечения, средств и способов ее реализации.

Таким образом, можно говорить о наличии индивидуально-личностных особенностей индивида, которые определяют индивидуальное равновесное экономическое самовосприятие, а также формируют индивидуальные стратегии экономического поведения. С точки зрения психологического консультирования к таким феноменам, субъективизирующим психоэкономические отношения индивида с окружающим миром, можно отнести, в частности, психологические защиты как механизм субъективизации представлений о себе и об окружающих объектах; когнитивные искажения как эвристический механизм работы сознания, направленный на экономию времени и внутренних ресурсов в процессе экономического самоосознания; стратегии совладающего поведения (копинг-стратегии) как инструмент воздействия на ситуацию и себя [6, с. 60–61].

Такой подход к структурированию проблемного поля клиента, включающий в себя аффективную,

когнитивную и поведенческую составляющие, позволит сформировать конгруэнтную модель восприятия личности клиента психологом-консультантом, с одной стороны не ограничивающую его в выборе психоконсультационной парадигмы (когнитивно-поведенческой, эмоционально-фокусированной, психоаналитической и т. д.), а с другой стороны — реализующей психоконсультационную работу в семантическом поле наиболее значимого на данный момент фактора СЭБ в структуре общей удовлетворенности жизнью.

Актуальность исследования. Экономические взаимоотношения в современном обществе носят всеобъемлющий характер, что делает предпосылки, процесс и результат принятия экономических решений существенным фактором психологического проблемного поля современного человека. Высокий уровень измеримости экономических результатов, проистекающий из концепции рационального принятия решений «человеком экономическим» [1, с. 19], делает экономическое решение, с одной стороны, хорошо анализируемым как в психологическом, так и в экономическом смысле, а с другой — одновременно и причиной, и следствием субъективного восприятия собственного экономического благополучия индивидом. Эмпирическая обоснованность взаимосвязи экономического благополучия с удовлетворенностью наиболее значимыми сферами жизни (социальной, трудовой, образовательной, межличностной, семейной, сексуальной, личной), с психологическим дистрессом, а также со значительным влиянием личностных черт и особенностей самосознания (оценка, оптимизм, наличие жизненных целей, идентичность) на субъективное экономическое благополучие индивида позволяет говорить о многомерности и многоаспектности фактора субъективного экономического благополучия [11, с. 26–27].

Данные причины определяют факт активного развития в России практической экономической психологии как сферы деятельности психологов, связанной с оказанием помощи в рамках психологического консультирования при решении психологических проблем, возникающих у экономических субъектов: отдельных индивидов, социальных групп и организаций [7, с. 37]. Вопрос соотнесения предпосылок, процесса и результатов принятия экономических решений, экономического самоосознания индивида и его индивидуально-личностных особенностей представляет комплексную проблему на границе экономической психологии, психологии личности и практической психологии, в контексте которой выявление взаимосвязей специфических личностно-психологических особенностей индивидов и особенностей их экономического самоосознания могло бы способствовать в перспективе разработке специализированных психокоррекционных методик, направленных на снижение фрустрированности субъективным уровнем благополучия и, как следствие, на обеспечение повышения качества жизни и продуктивности действий.

Постановка проблемы. Как было отмечено выше, модель типологии субъективного экономического благополучия (СЭБ) В. А. Хащенко

основана на оценке экономического благополучия индивида по двум шкалам (субъективный уровень жизни и экономическая фрустрированность) и позволяет выделить четыре основных психоэкономических личностных профиля, условно называемых «финансово зависимым», «экономически депрессивным», «финансово терпимым» и «экономически устойчивым», каждый из которых обладает своим уникальным сочетанием аффективных и когнитивных компонент личностной структуры. Данная типология устанавливает тесную связь между отношением к материальным условиям жизни и выбором индивидом направления своей активности, стратегии жизнеобеспечения, средств и способов ее реализации. С точки зрения консультативной психологии типология СЭБ, по сути, представляет собой определение того, в какой «проблемной зоне» (фрустрированность, деятельностная пассивность, низкий уровень притязаний) находится экономическое самоосознание клиента, а также идентифицирует определенный образ жизни, неконструктивные проявления которого приводят клиента в кабинет психолога-консультанта. Вместе с тем модель СЭБ, констатируя особенности экономического самовосприятия, не дает инструмента для диагностирования феноменов, искажающих субъективное восприятие экономических проблем индивидом и непродуктивных способов их решения. Знание особенностей проявлений данных индивидуально-личностных феноменов, свойственных отдельным типам СЭБ, позволит в перспективе структурировать психоконсультационный процесс из субъективно осознаваемого проблемного поля клиента в работу с конкретными объектами психокоррекционного воздействия до уровня методических когнитивных схем. С этой целью было проведено эмпирическое исследование, направленное на выявление возможных взаимосвязей патогенных психологических феноменов и особенностей экономического самоосознания в типологическом «пространстве СЭБ» В. А. Хащенко.

Предполагаемые объекты психокоррекционного воздействия при фрустрированности в ситуациях субъективной неудовлетворенности клиента уровнем экономического благополучия. Подход к определению возможных объектов психокоррекционного воздействия основан на структурной модели [6, с. 61]. С точки зрения данной модели психокоррекционная динамика снижения уровня фрустрации клиента является следствием комплекса следующих процессов:

1. Снижение степени действия психологических защит клиента (например, при снижении степени действия вытеснения на объект последний оказывается «видим» клиентом в коридоре запроса).
2. Снижение степени действия когнитивных искажений, что приводит к улучшению измеримости субъективных оценок СЭБ или степени их структурированности (например, при снижении степени действия эффекта якоря клиент перестает ориентироваться на исходные (первоначальные) показатели жизненной ситуации и начинает воспринимать ее в соответствии с текущим положением вещей).

3. Снижение степени деструктивного действия особенностей восприятия клиентом объектов внешнего мира, доминирующих психических средств ориентирования и адаптации в нем через осознание их влияния на искажение субъективных оценок (например, интровертированный клиент начинает осуществлять более оперативный, нежели ранее, мониторинг текущей ситуации и в результате нивелирует поведенческим способом эффект действия якоря).

4. Снижение степени деструктивного воздействия индивидуальной ценностной направленности клиента через осознание ее влияния на искажение субъективных оценок (например, влияние доминирующей ценности сохранения собственной индивидуальности, повышающей субъективный порог комфорtnого уровня субъективного благополучия для обеспечения самовыражения).

5. Снижение степени деструктивного воздействия копинг-стратегий, не способствующих снижению уровня фruстрации, и формирование новых моделей совладающего поведения, обеспечивающих снижение уровня фruстрационного напряжения (например, отказ от дистанцирования в пользу поиска социальной поддержки).

В концепции данной модели фruстрационное напряжение клиента вызвано несоответствием ожидаемого субъективного благополучия от сформированной в его индивидуальном мировосприятии модели окружающей действительности. Эта внутренняя «модель благополучия» претерпевает бессознательную защитную трансформацию, в силу чего сознание клиента начинает оперировать уже не просто ограниченным множеством объектов моделируемой действительности, а множеством объектов, состав и характеристики которых претерпели защитное бессознательное воздействие.

С момента сознательной фиксации такого объектного окружения клиент осуществляет анализ стоящей перед ним проблемы несоответствия ожидания и реальности на сознательном уровне, опираясь в своем анализе в том числе на ряд уже когнитивизированных в результате его жизненного опыта эвристик. При этом сами когнитивные эвристики, формируемые в процессе накопления клиентом жизненного опыта, несут в себе ошибки когнитивного вывода, осознание которых клиентом затруднено в силу присутствия в структуре его психики ошибочных когнитивных установок [2, с. 35].

Анализируя проблему, клиент подбирает наиболее эффективное когнитивное решение (эвристику), которое трансформирует в стратегии совладающего поведения, предпосылки активизации которых, в свою очередь, также определены процессами действия психологических защит и когнитивных искажений.

Действие данных копинг-стратегий оказывает двоякий эффект: с одной стороны, будучи поведенческим актом, копинг вносит изменение в структуру и характеристики анализируемых клиентом объектов окружающего мира, с другой стороны — параллельно действует на работу когнитивных эвристик, поскольку, выступая основой осознаваемых клиентом поведенческих актов, инициирует

уточнения внутренней модели окружающего мира как прогноза копинг-воздействия на окружающую реальность.

Специфика действия сознательных и бессознательных структур психики клиента определяется в том числе ценностной направленностью личности. Мотивация и целеустремленность клиента формируют его внутреннее представление о роли благополучия в более глобальном личностном контексте (профессиональном, семейном, бытийном и т. п.). Результатом формирования такого представления через проживание внутренних экзистенциальных напряжений выступает специфика защитного и когнитивно-поведенческого ландшафта, сопровождающего фruстрационные проявления в контексте глобального мировосприятия клиента.

С другой стороны, индивидуальное восприятие клиентом соотношения «благополучие — личностные ценности» формируется в силу особенностей его восприятия объектов внешнего мира, доминирующих психических средств ориентирования и адаптации в нем, что определяет уникальную специфику реализации конкретного набора психологических защит, когнитивных искажений и стратегий совладания.

С точки зрения такого структурного подхода в процессе консультирования клиент многократно уточняет «ментальную» модель окружающей действительности — как путем изменения своего восприятия реальности, так и путем активного воздействия на нее с помощью поведенческих стратегий совладания.

Определенная таким образом структура проблемы клиента позволяет системно взглянуть на реализацию консультантом психокоррекционных действий — коль скоро «когнитивная нестабильность», проявляющаяся в неспособности клиента решить задачу соотнесения ожидаемого и достигнутого, является следствием комплекса сочетаний индивидуальных особенностей, проявляющихся в разных аспектах, то локализация объектов психокоррекционного воздействия при фruстрированности в ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия может быть проведена более оперативно на основе выявленных значимых факторов, а проводимая психокоррекционная работа может быть построена на целенаправленном использовании техник и методик, которые максимально эффективны для структуры личности конкретного клиента.

Кроме того, применение в психодиагностическом исследовании типологии СЭБ, определяющей четыре основных психоэкономических личностных профиля, устанавливающих связь между отношением к материальным условиям жизни и выбором клиентом направления своей активности, стратегии жизнеобеспечения, средств и способов ее реализации, позволяет определить такие индивидуально-личностные профили к концепции СЭБ и свести психокоррекционные мероприятия на концептуальном уровне к нескольким основным фruстрационным типам психоэкономических личностей СЭБ. Такое выделение объектов психокоррекционного воздействия и характерных для данных типов

СЭБ доминирующих психологических феноменов позволит в перспективе разработать специализированные психокоррекционные программы, реализующие эффективные психокоррекционные мероприятия с учетом специфики клиентов разных типов СЭБ.

Эмпирическое исследование. С целью эмпирического определения возможных объектов психокоррекционного воздействия, характерных для разных типов СЭБ, а также определения значимого базиса личностных переменных, оказывающих существенное деструктивное влияние на формирование и развитие фрустриционных напряжений, в ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия были использованы следующие психодиагностические методики:

1. Для диагностики преобладающих психических функций и установок (индикаторов специфического психологического опыта клиента) — опросник *MBTI* (типология личности Майерс — Бриггс, в адаптации Ю. Б. Гиппенрейтер) [12, с. 216–222].

2. Для диагностики структуры доминирующих психологических защит — опросник Плутчика — Келлермана — Конте «Индекс жизненного стиля» (*Life Style Index, LSI*), в адаптации Е. Б. Клубовой [3, с. 20–22].

3. Для диагностики доминирующих стратегий совладающего поведения — опросник «Способы совладающего поведения» Лазаруса, адаптированного Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк и М. С. Замышляевой [4, с. 25–33].

4. Для диагностики иррациональных установок — опросник личностных убеждений (*Survey of Personal Beliefs*) Альберта Эллиса, в адаптации А. Г. Каменюкина и Д. В. Ковпака [5, с. 112–116].

5. Для диагностики типа индивидуального экономического самовосприятия — опросник СЭБ В. А. Хащенко [11, с. 417–422].

6. Для диагностики структуры терминальных ценностей — опросник терминальных ценностей (ОТeЦ) И. Г. Сенина [10, с. 148–155].

Исследование было проведено в выборке из 30 испытуемых — сотрудников коммерческой

фирмы, имеющих высшее образование (9 мужчин, 21 женщина), в возрасте от 24 до 55 лет. С целью определения значимого базиса индивидуально-личностных переменных, оказывающих существенное деструктивное влияние на формирование и развитие фрустриционных напряжений в ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия, был проведен линейный корреляционный анализ пар показателей. В качестве численной оценки анализа использовался коэффициент корреляции Спирмена. С целью определения возможных объектов психокоррекционного воздействия, предположительно характерных для разных типов СЭБ, был использован односторонний дисперсионный анализ Краскела — Уоллиса для групп, основанных на делении двух агрегирующих шкал (субъективного уровня жизни и экономической фрустрированности).

Результаты статистической обработки данных проведенного исследования позволили констатировать наличие статистически значимых корреляционных связей между рядом показателей СЭБ, соционических типов личности, психологических защит, стратегий совладающего поведения, иррациональных установок и терминальных ценностей. Корреляционная плеяда показателей отдельных психологических феноменов и типов СЭБ представлена на рис. 1.

Результаты дисперсионного анализа позволили констатировать для исследуемой выборки наличие достоверных статистических различий в выраженности ряда диагностируемых показателей для групп с высокими и низкими значениями показателей субъективного уровня жизни и экономической фрустрированности. Результаты анализа представлены в таблице 1.

Результаты определения типа СЭБ для выборки графически представлены на рис. 2. Наиболее многочисленную группу в выборке (16 чел.) представляет тип А — тип «финансовой зависимости». Данный тип характеризуется высокой степенью экономической фрустрированности финансовыми проблемами, собственное имущественное положение оценивается выше среднего, но при этом

Табл. 1

Таблица достоверных статистических различий в выраженности диагностируемых показателей для групп с высокими и низкими значениями показателей СЭБ (уровень статистической значимости $p \leq 0,01$)

Шкала СЭБ	Диагностируемый показатель	Значение критерия Краскела — Уоллиса
Экономическая фрустрированность	Иррациональная установка: катастрофизация	0,029
Экономическая фрустрированность	Иррациональная установка: фрустрионная толерантность	0,018
Экономическая фрустрированность	Защита: рационализация	0,031
Субъективный уровень жизни	Иррациональная установка: катастрофизация	0,010
Субъективный уровень жизни	Иррациональная установка: долженствование в отношении себя	0,012
Субъективный уровень жизни	Иррациональная установка: самооценка и рациональность мышления	0,025
Субъективный уровень жизни	Терминальная ценность: сохранение собственной индивидуальности	0,06

не соответствует субъективным представлениям об идеале благополучия [11, с. 333]. Результаты исследования позволяют говорить о склонности представителей данного типа СЭБ к иррациональным установкам катастрофизации, фрустрионной толерантности, долженствованию в отношении себя и других. Преобладающими психическими функциями являются логика и рациональность, можно также говорить о тенденции к преобладанию сенсорики над интуицией. В структуре терминальных ценностей доминируют саморазвитие и сохранение собственной индивидуальности; кроме того, можно говорить о склонности к активным социальным контактам. Также характерна склонность к защитной рационализации.

Вторая по численности типологическая группа — группа типа D, «экономическая устойчивость» (6 чел.). Группа характеризуется оценкой уровня жизни значительно выше среднего и низкой экономической напряженностью и зависимостью. Группе присущи следующие признаки: удовлетворенность актуальным материальным благосостоянием; оптимизм в оценке экономической ситуации и ее перспектив; готовность к преодолению возникающих материальных затруднений; уверенность в своих силах и в том, что они будут успешно воплощены в жизнь в будущем [11, с. 334]. Результаты исследования позволяют говорить об отсутствии явных склонностей представителей данного типа СЭБ к доминированию каких-либо конкретных

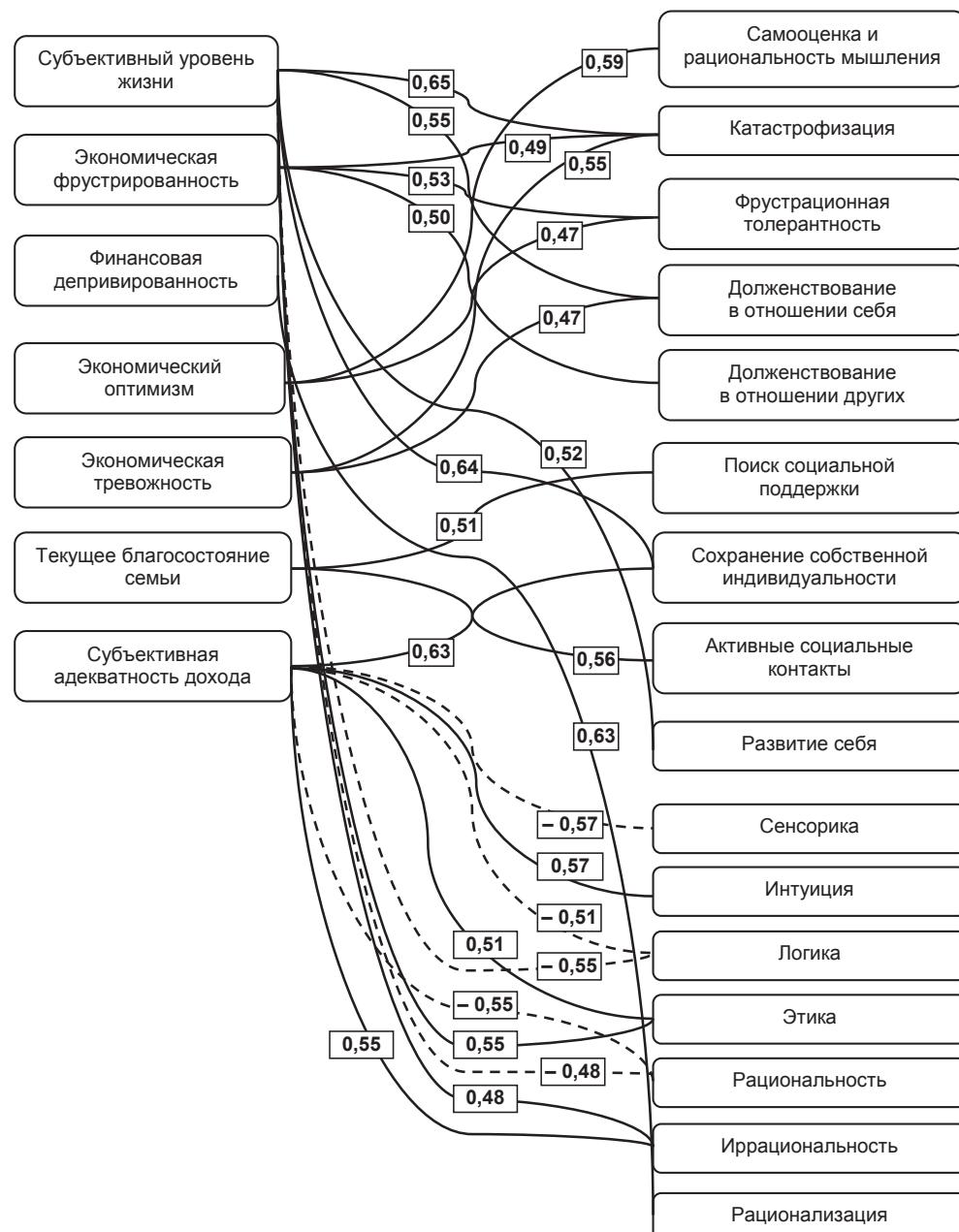

Рис. 1. Корреляционная плеяда показателей отдельных психологических феноменов и типов СЭБ
(уровень статистической значимости $p \leq 0,01$)

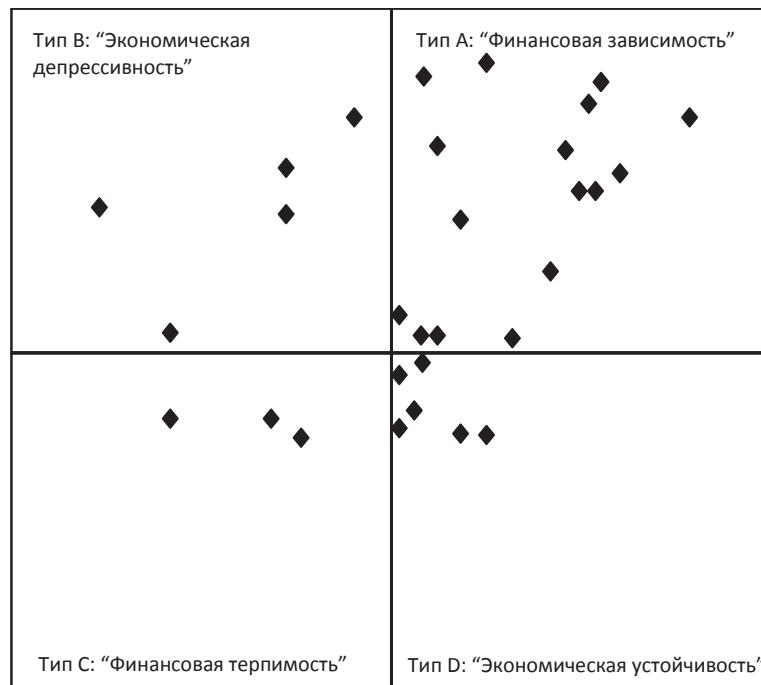

Рис. 2. Результаты диагностики выборки в «пространстве СЭБ»
(ось абсцисс — показатель субъективного уровня жизни, ось ординат — показатель экономической фрустрации)

иррациональных установок и защит при схожей с группой А структурой терминальных ценностей с доминантами саморазвития и сохранения собственной индивидуальности и склонностью к активным социальным контактам. Преобладающие психические функции также аналогичны функциям группы А (логика и рациональность, тенденция к преобладанию сенсорики над интуицией). Таким образом, данную группу можно охарактеризовать индивидуально-личностным профилем, близким к обобщенному профилю группы А, но при этом лишенным явной склонности к тем или иным иррациональным установкам и психологическим защитам.

Третья по численности группа В — группа «экономическая депрессивность» (5 чел.) — отличается низкой оценкой уровня благосостояния и доминированием ощущения бедственности материального положения, недостаточностью доходов для нормальной жизни. Группе присущи выраженность состояния безысходности, тревоги, отсутствие веры и подчиненность обстоятельствам, высокая угнетенность материальными проблемами (экономический стресс), негативный фон восприятия перспектив благосостояния, ожидание его ухудшения в будущем [11, с. 333]. Результаты исследования позволяют говорить о склонности представителей данного типа СЭБ к иррациональным установкам катастрофизации, фрустрационной толерантности, существованию в отношении себя и других, а также о склонности к защитной рационализации, сходных с группой А. Для данной группы характерно игнорирование в ценностной системе саморазвития и индивидуальности, а также обесценивание активных социальных контактов. В структуре

психических функций для данного типа характерны иррациональность и этика; также можно говорить о тенденции к преобладанию интуиции над сенсорикой.

Самая малочисленная типологическая группа в выборке — группа С, группа «финансовая терпимость» (3 чел.) — отличается низким уровнем жизни, однако для представителей группы данное обстоятельство не сопровождается чувством волнения или беспокойства. Для данного типа характерна очень низкая частота проявления негативных аффективных компонент неблагополучия и редко наблюдается материальный недостаток, что фактически свидетельствует о позитивном экономическом самочувствии. Эти признаки в целом определяют позитивный эмоциональный фон восприятия собственного благосостояния [11, с. 334]. Результаты исследования позволяют говорить об отсутствии явных склонностей представителей данного типа СЭБ к доминированию каких-либо конкретных иррациональных установок и защит. Для данной группы, как и для группы В, характерно игнорирование в ценностной системе саморазвития и индивидуальности, а также обесценивание активных социальных контактов. В структуре психических функций для данного типа характерны иррациональность и этика; также можно говорить о тенденции к преобладанию интуиции над сенсорикой.

Характеристика групп СЭБ, данная В. А. Хашенко, позволяет говорить о неравновесности состояний клиентов типов А и В в оценке субъективного благополучия (высокий уровень экономической фрустрированности) при наличии тенденции к оптимальным состояниям типа А (высокий

уровень субъективного уровня жизни), в терминологии В.С. Автономова. Типы С и D характеризуются внутренним равновесным состоянием (низкий уровень экономической фрустрированности) при наличии тенденции к оптимальным состояниям типа D (высокий уровень субъективного уровня жизни).

Таким образом, для исследуемой выборки можно говорить о следующих характеристиках групп СЭБ с точки зрения предполагаемой потребности в психокоррекционных мероприятиях по снижению уровня фрустрионного напряжения:

1. Для представителей группы D исследуемой выборки («экономическая устойчивость») равновесное и оптимальное состояние настолько близки, что не приводят к фрустрионным проблемам в ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем благополучия (строго говоря, уровень благополучия данной группы сам по себе высокий по обеим типоопределяющим шкалам), и, следовательно, для данной группы проблема фрустрионных напряжений в поле благополучия практически отсутствует.

2. Для представителей группы В исследуемой выборки («экономическая депрессивность») характерно значительное расхождение равновесного и оптимального состояний (низкий уровень субъективного уровня жизни и высокий уровень экономической фрустрированности), что приводит к ярко выраженной проблеме фрустрионных напряжений и потребности в разработке специализированной психокоррекционной программы. Специфическими объектами психокоррекционного воздействия для данной группы могут быть иррациональные установки катастрофизации, рационализации и фрустрионной толерантности, а также неразвитость ценностного сохранения собственной индивидуальности.

3. Для представителей группы А исследуемой выборки («финансовая зависимость»), как и для группы В, характерно значительное расхождение равновесного и оптимального состояний (высокий уровень субъективного уровня жизни и высокий уровень экономической фрустрированности), что аналогичным образом приводит к ярко выраженной проблеме фрустрионных напряжений. Однако в данном случае в основе фрустрионных процессов лежит выраженный характер когнитивных искажений, придающий аффективным проявлениям негативную окраску в ситуациях принятия более эффективных решений (что косвенно подтверждается, в частности, более высоким уровнем жизни представителей данной группы). Таким образом, для данной группы также целесообразна разработка специализированной психокоррекционной программы. Специфическими объектами психокоррекционного воздействия для данной группы могут быть иррациональные установки рационализации, катастрофизации и фрустрионной толерантности.

4. Для представителей группы С исследуемой выборки («финансовая терпимость»), как и для группы D, равновесное и оптимальное состояние настолько близки, что не приводят к фрустрионным проблемам в ситуациях субъективной

неудовлетворенности уровнем благополучия (низкие уровни субъективного уровня жизни и экономической фрустрированности), однако для представителей данной группы такая ситуация достигается благодаря низкому уровню притязаний. Низкий уровень фрустрированности едва ли приведет представителей данной группы в кабинет консультанта именно по рассматриваемой проблематике, однако в динамике не исключен фактор изменения внешних условий, который, увеличивая фрустрионное напряжение, приведут к смещению индивида в зону группы В. В этом смысле целесообразна разработка специализированной программы, ориентированной в большей степени на поддержание равновесного состояния, основанной на конструктивных сторонах индивидуально-личностного профиля данной группы. В этом случае программа поддержки и сопровождения может быть ориентирована на профилактику формирования иррациональных установок рационализации, катастрофизации и фрустрионной толерантности, а также на развитие осознания и сохранения собственной индивидуальности.

Результаты и перспективы. Проведенное исследование позволяет сделать предварительный вывод о возможных характерных индивидуально-личностных особенностях представителей исследуемой выборки, предположительно определяющих фрустрионные напряжения в ситуациях субъективной неудовлетворенности уровнем экономического благополучия для разных типов СЭБ. Данные особенности в случае подтверждения достоверности их значимости на базе более масштабных исследований могут быть использованы в этом случае в качестве объектов психокоррекционного воздействия в рамках специализированных программ, ориентированных на индивидуально-личностные профили представителей разных типов СЭБ.

Полученные результаты эмпирического исследования концептуально соответствуют предложению В.С. Автономова о ключевой значимости когнитивной сферы индивида, выражающейся в изначальном осознании индивидом деструктивного характера действий в ситуациях принятия экономических решений — того, что В.С. Автономов назвал «когнитивной несостоительностью субъекта» [1, с. 22]. Большинство значимых объектов психокоррекционного воздействия, определенных по результатам эмпирического исследования для данной выборки, являются феноменами когнитивной терапии, а рационализация как психологическая защита, направленная на вытеснение за пределы сознания реальных причин проблемы, сама является, пожалуй, наиболее «когнитивно выраженным» феноменом психоаналитического подхода.

Продолжение исследований предполагает:

1. Проведение эмпирических исследований в представленном направлении на базе более представительных выборок испытуемых с целью корректного определения индивидуально-личностных феноменов как объектов психокоррекционного воздействия.

2. Интеграцию предложенной модели объектов психокоррекционного воздействия

в экономико-психологическую иерархическую модель субъективного экономического благополучия [11, с. 252–286] на уровень составных показателей типоопределяющих шкал СЭБ (экономический оптимизм (пессимизм), субъективная адекватность дохода, текущее благосостояние

семьи, экономическая тревожность, финансовая депривированность).

3. Разработку специализированных психокоррекционных программ и программ психологического сопровождения, ориентированных на индивидуально-личностные профиля разных типов СЭБ.

1. Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Институт «Экономическая школа», 1998. 230 с.
2. Бек Дж. Когнитивная терапия. Полное руководство. М.: Вильямс, 2006. 400 с.
3. Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: Издательство СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 54 с.
4. Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаев И. Р. Методика психологической диагностики совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях. СПб.: Издательство СПбНИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2008. 35 с.
5. Каменюкин А. Г., Ковпак Д. В. Антистресс-тренинг. СПб.: Питер, 2008. 208 с.
6. Кузьменкова Л. В., Кусков Д. В. Повышение эффективности психологического консультирования при принятии экономических решений: сужение дерева решений консультанта в модели консультационного пространства // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2018. Вып. 2, т. 30. С. 57–65.
7. Поздняков В. П. Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Институт психологии РАН, 2012. 128 с.
8. Потребительские ожидания населения, методология [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Потребительские%20ожидания.html> (дата обращения: 16.10.2019).
9. Счастье личное, гражданское, общечеловеческое: опрос сообщества ОГФ // Аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/12/12/cchaste-lichnoe-grazhdanskoe-obshhechelovecheskoe-opros-soobshhestva-ogf> (дата обращения: 16.10.2019).
10. Тихомиров А. В. Метод дифференциации профессиональных выборов в практике профконсультирования. Екатеринбург: Персонал-Профи, 2001. 216 с.
11. Хащенко В. А. Психология экономического благополучия. М.: Институт психологии РАН, 2012. 426 с.
12. Эглит И. М. Определение соционического типа. М.: Черная белка, 2013. 424 с.

References

1. Avtonomov V.S. *Model cheloveka v ekonomicheskoy nauke* [Human model in Economics]. St. Petersburg: Institute "Ekonomicheskaya shkola" Publ., 1998. 230 p. (In Russian).
2. Bek G. *Kognitivnaya terapiya. Polnoye rukovodstvo* [Cognitive therapy. Complete guide]. Moscow: "ID Vilyams" Publ., 2006. 400 p. (In Russian).
3. Vasserman L. I. *Psikhologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya* [Psychological diagnostics of lifestyle index]. St. Petersburg: St. Petersburg Psychoneurological Institute named after V. M. Bekhterev, 2005. 54 p. (In Russian).
4. Vasserman L. I. *Metodika psikhologicheskoy diagnostiki sovladayushchego povedeniya v stressovykh i problemnykh dlya lichnosti situatsiyakh* [Method of psychological diagnostics of coping behavior in stressful and problematic situations for a personality]. St. Petersburg: St. Petersburg Psychoneurological Institute named after V. M. Bekhterev, 2008. 35 p. (In Russian).
5. Kamenyukin A. G. Kovpak D. V. *Antistress-trening* [Antistress training]. St. Petersburg, "Piter" Publ., 2008. 208 p. (In Russian).
6. Kuzmenkova L. V., Kuskov D. V. *Povjisheniye effektivnosti psikhologicheskogo konsultirovaniya pri prinyatii ekonomicheskikh resheniy: suzheniye dereva resheniy konsultanta v modeli konsultatsionnogo prostranstva* [Improving the effectiveness of psychological counseling in making economic decisions: narrowing the consultant decision tree in the advisory space]. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsialnoy raboty — Scientific Notes Journal of Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2018, 2 (30), pp. 186–190. (In Russian).
7. Poznyakov V. P. *Psikhologicheskiye ozhidaniya naseleniya, metodologiya* [Consume expectations of the population] (In Russian). Available at: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/html> (accessed 16.10.2019).
8. Analiticheskiy tcentr Yu. Levady. *Schastye lichnoye, grazhdanskoye, obshchecelovecheskoye: opros soobshchestva OGF*. [Personal, civic, human happiness: all-Russian Civil Forum Community survey] (in Russian). Available at: <https://www.levada.ru/2018/12/12/cchaste-lichnoe-grazhdanskoe-obshhechelovecheskoe-opros-soobshhestva-ogf/>. (accessed 16.10.2019).
10. Tikhomirov A. V. *Metod differentsiatsii professionalnikh viborov v praktike profkonsultirovaniya* [Method of differentiation of professional choices in the practice professional counseling]. Yekaterinburg: Personal-Profi Publ., 2001. 216 p. (In Russian).
11. Khashchenko V. A. *Psikhologiya ekonomicheskogo blagopoluchiya* [Psychology of economic well-being]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 426 p. (In Russian).
12. Eglit I. M. *Opredeleniye sotsionicheskogo tipa* [The definition of social type]. Moscow: Chernaya Belka Publ., 2013. 424 p. (In Russian).

СМОЛОВА ЛИДИЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат психологических наук,

доцент кафедры консультативной психологии и психологии здоровья

Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,

lidia_smolova@mail.ru

LIDIYA V. SMOLOVA

Cand.Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Counseling and Health Psychology, of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 159.9

**СМЫСЛ КРАСОТЫ ЧЕЛОВЕКА: ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «КРАСОТА»
В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНСУЛЬТИРОВАНИИ**

**THE MEANING OF BEAUTY: UNDERSTANDING OF THE BEAUTY
PHENOMENON IN PSYCHOLOGICAL COUNSELING**

Аннотация. В статье обсуждается содержательное наполнение феномена красоты как междисциплинарной категории и как психологического феномена. Описывается субъективный взгляд на красоту, связанный с влиянием на человека гео-климатических условий, исторической эпохи, культуры, семейных традиций, личных взглядов, его способности и желания видеть прекрасное. Раскрывается объективный взгляд на красоту как явление, существующее вне субъективного суждения человека, представляющее собой свойство вышестоящей по отношению к нему системы (трансцендентное, космос, вселенная, Создатель и т. д.), которое может быть описано на математическом языке (в терминах порядка, симметрии, меры, пропорции, гармонии, баланса, соответствия, тайны, новизны). Рассматриваются темы, связанные с красотой в психологическом консультировании: чувство красоты, мысли о красоте, смыслы, сущи красоты. Утверждается, что условием успешной работы во многое является консультант, его зрелая профессиональная позиция, сформированная картина мира. Чем более глубокими, масштабными будут суждения консультанта о красоте, тем более высоким и цельным станет взгляд, который он может обсуждать с клиентом. Представление консультанта о красоте должно быть его осознанным ресурсом в психологическом консультировании.

ABSTRACT. This article deals with the content of the beauty phenomenon as an interdisciplinary category and as a psychological phenomenon. The subjective view on the beauty which is connected with the influence on the person of geo-climatic conditions, historical era, culture, family traditions, private judgments, and ability and desire to see the beauty is described. The article reveals the objective view on the beauty as the phenomenon existing outside the subjective judgment of a man, representing a property which is superior to the system (transcendental, space, the Universe, the Creator; etc.) which can be described in mathematical language (in terms of an order, symmetry, measure, proportion, harmony, balance, compliance, secrecy and novelty). The subjects connected with beauty in psychological consultation are considered: sense of beauty, thoughts about beauty, meanings, essence of beauty. It is argued that the condition of successful work in a lot is the consultant, his mature professional position, the formed picture of the world. The deeper and larger is the consultant 's judgment on beauty, the higher and more integrated will be the view he can discuss with the client. A consultant 's idea of beauty should be his acknowledged resource in psychological counselling.

Ключевые слова: красота, смысл, ценность, трансцендентное, психологическое консультирование, логотерапия.

KEYWORDS: beauty, meaning, value, transcendental, psychological consultation, logotherapy.

Введение

Красота — одна из форм бытия, раскрывающая эстетический смысл явлений. Литература по этой теме многообразна и обширна. В ней представлены философские и культурологические взгляды на природу красоты, описываются ее культурно-охранительная, художественная, эстетическая, поэтическая, духовная и другие ценности [2, 4, 20 и др.].

В психологии феномен «красота» и эстетические категории также находят свое широкое отражение. Так, с точки зрения А. Маслоу, поведенческие науки пренебрегали значением потребностей людей в красоте. Он относит красоту к метапотребностям, имеющим столь жизненно важное значение для человека, при подавлении которых возникает определенный тип патологии, которой

в гуманистическом направлении получил название метапатологии. Маслоу изучал влияние красивого или уродливого окружения на студентов колледжа. Было обнаружено, что уродливая среда оказывала отупляющее действие, снижала самооценку и социальную активность. Маслоу пришел к выводу: подобно тому, как человек нуждается в кальции в пище, человек нуждается в красоте: она помогает ему быть здоровее [8].

В *позитивной психологии* красота — одно из явлений, доставляющих человеку положительные эмоции и субъективное ощущение счастья, делающих его более открытым, дружественным, позволяющим находить новые решения проблем [16].

С точки зрения *логотерапии* бытие человека разворачивается на трех уровнях измерения: физическом, психическом и ноэтическом. К соматическому измерению причисляются все телесные феномены; в психическое входят чувства, влечения, желания, умственные способности человека, приобретенные модели поведения. В ноэтическом находятся категории, присущие исключительно человеку: Совесть, Красота, Добро, Любовь, Смысл и др. С точки зрения В. Франкла, красота дает человеку возможность совершить акт самотрансценденции, то есть выхода за пределы себя, устойчивые границы восприятия — в пространство, лишенное психологических и соматических проблем, но являющееся проявлением ноэтического, и получить опыт соприкосновения с трансцендентным [19].

Экзистенциальная психология, возникшая в русле философии экзистенциализма, акцентирует внимание на уникальности бытия человека. Осмысление таких категорий, как Красота, Жизнь, Счастье и т. д., создает предпосылки для более осознанного поведения и выхода на качественно иной уровень жизни. Экзистенциалисты рассматривают эстетические категории (прекрасное, возвышенное, изящное и т. д.) в онтологическом ключе. Однако в понимании аутентичности человеческого существования, его свободы, этических категорий их позиции расходятся.

Так, представители *атеистического экзистенциализма* (Ж.-П. Сартр, А. Камю и др.) искали основания для своей философии в замкнутой человеческой экзистенции. С их точки зрения, жизнь представляет собой хаотичный набор случайных событий; единственный источник и критерий нравственности — сам человек. Именно он является создателем этических и эстетических ценностей и несет за это ответственность.

Направление *религиозного экзистенциализма* (М. Бубер, Г. Марсель, К. Ясперс и др.) постулирует метафизическую открытость человеческого бытия, идеи трансценденции, религиозных убеждений. Так, К. Ясперс считал, что человечество имеет общую цель и единые истоки; все связаны родством, созданы богом по его образу и подобию [26]. Г. Марсель видел человека как «воплощенное бытие», который, осознавая свою воплощенность, ощущает мистическую связь духа с телом [7]. Красота относится к характеристике трансцендентного, а чувства человека являются производными от этой характеристики.

В этом контексте уместно вспомнить категорию *трансцензуза*, предложенную М. К. Мамардашвили, под которой он понимает выход, прорыв человека за пределы исторической ограниченности, обусловленности природной или социальной средой. Красота человека рассматривается как способ трансцензуза за пределы утилитарного и обусловленного случайными факторами существования к существенному бытию. Эстетическая форма имеет статус трансцендентальной архетипической ситуации, в которой индивид становится «полным», «собранным», дополненным до существенного единства. Поскольку человеческая природа трансцендентна, избыточна и надутилитарна, красота является способом трансценденции за пределы индивидуального существования к надындивидуальному существенному бытию [2].

Как мы видим, в силу мировоззренческих философских различий взгляды психологов на красоту могут сильно отличаться. Это имеет исключительно важное значение в процессе психологического консультирования, где тема красоты является как одной из самых распространенных, так и одной из самых сложных, многогранных и неоднозначных.

Обычно речь заходит о недостаточной удовлетворенности клиентом внешностью или физическими особенностями — либо своими, либо значимого лица. Эти выделяемые им явления наделяются ответственностью за неуспех («я не могу выйти замуж, потому что у меня слишком большой нос»; «у меня нет близких друзей — кто захочет со мной общаться, такой толстой и неуклюжей?»; «я постарела, изменилась и теперь сама себе не нравлюсь»).

Несомненно, в некоторых случаях психолог может обсуждать образ и стиль жизни в целом, необходимость качественного отдыха или занятия спортом, возможность обращения к специалистам-диетологам, вплоть до консультации пластических хирургов. Однако в силу своей профессии психолог чаще всего работает с психологическими характеристиками: принятием клиентом своего внешнего вида и физических особенностей, умением выявлять уникальные и неповторимые стороны своей личности, стремлением выявить и проанализировать иррациональные установки и многое другое.

Психолог руководствуется идеей, что простое изменение (часто «украшательного» характера) своей внешности (тату, похудение, ботокс, новый стиль в одежде, смена имиджа) без достаточного обращения к внутренним проблемам не сделает человека истинно красивым.

Однако что такое красота? Субъективное суждение человека? Объективная данность, которую необходимо увидеть, разглядеть?

Задача статьи состоит в том, чтобы осмыслить красоту как междисциплинарный феномен и наполнить ее для психологического консультирования новыми смыслами.

Субъективный взгляд на феномен «красота».

В словаре Брокгауза и Ефона [24] красота (отождествляющаяся с «эстетически прекрасным») и трактуется как «та сторона явлений, которая в своей специфической особенности не подлежит суждению ни с точки зрения теоретической истины,

ни с точки зрения нравственного добра, ни материальной пользы и которая, однако, составляет предмет положительной оценки, т.е. признается достойной или одобряется». Из этого определения следует, что красота — свойство объекта, определяющее его способность нравиться человеку. Но что лежит в основе этой способности?

Можно предположить, что изначально представление о красоте возникло на основании *восприятия природы*. С прекращением миграции и появлением оседлости человек начинал привыкать к природе определенной геоклиматической зоны. Ландшафт — пустыня, саванна, тайга, высокогорье и т.д. — зачастую был единственной реальностью, с которой был знаком человек, ведь в нем происходила вся его жизнь. Красота юга — буйная, яркая, красочная, сочная, экзотическая. Красота севера, областей с коротким летом и продолжительной зимой — скучая, неброская. Красота востока — лаконичная: ее необходимо найти, увидеть, выделить из остального пространства и любоваться ею.

Именно восприятие родной природы дает толчок к созданию неповторимой философии определенного социального сообщества и ее культуры, содержащей в себе эталоны красоты, распространяющиеся и на другие сферы жизни человека: архитектуру, жилище, быт, одежду, музыку, предметы искусства и т.д. И, конечно же, на самого человека.

Выражаясь различными видами творчества, такими как научное, техническое, художественное, музыкальное, литературное, человек ориентировался на образцы, существовавшие в данном социальном сообществе. Примечательно, что в этом контексте шедевр (уникальное, непревзойденное творение, высшее достижение мастерства) понимается как способность человека возвыситься над своими индивидуальными способностями и выразить сообщество, культуру и эпоху.

С позиции *биологии* проблема красоты возникала при необходимости объяснения биологических фактов в русле их биологической целесообразности (полезности для организма или организмов). С появлением идеи, что выживают наиболее приспособленные к конкретным условиям, природная целесообразность, то есть красота, могла быть объяснена как возникшая естественным путем [13]. С точки зрения биологии привлекательность может быть рассмотрена как один из механизмов полового отбора, в которых ярко выраженные признаки, скорее всего, имеют некое приспособительное назначение и красивым является то, что обеспечивает наибольшее преимущество.

Эта же идея изложена в книге И. Ефремова «Лезвие бритвы» [5], где главный герой перед широкой аудиторией рассуждает о том, что человеку в людях представляется красивым то, что является целесообразным: длинные ноги — быстрый бег, широкие бедра — нет проблем с родами, соболиные брови — пот не заливает лицо. Красота определяется как нуль, отклонения от которой в плюс или минус — это ее искажения. «Красота — это наивысшая степень целесообразности, степень гармонического соответствия и сочетания противоречивых элементов во всяком устройстве, во всякой

вещи, всяком организме... Каждая красивая линия, форма, сочетание — это целесообразное решение, выработанное природой за миллионы лет естественного отбора или найденное человеком в его поисках прекрасного, то есть наиболее правильно для данной вещи. Красота и есть та выравнивающая хаос общая закономерность, великая середина в целесообразной универсальности...» [5, с. 46].

Представление о красоте человека может быть рассмотрено и через призму конституции как реализованного в определенных условиях среды генотипа. Антропологом Т.И. Алексеевой [1] была предложена теория адаптивных типов человека (арктический, высокогорный, тропический, аридный, континентальный, умеренный), которые отражают специфические нормы реакции на определенные природные факторы, разные формы адаптации к условиям среды. А следовательно, представляют собой синтез морфологических, физиологических и психических свойств личности. Тип человеческого тела, развившийся в определенных геоклиматических условиях, оказывается включенным в каноны красоты определенной культуры.

С развитием социальных сообществ на представление о красоте начинают оказывать влияние религиозные, мировоззренческие, коммерческие, эстетические, художественные, гигиенические, функциональные и многие другие потребности человека. Красота вплетается в широкий спектр связей с различными категориями.

Так, связь красоты и *полезности* на каждом историческом этапе трактовалась по-своему. Например, древнегреческому взгляду на природу красоты была присуща связь ее с функциональностью и полезностью. Вещь считалась красивой, если человек мог ее успешно использовать. Красивая одежда удобна, тепла и прочна; красивый щит прост, легок и защищает воина. Предмет, не выполняющий своих функций (тонкая одежда, украшенный драгоценностями тяжелый щит), не может считаться красивым [2, 12].

Связь красоты и *гигиены* во все времена активно продвигалась социальным сообществом и пропагандировалась в выработке гигиенических и эстетических стандартов. Одна из определяющих ролей принадлежит здесь производителям парфюмерно-косметической продукции. Издававшиеся ими просветительские и рекламные брошюры подчеркивали связь между красотой и чистоплотностью, соединяли доводы медицины, эстетики и морали, агитируя в пользу определенных моделей поведения и повседневных привычек [3].

Связь красоты с *моралью и нравственностью* берет свои истоки от калокагатии — древнегреческой идеи воспитания человека, сочетающей в себе совершенство телесного сложения и духовно-нравственного склада, единства Красоты и Доброты. В Древней Греции идеал человека, сочетающего в себе совершенство тела и внутреннее нравственное благородство, достиг своей вершины: между этическими и эстетическими категориями нередко ставился знак равенства. Соотношение «красиво/некрасиво» не тождественно соотношению «доброго/зло», но зачастую эти понятия подменяются.

В ряде современных исследований обнаружено, что красивым людям приписываются качества доброты, справедливости, совести, ответственности, чести и др. [11, 12].

Представление о красоте имеет непосредственное отношение к *моде* как совокупности ценностей и вкусов, принятых в определенное время в определенной среде. Каждое социальное сообщество по-своему трактовало эталоны красоты во всех областях жизни человека (одежде, образе жизни, бытовых условиях, архитектуре, искусстве и др.), включая его самого. Истории красоты женского и мужского тела посвящено большое количество литературы [17, 22].

Нельзя не сказать и о том, что в каждой культуре существуют представление об *эстетическом воспитании* и культурные традиции, направленные на раскрытие способности человека видеть красоту. В восточных странах наличествует кульп красоты как обязательная культурная традиция. Так, например, ханами — японская национальная традиция любования цветами, а японский сад камней — пространство для сосредоточения, гармонии и эстетического наслаждения. Считается, что, сонастраиваясь с внешней красотой, человек переходит в иное внутреннее состояние, которое в обычной жизни может быть ему и не свойственно.

И в восточной, и в западной культуре сад — не просто территория с посаженными плодовыми деревьями, кустарниками и цветами. Это уникальное явление, представляющее тщательно разработанную философско-эстетическую систему осмысливания природы как уникальной модели мироздания.

Кроме того, важно обратиться и к *семантическому контексту* обсуждаемого феномена. Как мы видим, «красота» является психоментальным образованием, возникшим в результате формирования представлений, знаний о красоте и зафиксированным в национально-языковой картине мира.

В каждой культуре существуют свои артефакты, которые являются чуждыми и малопонятными для других культур. Так, например, при сравнительном анализе концепта «красота» в китайских и русских фразеологизмах было обнаружено, что русские фразеологизмы, как правило, отражают человеческий нрав, душевые свойства, что не так акцентируется в китайских фразеологизмах и пословицах.

В русском языке красота уступает уму («Красота и без разума пуста»); поступки человека ценятся больше, чем его внешность («Личиком гладок, да делами гадок»); фразеологизмы и пословицы помимо эстетической оценки-критики носят наиздателенный, поучительный характер, определяют недостаточность одной лишь красоты («Красавица без ума — что кошелек без денег»).

В китайском сознании феномен красоты неразрывно связан с благополучием не просто отдельного человека, а государства в целом, своего рода со строительством светлого будущего. В китайских фразеологизмах красота часто несовместима со злостью, ненавистью или обманом — красивый человек обязательно благородный, великолдуший, самоотверженный и благородный герой.

Сходной чертой было то, что красота мало значима без соответствующего морального облика, без особого внутреннего мира. Внешне привлекательный, но лишенный содержания человек (пустоцвет; пустозвон; внешний лоск) не может считаться красивым [10].

Таким образом, на протяжении развития человечества на разных культурно-исторических этапах формировалось уникальное представление о красоте как об эстетически прекрасном, которое составляло предмет положительной оценки данного сообщества.

Это дает основания говорить о *субъективном представлении о красоте*, на которое оказывают влияние геоклиматические условия, историческая эпоха, стандарты культуры, семейные традиции, личные взгляды, способность и желание видеть прекрасное.

Красота может трактоваться как синтез всех воспринимаемых человеком элементов некого явления (предмета, объекта), направленный на создание цельного и неделимого образа (считающийся для этого явления эталонным), вызывающий состояние максимальной гармонии и согласованности.

Так, красота человека — уникальный синтез внешности, фигуры, манеры поведения, мимики, осанки, походки, выражения этических ценностей, душевных проявлений, умственных качеств и много другого, значимого для наблюдателя.

Если один из элементов «не вписывается», не согласован с другими или даже вступает в противоречие, цельность и гармония утрачиваются, образ теряет свою эталонность, и восприятие его привлекательности снижается. Тогда же, когда человек трактует явление как эталонное, совершенное, целостное, он воспринимает его как красивое. Суждение о красоте представляет собой уникальный набор взглядов человека, который, в силу своего личного опыта, восприятия, мышления, ценностных ориентаций, уровня зрелости, картины мира и т. д. у разных людей может отличаться.

Объективный взгляд на феномен «красота»

Независимо от субъективных приоритетов, при восприятии красоты формы, цвета или звука характер эстетического ощущения определяется взаимоотношением различных компонентов явлений, их пропорциями, ритмом, взаимосвязью частей и целого. Светлую радость переживания красоты вызывает ощущение *гармонии* [25].

Обратимся к взгляду на красоту *мировых религий* — ведь именно они лежат в основе многих философских и психологических направлений (прежде всего религиозного экзистенциализма).

С точки зрения религий Созидающее Начало (каким бы именем его ни называли: Отец, Творец, Бог, Аллах, Абсолют, Всевышний, Всемогущий и т. д.) априори является носителем совершенных качеств и свойств. Оно представляет собой эталон, несет в себе стандарты, высшие законы, морально-нравственные правила. Его творение эталонно, совершенно и, соответственно, красиво всегда.

Центральным здесь является Образ Созидающего Начала, существующий в представлении человека на основании его картины мира. Когда этот

Образ не проявляется в неком явлении (предмете, объекте, ситуации), говорится о его без-образии, то есть отсутствии Творца в нем. Такое явление описывается как уродливое и неприглядное. В случае если в явлении человек находит качества, входящие в Образ Созидающего Начала, оно трактуется как красивое.

Примечательно, что, выражаясь различными видами творчества (научное, техническое, художественное, музыкальное, литературное), человек устремляется стать творцом. Однако для того, чтобы творение получилось красивым, то есть приобрело качества и свойства Творца, человек должен стать ипостасным Ему. Шедевр в этом случае есть соединение человеческого и трансцендентного. Создатель некого произведения становится способным не просто выйти за рамки личного опыта, традиций семьи, представлений рода, правил определенной культуры и эпохи, но на доступном ему уровне выразить в материю Создателя — стать со-Творцом.

Переживание красоты представляет собой Встречу Человека и Созидающего Начала, способность в обыденных явлениях разглядеть Творца. Из этой позиции следует, что *если человек не видит красоту* — это не значит, что ее нет. *Если человек называет нечто красотой* — это не значит, что она есть. В силу ограниченности восприятия человека ему сложно постичь весь замысел Творца и увидеть Его масштаб. Человек это делает по своему подобию.

Кроме того, в мировых религиях подчеркивается различие между *внешней красотой* (внешним видом, формой) тех или иных явлений и *внутренней красотой* (красотой содержания, часто скрытого от наблюдения). В случае если акцент делается на каком-то одном уровне, а другой умаляется, красота явления как такового является обедненной.

Как отмечает О. В. Дивненко [11], противоречие между внешней красотой человека и его нравственной, эстетической сущностью порождает парадокс: человек может быть красив, но не прекрасен; человек может быть прекрасен, но не красив. Автор ассоциирует понимание «красивого» с внешним, а «прекрасного» — с неким внутренним содержанием.

Красота человека раскрывается через категории «обаяние» и «шарм», под которыми понимается невидимая взору, нефизическая часть красоты. Людей, лишенных обаяния, трудно назвать красивыми; если же сила обаяния велика, отсутствие физической красоты становится незаметным. Неотъемлемыми составляющими обаяния являются открытость, искренность, естественность, целостность.

Эта тема является принципиально важной для понимания красоты человека и его отличия от красоты животного мира. Ориентация на внешнее необходима представителям животного и растительного миров для удовлетворения фундаментальных потребностей в привлечении партнера, безопасности (самосохранении), отпугивании хищника или обмана жертвы. Именно для этого эволюционно в животном мире сформировалась внешняя красота (пышные перья, привлекательная окраска и т. д.).

Поскольку человек в этой парадигме — создание и выразитель Творца, чтобы быть истинно красивым, ему необходимо ориентироваться не только на развитие телесной красоты, но и на красоту внутреннего мира, а именно — на красоту Души, Ума, Сердца, Сознания.

Итак, объективная красота в мировых религиях есть свойство Созидающего Начала, каждое творение которого эталонно. Подчеркивая значение *не-физической красоты*, мировые религии акцентируют внимание именно на *человеческой красоте*, разделяя ее с красотой животного мира.

Фундаментальная попытка выявить объективную красоту, существующую вне субъективного суждения человека, была проведена в Древней Греции. В пифагорейской школе математика являлась основой восприятия окружающего мира. По мнению пифагорейцев, красота есть гармония, гармония упорядочивает космос и может быть выражена числом. Космос в этой трактовке есть упорядоченный, гармоничный мир, противопоставленный хаосу — беспорядочному началу бытия, с которого, по убеждению греков, и началось созидание мироздания. В данной школе предложена идея пифагорейского тетраксиса как верховного символа универсальных сил и процессов: *красота — космос — гармония — число* [2, 4, 9, 15].

Обоснованием этой идеи являлось пифагорейско-платоновское учение о музыке сфер — учение о музыкально-математическом устройстве космоса, а также закон консонансов в музыке. В диалоге «Тимей», который называют гимном математической концепции красоты как гармонии, Платон объясняет красоту вселенной математическим совершенством — поворотной симметрией бесконечного порядка. Здесь же Платон говорит и о значении самоподобия для построения совершенного тела космоса, что явно перекликается с современными идеями фрактальной геометрии природы Б. Мандельброта [2, 4, 9, 15].

Роль симметрии в создании красоты мироздания прослеживается также в теории материи Платона, которую Б. Рассел назвал геометрическим атомизмом. Платон представляет атомы в виде симметричных правильных тел; эти идеи являются более чем современными, ибо многие Нобелевские премии второй половины XX века присуждены именно за открытие законов симметрии микромира. Аристотель в «Метафизике» говорит о том, что важнейшие виды прекрасного — это слаженность, соразмерность и определенность, математика больше всего выявляет именно их. Кроме того, главным структурным элементом красоты и гармонии для Аристотеля становится понятие середины, центра. Понятию «золотой середины» Аристотель уделяет большое внимание, применяя его не только по отношению к природе и искусству, но и к духовным и этическим проблемам [9].

Золотое сечение (золотая пропорция) известно с древнейших времен строительства египетских пирамид. Оно является эталонным значением, содержащим в себе математическую соразмерность, являющую собой гармонию, симметрию, порядок, поэтому ее носители (любые явления: люди,

предметы, объекты) будут восприниматься окружающими красивыми. Начиная с Леонардо да Винчи многие художники сознательно использовали пропорции «золотого сечения». В современном мире этот принцип применяется в различных областях жизни: живописи, строительстве и архитектуре, компьютерном дизайне, модельном бизнесе, фотографии, стоматологии, пластической хирургии и т. д. [6].

Нельзя не сказать и об исследованиях *психологии взаимодействия с окружающей средой* — области психологии, в которой особое место занимают исследования восприятия и познания окружающей среды. Так, Р. и С. Каплан предлагают модель предпочтения окружающей среды [14]. Теория Каплан постулирует, что люди имеют две основные потребности: *понимать* и *исследовать*. Кроме того, восприятие может произойти незамедлительно, а может быть связано с осмыслением, когнитивной обработкой и отсрочено во времени. Когда две потребности пересекаются с двумя уровнями восприятия, создаются четыре переменные. Эти четыре переменные были названы авторами «информационными переменными». Названия, используемые для информационных переменных, — *согласованность* (немедленное понимание), *сложность* (немедленное исследование), *разборчивость/четкость* (предполагаемое (подразумеваемое) понимание) и *тайна* (предполагаемое (подразумеваемое) исследование).

Каплан указывают на «познавательные возможности», выделяя их в особую категорию. Они подчеркивают роль познания в процессе восприятия. Именно благодаря когнитивной функции люди «придают смысл» окружающей среде и удовлетворяют таким образом свои потребности. Каплан предлагают такие определения четырех компонентов:

1. *Согласованность* — степень, относительно которой элементы связаны между собой и организованы друг относительно друга.

2. *Четкость или разборчивость* — уровень отчетливости, которая позволяет наблюдателю понимать или категоризировать содержание пространства

3. *Сложность* — количество и разнообразие элементов в пространстве.

4. *Тайна* — степень, в которой пространство содержит скрытую информацию так, чтобы каждый мог попробовать найти ее (например, дорога, изгибающаяся вне поля зрения на горизонте, или солнце, садящееся в море).

Итак, Каплан полагают, что для того, чтобы окружающая среда оценивалась как привлекательная, необходим определенный уровень ее когнитивной обработки. Так, например, *сложность* определяет, насколько пространство богато различными элементами. Повышенная сложность заставляет человека исследовать обстановку более внимательно. Обстановка, состоящая из повторяющихся и однобразных элементов, интерпретируется как простая и несложная.

Согласованность помогает ощутить порядок и направляет внимание в определенное русло.

Согласованное пространство целостно, его части соотнесены друг с другом наилучшим образом. Согласованность увеличивается, когда в пространстве присутствует некий порядок, способствующий организации элементов пространства по яркости, размеру, материалу и т. д. в несколько основных групп.

Фактор *тайны* содержит в себе некоторую недосказанность и обещание, что при желании человек может научиться в данном пространстве чему-то еще, — тому, что для него не очевидно и требует дополнительного исследования. Для присутствия тайны должно быть обещание дальнейшей информации (если, конечно, человек захочет ее получить).

Каплан указывают, что предпочтение человеком той или иной окружающей среды связано с теми ее качествами, которые имеют для него определенный смысл, т. е. основанием для предпочтения является информационное содержание пространства. Например, согласованность и четкость (разборчивость) связаны с пониманием или «созданием смысла» из окружающей среды. Сложность и тайна могут рассматриваться как аспекты исследования, «вовлечения» в окружающую среду или степень активности человека в ее исследовании и постижении.

К вышеперечисленным Д. Берлайн добавляет фактор новизны — новые для исследователя элементы. В своих исследованиях он доказывает, что красота связана с характеристиками подвижности и динаминости, при отсутствии которых возникают уныние и скука [14].

В *видеоэкологии* — науке о визуальной среде, предложенной физиологом В. А. Филином, — раскрывается феномен саккад (непроизвольных движений глаз) [18]. Глаз всегда ориентирован на исследование среды. В визуально богатой среде он «работает» и здоров. В искаженной среде глаз теряет эти функции — и возникает миопия.

Автор вводит понятие гомогенных и агрессивных видимых полей, характерных для современной архитектуры. Гомогенные визуальные поля — видимые поля в окружающем пространстве, на которых зрительные детали либо отсутствуют вообще, либо их количество резко снижено. В агрессивных же, наоборот, рассредоточено большое число одних и тех же элементов.

Агрессивная и гомогенная среда не просто воспринимается человеком как некрасивая — в ней не могут полноценно работать фундаментальные механизмы зрения, нарушается обратная связь между сенсорным и двигательным аппаратами. Декор зданий — это не «архитектурные излишества», а необходимые функциональные элементы, составляющие основу визуальной среды.

Относительно новая область эмпирической эстетики — *нейроэстетика*, — возникшая в начале XXI века, представляет собой учение о нейрологических принципах создания и анализа произведений искусства. Британский нейробиолог С. Зеки провел широкомасштабные исследования физиологической подоплеки восприятия изобразительного искусства (2004), восприятия музыки (2011)

и восприятия математической красоты (2013). Им было выявлено, что восприятие художественной и музыкальной красоты, а также красивых формул особенно заметно в медиально орбитофронтальной коре головного мозга [27].

Вышесказанное дает основания говорить о красоте как о явлении, существующем вне субъективного суждения человека, представляющем собой свойство вышестоящей по отношению к нему системы (трансцендентное, космос, вселенная, Создатель и т. д.), которое может быть описано на математическом языке (в терминах порядка, симметрии, меры, пропорции, гармонии, баланса, соответствия, тайны, новизны). Очевидно, что принципиальное значение для понимания красоты здесь будет иметь содержательное наполнение категории «вышестоящая система», которая имеет непосредственное отношение к философии человека и отражает его картину мира.

На что ориентируется человек, когда хочет быть красивым? Где находится эталон красоты? В природе, как у древнего человека? В социуме? В самом себе? Вне себя? *Красота в субъективном восприятии* строится человеком относительно собственных стандартов, берущих истоки в социальном сообществе, культуре, традициях, исторической эпохе. *Красота как объективная категория* является свойством вышестоящей системы и ее проявлением в материи.

Основное отличие, таким образом, состоит в том, куда человек помещает эталонный — максимально гармоничный и совершенный — образ, содержащий в себе стандарты некого явления, который обозначается как красивый.

Эти идеи могут быть полезны при обсуждении феномена «красота» в *психологическом консультировании*. Несомненно, в своих размышлениях клиент всегда обращается к собственной картине мира. С уважением к его субъективным взглядам, задача консультанта состоит в прояснении представлений клиента и расширении масштаба восприятия феномена «красота».

На основании собственного консультативного опыта назовем несколько областей, на которые стоит обратить внимание при обсуждении данной темы.

Чувство красоты. Чувство — эмоциональный процесс, отражающий субъективное оценочное отношение человека к реальным или абстрактным объектам.

Что клиент чувствует, когда видит что-то красивое (предмет, объект, ситуацию)? Как это отзыается в его теле? Насколько ясен для клиента язык его тела, насколько он находится в контакте с ним, умеет его слушать? Насколько развита способность сопереживания прекрасному?

Клиент не всегда обладает способностью увидеть, воспринять красоту, которая уже есть (красота человека рядом, красота мира, своя собственная красота), из-за недостаточно развитой чувствительности к ней. Осмысление чувств помогает клиенту быть в контакте с собой, более внимательным, дифференцированным к любым категориям и, конечно же, к красоте.

При обсуждении этой темы консультант может обратиться к тому, что воспитание эстетических чувств — навык восприимчивости, который необходимо развивать. Как обсуждалось выше, в некоторых культурах формированию этой способности уделяется очень большое внимание. Ведь если он будет воспитан, красота может стать самым настоящим ресурсом — потенциалом (далеко не всегда осознаваемым человеком), который может помочь решить проблему, является опорой в жизни вообще и трудной жизненной ситуации в частности.

Здесь уместно вспомнить опыт В. Франкла, который описывает примеры, когда люди даже в концентрационном лагере в условиях угрозы жизни оказывались способны видеть красоту и наслаждаться ею [19]. Красота меняет человека, гармонизируя и упорядочивая его, обращает к другим реалиям жизни. Задача консультанта состоит в том, чтобы помочь клиенту раскрыть способности чувствования красоты.

Мысли о красоте. Мысль — основная единица, «молекула» мышления, умение синтезировать информацию (извне) и знания (из собственного опыта) и выразиться этим вовне. Мысль — всегда уникальное и неповторимое явление.

Что думает клиент о красоте? Создано ли представление о красоте самостоятельно? И если да — что конкретно для клиента означает это явление? Насколько рациональны или иррациональны мысли о красоте? Если нет — откуда это представление заимствовано (из социума, от значимых людей и т. д.)? Насколько клиент находится под воздействием влияния культурных ценностей, социальных стандартов, мнений и установок отдельных лиц его окружения? Насколько он подвержен влиянию моды, рекламы?

Подобные вопросы помогают выявить степень самостоятельности клиента в суждениях о красоте. Кроме того, нельзя не сказать и о качестве этих суждений. Напомним, что иррациональные установки (по А. Эллису) включают в себя катастрофизацию, долженствование в отношении других, долженствование в отношении себя, оценочные установки [23]. Все это актуально и для обсуждаемой темы. Некоторые установки могут звучать так: «Красота — залог семейного счастья: подурнеешь — останешься одна, поэтому надо все время быть на высоте. Только красивые люди добиваются успеха. Я сам себя не люблю: слишком много морщин — я считаю себя некрасивым. Если у меня недостаточно красивая фигура, меня никогда не возьмут на приличную работу».

Как мы видим, в иррациональных установках может проявиться отношение клиента к другим и к себе. Тема красоты имеет непосредственное отношение к его самооценке, принятию себя; непринятие себя на внешнем физическом уровне связано с непринятием на внутреннем психологическом уровне. Выявление иррациональных установок и работа с ними могут помочь клиенту увидеть причины такого отношения к себе, потребности, которые стоят за ним.

Смысл красоты. Смысл (в данном контексте) — значение, которое имеет то или иное явление.

Красота для клиента: средство или цель? Если средство — для какой цели? Если цель — то зачем она нужна? Какие потребности она призвана удовлетворить? Чего на самом деле хочет клиент, когда желает быть красивым?

Нередко проблема заключается в недостаточной осознанности клиентом своих потребностей, стоящих за красотой. Часто это потребности в любви, признании, самовыражении, уважении, принадлежности к группе, получении социальной позиции или статуса, принятия себя, повышения самооценки и т. д.

В исследовании А. В. Цветкова и К. Е. Миттельман [20] изучались представления о красоте у здоровых лиц и пациентов с тревожно-депрессивной симптоматикой. Обнаружено, что для здоровых людей красота связана в большей степени с самореализацией и сексуальной привлекательностью, в то время как для тревожно-депрессивных пациентов — с уверенностью в себе и привлекательностью в межличностном общении.

Задача консультанта состоит в том, чтобы помочь клиенту увидеть связь красоты с различными категориями, выявить потребности, которые призвана разрешить красота, прояснить ее смысл, расширив таким образом его мировоззрение.

Суть красоты. Суть — краткое точечное определение, что есть что и кто есть кто.

Что такое красота для клиента? Что он вкладывает в это понятие? Как он знает, что некое явление (предмет, объект) красиво, а некое — нет? Опираясь на какие критерии, он делает этот вывод?

Желание быть красивым — естественная потребность человека. Однако нередко клиент осознанно или неосознанно называет красотой то, что ею в действительности не является. При обсуждении сути красоты следует обратить внимание на возможные искажения или подмены.

Такое случается и с другими понятиями, когда, например, клиент называет месть справедливостью; любовь подменяет заботой, терпением или принуждением; счастье — властью, материальным благополучием или чувством принадлежности к определенному сообществу, и т. д.

Красота может отождествляться с украшательством, копированием образцов чужого поведения, быть спутанной с модными тенденциями, сиюминутными желаниями или сужаться до какого-либо его свойства (большая грудь, пухлые губы, длинные ноги, отсутствие морщин, кольцо в носу, яркая татуировка и т. д.). Пропорции, гармония, симметрия, естественность оказываются осознанно или бессознательно искажены, или человек выбирает элементы не человеческой, а скорее животной природы. И тем не менее с точки зрения клиента это может считаться красивым.

Еще раз подчеркнем, что речь вовсе не идет об активном вмешательстве во взгляды клиента без его желания. Возможными действиями психолога будет прояснение картины мира и позиции; помочь в осмыслиении красоты как ценности и ее соотношения с другими ценностями, по возможности — увеличение масштаба его восприятия. Обсуждение темы красоты нередко обнаруживает несостыковки мировоззрения клиента и дает ему шанс изменений. Прояснение данного феномена дает доступ к скрытым возможностям клиента, сподвигает его думать самостоятельно, размышлять, развивать собственную мысль, выявлять смыслы — формировать таким образом собственное мировоззрение. Осмыслия содержательное наполнение феномена «красота», клиент имеет возможность изменить свое бытие.

Однако напомним, что цели психологического консультирования всегда зависят от запроса клиента и теоретической ориентации консультанта. Условием успешной работы во многом является консультант — его зрелая профессиональная позиция, сформированная картина мира. Чем более высокими, масштабными будут его взгляды, тем более глубоким, цельным станет то представление о красоте, которое он может обсуждать с клиентом.

Для того чтобы помочь клиенту, психологу необходимо стать красивым самому. Красота консультанта — выражение эталонного, максимально целостного гармоничного образа его картины мира — должна быть его осознанным ресурсом в психологическом консультировании.

-
1. Алексеева Т.И. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: МГУ, 1986.
 2. Андреева Н.С. Красота человека как способ бытия человеческой сущности: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 2014. 26 с.
 3. Гусарова К.О. Каноны красоты и гигиенические стандарты в культуре России 1890–1910-х годов: автореф. дисс. ... канд. культурологии. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2010. 27 с.
 4. Девдарадзе Е.А. Культурно-охранительная природа красоты: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Омск: Ом. гос. ун-т путей сообщ., 2010. 25 с.
 5. Ефремов И.А. Лезвие бритвы. М.: Фантастика, 2007. 652 с.
 6. Корбалан Ф. Золотое сечение. Математический язык красоты. М.: де Агостини, 2013. 158 с.
 7. Марсель Г. Быть или иметь / пер. И. Н. Полонской. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 160 с.
 8. Маслоу А. Дальнейшие рубежи развития человека. М.: Смысл, 1999. 425 с.
 9. Муратова О.В. Традиции красоты в истории европейской культуры: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Саранск: Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2009. 20 с.
 10. Пак А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе: Рос.-тадж. славян. ун-т, 2009. 229 с., ил.
 11. Погонцева Д.В. Красота как междисциплинарный объект исследований // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2013. № 5. С. 91–95.

12. Погонцева Д. В. Социально-психологические особенности представлений женщин о красивой женщине: дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2010. 299 с.
13. Рухленко И. А. Общие стратегии выживания организмов как причина макроэволюции и возникновения биоразнообразия Земли // Теоретические проблемы экологии и эволюции (Четвертые Любищевские чтения). Тольятти: ИЭВБ РАН, 2005. С. 180–191.
14. Смолова Л. В. Психология взаимодействия с окружающей средой (экологическая психология). СПб.: СПбГИПСР, 2010. 710 с.
15. Сокровицук А. А. Красота: онтологические аспекты философского анализа: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М.: Вят. гос. гуманитар. ун-т, 2011. 16 с.
16. Стайл Ш. Позитивная психология. Что делает нас счастливыми, оптимистичными и мотивированными / пер. с англ. М. Чомахидзе-Доронина; научн. ред. Т. Базаров. М.: Претекст, 2013. 288 с.
17. Суэми В., Адриаг Ф. Психология красоты и привлекательности. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
18. Филин В. А. Видеоэкология: что хорошо для глаз, а что плохо. 3-е изд. М.: Видеоэкология, 2006. 512 с.
19. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Книга по Требованию, 2012. 366 с.
20. Цветков А. В., Миттельман К. Е. Понятие красоты у лиц с различным уровнем тревожности//Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 105–108.
21. Щербинин М. Н., Андреева Н. С. Эстетико-антропологическая интерпретация выразительного потенциала человеческой красоты // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 25 (354). Философия. Социология. Культурология. Вып. 35. С. 45–49.
22. Эко У. Эволюция средневековой эстетики. СПб.: Азбука-классика, 2004. 288 с.
23. Эллис А. Рационально-эмоциональная поведенческая терапия. М.: Феникс, 2008. 160 с.
24. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефроня: Том XVI (32). Коялович — Кулон. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефроня), 1895. 501 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/brockhaus> (дата обращения: 28.10.2019).
25. Эстетика: Словарь / под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
27. Zeki S., Romaya J. P., Benincasa D. M. T. and Atiyah M. F. The experience of mathematical beauty and its neural correlates. Front. Hum. Neurosci. 2014. Vol. 8. P. 68.

References

1. Alekseyeva T. *Adaptivnieprozessi v populaziakh cheloveka* [Adaptive processes in human populations]. Moscow: Moscow State University, 1986. (In Russian).
2. Andreyeva N. *Krasota cheloveka kak sposob bytiya chelovecheskoy sushchnosti: Avtoref. dis. ... kand. philosoph. nauk.* [Beauty of a person as a way of life of human essence: Cand. Sc. (Philosophy) dissertation abstract]. Tyumen: Tyumen State University Publ., 2014. 26 p. (In Russian).
3. Gusarova K. *Kanony krasoty i gigiyenicheskiye standarty v culture Rossii 1890–1910 gg.: Avtoref. dis. ... kand. kulturologii.* [Canons of beauty and hygienic standards in Russian culture of the 1890s — 1900s: Cand. Sc. (Culturology) dissertation abstract]. Moscow, 2010. 27 p. (In Russian).
4. Devdaraidze Ye. A. *Kulturno-okhranitelnaya priroda krasoty: Avtoref. dis. ... kand. philosoph. nauk* [Cultural and protective nature of beauty: Cand. Sc. (Philosophy) dissertation abstract]. Omsk: Omsk State University of Railways Publ., 2010 (In Russian). 25 p.
5. Yefremov I. *Lezviye brityy* [Razor blade]. Moscow: Fantastika Publ., 2007. 652 p. (In Russian).
6. Korbalan F. *Solotoye sechenie* [Golden section]. Moscow: De Agostini Publ., 2013. 158 p. (In Russian).
7. Marsel G. *Bit ili imet* [To be or to have]. Novocherkassk: Saguna Publ., 1994. 160 p. (In Russian)
8. Maslow A. *Dalniye rubezhi razvitiya cheloveka* [Further frontiers of human development]. Moscow: Smysl Publ., 1999. 425 p. (In Russian).
9. Muratova O. *Traditsii krasoty v istorii yevropeyskoy kultury: Avtoref. dis. ... kand. kulturologii* [Beauty traditions in the history of European culture: Cand. Sc. (Culturology) dissertation abstract]. Saransk: Mordva State University named after N. P. Ogarev Publ., 2009. 20 p. (In Russian).
10. Pak A. *Sopostavitelnoye issledovaniye kontsepta "krasota" v kitayskom I russkom yazyikakh: Avtoref. dis. ... kand. philol. nauk* [Comparative study of the concept of «beauty» in Chinese and Russian languages: Cand. Sc. (Philology) dissertation abstract]. Dushanbe: Russian-Tajik Slavic State University Publ. Publ., 2009. 229 p. (In Russian).
11. Pogontseva D. *Krasota kak mezhdistsiplinarnyi obyekt issledovaniya* [Beauty as an interdisciplinary object of research]. *Nauchno-metodicheskiy zhurnal "Kontsept" – Scientific and Methodical Journal "Concept"*, 2013, (5), pp. 91–95 (In Russian).
12. Pogontseva D. V. *Sotsialno-psikhologicheskiye osobennosti predstavleniy zhenshchin o krasivoy zhenshchine: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Socio-psychological features of women's ideas about a beautiful woman: Cand. Sc. (Psychology) diss.]. Rostov-na-Donu: The South Federal University Publ., 2010, 299 p. (In Russian).
13. Rukhlenko I. *Obshchiye strategii vyzhivaniya organismov kak prichina vozniknoveniya bioraznobrazia Zemli* [General strategy of survival of organisms as a cause of occurrence of biodeversity of the Earth]. *Teoreticheskiye problem ekologii i evolutsii: Chetvertyye Lubishchevskiye chteniya* [Theoretical problems of ecology and evolution: The 4th Lubishchev Scientific Reading]. Tolyatti: The Institute of the Volga River Basin Ecology Publ., 2005, pp. 180–191 (in Russian).
14. Smolova L. *Psichologiya vzaimodeystviya s okruzayushchey sredoy*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2010. 710 p. (In Russian).

15. Sokrovishchuk A. *Krasota: ontologicheskiye aspekty filosofskogo analiza: Avtoref. dis. ... kand. philosoph. nauk* [Beauty: ontological aspects of philosophical analysis: Cand. Sc. (Philosophy) dissertation abstract]. Kirov: Vyatka State University of the Humanities Publ., 2011. 16 p. (In Russian).
16. Stayl Sh. *Pozitivnaya psikhologiya* [Positive psychology]. Moscow: Pretext Publ., 2013. 288 p. (In Russian).
17. Suemi V., Adriag F. *Psikhologiya krasoty i privlekatelnosti* [Psychology of beauty and attractiveness]. St. Petersburg: Piter Publ., 2009. 240 p. (In Russian).
18. Filin V. *Videoekologiya: chto khorosho dlya glaz a chto plokho* [Video ecology: what is good for eyes and what is bad] (3rd ed.). Moscow: Videoekologiya Publ., 2006. (In Russian). 512 p.
19. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu Publ., 2012. 366 p. (In Russian).
20. Tsvetkov A. V., Mittelman K. E. Ponatiye krasoty u lits s razlichnym uronem trevozhnosti [The concept of beauty for people with different level of anxiety]. *Teoria i praktika obshchestvennogo razvitiya — Theory and practice of social development*, 2013, (9), pp. 105–108. (In Russian).
21. Shcherbinin M. N., Andreyeva N. S. Estetiko-antropologicheskaya interpretatsiya avirazitelnogo potentsiala chelovecheskoy krasoti [Aesthetic and anthropological interpretation of the expressive potential of human body]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, (35), pp. 45–49 (in Russian).
22. Eko U. *Evolutsiya srednevekovoy estetiki* [Evolution of medieval aesthetics]. St. Petersburg: Azbuka Klassika Publ., 2004. 288 p. (In Russian).
23. Ellis A. *Ratsionalno-emotsionalnaya povedencheskaya terapiya* [Rational and emotional behavioral therapy]. Moscow: Fenix Publ., 2008. 160 p. (In Russian).
24. *Entsiklopedicheskiy slovar Brokgausa i Efrona. T. XVIA* (32). [Brochgaus and Ephron encyclopedic dictionary. Vol. XVIA (32)]. St. Petersburg: Semenov Typografy Publ., 1895. 501 p. (In Russian). Available at: <https://gufo.me/dict/brockhaus> (accessed 28.10.2019).
25. Belyayev A. A. et al. (Eds.) *Estetika: Slovar* [Aesthetics: Dictionary]. Moscow: Politizdat, 1989. 447 p. (In Russian).
26. Yaspers K. *Smysl i naznacheniye istorii* [Meaning and purpose of history]. Moscow: Politizdat, 1991. 527 p. (In Russian).
27. Zeki S, Romaya J. P., Benincasa DMT and Atiyah MF: The experience of mathematical beauty and its neural correlates. *Front. Hum. Neurosci*, 2014. pp. 8–68.

МАРГОШИНА ИННА ЮРЬЕВНА

кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
inna_che@rambler.ru

INNA YU. MARGOSHINA

*Cand. Sc. (Psychology) Associate Professor at the Department of Clinical Psychology
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УДК 159.9+ 615.851

РОЛЕВАЯ ИГРА: СТРУКТУРНЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

ROLE-PLAY: STRUCTURAL AND PROCEDURAL CHARACTERISTICS

Аннотация. Статья посвящена характеристики ролевой игры. Ролевая игра здесь характеризуется с позиции интегративного подхода, понимаемая как синтез индивидуального и коллективного опыта переживаний личностной трансформации в условиях безопасного «игрового поля». В статье также представлены законы создания ролевой игры. Представлены основные составляющие ее архитектоники: цель, содержание, этапы, правила и ритуалы. Отмечены базовые процессуальные характеристики динамики развития личности в ситуации игры. Описаны важные положения о функции ролевой игры в системе коррекционного и развивающего воздействия на личность.

ABSTRACT. The article is devoted to the characteristics of role-playing game. The role-playing game here is characterized from the perspective of an integrative approach, understood as a synthesis of individual and collective experience of experiences of personal transformation in a safe «playing field». The article also presents the laws of creating a role-playing game. The main components of its architectonics are presented: purpose, content, stages, rules and rituals. The basic procedural characteristics of the dynamics of personality development in a game situation are noted. The important provisions on the role of the role-playing game in the system of corrective and developing effects on the personality are described.

Ключевые слова: ролевая игра, архитектоника игры, этапы создания игры, игровые техники, игровые правила, ролевая идентификация.

KEYWORDS: role-play, architectonics of the game, the stages of creating the game, gaming equipment, game rules, role identification.

Феноменология игры в психологической науке связана с ее важным влиянием на становление личности. Во многом такая характеристика игры легла в основу игровой психотерапии [2, 3]. Данный метод применительно к интерпретации игры в плане коррекционного воздействия на личность был отражен в 20-х годах прошлого столетия в работах Я. Морено (*J. Moreno*), А. Фрейд (*A. Freud*) и М. Клейн (*M. Klein*).

Психотерапевтическая функция игры состоит в том, что условность, а значит, и безопасность игровой ситуации позволяет человеку научиться выстраивать различные отношения с окружающим миром, анализировать модели этих отношений и свою роль в них, что в целом положительно сказывается на социально-психологической адаптации личности.

Среди многообразия игрового материала, на наш взгляд, важное место в системе терапевтического и развивающего воздействия на личность занимает ролевая игра.

В связи с этим мы рассмотрим базовые характеристики ролевой игры. Прежде всего обратимся

к тем из них, которые мы определяем как преимущественные в системе ее развивающего и терапевтического воздействия на личность.

Ролевая игра представляет собой некий конструкт, созданный субъектом и для субъекта. В этом конструкте отражаются значимые для него смыслы. Например, это может быть моделирование нынешней житейской ситуации, требующей разрешения; создание символической локации для реагирования на различного рода переживания и действия. Так или иначе, в искусственной созданной локации ролевой игры субъект пробует трансформировать смыслы по-новому, прежде чем перенесет их в реальную жизнь и интегрирует в опыт через действия, мысли и чувства.

Игровой конструкт аккумулирует эмоционально значимые условия для интериоризации знаний, умений, навыков, реагирования патогенного опыта.

Личностная трансформация, преодоление жизненных трудностей, самоактуализация и развитие в ролевой игре связаны с обязательной процедурой игры — ролевой идентификацией. Она

предполагает включение субъекта в игру посредством усвоения правил-кодов своей роли.

Ролевая идентификация имеет оценочную характеристику. В ролевой игре каждый участник получает возможность оценить свои «Я-индивидуальное» и «Я-групповое», то есть определить свою идентичность в уникальном личном опыте («Я-индивидуальное») и в системе межличностного взаимодействия с остальными участниками игры («Я-групповое»). Последнее сопряжено с развитием межличностного взаимодействия участников игры. В нем отрабатываются важные коммуникативные навыки. Это предполагает как необходимость погружения участников в собственную роль, так и понимание ролей других игроков. Важно создать такие условия в ролевой игре, чтобы каждый игрок был в них коммуникативно активен — взаимодействовал с другими участниками игровой среды.

Структурные компоненты, или архитектоника ролевой игры, представляют собой основной материал для ее построения. С нашей точки зрения, учет функциональной нагрузки каждого компонента позволит разрабатывать наиболее эффективные ролевые игры согласно различным задачам терапевтического и развивающего плана.

Архитектоника ролевой игры, на наш взгляд, близка к структурной характеристике компонентов сказочных сюжетов, описанных В. Я. Проппом [4]. В отношении ролевой игры такими компонентами являются: 1) целевая характеристика, 2) содержание, 3) игровые правила, 4) игровой реквизит, 5) игровая роль, 6) игровое поведение.

1. Целевая характеристика.

Ее смысл — обеспечить направленность игровой динамики. То есть игра в конечном итоге направлена на освоение и интеграцию индивидом тех аспектов своей личности и связанных с ними эмоций, мыслей, действий, о которых он, может быть, не знал или которые не принимал в себе и других. Так, погруженный в локус искусственного пространства игры индивид, примеряя на себя ту или иную роль, старается понять ее характеристики относительно себя, других людей, а также освоить важные правила поведения в сложных ситуациях, в профессиональной, учебной, личной жизни, идентифицировавшись с разнохарактерными персонажами.

2. Содержание.

Речь идет о внутреннем наполнении динамики игрового процесса, который опосредован различного рода интеракциями участников, особенностями их личности и тех ее сторон, которые могут быть интровертированы в игровую роль.

Элементами анализа содержания ролевой игры являются:

- *Игровая ситуация или игровой замысел.* При игровой ситуации важно учитывать соответствие представленной в игре проблематике запросам и трудностям участников ролевой игры. Игровая ситуация должна обладать большим мотивационным компонентом, быть эмоционально значимой для участников.

- *Сюжетная канва ролевой игры.* Иными словами — «игровой маршрут». Его составляющие

представлены по аналогии с литературным сюжетом:

а) Вступление (начало действия), предполагающее погружение в игровое пространство, знакомство с правилами, ролью.

б) Завязка. Это своеобразный триггер, актуализирующий игровую ситуацию. «Триггерами» могут быть сами участники игры, инсценируя свою историю, или ведущий разными сигнальными кодами (музыка, визуальные образы, тексты-вступления и т. п.) запускает начало игрового процесса.

в) Развитие игровых событий. Игровые события состоят из небольших эпизодов. Они логически построены так, чтобы затем перейти в следующий этап сюжета — игровую кульминацию.

г) Игровая кульминация. Это максимальное напряжение игровой ситуации. Она требует от индивида больших ресурсных затрат, чтобы овладеть навыком, выполнить задачу, диктуемую ролью. С нашей точки зрения, именно кульминация должна стимулировать ролевой инсайт (осознание смыслового, эмоционального, действенного эффекта роли). Показателем ролевого инсайта, на наш взгляд, является способность индивида именно в самой трудной ситуации игрового конфликта понять не только смысл своей роли, но и то, какое отношение она имеет к его собственной личности, какие черты характера, мотивы, ценности, присущие индивиду (до ролевого инсайта им не осознанные), она отражает. В игре может быть несколько кульминаций. Но, так или иначе, игра потеряет смысл без накала, точки разрешения конфликта, преодоления препятствий.

д) Развязка. Она характеризуется как последствия кульминации и предполагает, что после нее индивид приобрел некоторый опыт (межличностного взаимодействия, совладания с эмоциями, трансформация более адаптивных поведенческих навыков и т. п.).

е) Завершение игры. Игровая задача состоит в создании условий для выхода из игровой ситуации. Эффективность перехода из игрового мира в реальность достигается при помощи «деролинга» — процедуры ролевого разотождествления. Итогом ее становятся дифференциация участниками игры своей личности от «игровой роли» и понимание выхода из «пространства игры» в пространство настоящей реальности.

- *Рефлексия игрового процесса.* Она включает анализ полученного опыта, отслеживание трудностей, а также эффективных стратегий овладения навыками ролевой идентификации, межличностного взаимодействия, степени погружения в игровую ситуацию. Процесс осмысливания игровой и ролевой динамики происходит как в ситуации самой игры, так и после ее завершения.

3. Игровые правила.

Этот компонент архитектоники является важным связующим элементом в игре. Игровые правила образуют для участников игры «трамплин» для игрового погружения, для выхода из игры и роли в ней. На наш взгляд, чтобы игровые правила действительно помогали развивать игровую динамику, необходимо учитывать следующие требования к игровым правилам:

1. Все участники игры обязаны знать игровые правила. Они должны принять правила или выработать те, которые устраивают всех. Если правила игры не усваиваются или с ними знакомы не все «игроки», возникает риск некачественного выполнения цели и задач игры, межличностных конфликтов, снижения у «игроков» мотивации в реализации своей роли и в целом к участию в игре.

2. По своему содержанию правила в ролевой игре могут включать следующие элементы: регламент действий и этапов; требования к роли (назначение, функция, свобода действия), в том числе требования к роли ведущего (функции, обязанности).

3. Объем игровых правил. С учетом динамики, экспрессии ролевой игры трудность запоминания всех правил часто связана с работой психологических защит по типу «сопротивление» (бессознательный отказ от их выполнения), «вытеснение» (забывание правил) и даже «реактивное образование» (опять неосознанное выполнение действий, противоположных тому или иному игровому правилу), и т. п. В связи с этим важно формулировать правила таким образом, чтобы их было не так много. Достаточно будет сформулировать от 5 до 8 правил. При этом важна их наглядная презентация — чтобы участники не только слышали от ведущего напоминания о правилах, но и в любой момент могли их увидеть.

4. Логика правил. Правила всегда должны быть связаны с игровой целью.

5. Этический компонент правил. Речь идет о принципах реализации ролевой игры. Игровые правила, как и сама ролевая игра, по ним построенная, не должны противоречить нормам этики. Прежде всего необходимо учитывать социальные, культурные и возрастные нормы.

4. Игровой реквизит.

В игровой реквизит входят средства, обеспечивающие смысловое заполнение игрового действия. К реквизиту могут относиться визуальные и аудиальные средства (например: предметы быта, предметы средового антуража, музыкальное сопровождение, одежда игроков).

Реквизит игры выполняет многофункциональную задачу. Символика реквизита, как и символика ролевой игры, может способствовать реагированию на подавленные желания, стремления, эмоции. Реквизит должен подбираться с учетом решения игровых задач. Он не должен диссонировать с логикой сюжета, игровой роли. Наоборот, с его помощью лучше реализуются погружение в игру и роль, овладение той или иной способностью. Эргономичность и безопасность реквизита для участников также учитываются при его подборе.

5. Игровая роль.

Это суть игровой позиции участника. Игровая роль может обозначаться, согласно терминологии К. Г. Юнга, как «персона» [5]. Это некая маска, надевая на себя которую, индивид начинает действовать согласно ее правилам. В ролевой игре важной задачей становится возможность эффективной идентификации участников с заданной «персоной». Полученная субъектом роль — это не только понимание позиции, алгоритма действий согласно роли.

Это и возможность ощутить реальные переживания о себе, ситуации и других участниках изнутри своей роли. Игровая роль дает возможность индивиду изменить фокус восприятия себя в другой ситуации и позиции.

Игровая роль обладает защитной функцией, несмотря на тот факт, что ее задача — позволить индивиду выйти из «зоны личностного комфорта», то есть из своих устойчивых стереотипов поведения, эмоциональных и когнитивных реакций. Сама условность игровой ситуации, ее виртуальная, воображаемая реальность позволяет защитить индивида от рискованного выхода за рамки «зоны личностного комфорта», к тем областям своей личности, которые он пока не готов принять. Даже идентифицируясь с непривычной для себя ролью, индивид имеет возможность в безопасной игровой реальности попробовать новый для себя способ действий. Только после его усвоения и принятия через игру и свою роль индивид сам может принимать решения о реализации такого способа в действительности. Таким образом, игровая роль дает человеку возможность расширить границы зоны комфорта, принять то, что ранее считалось для субъекта неприемлемым. Например, принять свою агрессивность, гиперконтроль, свои страхи и т. п.

Не менее важным аспектом в ролевой игре является предоставление возможности индивиду выступить в игре в качестве самого себя. При этом ролевой реквизит и иные ролевые позиции других участников объединяются в один коллективный «фидбэк» (обратную связь). Это расширяет контекст самопознания, понимание того, как индивид (субъект игры) выглядит относительно оценок, мнений о нем со стороны других.

6. Игровое поведение.

Игровое поведение участников ролевой игры детерминировано воображением. Оно включает творческое понимание своей роли и задач других участников. В воображение интерполируются и правила игры. Они замещают недостающие «лакуны» в системе творческого преобразования действительности.

На наш взгляд, игровое поведение, понимаемое как интеграция и логика игровых действий, позволяет наблюдать игровую динамику не «линейно», а «системно». Системный подход к анализу игрового поведения включает такие компоненты, как индивидуальная игровая деятельность каждого субъекта, интеракции ролевых взаимодействий, символическая функция реквизита.

Именно игровое поведение позволяет расширить диагностические функции ролевой игры. Ролевая игра не предполагает нарратив, заранее заданный текст для каждого участника игры. Определен лишь сюжет, представлены в правилах только «эскизы» ролей. В игровом поведении от участников требуется максимальная доступность к механизму и возможностям собственной идентификации. Это требования реализуются при помощи соответствия задачи роли тематике сюжетной композиции. При этом учитывать вариабельность игрового поведения, направленного на решение ролевой задачи.

Эффективность реализации ролевой игры определяется реализацией всех ее этапов.

Процедура проведения ролевой игры включает следующие этапы.

1. *Подготовка к игре*. Это самый большой этап, на котором, собственно, и конструируется игра. Он требует четкого определения цели игры и ее задач. Важно, чтобы все эти сегменты были достижимы для участников игры, соответствовали характеру запросов, а задачи отражали общую ее цель. В специфику запроса участников может входить исследование важных личностных характеристик, форм поведения.

Сюжет игры досконально проверяется именно на данном этапе. Здесь учитывается характер выбора игровой ситуации (реальность, или реальность с элементами вымысла, или абсолютно фантастический сюжет). А также хронотоп содержания игры, который предлагает действие игроков в прошлом, настоящем или будущем.

Сценарный план игры предполагает дифференциацию ее на различного рода игровые этапы, возможно, с несколькими коллизиями. Но везде — фокус на коллизии в сюжете игры. Интересен именно накал игровой ситуации, где индивиды решают для себя важные задачи, которые они пытаются разрешить в локусе игрового поля. Сюжет игры предполагает включение разминок. Они должны быть адекватны целям и задачам игры, носить мотивирующую нагрузку (например, введение игровой разминки может позволить участникам символически перенестись в другое игровое пространство во времени или месте, поменяться ролями и т. д.).

В подготовку к игре входит определение количества ролей согласно задачам игры. Кроме того, при подготовке важно в процедуре подачи важной информации участникам игры сфокусироваться на следующих задачах:

1) Как представить игровой регламент.

2) Как выяснить необходимость участникам игры дополнительных ресурсов (реквизит, пространство, роли).

3) Как обеспечить процесс «деролинга» и эффективно представить ситуацию выхода из игры.

Критерии оценивания игры и деятельности участников также должны быть продуманы на начальном этапе игры. Они могут включать как устную форму в виде обсуждений и обратной связи, так и письменную (бланки экспертных оценок, анкеты для участников игры).

2. *Разъяснительный этап*, или игровой инструктаж. Здесь ведущему требуется максимально четко сориентировать участников относительно:

- целей и задач работы;
- игрового регламента (правила, время, место);
- основной канвы сюжета;
- ролей (задачи, настрой на роль, выхода из роли);
- игрового реквизита;
- процедуры завершения игры.

Для этого ведущий может активно использовать подручные средства (пакет письменного материала с информацией о роли, задачах, правилах; с описанием сюжета).

3. *Процессуальный этап*. Это основной этап реализации ролевой игры. На данном этапе важна сама динамика хода игры, ее основных коллизий, ролевых взаимодействий участников. Контроль за реализацией процессуального этапа относится к ведущему. Его важные функции:

- управляет игровым процессом (переход на следующие этапы игрового сюжета, мотивация участков на разрешение конфликта в «эпицентре» коллизий игры);
- сохраняет игровые границы (пресекает вмешательство в игру со стороны не включенных в нее лиц);
- следит за игровым содержанием (регламент, правила, реквизит, взаимодействие участников игры, задачи роли);

4. *Этап завершения игры*. На данном этапе участники игры анализируют свой опыт относительно целей игры и относительно своей роли. Также проводится групповая и индивидуальная (от каждого участника) оценка эффективности игры. Активна рефлексия участников игры в направлении понимания собственной личности. На данном этапе также могут составляться некоторые рекомендации (от участников или группы относительно самой игры, ее ценности и т. п.). Подведение общих итогов игры завершает ведущий. Итог ролевой игры предполагает значимые и ясно понимаемые результаты оценок в достижении различных игровых действий.

Важные критерии, которые позволяют оценить эффективность ролевой игры, — это возможность и способность участников применить игровой опыт в реальной жизни. В связи с этим нужно понимать, что итог игры, ее результативность будут всегда иметь двусторонний результат. Один — краткосрочный — в виде обратной связи после участия в игре. Другой — пролонгированный — спустя какое-то время после окончания игры.

Такие результаты делают ролевую игру идентичной с любым другим видом психологического вмешательства, где уже априори предполагаются краткосрочный и долгосрочный итоги.

Игровые техники — тот материал, который заполняет конструкт игры. С нашей точки зрения, наиболее эффективными техниками, используемыми в ролевых играх, являются те, которые связаны с динамикой игрового процесса, а также техники, которые необходимы при организации самой игры.

К техникам, связанным с динамикой игрового процесса, мы относим технику «Аквариум», технику «Параллель», «Технику поддержки» (или «Актер и супфлёр»).

1. Техника «Аквариум»

В социометрическом ключе она состоит из участников внутреннего и внешнего игровых полей. Основная группа игроков, которая осуществляет непосредственное действие в центре игрового «поля», формирует «внутренний игровой круг». Другая группа участников, куда входят второстепенные персонажи или наблюдатели за игрой, формирует «внешний игровой круг». Несмотря на тот факт, что игра непосредственно проводится во «внутреннем круге», из «внешнего

круга» в нее могут включаться остальные участники. На рис. 1 графически представлена расстановка участников по данной технике.

Рис. 1. Расстановка участников ролевой игры по технике «Аквариум»

Условия включения участников из внешнего игрового круга во внутренний:

- введение игрока в тот или иной этап игрового сюжета;
- обратная связь участников-наблюдателей из внешнего круга на те или иные действия активных игроков.

Поэтому сам игровой процесс затрагивает всех участников. Его разница — в активности проявления действий.

Эффективность данной техники при проведении ролевой игры заключается в следующем:

1. Позволяет динамично перемещать во «внутренний круг» тот или иной игровой «кадр», имея возможность концентрироваться только на нем.

2. Смена активности для игроков ролевой игры позволяет развить двуплановую рефлексию. Она представляет возможность игрокам анализировать собственные действия, мысли и чувства при непосредственном включении в игру и в свою роль во «внутреннем круге» или при переходе из него во «внешний круг», где есть возможность отсторониться от прежней роли, объективно ее оценить. Участники «внешнего круга», которые только наблюдают за игровым процессом, без опыта перехода, могут обнаружить некоторую идентичность в сфере ощущений и анализа игровых действий, получить опыт групповой фоновой рефлексии.

На наш взгляд, существуют некоторые сложности при использовании данной техники. Они связаны с трудностью спонтанной игры участников во «внутреннем круге» при условии активного наблюдения за ними со стороны участников «внешнего круга».

Поэтому, чтобы преодолеть такую сложность, ведущему приходится постоянно поддерживать еще один латентный уровень игрового сюжета, связанный с переходом участников из одного «круга» в другой.

Чем активнее и динамичнее такие переходы, тем меньше создается ощущение, что наблюдатели «внешнего круга» могут быть лишь наблюдателями, находящимися в некоторой безопасности. Динамика перехода позволяет им быстро перейти в роль активных участников.

2. Техника «Параллель».

Игровой сюжет одновременно разыгрывается в небольших подгруппах. В них также могут быть

и наблюдатели. Например: 2–3 человека играют в подгруппе, а 2 человека — зрители. Роль ведущего — организационная. Он следит за правилами, временем и в целом за атмосферой игрового процесса. Может включаться в ту или иную группу, если группа просит помощи. Графически техника представлена на рис. 2.

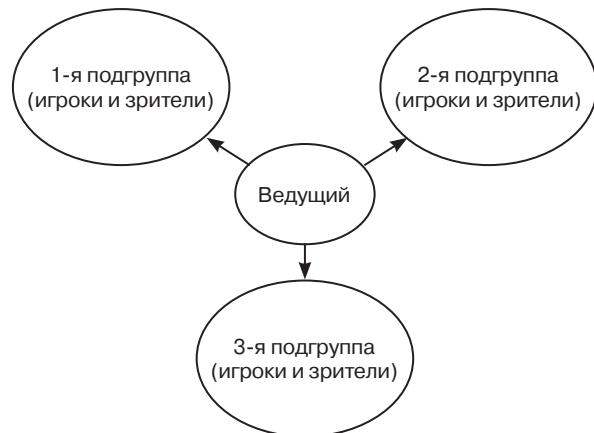

Рис. 2. Расстановка участников ролевой игры по технике «Параллель», играющих один и тот же сюжет

При завершении игры в подгруппах все участники уже объединяются в один круг, в котором осуществляется обратная связь, анализ того или иного игрового опыта, исследование вариаций единого для всех групп игрового сюжета. Даже если ведущий и другие участники не имели возможности активно наблюдать проигрывание ролей друг у друга, итоги игры позволяют представить всем больше аналитической информации, включая многообразие интерпретаций ролей, игровых тем.

3. Техника «Ролевая рокировка».

Она включает различные варианты, связанные с перестановкой ролей. Так, например, участники поочередно проигрывают одну и ту же роль. Они могут меняться друг с другом ролями. Игровое взаимодействие происходит при включении участника с какой-то ролью, а затем происходит то же действие, но участник уже не включен в него, а наблюдает со стороны. Обычно такая техника может использоваться при анализе тех или иных элементов большой игры, когда участникам требуется углубленная рефлексия относительно своего состояния или анализ интеракции с позиции своей роли. «Ролевая рокировка» может также использоваться при процедуре игрового «разогрева», когда участникам необходимо подстроиться под свою роль, определить ее задачи, свою личную позицию в ней.

4. «Техника поддержки» (или «Актер и суплер»).

Она характеризуется тем, что один из участников играет основную роль, а второй выполняет функцию «суплера», то есть помогает ему эту роль исполнить. Например, подсказывает ответные действия, лучшую коммуникативную тактику в диалоге и т. п.

Часто такая техника применяется в ролевых играх, отражающих в сюжете реальные события

из жизни участников. Функция супфлера обычно передается тому участнику, который является героем сюжета, но его роль передается тому игроку, которого он должен как супфлер поддерживать. В качестве супфлера может выступать участник — как эксперт в той жизненной ситуации, которая разыгрывается, поскольку эта ситуация отражает его собственную. Такой «супфлер» поддерживает основного игрока, подсказывая тому, как возможно лучше проиграть роль того персонажа, который знаком ему по реальной истории, или персонажа, который может отражать те или другие черты его личности.

Из техник, которые необходимы при организации самой игры, на наш взгляд, наиболее важными являются техника «Сценарий ролевого баланса» и техника введения в роль «Установка» [1].

1. Сценарий ролевого баланса.

Сценарий ролевого баланса показывает, какие роли, исходя из задач игры, могут быть перегружены, а какие, наоборот, «недогружены». Эта техника рисуночная. Она предполагает построение графика. В нем вершинами будут являться роли, а отношения между ними определяются базовыми задачами игры и графически выражаются в «стрелках»-связях. При этом если от роли идут много стрелок к другим ролям и мало — к ней, то это говорит о перегруженности роли. Если к роли и от нее идет мало стрелок, то роль второстепенная и «недогружена». Тогда стоит подумать, чем ее можно дополнить. Например: ввести игровой реквизит, расширить задачи для роли или убрать роль вообще. В идеале все роли должны иметь двойные стрелки-связи (от себя к другим и от других к себе).

Например, рассмотрим ролевую игру, которая построена по сюжету сказки «Колобок».

По сюжету в игре участвуют следующие персонажи: Колобок, Бабка, Дедка, Заяц, Волк, Медведь и Лиса.

- Колобок. Задача в игре: убежать, «чтобы не быть съеденным». В интеракции с какими ролями данная задача реализуется: Бабка, Дедка, Заяц, Волк, Медведь, Лиса.

- Бабка. Задача в игре: удовлетворить потребность Дедки, слепить ему «колобка». В интеракции с какими ролями данная задача реализуется: Дедка.

- Дедка, Заяц, Волк, Медведь, Лиса. Задача в игре идентичная: потребность в еде.

В интеракции с какими ролями данная задача реализуется: Дедка — Бабка; Заяц — Колобок; Волк — Колобок; Медведь — Колобок; Лиса — Колобок.

Схематично роли участников и реализация их задач относительно своей роли представлены на рис. 3.

На рис. 3 видно, что Колобок — ключевая фигура и от него сильно зависит протекание игры (следовательно, в этом месте не должно быть никаких сбоев). У него больше всего «стрелок-связей». Даже несмотря на то, что от Дедки и Бабки к нему никаких интеракций не ведется. У остальных «игроков» есть стрелки-связи как со стороны роли, так и к ней, что говорит о наличии баланса. Если все роли сбалансированы, то им не требуются дополнительные задачи или введение других персонажей.

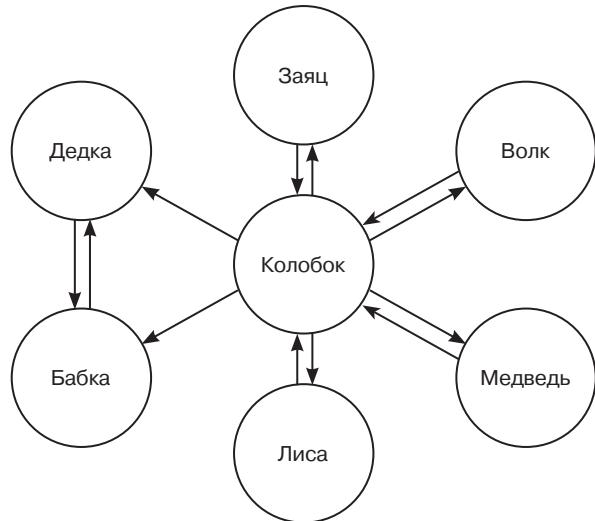

Рис. 3. Схема распределения ролей и задач по каждой роли по сказке «Колобок»

2. Техника введения в роль «Установка».

Под установкой мы понимаем сообщение (устное или письменное), которое передается ведущим в процессе подготовки участника или участников к игре. Для ролевых игр выделяют такие виды установок, как генеральная, индивидуальная и командная.

Генеральная установка делается перед началом игры для всех игроков. Функции генеральной установки:

- 1) Очертить границы игрового пространства (т.е. задать систему ограничений и условностей игры).

- 2) Дать представление о типе игрового мира. Например, указывается историческая эпоха или отрезок биографии участника игры; указываются законы, типы отношений между персонажами, вводятся термины и понятия, отражающие игровую лингвистику, и т. п.

- 3) Задать набор возможных в игре действий, ситуаций.

- 4) Предупредить о процедуре выхода из роли.

Индивидуальная установка включает в себя информацию, которая касается персонально той роли, которая предлагается данному игроку. Она состоит из:

- 1) Указания места персонажа в игровом мире (сюда относится личная история персонажа, его положение в игровом мире. Сюда же относится наличие очень игрового имени. Имя — это часть роли, знак того, что игрок отделяет от себя персонажа. Имя может быть предложено ведущим или выбрано игроком самостоятельно).

- 2) Указания знаний о мире, которыми обладает персонаж (это знание может дополнять то представление, которое передается на общей установке, либо прямо противоречить ему; в последнем случае необходимо жестко фиксировать, что определенная часть общей установки данного игрока не касается).

- 3) Указания об игровой задаче, которую необходимо выполнить индивиду в своей роли. Например: особые возможности, способности, черты характера, способы действия и т. п.

Командная установка дается ведущим специально выделенным группам (командам), с разными ролевыми задачами. Командная установка по функциям соответствует индивидуальной, только вместо одного участника здесь выступает группа.

Основное требование к любой установке — ее понятность. При выполнении установки вхождения в роль ведущему важно наблюдать, как человек понимает предлагаемый ему текст о роли, и не допускать ни единого момента непонимания.

Следует отметить, что установка перед игрой оказывает огромное влияние на ход ролевой игры. Показателем эффективной установки будет являться наличие ролевой идентичности, выполнение ролевой задачи.

Таковы общие структурные, содержательные, процессуальные характеристики ролевой игры. Без их учета невозможно как само моделирование игровой действительности, так и определение психологических задач ее воздействия на личность.

-
1. Двирник С.И., Смеркович Л. Е. Сценирование ролевой игры [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mydocx.ru/2-13390.html> (дата обращения: 10.05.2019).
 2. Лэгдрет Г.Л. Игровая терапия: искусство отношений. М.: Институт практической психологии, 1998. 368 с.
 3. Мустакас К. Игровая терапия (Живые отношения). СПб.: Речь, 2000. 281 с.
 4. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 192 с.
 5. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. М.: ACT, 2009. 252 с.

References

1. Dvirnik S. I., Smerkovich L. Ye. *Stsenirovaniye rolevoy igry* [Role-play staging] (in Russian) Available at: <https://mydocx.ru/2-13390.html> (accessed 10.05.2019).
2. Legdret G. L. *Igrovaya terapiya: iskusstvo otnosheniy* [Game therapy: the art of relationships] Moscow: Institute of Practical Psychology Publ, 1998. 368 p. (In Russian).
3. Moustakas K. *Igrovaya terapiya (Zhivyye otnosheniya)* [Game therapy (live relations)]. St. Petersburg: Rech, 2000. 228 p. (In Russian).
4. Propp V. Ya. *Morfologiya volshebnoi skazki* [The morphology of a fairy tale] Moscow: Labyrinth Publ., 2001. 192 p. (In Russian).
5. Jung K. G. *Tevistokskiye lektsii. Analiticheskaya psikhologiya: teoriya i praktika* [lectures. Analytical psychology: its theory and practice]. Moscow: AST Publ., 2009. 252 p. (In Russian).

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

ПЛАТОНОВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА

доктор педагогических наук, профессор,

заведующая кафедрой теории и технологии социальной работы

Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,

info@gipsr.ru

NATALYA M. PLATONOVA

D.Sc. (Pedagogy) Professor; Head of the Department of Theory and Technology
of Social Work of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 376+65.272

СОЦИАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ОБЛАСТЬ ИННОВАЦИОННОЙ ПРАКТИКИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРОФИЛЯ

SOCIAL EDUCATION AS AN AREA OF INNOVATIVE PRACTICE OF TRAINING SOCIAL SPECIALISTS

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития социального образования в контексте инновационных подходов к практике подготовки специалистов социального профиля для обеспечения кадрового потенциала системы социального обслуживания населения. Обосновывается необходимость нестандартных подходов к организации образовательной деятельности в вузах социального профиля для усиления инновационного потенциала деятельности будущих специалистов социального профиля. Предлагается широко внедряемая сетевая парадигма профессионального образования и переход от стандартизированного обучения к индивидуально-ориентированному социальному образованию, которое учитывает интересы и потребности обучающихся. Особое внимание отведено формированию практических умений и компетенций, направленных на решение актуальных профессиональных задач, и технологическим аспектам организации учебного процесса обучения в системе непрерывного социального образования.

ABSTRACT. The article proves the expediency of new approaches to the organization of additional professional education of social sphere specialists. Attention is given to the technological aspects of the organization of educational process. The necessity of non-standard approaches to the organization of educational activity in higher schools of social profile to intensify innovative potential of future social specialists is substantiated. A wide net paradigm of professional education and transition from standardized training to individually-oriented social education based on the interests and needs of students is offered. Special attention is paid to the formation of practical skills and competence aimed at the solution of actual professional tasks and technological aspects of the organization of educational process in the system of continuous social education.

Ключевые слова: социальное образование, профессионализация социальной работы, специалисты социального профиля, дополнительное профессиональное образование, профессиональное развитие обучающихся, образовательные технологии, инновационные методы обучения, эффективность процесса подготовки.

KEYWORDS: social education, professionalization of social work, specialists of social profile, additional professional education of social sphere specialists, professional development of students, educational technologies, innovative methods of teaching, effectiveness of training process.

Отечественная система профессионального образования переживает очередной этап реформирования, целью которого является переход на инновационное развитие, отражающее тенденции мирового образовательного пространства и развития передовых национальных образовательных систем. В большинстве стран стратегической задачей становится обновление образования путем пересмотра концепций и моделей образования, ведущей

из которых становится модель свободы выбора в удовлетворении запросов потребителей образовательных услуг. В развитых странах мира затраты на исследования и разработки в этом направлении ежегодно составляют в среднем до 12 % всех ассигнований на науку в области образования.

Ведущим принципом образовательных реформ становится «принцип непрерывности», отражающий процессы развития образования как

«непрерывного безостановочного процесса постоянного внедрения прогрессивных новшеств» [1, с. 15]. Это обусловлено конкурентной рыночной экономикой, актуализирующей потребность в специалистах, легко адаптирующихся к изменяющимся условиям, профессионально мобильных и способных к реализации своих компетенций, отличающихся способностью принимать решения в нестандартных ситуациях и нести за них ответственность; работать с высокой эффективностью; готовых к постоянному личностному и профессиональному развитию как основы, обеспечивающей эффективность выполняемой деятельности. В условиях информационного общества профессиональное образование приобретает особую ценность для каждого человека, выступая средством социализации, проявляющейся в овладении необходимыми для жизни компетенциями и уверенности в своих личностных возможностях.

Исторически сложившая система отечественного профессионального образования была ориентирована в основном на запросы общественной системы (социальный заказ) и не предусматривала возможность свободного самоопределения личности в процессе получения профессионального образования. В современных взглядах на профессиональное образование целесообразность рассмотрения целеполагания исключительно через призму социального заказа ставится под сомнение. Так, широко внедряемая сетевая парадигма профессионального образования нацелена прежде всего на переход от стандартизированного обучения к индивидуально ориентированному образованию, основанному на учете интересов и потребностей обучающихся; трансформации пассивного освоения образовательных программ в дистанционное обучение для формирования практических знаний и компетенций, направленных на решение актуальных профессиональных задач; переход от дискретной во времени и пространстве организации учебного процесса к непрерывному образованию.

В формулировании целей современных национальных систем образования акценты смещаются с накапливания теоретических знаний к подготовке нового поколения специалистов, способных быстро адаптироваться к изменяющимся условиям жизнедеятельности. Современная парадигма профессионального образования в первую очередь ориентирована на инновации, которые имеют выход на экономическую реальность [6, 11].

С 90-х годов прошлого века в нашей стране начинает развиваться социальное образование как «инновационная область образовательной практики». Развитие социального образования определяется стратегией социальной политики в условиях масштабных социально-экономических изменений. За короткий срок по мировым меркам отечественное социальное образование убедительно показало эффективность решения актуальных общественных проблем средствами профессиональной социальной работы. В самом общем виде социальная работа представляет собой профессиональную (или добровольческую) деятельность, имеющую целью содействие человеку, семье и другим

категориям населения в преодолении личностных и социальных трудностей различными видами помощи. По своей аксиологической и функциональной природе социальная работа представляет собой один из самых многоплановых и трудоемких видов профессиональной деятельности, которая требует от специалистов социального профиля не только умений компетентно решать проблемы клиентов, но и высокого уровня готовности к активной творческой (к创ативной) деятельности. Социальная работа как вид деятельности отличается также своим междисциплинарным, интегральным и опосредующим характером [10].

Несмотря на то что система социального обслуживания развивается в нашей стране достаточно интенсивно, возникает необходимость усиления внимания к вопросам концептуализации изменений в социальной политике и модернизации различных аспектов социальной работы с различными группами населения в связи с ростом социально уязвимых и маргинальных групп населения. Необходимы новые подходы к оценке потребностей в социальных услугах с точки зрения их объема, номенклатуры и имеющихся социальных ресурсов для достижения максимально благоприятных условий жизнедеятельности большинства граждан.

Для воссоздания в процессе обучения «этой живой социальной деятельности» необходимы качественно новые нестандартные подходы к организации подготовки специалистов социального профиля в системе непрерывного социального образования, которое становится последовательно средством и инструментом развития личности профессионала в области социальной деятельности.

Деятельность специалистов социального профиля в настоящее время регламентируется профессиональными стандартами, направленными не только на совершенствование отдельных трудовых функций, но и на мотивацию к профессиональному творчеству и инновациям. Профессиональная креативность специалиста социального профиля проявляется в умении видеть, ставить и творчески решать профессиональные задачи, в умении прогнозировать развитие тех или иных проблем, связанных с выполняемой работой; в умении творчески решать профессиональные задачи, вести эвристический поиск при столкновении с проблемной ситуацией клиентов, которые не решаются логическим путем [9, с. 142].

Новаторство в социальной работе предполагает отказ от стереотипных видов, форм и методов работы с клиентом, т. к. в большей степени ориентировано на профессионально-технологический, исследовательский характер. Инновационная деятельность специалистов социального профиля может включать в себя разработку, апробацию различных проектов для совершенствования научно-методического, организационного, правового, кадрового обеспечения деятельности учреждений на основе различных форм межведомственного взаимодействия. В условиях обновления процессов в сфере социального обслуживания особое значение и важное конкурентное преимущество приобретает научно-исследовательская, инновационная

(экспериментальная) деятельность персонала социальных учреждений. Инновационный потенциал современного специалиста социального профиля предполагает творческий подход к социальной деятельности, постоянный личностный и профессиональный рост, обеспечивающий эффективность социальной деятельности, связанный не только с решением повседневных неотложных проблем клиентов, но и с прогнозированием рисков возникновения социальных конфликтов. Многофункциональная социальная деятельность предполагает достаточно высокий уровень квалификации специалистов, работающих в социальной сфере, что может быть обеспечено специализированным обучением, опытом работы, дополнительной подготовкой сотрудников, личной мотивацией к профессиональному росту и творческим подходом к выполняемым должностным обязанностям. Специалисты помогающих профессий должны обладать достаточно высоким уровнем социальной приспособляемости и гибкости в связи с разнообразием запросов клиентов, нуждающихся в социальном обслуживании и социальных сервисах, направленных на повышение социального благополучия граждан.

Актуализируется задача профессионализации будущих специалистов социального профиля уже в процессе обучения, результатом которого должны стать пригодность и готовность индивида к выполнению профессиональной деятельности. Картина планируемого профессионального будущего в ходе обучения может многократно корректироваться в зависимости от личностных возможностей и способностей студентов, уровня притязаний, представлений о карьерном росте, изменений требований к квалификации, конкуренции на рынке социальных профессий. Как показывает практика, формирование профессиональной компетентности специалистов социального профиля в процессе обучения в вузе может быть реализовано в том случае, если структура личностного потенциала обучающегося включает в себя: квалификационный потенциал (знания, умения, навыки в области избранной специальности); психофизиологический потенциал (высокий уровень работоспособности); образовательный потенциал (сформированные компетенции); коммуникативный потенциал (эффективность коммуникаций); нравственный потенциал (мировоззренческая позиция); творческий потенциал (проявление креативных способностей) [2].

В данном ракурсе особое значение приобретают сравнительные исследования в области профессионального мастерства и профессионализма работников социальной сферы различных должностных уровней и квалификаций. В ряде ведущих стран эффективность профессиональной подготовки социальных работников связывают с успешным решением проблемы интеграции научных исследований в сфере социальной работы с процессом образования социальных работников. Учет результатов комплексных исследований вносит, несомненно, свой вклад в обоснование выбора парадигмы моделей образовательного процесса и разработку научно-методического обеспечения

содержания подготовки и переподготовки кадров для социальной отрасли [4, 5].

Содержание любого профессионального образования является производным от требований, предъявляемых обществом к соответствующей отрасли и специалистам конкретного профиля деятельности. Так, предметное поле профессиональной социальной работы с позиции педагогического менеджмента можно представить в виде содержательных модулей, которые позволяют обеспечить целостное развитие специалиста социальной сферы, его профессиональную культуру и компетентность. С нашей точки зрения можно выделить следующие содержательные модули образовательных программ подготовки специалистов социального профиля различной направленности: теоретико-прогностический модуль (дает системное представление о научной картине социальной действительности, развивает способность к ее структурно-системному анализу, усвоению гуманистической парадигмы социальной деятельности); профессионально-ориентированный модуль (обеспечивает целостное представление о профессии, дает установку на профессионально-личностное саморазвитие, адаптацию к обучению в вузе); профессионально-практический модуль (обеспечивает будущих специалистов комплексом практических умений и навыков, формируя опережающую готовность к профессиональной деятельности); вариативный модуль (предусматривает установки на поисково-исследовательскую позицию обучающихся, развитие индивидуального стиля в профессиональной деятельности).

В данном подходе процесс подготовки специалистов для социальной сферы строится на основе развивающейся модели профессиональной деятельности, причем требования со стороны социальной работы как профессии являются основными и определяющими содержание образовательных программ. Вся система дидактических форм, методов и педагогических средств должна быть направлена на моделирование ее предметного и актуального содержания. Профессиональный контекст в социальной работе может быть дифференцирован как социальный, технологический, организационный, управленческий, должностной. В частности, социальный контекст состоит из ценностно-ориентированного и личностного компонента, характеризующего этические стандарты в социальной работе. Деятельность социального работника выстраивается как система коммуникативных задач, поэтому в качестве единицы, «задающей» переход от профессиональной деятельности к учебной, вырабатывается образовательный модуль, который характеризует определенное качество специалиста социального профиля. В данном случае профессиональное развитие будущих специалистов социального профиля можно рассматривать как совокупность возможных образовательных траекторий, отражающих познавательные и карьерные запросы обучающихся [8].

Внедрение инновационных моделей подготовки требует не только новых подходов к содержанию образовательной деятельности, но и новых

подходов к методам и технологиям обучения. Как правило, традиционные технологии обучения строятся на постановке закрытых задач, имеющих точные условия, строгий алгоритм решения, единственно верный ответ и ориентированы на подготовку исполнителей. Для формирования творческого специалиста предпочтительным является принцип открытости, который предлагает открытые задачи в обучении. Это исследовательские, конструкторские, проективные задачи с достраивающимся условием, построенные на диалоговом обучении, где идет не только обсуждение актуальной проблемы, но и интенсивное личностное и профессиональное развитие студентов. Учебный предмет рассматривается как своеобразная проекция науки, а учебный материал — как «дидактически препарированные научные знания» [6, с. 16].

Новые подходы к технологиям обучения позволяют повысить мотивацию к самообучению и саморазвитию обучающихся. Для этого необходим переход от монологического стиля работы преподавателя к индивидуализации обучения и самостоятельной исследовательской работе студентов. В центре внимания при этом должно быть формирование у обучающихся креативности, оригинальности мышления, развития творческого потенциала и способности к генерированию новых идей. Реализуемые технологии обучения в практике подготовки специалистов социального профиля должны строиться на создании ситуаций опыта, размышления, поиска решений; постепенной трансформации знаний в активный поиск проектирования образовательного контекста, построенного на основе принципа «обучение через деятельность» [10].

При организации учебных занятий по специализированным учебным дисциплинам к инновационным методам обучения можно отнести такие формы, как: «вертушка» (направлена на развитие творческой и поисковой работы, в основе которой — сравнение содержания различных актуальных материалов социальной направленности); «шкала мнений» (дискуссионная форма групповой работы); «мозговой штурм» (интерактивный метод, позволяющий каждому принять участие в исследовательской деятельности); «кейс-стади» (учебный материал представляется студентам в виде проблем, в процессе обсуждения которых активизируется творческая и исследовательская работа каждого участника); «карусель» (обсуждение профессиональных задач и проблем осуществляется сначала в малых группах, затем со всей аудиторией, что создает условия для развития навыков и умений ведения открытых дискуссий в различных коллективах). В подготовке специалистов социального профиля важную роль играют тренинги, часто называемые «обучающими инновациями». Обучение с использованием тренингов позволяет в процессе межличностного взаимодействия преподавателя и студентов наиболее эффективно сформировать или развивать умения осуществления различных видов профессиональной деятельности или осуществлять творческую репродукцию профессиональных компетенций, действий и операций в контексте

будущей практической работы в области избранной профессии.

Сегодня перед учебными заведениями социального профиля стоит важная и сложная задача формирования устойчивого интереса у обучающихся к избранной профессии на протяжении всего периода обучения. Это обусловлено тем, что идентичность социальной работы как профессиональной деятельности в нашей стране носит неоднозначный характер. Поэтому уже на первом курсе очень важно раскрыть ценностные и творческие аспекты социальной деятельности, представить возможности карьерного и личностного развития в профессии, возможности исследовательской и экспериментальной работы инновационных социальных организаций. В качестве примера можно привести опыт Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы по совместной научно-исследовательской работе и организации практической подготовки студентов, обучающихся на психолого-социальном факультете вуза, с экспериментальными инновационными площадками (учреждениями социального обслуживания населения Петербурга). Направления научно-практических исследований были включены в перечень тематики для исследовательской работы бакалавров и магистров социальной работы для написания выпускных квалификационных работ. К актуальным темам научно-практических работ были отнесены следующие направления:

- разработка и внедрение новых социальных методов и форм социального обслуживания и социального сопровождения населения;
- поиск новых форм и методов оптимизации взаимодействия на различных уровнях управления и взаимодействия с организациями-партнерами;
- разработка новых подходов к системе оценки качества предоставления социальных услуг населению.

Научно-исследовательская деятельность по инцирированию инновационных процессов на базе экспериментальных (инновационных) площадок включает в себя разработку, апробацию различных проектов для совершенствования научно-методического, организационного, правового, кадрового обеспечения деятельности учреждений социальной сферы Санкт-Петербурга. Данный совместный проект стал стимулирующим механизмом привлечения молодых исследователей к творческой экспериментальной социальной деятельности в процессе обучения в вузе. Педагогическое сопровождение личностного развития будущих специалистов социального профиля в вузе должно основываться на индивидуально-дифференциированном подходе, который направлен на активизацию склонностей и способностей каждого студента во всех видах учебной деятельности. Для этого необходимо оценить, насколько качества личности каждого студента удовлетворяют требованиям будущей профессиональной деятельности для определения оптимального пути самоопределения в избранной профессии.

Степень включенности в процесс обучения студентов в решающей степени определяется тем,

насколько широкие возможности предоставляет педагогическая система для личностной активности обучаемых. Как показывает опыт деятельности передовых вузов, инновационная обучающая среда должна строиться на ряде новых принципов обучения, среди которых — учет индивидуальных особенностей обучающихся, включая различия в уровне их базовой подготовки к моменту начала обучения; обеспечение социального взаимодействия и продуктивного сотрудничества в процессе обучения; стимулирование активной вовлеченности обучаемых как в процессе, так и в результатах учебной деятельности; восприимчивость к эмоциональным факторам взаимодействия и потребностям обучаемых; формирование горизонтальных связей между учебной и внеаудиторной деятельностью студентов; создание и учет ключевой роли положительных эмоций в учебном процессе: расширение набора и использование инновационных педагогических стратегий и приемов; мониторинг индивидуальных достижений со стороны преподавателей и самих студентов [13].

Важной особенностью данной образовательной стратегии является изменение позиций студентов и преподавателей в учебном процессе. Студент имеет право влиять на процесс своего обучения, выбирая образовательный маршрут и профессиональные компетенции, которые он хотел освоить на более глубоком уровне. Позиция преподавателя должна быть акцентирована не столько на трансляцию актуальных знаний, сколько на индивидуализированную помощь и содействие в освоении будущей профессиональной деятельности. Преподаватель в большей степени выступает как организатор самостоятельной учебно-познавательной деятельности обучающихся. Самостоятельная работа как дидактическая форма обучения представляет собой систему организации педагогических условий, обеспечивающих управление учебной деятельностью студентов, протекающих в отсутствии преподавателя и без его непосредственного участия и помощи в основном в неаудиторное время

Организация самостоятельной деятельности в процессе освоения специализированных учебных дисциплин может быть сориентирована на выполнение различных заданий учебного, научно-исследовательского и самообразовательного характера для овладения навыками и умениями творческой (к创ативной) деятельности. В учебных ситуациях педагогическое взаимодействие характеризуется более гибкими формами, основывающимися на широком адресном применении педагогических стимулов, действие которых направлено на побуждение личностных мотивов обучения студентов. Для этого в учебном процессе активно используются коммуникативно-диалоговые формы учебного процесса, которые позволяют формировать альтернативные точки зрения на обсуждаемые вопросы и проблемы.

Самостоятельная работа студентов — это организуемая самим студентом деятельность, которая организуется в наиболее удобное, рациональное с его точки зрения время. Эта деятельность

осуществляется на основе личной ответственности студентов и опосредованного системного управления со стороны преподавателя. Активная самостоятельная работа студентов возможна только при наличии устойчивой мотивации к освоению будущей профессиональной деятельности. К мотивирующему факторам, способствующим активизации самостоятельной работы студентов, относятся полезность выполняемой работы; участие в творческой деятельности, мотивирующие способы контроля знаний (накопительные оценки, рейтинг, нестандартные аттестационные процедуры), поощрение студентов.

В частности, в зарубежных образовательных программах подготовки специалистов социального профиля важная роль отводится самостоятельному изучению «к创ативных предметов», позволяющих использовать творческие средства не только как инструмент будущей профессиональной деятельности, но и как средство для осознания собственного личностного потенциала развития в выбранной профессиональной деятельности. В практике подготовки социальных работников широко используется технология коучинга как форма сотрудничества в обучении между преподавателем и студентом с целью достижения профессиональных и личностных результатов развития. В данном случае коучинг не является традиционным видом консультирования, а направлен на «разрушение» сложившихся взглядов и стереотипов на возможности развития ресурсного карьерного потенциала обучающихся как глазами студентов, так и преподавателей [7].

Сегодня успешная карьера специалиста социального профиля определяется не столько стажем работы, сколько наличием современных знаний, умений, навыков, способности к профессиональному развитию на основе получения различных форм дополнительного профессионального образования. Предназначение современного дополнительного профессионального образования в области социальной работы, как известно, состоит в компенсации объективных недостатков и упущений предшествующих уровней образования работника, а с другой — в пополнении его знаний в связи с новыми достижениями и современными требованиями к его профессиональной деятельности. В соответствии с федеральными нормативно-правовыми актами развитие системы дополнительного профессионального образования в социальной сфере строится с учетом ряда базовых принципов, включая непрерывность образования сотрудников; личностно-ориентированный подход к повышению квалификации; компетентностный подход к организации обучения; исследовательско-инновационный подход к повышению квалификации специалистов; комплексный подход к организации повышения квалификации и переподготовки сотрудников; принцип синхронизации теории и практики с учетом требований профессиональных стандартов [2, с. 37].

Цель обучающегося в системе дополнительного образования — наилучшим образом реализовать свои творческие способности через приобретение и развитие компетенций и навыков

профессиональной деятельности, для того чтобы на более высоком профессиональном уровне решать практические задачи на своем рабочем месте [12, с. 20].

В настоящий период для развития социальной сферы Санкт-Петербурга актуальной является эффективная организация профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов-практиков, не имеющих профильного социального образования. Отсутствие профильного образования не позволяет достаточно значимому числу работников с большим стажем практической работы выполнять функциональные обязанности в соответствии с утвержденными профессиональными стандартами. Для решения данной оперативной задачи Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы на факультете дополнительного образования внедряет в практику модель разномодульной системы обучения для различных категорий должностей специалистов социальных учреждений, включая социально ориентированные некоммерческие организации, оказывающие социальные услуги населению в Санкт-Петербурге. Эффективность образовательного процесса обеспечивается применением методологии системно-деятельностного подхода, в рамках которого при разработке образовательных программ учитываются следующие факторы: специфичность профессиональной модели специалиста в конкретной области социальной деятельности; наиболее типичные профессиональные затруднения работников социальной сферы различных должностных статусов; образовательные потребности и личностные запросы обучаемых и работодателей на образовательные услуги (например, минимальные временные затраты для отрыва от основной деятельности). Как известно, выбор модели подготовки специалистов определяется целями, предложенными заказчиками образовательных услуг, их содержательной характеристикой и соответствующими путями достижения, что возможно лишь в гибких мобильных образовательных системах.

Вариативность содержания программ дополнительного профессионального образования для специалистов социальной сферы предполагает наличие инвариативных и вариативных дисциплин, которые могли бы обеспечивать актуальность, многовекторность и индивидуализацию образовательных маршрутов повышения квалификации и переподготовки специалистов для социальной сферы. Программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки строятся по модульному принципу, что предполагает включение в программу лекционно-практических модулей на основании интерактивного педагогического взаимодействия со слушателями для совместного выполнения конкретных заданий по актуальным проблемам профессиональной деятельности.

Модульные практико-ориентированные программы нацелены на получение конкретного результата: обучение конкретному виду деятельности или повышение квалификации по конкретной узкой инновационной составляющей в конкретном виде

социальной деятельности. Модульные программы могут быть адаптированы к графику работы специалистов (без отрыва, с частичным отрывом и отрывом от производства). Лекционно-практические занятия включают в себя различные методы обучения, в том числе обсуждения, дискуссии, деловые игры, мастер-классы, индивидуальные практические работы, стажировки на экспериментальных площадках института. Обучение по каждому модулю завершается аттестацией, которая предполагает подготовку творческих заданий. Основной целью таких программ является формирование и развитие совокупности ключевых компетенций (субъективных качеств), определяющих успешность деятельности специалиста социального профиля. Задачей планирования образовательного процесса становится отбор — на основе профессиографического изучения деятельности — соответствующих ситуаций и их моделирование в рамках учебных модулей, а также их методическое обеспечение. При отборе учебных ситуаций необходимо учитывать следующие особенности: постепенное усложнение проблематичности ситуаций, переход от репродуктивных форм участия обучаемых к продуктивным; обеспечение комплексного характера ситуаций, предполагающих самоопределение обучающихся в смысловых и технологических аспектах, учет личностных затруднений в профессиональной деятельности обучающихся. Таким образом, к достоинствам модульного построения программ дополнительного социального образования необходимо отнести: гибкое построение содержания учебного процесса; обеспечение высокой степени адаптивности обучающихся к условиям вариативного образовательного процесса; интеграции различных видов и форм обучения; рациональное структурирование учебного материала; более эффективную реализацию межпредметных связей. Так, лекционно-практические занятия могут включать в себя различные методы обучения, в том числе обсуждения, дискуссии, деловые игры, мастер-классы, индивидуальные практические работы, стажировки на экспериментальных площадках института. Обучение по каждому образовательному модулю завершается аттестацией, которая предполагает подготовку творческого задания. Слушатели частично или полностью самостоятельно могут работать с предложенной им учебной программой, которая содержит в себе целевую программу действия, методическое руководство для достижения поставленных дидактических целей, причем функции преподавателя могут изменяться от информационно-контролирующих до консультативно-координирующих [10].

В процессе переподготовки социальных работников предусматривается использование специальных методов, направленных на формирование у специалистов поведенческой и технологической готовности к инновационным трудностям профессиональной деятельности. В своей повседневной деятельности специалист социального профиля вынужден решать многочисленные личностные и социальные проблемы клиентов, которые приводят к большим эмоциональным и физическим нагрузкам, к профессиональному выгоранию. При

деятельностно-ситуативном способе обучения ведущим элементом обучения должны стать обоснованные способы преодоления затруднений в профессиональной деятельности. Активное включение в учебный процесс социально-психологических тренингов позволяет формировать у слушателей различные профессиональные позиции и роли, что дает возможность преодолевать рамки сложившихся личностных стереотипов поведения, в том числе и профессиональных затруднений в эффективной коммуникации с клиентами.

Использование разнообразных образовательных технологий позволяет смещать акцент с преподавателя на обучающегося, на процесс формирования его компетенций. В парадигме преподавания и обучения роль студента становится более важной по сравнению с ролью преподавателя. Инновационные образовательные технологии предполагают смещение акцента с преподавателя на студента, на процессы и результаты формирования его знаний, умений и навыков. Соответственно, по большей части инновационные образовательные технологии являются активными (поскольку большее внимание уделяется взаимодействию студента с преподавателем, в том числе в индивидуальном порядке) и интерактивными, предусматривающими совместное сотрудничество между студентами в целях решения ставящихся между ними задач [11, с. 65].

Так, при организации проблемно-ориентированного обучения основное внимание фокусируется на развитии у слушателей конкретной компетенции, под которой понимаются определенные знания, навыки и ценностные установки, для решения практических задач, которые отражены в профессиональных стандартах специалистов по социальной работе. Деятельность социального работника выстраивается как система коммуникативных задач, поэтому в качестве единицы, «задающей» переход от профессиональной деятельности к учебной, вырабатывается «деятельностный» модуль, характеризующий определенное качество специалиста, которое должно быть сформировано в процессе обучения по программам дополнительного образования. Ориентация на квалиметрический подход подготовки специалистов для социальной сферы обеспечивает формирование необходимого квалификационного уровня специалистов социального профиля с учетом специфики функционирования различных типов социальных учреждений. Данный подход обеспечивает достаточную объективность сведений о профессиональной подготовленности профессионально-личностного развития обучаемых [3, с. 69].

Для специалистов социально-ориентированных некоммерческих организаций первоначально проводится диагностика соответствия работника квалификационным требованиям конкретной должности для разработки персонифицированной программы профессионального развития, направленной на восполнение дефицитов профессиональных компетентностей. Специализированные индивидуальные программы повышения квалификации, как правило, ориентированы на содержание

общенных трудовых функций различных профессиональных стандартов, включают в себя практические занятия в форме супервизии и другие виды занятий и учебных работ, определенных рабочими программами учебных модулей. В учебном процессе активно используются коммуникативно-диалоговые формы взаимодействия со слушателями, которые позволяют формировать альтернативные точки зрения, возможные способы решения проблемных социальных ситуаций получателей социальных услуг. Индивидуальная траектория обучения слушателя может быть нацелена на результат обучения по узкой индивидуальной составляющей в конкретном виде деятельности (например, стажировка на экспериментальной площадке). В основе данного типа программ используется принцип «накопительности» профессиональной компетенции, что выражается в выборе индивидуальной образовательно-профессиональной траектории в соответствии с запросом слушателя.

Критериями оценки результативности обучения социальных работников в системе дополнительного профессионального образования могут выступать такие показатели, как удовлетворенность сотрудника, прошедшего обучение, приобретение им необходимых знаний и умений, креативности выполнения функциональных обязанностей; удовлетворенность руководства организации результатами профессиональной деятельности сотрудника, прошедшего обучение; общая результативность труда. Показателями профессионализма специалиста социального профиля могут выступать технологическая эффективность (используемые методы и техники в работе с клиентом); нормативно-этическое соответствие стандарту профессии; уровень профессиональной обучаемости как стремление к профессионально-личностному развитию, направленность на социальное новаторство как отказ от стереотипных видов, форм и методов работы с клиентскими группами.

Таким образом, социальное образование как область инновационной практики подготовки специалистов социального профиля сегодня остро востребовано не только для обеспечения кадровыми ресурсами учреждений социального обслуживания населения, но и необходимостью внедрения инновационных процессов в различные социальные практики работы с клиентскими группами. Процесс профессионализации социальной работы может эффективно осуществляться в условиях непрерывного личностного и профессионального развития персонала социальных служб, а также усилий по привлечению в социальную отрасль молодых специалистов — выпускников образовательных организаций. Постоянное совершенствование и обновление содержания и форм образовательного процесса возможно лишь в условиях непрерывной и гибкой системы социального образования, сочетающей в себе традиции и инновации. Развитие системы социального образования для работников социальной сферы в Санкт-Петербургском государственном институте психологии и социальной работы базируется на единстве и оптимальном соотношении теории, методологии и творчества. Ведущим

критерием качества образовательной деятельности подготовки специалистов социального профиля выступает не только «личностно-психологическая адекватность» квалификационным требованиям профессиональной социальной работы, но и направленность на инновационные практики социальной деятельности. Несмотря на то что подготовка социальных работников в России началась лишь в 1991 году, отечественное социальное образование

конкурентно и является динамично развивающимся инновационным сегментом социальной сферы, ориентированным на подготовку специалистов помогающих профессий с опережением потребностей социальных учреждений и рынка труда. Сегодня система непрерывного социального образования связана с осуществлением регулятивной, научно-образовательной, инновационной деятельности на всех участках образовательного процесса.

1. Бейзеров В. А. Модели развития мировой системы высшего образования // Инновации в образовании. 2015. № 9. С. 11–17.
2. Белурава Г. А., Белурава М. Н. Российская система высшего образования и новая теоретическая платформа развития личности // Педагогика 2019. № 7. С. 6–14.
3. Быков А. К. Принципы модернизации системы дополнительного профессионального образования специалистов учреждений социальной сферы // Сотис. 2014. № 2. С. 37–44.
4. Воленко О. И., Никитина Н. И. К вопросу о педагогических парадигмах современного профессионального образования специалистов социальной сферы // Инновации в образовании. 2010. № 6. С. 4–14.
5. Геращенко И. Г., Геращенко Н. В. Инновационная деятельность в образовании в условиях экономической неопределенности // Инновации в образовании. 2019. № 5. С. 44–51.
6. Зеер Э. Ф. Романцев Г. М. Личностно ориентированное профессиональное образование // Педагогика. 2012. № 3. С. 16–21.
7. Кремлева Т. Н. Интернализация образовательных программ бакалавриата в области социальной работы // СОТИС — Социальные технологии исследования. 2014. № 4. С. 77–80.
8. Никитенко Н. И., Комарова Е. В. О реализации в системе дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы квадиметрического подхода // Инновации в образовании. 2014. № 6. С. 68–76.
9. Платонова Н. М., Платонов М. Ю. Инновации в социальной работе: учебное пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. М.: Издательский центр «Академия», 2011. 256 с.
10. Платонова Н. М. Основы социального образования: учебное пособие. СПб.: СПбГИПСР, 2013. 114 с.
11. Понкин И. В. К вопросу об инновациях в образовании // Инновации в образовании. 2017. № 3. С. 61–76.
12. Холостова Е. И. Формирование системы непрерывного социального образования // Сотис. 2014. № 2. С. 20–25.
13. Якушева И. В., Демченкова О. А. Инновационная обучающая среда в университете: соответствие международным требованиям // Педагогика. 2018. № 11. С. 55–61.

References

1. Beyzerov V.A. Modeli razvitiya mirovoj sistemy vysshego obrazovaniya [Models of development of the world education system]. *Innovatsii v obrazovanii –Innovations in education*, 2015, (9), pp. 11–17 (in Russian).
2. Belurava G. A. Belurava M. N. Rossiyskaya sistema vysshego obrazovaniya i novaya teoreticheskaya platforma razvitiya lichnosti [Russian system of higher education and new theoretical platform of personality development]. *Pedagogika — Pedagogy*, 2019, (7), pp. 6–14 (in Russian).
3. Bykov A. K. Printsipy modernizatsii sistemy professionalnogo obrazovaniya spetsialistov uchrezhdeniy sotsialnoy sfery [Principles of modernization of the system of additional professional education of social institutions specialists]. *Sotsialnyye tekhnologii issledovaniy — Social Technologies of Research*, 2014, (2), pp. 37–44 (in Russian).
4. Volenko O. I., Nikitina N. I. K voprosu o pedagogicheskikh paradigmakh sovremenennogo professionalnogo obrazovaniya spetsialistov sotsialnoy sfery [To the question of pedagogical paradigms of modern professional education of social sphere specialists]. *Innovatsii v obrazovanii — Innovations in education*, 2010, (6), pp. 4–14 (in Russian).
5. Gerashchenko I. G., Gerashchenko N. V. Innovatsionnaya deyatelost v obrazovanii v usloviyakh ekonomicheskoy neopredelennosti [Innovative activity in education in conditions of economic uncertainty]. *Innovatsii v obrazovanii — Innovations in education*, 2019, (5), pp. 44–51 (in Russian).
6. Zeyer E. F., Romantsev G. M. Lichnostno oriyentirovannoye profession alnoye obrazovaniye [Personality-oriented professional education]. *Pedagogika — Pedagogy*, 2012, (3), pp. 16–21 (in Russian).
7. Kremleva T. N. Internalizatsiya obrazovatelnykh programm bakalavriata v oblasti sotsialnoy raboty [Internalization of bachelor's degree programs in social work]. *Sotsialnyye tekhnologii issledovaniy — Social Technologies of Research* 2014, (4), pp. 77–80 (in Russian).
8. Nikitenko N. I. Komarova Ye. V. O realizatsii v sisteme dopolnitelnogo professionalnogo obrazovaniya spetsialistov sotsialnoy sfery kvalimetriceskogo podkhoda [About realization of qualimetric approach in the system of additional professional education of specialists in the social sphere]. *Innovatsii v obrazovanii –Innovations in education*, 2014, (6), pp. 68–76 (in Russian).
9. Platonova N. M., Platonov M. Yu. *Innovatsii v sotsialnoy rabote: uchebnoye posobiye dlya stud. uchrezhdeniy vysshego prof. obrazovaniya* [Innovations in social work: manual for students of institutions of higher professional education]. Moscow: Akademiya Publishing Centre, 2012. 256 p. (In Russian).

10. Platonova N. M. *Osnovy sotsialnogo obrazovaniya: uchebnoye posobiye* [Basics of social education: manual for students]. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2013. 114 p. (In Russian).
11. Ponkin I. V. K voprosu ob innovatsiyakh v obrazovanii [To the question of innovations in education]. *Innovatsii v obrazovanii — Innovations in education*, 2017, (3), pp. 61–76 (in Russian).
12. Kholostova Ye. I. Formirovaniye sistemy nepreryvnogo sotsialnogo obrazovaniya [Formation of the system of continuous education] *Sotsialnyye tekhnologii issledovaniy — Social Technologies of Research*, 2014, (2), pp. 20–25 (in Russian).
13. Yakusheva I. V., Demchenkova O. A. Innovatsionnaya obuchayushchaya sreda v universitete: sootvetstviye mezhdunarodnym trebovaniyam [Innovative learning environment at the University: compliance with international requirements]. *Pedagogika — Pedagogy*, 2018, (11), pp. 55–61 (in Russian).

ЛЕБЕДЕВА СВЕТЛНА СОЛОМОНОВНА

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
lebedevalanna@mail.ru

SVETLANA S. LEBEDEVA

*D.Sc. (Pedagogy), Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УДК 376+65.272

**ИННОВАЦИОННАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ОБРАЗОВАНИЕ»**

**INNOVATIVE FOCUS OF SOCIAL AND EDUCATIONAL WORK WITH
PEOPLE WITH DISABILITIES AT THE REGIONAL LEVEL IN THE CONTEXT
OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROJECT «EDUCATION»**

Аннотация. В статье раскрываются основные инновационные направления социальной работы с инвалидами в условиях реализации инклюзивного образования, анализируются социально-образовательные программы для инвалидов трудоспособного возраста и инвалидов старших возрастных групп в условиях использования новых информационно-коммуникационных технологий. Анализируются результаты проведения на региональном уровне научно-практических конференций, направленных на повышение качества жизни лиц с ограничениями жизнедеятельности разных возрастов, которые дали возможность разработать рекомендации в адрес реабилитационных, образовательных и социально-культурных учреждений. Особое внимание уделено деятельности ресурсного учебно-методического центра при РГПУ им. А. И. Герцена, объединяющего вузы-партнера для выработки и реализации широкого спектра адаптивных образовательных программ для лиц с инвалидностью. Совершенствование работы со взрослыми инвалидами актуализирует необходимость андрагогических исследований и инновационной практики в области различных видов образования. Образовательные программы для инвалидов пожилого возраста требует развития андрагогических знаний у специалистов социальной сферы. Андрагогическая подготовка социальных работников может служить важнейшим условием реализацией программ активного старения и программ, связанных с долговременным уходом за лицами старших возрастных групп и инвалидов. В настоящее время остро ставится вопрос о разработке андрагогических программ для всех специалистов социальной сферы.

ABSTRACT. The article reveals the main innovative areas of social work with disabled people in the context of inclusive education, analyzes social and educational programs for disabled people of working age and disabled of senior age groups in the use of new information and communication technologies. The results of the regional scientific and practical conferences aimed at improving the quality of life of people with disabilities of different ages are analyzed. They have made it possible to develop recommendations for rehabilitation, educational and socio-cultural institutions. Particular attention is paid to the activities of the resource training and methodological center of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, a partner university to develop and implement a wide range of adaptive educational programs for people with disabilities. Improving the work with disabled adults actualizes the need for andragogic research and innovative practice in the field of different types of education. Educational programmes for disabled elderly people require the development of andragogic knowledge of social sphere specialists. Andragogic training of social workers can serve the most important precondition for realization of the programmes of active ageing and the programmes connected with long-term care of people of senior age groups and the disabled. The working-out of andragogic programmes for all specialists of social sphere are urgent nowadays.

Ключевые слова: инвалид, лица старших возрастных групп, социально-образовательные программы, непрерывное образование, инклюзия, реабилитация.

KEYWORDS: disabled, people of older age groups, social and educational programs, continuous education, inclusion, rehabilitation.

В последние годы в связи с реализацией национальных проектов ярко проявляется качественный скачок как в решении научных, организационно-управленческих вопросов, так и в расширении социально-образовательных услуг и видов поддержки групп населения с ограниченными возможностями здоровья и граждан старших возрастных групп. В связи с этим целесообразно остановиться на решении вопросов, уже сейчас начинаяющих приносить ощутимый результат:

- активное участие региона в национальном проекте «Образование», развитие сети дополнительных образовательных программ, имеющих ярко выраженную социальную направленность для всех возрастных ступеней и групп инвалидов с разными ограничениями жизнедеятельности в общей системе непрерывного образования; [5]

- создание и реализация действенного механизма оказания систематической поддержки инвалидам в системе среднего и высшего профессионального образования, организация деятельности с 2017 года Ресурсного учебно-методического центра (РУМЦ) при РГПУ им. А. И. Герцена с его арсеналом инновационных информационно-коммуникативных технологий для инклюзии обучающихся с разными видами ограничений жизнедеятельности;

- развитие связей государственных и негосударственных учреждений для обслуживания лиц с разными ограничениями жизнедеятельности, расширение спектра социальных услуг, организация здорового образа жизни, реализация программ «Активное поколение», «Активное старение», «Серебряный возраст» и др. для инвалидов старших возрастных групп;

- использование современных информационных межпоколенных программ в работе специализированных социальных образовательных учреждений для инвалидов с целью повышения их адаптации в основных сферах жизни и интеграции в современном социуме.

Участие в национальном проекте «Образование» для лиц с проблемами здоровья фактически стало продолжением многолетней работы в международных конференциях и семинарах, проходивших на разных площадках города по вопросам непрерывного образования. Приведем пример.

В контексте проблемы непрерывного образования лица с ограниченными возможностями здоровья и специалисты, работающие с ними, с 1994 года участвовали в ежегодных научно-практических конференциях по актуальным вопросам непрерывного образования, социальной защиты и реабилитации всех возрастных групп. Конференции проводились на базе Института образования взрослых РАО с 1994 по 2003 год, а с 2004 года по настоящее время — на базе Санкт-Петербургского института психологии и социальной работы. Всего опубликовано 1465 статей. За этот период специалистами, имеющими инвалидность, было опубликовано в материалах сборников конференции около 30% статей из опыта работы. Значительное количество докладов посвящалось вопросам использования информационных технологий как важнейшего средства реабилитации инвалидов по зрению [2].

С начала XXI века правительство Санкт-Петербурга совместно с РОО «Дом Европы в Санкт-Петербурге» проводило «Недели образования взрослых» с особым акцентом на образование старшего поколения [1].

Создание и реализация действенного механизма систематической поддержки лиц с разными ограничениями жизнедеятельности в системе вузовского образования вызвали необходимость организации Ресурсных учебно-методических центров (РУМЦ). В Санкт-Петербурге такой центр работает на базе РГПУ им. А. И. Герцена.

Развитие деятельности Ресурсного учебно-методического центра (РУМЦ) направлено на создание условий для инклюзивного образования инвалидов. Входящие в состав РУМЦа организации — вузы-партнера — на своей территории проводят все основные виды деятельности, рекомендованные Ресурсным учебно-методическим центром в соответствии с содержанием дорожной карты.

Особое внимание в деятельности РУМЦа, предусмотренное в дорожной карте вузов-партнеров, уделяется ознакомлению его членов с образовательными учреждениями для детей с сенсорно-моторными, интеллектуальными, опорно-двигательными и другими нарушениями. В процессе посещения этих учебных заведений члены РУМЦ проводят профориентационные занятия, дают краткий обзор деятельности учебного заведения, которое они представляют, знакомят с условиями поступления в него учащихся с определенными ограничениями жизнедеятельности, раскрывают возможности основных видов сопровождения в процессе обучения и помочь в дальнейшем трудоустройстве.

В настоящее время активизировалась работа научных и исследовательских центров РУМЦ на базе РГПУ им. А. И. Герцена, Геронтологического общества при РАН, Федерального научного центра реабилитации инвалидов им. Г. А. Альбрехта и др. по защите прав лиц с ограниченными возможностями здоровья в следующих аспектах:

- содержание и процесс проведения медико-социальной экспертизы;
- задачи, содержание и технологии по реализации индивидуальной программы реабилитации инвалидов;
- расширение спектра современных технологических средств информирования о новых средствах реабилитации, реализация требований к условиям создания информационно-коммуникативной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья и граждан старших возрастных групп [6].

Всероссийский научно-практический форум «Новые приоритеты государственной политики в сфере социальной поддержки граждан пожилого возраста», прошедший на базе РГПУ им. А. И. Герцена к 25-летию Геронтологического общества при РАН, обозначил три комплекса ведущих проблем, связанных с реализацией Национальных проектов «Образование», «Здравоохранение», «Демография». Они были представлены в следующих докладах: «Геронтология как научный базис для формирования государственной политики

России в сфере повышения качества жизни граждан старшего поколения» (В.Н. Анисимов, президент Геронтологического общества РАН), «Образование — ключевой фактор социализации пожилых граждан» (Г.А. Бордовский, президент РГПУ им. А.И. Герцена), «Проблемы создания в России системы комплексной медико-социальной помощи гражданам старшего поколения и активная позиция общества (А.В. Финагентов, исполнительный директор АНО «Северо-Западный институт гериатрии»). Со вступительным словом выступил член-корреспондент РАН, член исполкома Европейской ассоциации геронтологии и гериатрии, директор Санкт-Петербургского института биорегуляции и геронтологии В.Х. Хавинсон.

В работе форума приняли активное участие депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга, начальник Управления социальной защиты инвалидов и граждан пожилого возраста комитета по социальной политике Санкт-Петербурга, представители вузов, социальных и общественных организаций Санкт-Петербурга, Ленинградской области и других городов.

Форум некоммерческих организаций «Социальный Петербург», проведенный в октябре 2019 года, показал, что многие общественные организации выступают в качестве заинтересованных партнеров социальных реабилитационных центров для инвалидов и детей-инвалидов и соответствующих отделений КЦСОНов города.

Большое внимание на региональном уровне уделяется конкретному опыту связей НКО с государственными социальными и образовательными учреждениями. Ресурсом НКО являются волонтеры, определенные помещения для проведения мероприятий с инвалидами, подготовка мероприятий детям с подарками к знаменательным датам, а также материальные средства для нуждающихся семей инвалидов.

Участники Форума представили богатый опыт деятельности НКО не только Петербурга и Ленинградской области, но и других городов России. Внимание Форума было сконцентрировано на приоритетных целевых программах следующих направлений:

- комплексная социальная поддержка семей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья;
- повышение социальной и профессиональной компетентности студентов-добровольцев, поддержание и развитие молодежных добровольческих инициатив, направленных на решение социальных проблем инвалидов;
- формирование духовно-нравственных ценностей у детей, подростков и юношества на основе национальных традиций;
- организационное и информационно-методическое взаимодействие НКО с учреждениями, общественными организациями, работающими в сфере защиты семьи, материнства, детства, укрепления межпоколенческих связей, обеспечения безопасного и активного социума.

В центре внимания социальной политики находятся люди пожилого возраста, значительная

часть которых является инвалидами. Исследование, проведенное РГПУ им. А.И. Герцена в рамках общественной организации Всероссийского общества слепых (ВОС), выявило данные о готовности пожилых инвалидов с проблемами зрения реализовывать нормативный для данных исторических условий образ жизни. У пожилых инвалидов с проблемами зрения наблюдается более выраженное мнение, чем у их сверстников с сохранным зрением, о негативном отношении общества к пожилым людям (75%). По мнению слепых и слабовидящих людей пожилого возраста, общество недооценивает положительный социокультурный опыт лиц пожилого возраста. У 70% пожилых инвалидов по зрению сохраняется круг социального общения, унаследованный ими из сферы прежней трудовой деятельности, в то время как у нормально видящих респондентов этот показатель составляет 65% [3].

Исследование выявило, что для инвалидов по зрению трансляция жизненного опыта связана со следующими обстоятельствами: участие в мероприятиях с привлечением ветеранов, передача национальных, культурных и религиозных традиций молодежи. Пожилые люди с проблемами зрения обнаруживают большую заинтересованность в книгах, теле- и радиопередачах, посещении общественных и культурных заведений. Они активно посещают государственную библиотеку для слепых и слабовидящих. У многих вызывают интерес эстрадные концерты, театральные спектакли, выставки в музеях, телесериалы, радиоспектакли; большинство опрошенных участвуют в различных творческих коллективах [3].

Инвалиды по зрению испытывают потребность в новизне и расширении духовного пространства — на это указывают 65% слепых и слабовидящих. При этом инвалиды по зрению обнаруживают более интенсивную потребность в освоении компьютера и сети Интернет и готовы участвовать в программах дополнительного образования.

Актуальность разработки социально-образовательных программ для разных возрастных групп населения не вызывает сомнения. Необходимо принимать во внимание, что четверть населения Санкт-Петербурга — это пенсионеры, куда входит большой процент лиц старших возрастных групп. Это обстоятельство остро ставит вопрос о межпоколенческих программах, строящихся на междисциплинарной основе с учетом требований социальной геронтологии [4].

Целесообразно рассмотреть опыт реализации межпоколенческих программ для лиц с проблемами зрения, отдельные аспекты которого неоднократно освещались в региональной печати [3].

В 2019 году исполнилось 20 лет деятельности Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения «Центр медико-социальной реабилитации инвалидов по зрению», которое ведет целенаправленную систематическую работу с лицами, потерявшими зрение во взрослом состоянии. Среди них примерно третью часть составляют люди пожилого возраста.

На базе Центра реализуется междисциплинарная программа реабилитации инвалидов по зрению,

комплекс общеразвивающих мероприятий, экскурсионных занятий, позволяющий лицам, потерявшим зрение, восстановить утраченные представления и сформировать новые адекватные образы. В рамках социокультурной реабилитации совместно с Санкт-Петербургской специальной библиотекой для слепых и слабовидящих организуется просмотр фильмов с тифлокомментариями, проводятся консультации и беседы. Новые возможности для развития творчества реабилитантов открыли литературный салон «Книголюб» и театральная студия «Фигаро». Литературный салон «Книголюб» возглавляет специалист Центра Виктория Николаевна Воробьёва, инвалид I группы по зрению, которая владеет богатой палитрой способов и технологий раскрытия внутреннего потенциала человека, потерявшего зрение. Это эвристическая беседа, игровой конкурс, литературный семинар, диспут, викторина и т. д. [2].

Большинство специалистов Центра — это инвалиды по зрению. Специалисты по пространственному ориентированию Н. А. Кулакова и О. Е. Кульчицкая в процессе индивидуальной работы ведут профессионально подготовленные экскурсии с реабилитантами, рассказывая об исторических и культурных местах Центрального района Санкт-Петербурга. Проблемой духовного воспитания с реабилитантами много лет занимается специалист Центра А. П. Садчиков, инвалид по зрению. Энергией и оптимизмом заражают пожилых людей преподаватель по физической культуре Н. И. Тимофеева, уже перешагнувшая пенсионный возраст, и психолог Ю. М. Ломакина, окончившая магистратуру РГПУ им. А. И. Герцена. В течение ряда лет с новейшими информационными технологиями реабилитантов знакомили педагоги В. Н. Довыденков, Ю. Е. Левичев, Е. В. Заболотская. Сотрудники Центра имеют большое число публикаций из опыта работы в региональной печати.

В настоящее время наступил новый этап работы по освоению информационно-коммуникативных технологий на базе специального отдела дополнительного образования под руководством А. М. Зятькова.

Как известно, реализация положений конвенции ООН «О правах инвалидов» опирается на два принципа. Первый из них — принцип «универсального дизайна» — направлен на создание безбарьерной среды, обеспечивающей беспрепятственный доступ к объектам и услугам, которые необходимы человеку вне зависимости от различных видов ограничений жизнедеятельности.

Второй принцип связан с созданием для человека с ограниченными возможностями здоровья адаптированной среды жизнедеятельности. При этом учитываются организационные, технические возможности, которые необходимо предоставить инвалиду. Это касается вопросов коммуникации, получения инвалидами социальных и транспортных услуг, создания «безбарьерной» психологической среды в обществе, различных видов современной реабилитационной техники [4].

Инновационным направлением деятельности Центра выступают разработка и реализация программ дополнительного образования для лиц

с проблемами зрения, в том числе пожилых людей, что позволяет им пользоваться вспомогательными средствами ориентирования и иметь мобильные устройства, активно взаимодействовать с новой информационной средой.

При реализации программ дополнительного образования, имеющих социально-андрагогическую направленность, принимается во внимание ряд принципов:

- уважение к личности человека, его выбору, особенностям организации интеллектуальной деятельности, соблюдение андрагогических принципов в обучении;
- укрепление межпоколенческих отношений и коммуникативных связей и отношений в процессе образовательной деятельности с ориентацией на дальнейшее самообразование и возможности групповой социально-образовательной деятельности [8];

- учет особенностей ограничений по зрению, индивидуальный подход к реабилитанту в процессе всего периода освоения программы, а затем и использование результатов обучения на практике.

В 2018–2019 годах программу «Основы компьютерной грамотности» (18 часов в неделю) осваивали 14 человек (от 21 до 80 лет), из них 6 человек — пожилого возраста, 8 человек — трудоспособного возраста.

Программу «Новые технические средства реабилитации и современные реабилитационные технологии для инвалидов и пожилых людей» (9 часов в неделю) осваивало 7 человек в возрасте от 20 до 86 лет.

Программу «Пространственное ориентирование с помощью GPS-навигации» (9 часов) осваивало 7 человек в возрасте от 44 до 72 лет.

Программу «Индивидуальное абонентное устройство “Ориентир” системы информирования и ориентирования инвалидов по зрению “Говорящий город”» (9 часов) осваивало 37 человек в возрасте от 20 до 86 лет.

Программу «Основы взаимодействия незрячих пользователей с мобильными устройствами на базе операционных систем OS Android (9 часов)» осваивало 15 человек в возрасте от 36 до 83 лет.

Реализация этих программ приносит слушателям большой положительный эффект:

- пожилые люди с проблемами зрения (а среди них значительную часть составляют представители старших возрастных групп) могут реализовывать свои образовательные мотивы и потребности, в значительной мере направленные на развитие социальных связей, интеграцию в современное общество;
- укрепляются межпоколенческие связи, социальное взаимодействие, система взаимопомощи и поддержки лиц с проблемами зрения в процессе образования и общения;
- расширяется образовательное и социокультурное пространство, реализуются творческие мысли пожилых людей с проблемами зрения, способствующие активному старению.

Таким образом, в этом случае мы можем говорить о реализации на практике как идей, связанных

с инклюзией, так и идеей «благополучного старения» для пожилых людей с ограниченными возможностями здоровья по зрению.

Помимо актуальных направлений, характеризующихся инновационным прорывом и поднимающих практическую социальную образовательную деятельность инвалидов и лиц пожилого возраста на новый уровень, Всероссийский научно-практический форум выдвинул проблему концептуального системного характера. Президент РГПУ им. А. И. Герцена Г. А. Бордовский, рассматривая проблему образования как ключевой фактор социализации пожилых людей, остро поставил вопрос и о необходимости проведения научных исследований, прерванных в перестроечный период, в области образования взрослых. Г. А. Бордовский отметил, что в практическом аспекте в РГПУ им. А. И. Герцена приступили к разработке андрагогических программ, без которых невозможно развивать все области социальной, геронтологической и geriatricской работы в сфере социальной поддержки населения.

В настоящее время появление новых научных областей в результате развития наук о человеке и человеческой деятельности, дифференциация и интеграция научных знаний позволяют в деятельности специалистов, работающих в сфере социальной защиты и образования лиц с ограничениями жизнедеятельности и лицами пожилого возраста, находить новые грани, способствующие более успешному вхождению социальной группы инвалидов в современное общество.

Один из продуктивных подходов к изучению специалистов сферы социальной защиты и образования инвалидов связан с использованием достижений науки андрагогики — науки о теории, процессе и технологии образования взрослых.

Опора на данные этой науки была вызвана бурным развитием научно-технического прогресса во второй половине XIX века, который потребовал обучения и переобучения больших масс взрослых людей. Проблемы теории и практики обучения взрослого человека на протяжении жизни стали занимать приоритетное место в инициативах государств и касаться разных социальных групп населения. Актуальность образования лиц с ограниченными возможностями здоровья стала особенно очевидной в середине XX века после Второй мировой войны, оставившей разрушенными многие страны Европы и миллионы инвалидов. Их участие в созидательной деятельности после получения специального профессионального образования становится одним из путей пополнения трудовых ресурсов послевоенного времени.

В настоящий период потребность в образовании взрослых людей, в том числе с ограниченными возможностями, для развития общекультурного, социального и материально-технического потенциала общества выдвигает андрагогику в самостоятельную научную дисциплину, способную влиять на развитие инновационной практики. В границах этой науки рассматривались продуктивные идеи об активности субъекта образования разных видов (социального, психологического, общекультурного,

экономического образования, а также образования прикладного профиля), о роли образования в процессе социализации человека (С. Г. Вершловский, Л. Н. Лесохина, В. Г. Онушкин и др.), психологические проблемы образования (Ю. Н. Кулютин, Г. С. Сухобская), дидактические проблемы образования взрослых (Е. П. Тонконогая) и др. Исследования, связанные с различными аспектами образования взрослых людей, являются основой как для разработки программ обучения инвалидов, лиц старших возрастных групп, так и изучения проблем непрерывного образования андрагогов, работающих с ними.

В основе изучения андрагогической деятельности специалистов, работающих в сфере социальной защиты и образования инвалидов, лежит ряд современных общечеловеческих подходов.

Во-первых, это гуманистический подход, направленный на утверждение общечеловеческих ценностей, абсолютной ценности личности, независимо от ее психофизических возможностей и ограничений жизнедеятельности.

В связи с тем, что предметом деятельности андрагога выступают социальная поддержка и образование взрослого инвалида, внимание его должно быть направлено на сам феномен «образование инвалида». Андрагогу не только необходимо иметь в виду само предметное знание, которым должен овладеть обучающийся, но и способы его приобретения, создания условий для развития способностей в процессе познавательной деятельности. Для инвалида, выступающего субъектом образования, повышается значимость междисциплинарного знания, так как оно позволяет ему лучше ориентироваться в мире в целом и в реабилитационном процессе в частности. Как известно, все специалисты службы сопровождения — медики, психологи, социальные работники, педагоги — в неформальном общении обогащают реабилитанта знаниями своего направления, адаптированными к возможностям конкретной личности, и тем самым выполняют андрагогические функции.

Разносторонними знаниями человек с инвалидностью вооружается также в процессе свободного общения, которое строится в форме диалога, иногда — дискуссии с уточнением взглядов на предмет разговора. Таким образом, андрагог способствует тому, чтобы у человека с инвалидностью расширялось поле междисциплинарного знания, что является основой выработки самостоятельной общекультурной и образовательной позиции в широком смысле слова.

Реализация идеи гуманизации в процессе взаимоотношений «общество — человек с инвалидностью» предлагает преодоление негативных стереотипов, сложившихся на уровне массового сознания. К сожалению, даже определенная часть специалистов, работающих в образовательных сферах, органах социальной защиты и здравоохранения, обслуживающих инвалидов, тоже подвержена сложившимся стереотипам. Это обстоятельство актуализирует исследования социально-психологических аспектов взаимодействия людей с инвалидностью и общества, выявления конструктивных мер,

направленных на гармонизацию отношений в социуме, что во многом определяется личностными и профессиональными качествами андрагогов.

Во-вторых, целесообразно опираться на культурно-исторический подход, связанный с исследованием образования инвалидов как представителей определенного сообщества. При этом принимается во внимание, что сообщество инвалидов становится социальной реальностью, когда выступает в единстве объективных и субъективных характеристик.

В деятельности андрагога необходимо учитывать, что социальная группа инвалидов включает в себя ряд отдельных сообществ (лиц с проблемами слуха, зрения, с психическими нарушениями и др.) и выступает частью «большого сообщества», каким является общество в целом. При этом учитывается специфическая духовная культура этих сообществ, исторически сложившаяся и традиционно поддерживаемая международной практикой. Поэтому имеет смысл говорить об обогащении культурно-образовательных ценностей «большого общества» в результате интеграции в общественный процесс инвалидов как социальной группы.

Конструктивно-методический замысел реализации этих идей предполагает опору на историко-культурологический подход, который позволяет указывать на особое место образования в современной культуре, специфику ее влияния на общечеловеческий процесс. Как известно, культура предполагает два способа развития человека: первый заключает в себе целенаправленное и определенным образом организованное воздействие на личность и ее самостоятельное развитие, связанное с самообразованием, самовоспитанием, самореализацией личности в разных сферах жизни (духовной, творческой, деятельности-практической и др.). Второй способ связан с развитием духовной личности, при которой познание становится самопознанием, оценивание — самооцениванием, саморазвитием. Все это требует взаимосвязи гносеологического и нравственного потенциала личности и предполагает наличие определенных условий для их взаимодействия. Это обстоятельство актуализирует для андрагога проблему организации диалога, что усиливает социальную роль образования инвалидов и позволяет рассматривать ее как высокозначимое социальное и культурное явление. Гуманистически ориентированное общество призвано обеспечивать равноправный диалог между его членами, между социальными группами и обществом в целом. Это требует особых методов, позволяющих личности максимально раскрыться в ее творческих возможностях. В связи с этим предполагается, что сфера государственно-общественного регулирования и социального партнерства должна быть ориентирована на усиление

коммуникативных функций в обществе, укрепление связей между разными социальными группами. Опыт деятельности отделений КЦСОНов в этом аспекте дает ощутимые результаты. Одновременно нормативно-правовые акты, экономическое стимулирование, деятельность СМИ, потенциал культуры и образования как духовной основы общества выступают значимым потенциалом для создания безбарьерной среды, адаптированной к возможностям лиц с разными ограничениями жизнедеятельности.

В-третьих, возникает острая необходимость использования системно-структурного и структурно-функционального подходов при изучении деятельности андрагога. Они ориентируют его на рассмотрение системы социальной защиты и образования инвалидов на уровнях социального института, социальной группы и личности. Опирающийся на теорию эволюции социальной системы, этот подход связан с выработкой развития системы непрерывного образования человека.

В задачи профессиональной деятельности андрагога входят овладение системно-структурным подходом и использование его при организации образовательной деятельности инвалидов, лиц пожилого возраста, создании образовательных проектов и программ различных уровней.

Обозначенные выше подходы создают условия для целостного изучения проблемы профессиональной деятельности андрагогов, работающих в сфере социальной защиты и образования инвалидов, разработки профессиограммы этих специалистов и в дальнейшем — с учетом результатов междисциплинарных исследований создания программ их профессиональной подготовки и повышения квалификации.

Рассмотренные выше позиции свидетельствуют о том, что реализация национального проекта «Образование» для инвалидов и лиц пожилого возраста на региональном уровне отличается устойчивой положительной традицией, связанной с развитием научной и организационно-методической платформы. В дальнейшем предполагается актуализация инициатив как в сфере научных разработок программ непрерывного образования, так и в сфере удовлетворения социальных и образовательных потребностей инвалидов с разными ограничениями жизнедеятельности и лиц пожилого возраста. Созданные с этой целью инновационные структуры, находясь в процессе развития, стараются принимать во внимание трудности адаптации инвалидов к социуму и развивать научную базу и все необходимые условия для успешного образовательного маршрута и успешной самореализации лиц разных возрастных групп с ограниченными возможностями здоровья в социуме.

-
1. Активное долголетие петербуржцев. Многообразие досуговых и образовательных возможностей / под ред. Н. П. Литвиновой. СПб.: РОО «Дом Европы в Санкт-Петербурге», 2007. 129 с.
 2. Добровольческие инициативы в социально-образовательной работе с инвалидами и лицами пожилого возраста / науч. ред. С. С. Лебедева, С. М. Безух. СПб.: СПбГИПСР, 2018. 224 с.
 3. Кантор В. З., Волкова И. П., Смирнова Н. Н. Образ жизни инвалидов по зданию пожилого возраста: ориентиры добровольческой деятельности в сфере их социальной реабилитации // Реализация идеи добровольчества

- в социальной работе с инвалидами и лицами пожилого возраста/науч. ред. С. С. Лебедева, С. М. Безух. СПб.: СПбГИПСР, 2016. С. 4–16.
4. Королева Е. Г., Мухлаева Т. В. Образование для пожилых людей в контексте концепции «благополучного старения» // Человек и образование. 2018. Т. 56, № 4. С. 147–151.
 5. Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р О Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://base.garant.ru/71322816/>(дата обращения: 17.10.2019).
 6. Реабилитация — XXI век. Традиции и инновации. Программа II национального конгресса с международным участием. СПб.: Федеральный научный центр реабилитации инвалидов им. Г. А. Альбрехта, 2018. С. 36.
 7. Тонконогая Е. П., Лебедева С. С., Безух С. М. Развитие дополнительного образования социальных работников, обслуживающих лиц пожилого возраста // Человек и образование. 2018. Т. 57, № 3 С. 111–114.
 8. Havighurst R. J. Successful aging // The Gerontologist. 1961. Vol. 1 (1). P. 8–13.

References

1. Litvinova N. P. (Ed.) *Aktivnoye dolgoletiye peterburzhtsev. Mnogoobraznye dosugovykh i obrazovatelnykh vozmozhnostey* [Active longevity of population of Saint-Petersburg. Variety of leisure and educational opportunities]. St. Petersburg: European House in St. Petersburg Publ., 2007. 129 p. (In Russian).
2. Lebedeva S. S., Bezukh S. M. (Eds.) *Dobrovolcheskiye initsiativy v sotsialno-obrazovatelnoy rabote s invalidami i litsami pozhilogo vozrasta*. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2018. 224 p. (In Russian).
3. Kantor V. Z., Volkova I. P., Smirnova N. N. *Obraz zhizni invalidov po zreniyu pozhilogo vozrasta: oriyentiry dobrovolskoy deyatelnosti v sfere ikh sotsialnoy reabilitatsii* [Lifestyle of visually impaired elderly people: guidelines of voluntary activity in the sphere of their social rehabilitation, n]. *Realizatsiya idei dobrovolchestva v sotsialnoy rabote s invalidami i litsami pozhilogo vozrasta* [Implementation of the idea of volunteering in social work with the disabled and the elderly]. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work Publ., 2016. pp. 4–16 (In Russian).
4. Koroleva Ye. G., Mukhlayeva T. V. *Obrazovaniye dlya pozhilikh lyudei v kontekste kontseptsiy «blagopoluchnogo stareniya»* [Education for the elderly in the context of the concept of «healthy ageing»]. *Chelovek i obrazovaniye — Person and Education*, 2018, 56 (4), pp. 147–151 (in Russian).
5. *Strategiya deystviya v interesakh grazhdan starshego pokoleniya do 2025 goda (rasporyazheniye ot 05.02.2016 № 164-r)* [Strategy of actions in interests of citizens of the senior generation to 2025 (Regulation of February 5, 2016 № 164)] (in Russian). Available at: <http://base.garant.ru/71322816/>(accessed 17.10.2019).
6. *Reabilitatsiya — XXI vek. Traditsii I innovatsii. Programma II natsionalnogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem* [Rehabilitation — XXI century. Traditions and innovations. The Program of the 2nd national congress with international participation]. St. Petersburg: the Federal Scientific Centre of Rehabilitation of Disabled People named after G. A. Albrecht, 2018. 36 p. (In Russian).
7. Tonkonogaya Ye. P., Lebedeva S. S., Bezukh S. M. *Razvitiye dopolnitelnogo obraovaniya sotsialnykh rabotnikov, obsluhivayushchikh lits pozhilogo vozrasta* [Development of additional education of social workers serving the elderly]//*Chelovek i obrazovaniye — Person and Education*, 2018, 57 (3), pp. 111–114 (in Russian).
8. Havighurst R. J. Successful aging. *The Gerontologist*, 1961, 1 (1). pp. 8–13.

ШИПУНОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы
Санкт-Петербургского государственного университета,
shtatspb@yandex.ru

TATYANA V. SHIPUNOVA

D.Sc. (Sociology), Associate Professor at the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University

УДК 316.3; 316.4

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

SOCIAL SECURITY IN THE HUMAN DIMENSION

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению социальной безопасности. Классические концепции в центр внимания ставят, прежде всего, интересы государства. Сторонники концепции «человеческой безопасности» в наибольшей степени склонны к гуманистическому пониманию феномена. Результатом анализа подходов стало авторское определение социальной безопасности, в центре внимания которого находится не только обеспечение социального благополучия, но и развитие адаптивной гибкости индивидов, выступающей основой для формирования культуры безопасности. В своей совокупности данные виды безопасности создают условия для адаптации индивидов к быстро изменяющимся условиям и адекватного реагирования общества на современные вызовы. В статье представлены также результаты изучения представлений студентов о социальной безопасности, подтверждающие актуальность рассмотрения социальной безопасности в человеческом измерении для российской практики. В заключении автор делает вывод, что нацеленность политики безопасности на социальный эффект требует не только особого внимания к условиям жизни россиян, но и признания граждан равноправными агентами формирования политики социальной безопасности во всех сферах жизнедеятельности.

ABSTRACT. The article analyzes approaches to the definition of social security. Classical concepts put in the spotlight, first of all, the interests of the state. Proponents of the concept of "human security" are most prone to a humanistic understanding of the phenomenon. The result of their analysis was the author's definition of social security, the focus of which is not only ensuring social well-being, but also the development of adaptive flexibility of individuals. Taken together, these types of security create the conditions for individuals to adapt to rapidly changing conditions and for an adequate response of society to modern challenges. The article also presents the results of the study of students' understanding of social security, which confirms the urgency of considering the phenomenon in the human dimension. The author concludes that the focus of the security policy on the social effect requires not only special attention to the living conditions of the population of the Russian Federation, but also the recognition of citizens as equal agents in the formation of social security policy in all spheres of the society.

Ключевые слова: социальная безопасность, расширенная безопасность, человеческая безопасность, защищенность, адаптивная гибкость, агенты безопасности, молодежь.

KEYWORDS: social security, extended security, human security, protection, adaptive flexibility, security agents, youth.

Введение

Тема социальной безопасности порождает множество дискуссий, затрагивающих проблемы социального порядка в их соотнесенности с универсальными человеческими ценностями. Необходимость дальнейшей разработки понятия связана с тем, что во второй половине XX века в научных кругах произошел отказ от отождествления государственной безопасности с социальной, а понятие «социальная безопасность» приобрело выраженную гуманистическую направленность. Безопасность стала рассматриваться в человеческом измерении с акцентом на приоритетную защищту интересов и потребностей индивидов.

Трансформация идей о социальной безопасности

Отказ от классических концепций, базировавшихся на общих положениях школы реализма, в которой государству отводилась главная роль в защите граждан и территории от внешнего врага, и формирование представлений о социальной безопасности в перспективе интересов человека начались с распространения идей об обществе риска. Согласно данной концепции, меру незащищенности индивидов в конечном итоге определяет расширенное воспроизведение рисков в современном обществе [7, 13]. Неуправляемость и непредсказуемость обыденной жизни в совокупности с утратой

рациональности и расширенным воспроизведением рисков лежит в основе феномена неопределенности современности, которая мешает достижению человеком поставленных целей и усиливает страхи, препятствующие нормальному функционированию в социуме [3]. В этой ситуации возникает необходимость теоретического переосмысливания социальной безопасности, ее перевода в человеческое измерение. С этого времени в дискурсе безопасности получают развитие новые идеи, обладающие определенным суверенитетом и получившие название «расширенная безопасность» [18].

Модель «расширенной безопасности» описывается в четырех измерениях: референтном, предметном, опасностей и пространственном [17, S. 19]. В центре внимания оказывается не только государство, но и человек как референт защищенности. Объектом защиты становятся базовые потребности людей и проблемные области, в которых замечены нарушения безопасности (экономика, экология, здравоохранение и др.). В фокус исследований попадают опасности, которые пока не проявились, но могут проявиться в будущем. Таким образом, здесь разрабатывается система понятий и происходит концептуализация феномена незащищенности, которые в дальнейшем будут определять и направлять политику безопасности. Пространственное измерение, описывающее географическую область гарантий безопасности, включает в себя в том числе представления о последствиях глобализации, поскольку безопасность в современном мире не может рассматриваться исключительно в национальных границах.

Данная концепция имеет как сторонников, так и противников. Противники подвергают сомнению возможность изучения феномена безопасности в указанных измерениях [20, S. 383–386]. Так, референтное измерение предполагает выделение объектов защиты (внешняя безопасность и индивиды) и социальных контекстов безопасности (сфера жизнедеятельности индивидов и общества). В то же время в предметном измерении выделяют микро- или мезоуровень либо оба уровня сразу. Данное предпочтение в выборе уровней находится в прямой связи с исследованиями феномена культуры безопасности, фокусом которой являются общество как целое, связи между социальными институтами, а также конкретные организации. Однако существует угроза, что со временем основное внимание будет уделяться организационным моментам, связанным с деятельностью системы безопасности. Кроме того, предметное измерение должно включать в себя большой диапазон параметров, описание которых представляется чрезвычайно трудным, а чаще всего — невозможным. В измерении опасностей предлагается модель коммуникации безопасности, в которой выделяются три фазы измерения опасностей: угроза, уязвимость и риск. При этом основное внимание уделяется рискам и далее — небезопасности в смысле остаточного риска. Однако, по мнению самих разработчиков модели, «этот остаток также обозначается как риск, что предполагает, в свою очередь, предсказуемость и тем самым — управляемость ситуацией, которых на самом деле нет» [17, S. 26].

Следствием критики концепции «расширенной безопасности» и переосмысливания параметров политики безопасности явилось углубленное обсуждение вопросов защиты отдельных индивидов и их потребностей. Результатом дебатов стала концепция «человеческой безопасности» [14], подчеркивающая необходимость обеспечения гарантии защиты каждого гражданина против угрозы насилия, голода, болезней, угнетения, лишений, внезапных и болезненных (трудных) ситуаций в повседневной жизни. В данной концепции идеи обеспечения безопасности развивались в двух плоскостях. В горизонтальной плоскости рассматривались возможности привлечения новых агентов безопасности в лице различных социальных групп и отдельных индивидов. При этом представители концепции не теряли из виду необходимость усиления и расширения безопасности в вертикальной плоскости — со стороны государственной власти. К главным характеристикам концепции относятся следующие положения [18, S. 322]:

- роль референтного субъекта закрепляется преимущественно за индивидом (а не за государством, как в классической школе или в концепции «расширенной безопасности»);
- к видам угроз относятся межгосударственные и внутригосударственные конфликты, миграционные процессы, постконфликтные ситуации, изменяющие жизненную ситуацию индивидов;
- источником угроз выступают усиленная глобализацией взаимозависимость всех социальных процессов, политическое и экономическое неравенство, нестабильность, которые имеют следствием неблагополучие индивидов;
- в качестве средств защиты от угроз рассматриваются: меры противодействия во всех плоскостях посредством привлечения различных агентов безопасности (государство, международные организации, предприниматели и гражданское общество), защита, расширение прав и возможностей нуждающихся; в предыдущих концепциях средствами выступали разные виды государственного насилия, прежде всего вооруженного (классическая школа), а также различного рода мероприятия, имеющие признаки насилия, которые должны повышать эффективность государственного управления (концепция «расширенной безопасности»).

Несмотря на то что концепция «человеческой безопасности» отвечает требованиям ориентации на ситуацию отдельно взятого индивида и делает акцент на обеспечении гарантий защиты против угроз, с нашей точки зрения, в определении понятия имеется ряд недостатков. Во-первых, предмет защиты охватывает лишь жизненно важный минимум. При этом из поля зрения агентов безопасности выпадает все то, что превышает минимальные потребности индивидов. Во-вторых, защита здесь выступает как средство социальной безопасности, а не результат ее обеспечения. Такое понимание защиты, ассоциированное с социальной помощью/поддержкой, значительно сужает круг лиц, которые в ней нуждаются. К ним относятся преимущественно неблагополучные, социально отягощенные группы населения, для которых функциональные

проявления защиты ограничиваются принципом вторичности, предусматривающим гарантированную социальную помощь тем, кто сам прилагает усилия для выхода из сложной жизненной ситуации, что в некоторых случаях представляется затруднительным. И, наконец, в-третьих, в концепции «человеческой безопасности» слабо просматривается превентивный аспект защиты. Здесь акцент делается скорее на фактически проявившихся рисках в виде неблагоприятных обстоятельств и условий жизнедеятельности индивидов, нуждающихся в социальной поддержке/зашите, при условии, что такая поддержка гарантирована государством.

Следует отметить, что в отечественной литературе начиная с конца прошлого века также уделяется большое внимание рассмотрению социальной безопасности в человеческом измерении [см., напр.: 2, 8, 9, 12]. В общем и целом, представления о безопасности предусматривают обеспечение социального благополучия в определенный период посредством реализации совокупности мер по защите целей, идеалов, ценностей и интересов человека в социальной сфере, развитие системы жизнеобеспечения и социализации людей [5, с. 161] (понимание социальной безопасности как результата). Считается, что это будет благоприятствовать более полной реализации потенциала личности [4, с. 68]. Процессный подход, рассматривающий социальную безопасность как деятельность агентов по выявлению, предупреждению, ослаблению и/или устранению опасностей и угроз [10, с. 16], расширяет представления о социальной безопасности. В своей совокупности оба подхода создают теоретическую базу для развития социальной безопасности, ориентированной на человека. Вместе с тем разработки отечественных и зарубежных исследователей, с нашей точки зрения, имеют некоторые недостатки.

Социальная безопасность в перспективе развития адаптивной гибкости индивидов

В современных гуманистических концепциях социальной безопасности нет четкого ориентира на необходимость создания условий для развития индивидов. Кроме того, в определениях социальной безопасности не отражена значимость субъективных (обывательских) оценок, которые чаще всего противопоставляются объективному (экспертному) мнению. Субъективные оценки рассматриваются исключительно с релятивистских позиций. Так, считается, что представления о социальной безопасности будут различаться у бедных и богатых [19]. Отмечено, что богатые разных стран стремятся ко все возрастающей самоизоляции в хорошо контролируемых жилых и деловых районах. Однако данный феномен увеличивает ощущение небезопасности у остальной части населения и ведет (как тенденция) к усилению парадокса безопасности, который гласит: чем больше делается для обеспечения безопасности, тем более незащищенными чувствуют себя индивиды (и не только те, для кого реально уровень безопасности снижен) [16, с. 10].

Так называемые объективные оценки безопасности, понимаемые как рациональная калькуляция

опасностей, произведенная экспертами, также не всегда объективны. Зарубежные и отечественные исследователи отмечают, что эксперты находятся в зависимости от разных социальных групп, особенно групп власти имущих (чиновников, банкиров, коммерсантов и т. д.), которые могут влиять на итоговые выводы и использовать их для лоббирования своих интересов [16, S. 24; см. также: 11, с. 22; 22]. Об этом в свое время писал и Н. Луман: «Уверенность в предотвращении ущерба со стороны экспертов, промышленных организаций или даже политических систем (особенно на местном уровне) снизилась за последние два десятилетия. Кажется, что разница между лицами, принимающими решения, и теми, кто пострадал, сегодня более выражена, чем раньше» [21, S. 354].

Различия между объективной и субъективной безопасностью не обязательно должны быть разительными, поскольку в обыденном сознании отражаются те компетенции, которые необходимы для существования индивидов в социуме и которые проходят проверку на практике с позиций блага для человека [6, с. 52]. Таким образом, обыденное знание, дополненное здравым смыслом, становится тем основанием, которое структурирует жизнь индивидов в повседневности и делает ее осмысленной, т. е. определяет «знание жизни», построенное на опыте, что позволяет говорить о равной значимости для понимания социальной безопасности как экспертного мнения, так и мнения рядовых членов общества¹.

Учитывая сказанное, можно предложить следующее определение социальной безопасности: это целенаправленный процесс и результат нормотворческой и организационной деятельности агентов безопасности, направленный на устранение рисков и создание условий для достойного существования и развития индивидов на всех этапах жизненного пути при условии объективного (экспертного)² и субъективного (в общественном мнении) признания их социально справедливыми; результатом социальной безопасности является развитие адаптивной гибкости индивидов, выступающей основой для формирования культуры безопасности, предстающей как сумма убеждений, ценностей и практик индивидов и организаций, «которые

¹ Разумеется, могут возникнуть коллизии между необходимостью обеспечения государственной/национальной и социальной безопасностью. Кроме того, в современном мире приходится сталкиваться с полем сетевых опасностей, включающих в себя как внутренние, так и внешние угрозы, действующие на основе комплексности и взаимовлияния, сведения о которых недоступны или не всегда понятны обыденному сознанию. В данном случае для сохранения стабильности в обществе и снятия напряженности необходимо привлечение независимых экспертов, чьи выводы о рисках и безопасности не будут искажены политическими соображениями.

² Объективная социальная справедливость нормотворческой и организационной деятельности проверяется на практике. Показателями будет повышение уровня социального благополучия и качества жизни населения.

принимают решения о том, что именно следует рассматривать как опасность, и применяют определенные меры для защиты» [16, С. 10]. Под достойным существованием (статическая характеристика) понимается все то, что декларируется современным демократическим обществом в качестве гарантии социального благополучия индивидов: права, свободы, социальная поддержка в трудной ситуации, достойный уровень и качество жизни и т. д. Эти показатели являются необходимыми для успешного функционирования человека в физическом, психологическом, экономическом и социальном плане. Понятие «адаптивная гибкость» (динамическая характеристика) отличается тем, что описывает не столько количество, сколько качество физических и психических сил, знаний, умений, навыков человека, готовность и способность к позитивной для него самого и для общества самореализации в быстро изменяющихся условиях.

Из готовности к изменениям отдельных индивидов в единстве с их социальным благополучием складываются такие показатели социума, как качество населения, индекс развития человеческого потенциала и другие, определяющие способность общества адекватно реагировать на современные вызовы, сохраняя тенденцию к устойчивому развитию. Если в обществе нет условий для формирования адаптивной гибкости, то возникает феномен «ловушки бедности», когда человек не в состоянии приспособиться к новым реалиям — технологиям, правилам, требованиям и условиям, — вследствие чего оказывается выброшенным из общественной жизни [1, с. 37–39]. С ростом числа индивидов, попавших в «ловушку бедности», возрастают риски переноса/распространения этого явления на все общество, которое начинает проявлять характерные признаки социальной деградации: постоянное воспроизводство бедности, резкое расслоение на бедных и богатых, рост уровня безработицы, отсутствие заботы о будущем поколении, эксплуатация ресурсов граждан, демографический спад и т. д.

Для повышения социальной адекватности мероприятий по обеспечению социальной безопасности необходимо изучение представлений населения о данном феномене. Последующее обсуждение результатов с широкой общественностью — это верный путь для развития культуры безопасности. Исходя из данных рассуждений, параллельно с теоретической проработкой вопросов мы провели эмпирическое исследование, сверхзадачей которого стало изучение представлений молодежи о социальной адекватности и востребованности идей социальной безопасности в человеческом измерении.

Субъективное определение социальной безопасности: некоторые результаты исследования

Исследование проводилось в 2017–2018 годах. Его цель — изучение представлений о социальной безопасности студенческой молодежи. Объектом выступили студенты 2–4 курсов одного из университетов Санкт-Петербурга, обучающихся по социогуманитарному направлению, а предметом — представления о социальной безопасности.

В исследовании использовался метод структурированного эссе³. Структурирование проводилось посредством выделения тем, совпадающих с задачами исследования, которые, в свою очередь, сопровождались поясняющими вопросами, рекомендуемыми к обсуждению. Стоит отметить, что подготовке эссе не сопутствовало предварительное обсуждение данной темы в аудитории.

В написании эссе приняли участие 52 человека, среди которых, в силу специфики образовательного направления, преобладали женщины (44 чел.). Возрастной состав достаточно однороден — преимущественно 19–21 год, лишь один человек был в возрасте 25 лет. Полученные в ходе исследования тексты эссе обрабатывались методом контент-анализа, смысловые единицы которого ассоциированы с поясняющими вопросами. Ответы на вопрос о понимании социальной безопасности группировались по нескольким признакам. Выделялись смысловые единицы, характеризующие содержание понятия, референтов, агентов и средства обеспечения социальной безопасности. Единицами обсчета были слова и выражения, относящиеся к той или иной группе.

Анализ показал, что в понимании студентов социальная безопасность предстает как процесс и результат некой деятельности, а также как оценочная категория, характеризующая восприятие людьми своего благополучия в обществе. Наполнимость понятия, т. е. характеристика его объема, занимает в эссе студентов большую часть. Заявлением о том, что социальная безопасность — это удовлетворение лишь базовых потребностей людей, ограничились два человека. Большинство студентов выделили признак равных возможностей для получения социальных благ (частота упоминаний или использование ассоциированных по смыслу характеристик — $v=42$). Под социальными благами имеется в виду не только равенство возможностей в получении медицинских услуг, образования, работы, наличие социальных гарантий, достойный уровень и качество жизни, но и защита таких ценностей, как свобода слова и вероисповедания, самовыражение, отсутствие притеснений по каким-либо признакам, возможность реализовывать свои интересы.

В подходе к определению объема понятия социальной безопасности с точки зрения деятельности выделено устранение угроз, «приводящих к дестабилизации общества и нанесению вреда человеку» ($v=12$). В качестве характеристики социальной безопасности указываются также: уменьшение

³ Данный метод больше соответствует цели исследования, чем анкетирование, поскольку отсутствуют подсказки в виде вариантов ответов. Участники описывают только то, что для них является наиболее актуальным. Использование данного метода является трудоемким занятием и требует определенной степени доверительных отношений между исследователем и студентами, поскольку эссе предполагает изложение личных мнений и идей, которые студенты зачастую не желают озвучивать. Кроме того, подготовка эссе требует времени, сосредоточенности и вербализации своих (зачастую расплывчатых) представлений, что не всем студентам может нравиться.

рисков становления жертвами военных конфликтов, несчастных случаев, преступных посягательств ($v=3$); защита общества от внешних угроз ($v=2$). Устранение угроз, по мнению части студентов, должно обеспечить в обществе и ситуацию отсутствия любых видов насилия, среди которых названы: политическое, экономическое, духовное подавление личности и социальных групп; пытки; давление на человека со стороны государства (преследование, навязывание идеологии), репрессии, навязывание религиозных ценностей ($v=4$).

13 человек акцентировали свое внимание на субъективном аспекте социальной безопасности. Он отражается в нескольких вариантах ответов: «ощущение уверенности в завтрашнем дне»; уверенность, что в случае неблагоприятной ситуации индивид «может рассчитывать на государственную помочь и поддержку»; человек чувствует себя в безопасности; ощущение стабильности и защищенности; «абсолютного комфорта человека в социуме» и др.

Часть студентов видят главную цель обеспечения социальной безопасности в развитии и создании условий для самореализации личности ($v=14$). При этом они используют выражения: «личность может свободно функционировать», осуществлять «взаимодействие в различных социальных группах и развиваться», «право на самовыражение», «полноценное развитие личности и реализация творческого потенциала», «самореализация в личном, творческом, профессиональном планах» и т. д. Конечно, у студентов в тезаурусе отсутствует понятие адаптивной гибкости, но их рассуждения близки этому феномену по своей сути. В более широком смысле сюда же можно отнести и высказывания о том, что социальная безопасность должна описываться «скорее в терминах развития, прогресса, нежели обороны», она должна иметь ориентиром «равноправие, справедливость», совершенствование людей, обеспечение «готовности общества к возникновению любого рода опасностей», «обладание интеллектуальными и техническими ресурсами для предотвращения опасностей» ($v=5$).

Референтом защиты, по мнению студентов, должны выступать все граждане (отметили 23 чел.), отдельные группы (например, интеллигенция, военнослужащие и др.) (6 чел.). Выделяется также группа особо нуждающихся граждан — инвалиды, сироты, многодетные семьи, дети, пожилые люди и т. д. (9 чел.). При этом социальная безопасность должна обеспечиваться на межличностном, групповом и государственном уровнях.

В роли главного агента социальной безопасности студенты видят государство (отметил 31 чел.). Это может свидетельствовать как о стремлении к патернализму, так и о реальной оценке ситуации в российском обществе, в котором слабо развито гражданское общество, а власть и все механизмы воздействия на ситуацию сосредоточены у государства. Три человека высказали опасения в отношении государства как агента безопасности, выделив три момента: стремление «затягивать гайки»; усиление контроля; социальную неадекватность некоторых законов, ограничивающих свободу

волеизъявления граждан; (возможное) преследование оппозиции и ограничение свободы слова, если государство расценивает это как угрозу социальной безопасности. К другим агентам были отнесены: общественные организации, движения (включая политические), общество в целом (9 чел.); различные социальные институты, в том числе социальные службы (5 чел.); силовые структуры (армия, ФСБ, правоохранительные органы) (5 чел.). Граждане страны также фигурируют в качестве агентов социальной безопасности (отметили 6 чел.).

Средства обеспечения социальной безопасности были разделены студентами на две относительно самостоятельных группы. В первую группу вошли те средства, которые доступны преимущественно государству как органу управления обществом: законодательная деятельность, включающая в том числе разработку социально ориентированных законов, образующих правовое поле для развития социальной политики ($v=7$). По одному голосу получили также: государственное принуждение, грамотное управление, развитая система правоохранительных органов, меры политического, экономического, идеологического и организационного характера, пропаганда и др. Во вторую группу вошел перечень средств без указания ответственного субъекта, что, впрочем, не отменяет их значимости для социальной безопасности в понимании студентов. Среди этих средств были названы поддержка и защита в неблагоприятной ситуации (1 чел.), защита прав и свобод людей, развитие толерантности (2 чел.).

Откликом на предложение выделить наиболее важные виды социальной безопасности стало следующее распределение ответов, сгруппированных на основе указания ключевых слов/смыслов, характеризующих ту или иную сторону жизнедеятельности людей.

Внутренняя безопасность представляется студентам более важной, чем внешняя, которую отметили всего 4 человека. По мнению одного из студентов, это обусловлено тем, что условия жизни в России «превращают нашу реальность в постоянную борьбу за спокойную жизнь». Среди видов социальной безопасности чаще всего указывается экономическая безопасность ($v=20$). Она видится как достойные уровень и качество жизни, которые «открывают путь к саморазвитию и прогрессу», отсутствие кризисов и низкий уровень безработицы. К данному виду безопасности можно отнести также защиту наиболее уязвимых групп населения ($v=14$) и благотворительность, имеющую целью помочь индивидам в трудной жизненной ситуации ($v=2$).

В качестве актуальных показателей выделяны: безопасность здоровья ($v=15$); «культурная» безопасность, которая подразумевает не только гарантию прав и свобод, но и все то, что связано с развитием личности ($v=16$); физическая безопасность как защищенность от «криминальных действий в отношении граждан» ($v=12$); экологическая ($v=7$) и др. Пятеро студентов выделили политическую безопасность, содержание которой сводится к защите государственной

системы и «стабильности политической власти». Социальная безопасность в данном случае рассматривается как производная от государственной политики в отношении всех граждан при условии ее ориентации на поддержку условий общественного договора, в котором государству отводится роль защитника интересов и прав граждан. Если этого не происходит, то «рушится вся система взаимодействия человека и государства».

Прямая связь с понятием адаптивной гибкости (помимо выделения культурной безопасности) также нашла отражение в эссе студентов ($n=7$). Их рассуждения не ограничиваются только указанием на то, что нужно «защищать и развивать жизненные силы социальных субъектов», интегрировать их социум, развивать личностный потенциал, давать качественное образование. Студенты видят в этих мероприятиях позитивные следствия для всего общества в виде: «социальной стабильности, процветания и прогресса»; «развития экономики, сокращения числа людей в группах риска» и т. д.

Результаты исследования показали, что понимание социальной безопасности студентами имеет в своем большинстве ориентиры, несколько отличные от национальной и/или государственной безопасности. Трудно представить, что без обеспечения благополучия людей, уменьшения рисков обнищания, потери здоровья, снижения уровня образования и раскультивирования в недалеком будущем Россия сможет удерживать статус сильной державы, достойно конкурировать и защищать свои интересы на международной арене. В современном обществе выявление и оценка рисков рассматриваются как продукт взаимодействия различных общественных групп. Это «делает анализ политики безопасности, с одной стороны, более сложным, но с другой — он открывает взору разнообразие участников, которые имеют право формулировать и разрабатывать политику безопасности» [15, S. 10–11]. По крайней мере, общественность может и должна принимать участие в обсуждении наиболее важных вопросов, касающихся жизнедеятельности индивидов в социуме.

Основные выводы

Анализ подходов к пониманию социальной безопасности в современном обществе демонстрирует отказ от ее отождествления с государственной безопасностью, что приводит к необходимости переосмысливания классических концепций и разработке концепций, ориентированных на обеспечение защищенности индивидов. Откликом на эти обстоятельства стало возникновение концепции «расширенной безопасности», в которой предлагается изучать проблему обеспечения социальной безопасности как бы вне зависимости от глобальных мировых конфликтов, поскольку в любой напряженной экономической, экологической, политической и других ситуациях требуются обеспечение гарантий внутренней легитимности власти и выживания социума и, соответственно, защиты индивидов. В наиболее явном виде гуманистическая составляющая социальной безопасности проявляется себя в концепции «человеческой безопасности».

Основным недостатком данной концепции является ее сведение к социальной защите (преимущественно государственной), которая уделяет больше внимания социально отягощенным слоям населения. При этом не уделяется должного внимания другим социальным группам. Тем самым не обеспечивается удаленная перспектива или, иначе говоря, кумулятивный эффект социальной безопасности.

Неопределенность как отличительная черта современного общества, усугубленная переплетением интересов транснациональных сетей, предпочтений международных организаций и международной экономической деятельностью правительств, создает высокий уровень напряженности в обществе. Одновременно с этим возрастает и значимость успешной адаптации индивидов к быстро меняющимся условиям жизнедеятельности, которая в конечном счете является залогом самосохранения и развития общества. Очевидно, что в этой связи социальная безопасность должна приобрести две временные перспективы: «на данный момент» и «на будущее». Обеспечение социальной безопасности в первом случае предусматривает реакцию на актуальные риски. При устранении этих рисков основным требованием должно стать либо повышение уровня социального благополучия индивидов, либо сохранение *status quo* жизненной ситуации индивидов. Перспектива «на будущее» обеспечивает формирование и развитие адаптивной гибкости индивидов как гарантии адаптации индивидов к постоянно изменяющимся условиям существования. В обеих перспективах следует ожидать не только устранения онтологических угроз, но и коррекции восприятия и оценки опасностей. Данный подход в наибольшей степени может гарантировать развитие культуры безопасности как инструмента саморегуляции жизнедеятельности индивидов и организаций в плане определения и поддержания безопасной среды существования.

Исследование представлений студентов о социальной безопасности показало, что в их понимании безопасность предстает как процесс и результат защиты интересов и ценностей индивидов. Это согласуется с теоретическими концепциями, имеющими гуманистическую направленность. При ориентации безопасности на социальный эффект в виде формирования адаптивной гибкости индивидов, являющейся базой для развития культуры безопасности и общества в целом, повышаются требования к агентам безопасности. Диспозиционный конфликт между властью и населением может найти удовлетворительное разрешение только тогда, когда власть признает население, гражданские институты, общественные движения равноправными агентами разработки и обеспечения политики социальной безопасности. Формирование безопасности — это постоянный процесс, следовательно, ее полное (и законченное) воплощение трудно представить, однако можно выстроить такую архитектуру системы социальной безопасности, которая ориентирована на достижение положительных социальных эффектов (как цели развития) и обеспечение соответствующих условий в социальной сфере.

1. Ведихина А. С. Ловушка бедности в современном обществе // Вопросы современной экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Инновационный центр развития образования и науки, 2016. С. 37–39.
2. Вожеников А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М.: Изд-во НПО Модуль, 2000. 240 с.
3. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практис, 2011. 352 с.
4. Колосов А. В. Экономическая безопасность в сфере интеллектуальной деятельности. М.: Мир науки, 2013. 126 с.
5. Кузнецов В. Н. Социология безопасности: учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 2007. 423 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
7. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.
8. Манилов В. Л. Безопасность в эпоху партнерства. М.: ТЕРРА, 1999. 364 с.
9. Мирошниченко В. М. Национальная безопасность Российской Федерации. М.: Экзамен, 2002. 256 с.
10. Серебрянников В., Хлопьев А. Социальная безопасность России. М.: МНИИПУ, 1996. 349 с.
11. Яницкий О. Н. Социология риска: ключевые идеи // Мир России. 2003. Т. 12, № 1. С. 3–35.
12. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia, 1999. 357 с.
13. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne [The risk of the company. On the way to another modernity]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 391 p. (In German).
14. Brzoska M. Human Security — mehr als ein Schlagwort [Human Security. Is more than a slogan]. Friedengutachten [Conclusion of peace]. Münster: Lit, 2004, pp. 156–165 (in German).
15. Daase Ch., Engert S.-Junk J. Gesellschaftliche Verunsicherung als Herausforderung des Staates: Eine Einführung [Society of uncertainty as the task (goal) of the state: introduction]. Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur [Unsettled state is a broken state. Towards the changes of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 9–34 (in German).
16. Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. Einleitung: Politik und Unsicherheit [Introduction: policy and uncertainty]. Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur [Policy and uncertainty: strategies in the changing safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 9–17. (in German).
17. Daase Ch. Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung. Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 19–29 (in German).
18. Debiel T., Werthes S. Menschliche Sicherheit: Fallstricke eines wirkungsmächtigen Konzepts [Human security: pitfalls as an effect of powerful concept] Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur [A corrupt society is a congested state: Towards the change of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 319–336 (in German).
19. Grosser A. Zwischen Sicherheit und Unsicherheit. Zu Notwendigkeiten und Übertreibungen in der Sicherheitsdebatte [Between security and uncertainty: About the need of discussions and debates on security]. Zivile Sicherheit: Gesellschaftliche Dimensionen gegenwärtiger Sicherheitspolitiken [Civil security: social aspects of the current security policy]. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011, pp. 35–40. (In German).
20. Lange H.-J., Wendekamm M. Dimensionen der Sicherheitskultur — Eine Resümee. Dimensionen der Sicherheitskultur [Dimensions of safety culture]. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014, pp. 381–387. (In German).
21. Luhmann N. Die Moral der Gesellschaft [Morality of society]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. 402 p. (In German).
22. Möllers M. H. W. Öffentliche Sicherheit und Gesellschaft: Debatten im Kontext historischer [Public safety and society: discussions in the context of historical events] (2nd ed.) Frankfurt: Verlag für Polizeiwissenschaft, 2013. 90 p. (In German).

References

1. Vedikhina A. S. Lovushka bednosti v sovremennom obshchestve [Poverty trap in modern society]. *Voprosy sovremennoy ekonomiki i menedzhmenta: svezhiiy vzglyad i novyye resheniya: Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii-* [Issues of modern economics and management: a fresh look and new solutions: Collection of Scientific Papers on the Results of an International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg: Innovative Centre of Education and Science, 2016, pp. 37–39 (in Russian).
2. Vozzhenikov A. V. *Natsionalnaya bezopasnost: teoriya, politika, strategiya* [National Security: Theory, Politics, Strategy]. Moscow: Scientific and Production Association Modul Publ., 2000. 240 p. (In Russian).
3. Giddens Je. *Posledstviya sovremennosti* [The consequences of modernity]. Moscow: Praksis, 2011. 352 p. (In Russian).
4. Kolosov A. V. *Ekonomicheskaya bezopasnost v sfere intellektualnoy deyatelnosti* [Economic security in the field of intellectual activity]. Moscow: Mir Nauki Publ., 2018. 126 p. (In Russian).
5. Kuznetsov V. N. *Sotsiologiya bezopasnosti: Uchebnoye posobie* [Sociology of Security: Textbook]. Moscow: Moscow State University Publ., 2007. 423 p. (In Russian).
6. Liotar Zh.-F. *Sostoyaniye postmoderna* [The postmodern condition]. St. Petersburg: Aleteiya, 1998. 160 p. (In Russian).
7. Luhmann N. *Ponyatiye riska* [The concept of risk]. *THESIS — Almanac THESIS*, 1994 (5), pp. 135–160 (In Russian).
8. Manilov B. L. *Bezopasnost v epokhu partnerstva* [Security in the era of partnership]. Moscow: TERRA Publ., 1999. 364 p. (In Russian).

9. Miroshnichenko V. M. *Natsionalnaya bezopasnost Rossiyskoy Federatsii* [National Security of the Russian Federation]. Moscow: Ekzamen Publ., 2002. 256 p. (In Russian).
10. Serebryannikov V., Khlopov A. *Sotsialnaya bezopasnost Rossii* [Social security in Russia]. Moscow: International Research Institute of Problems of Management Publ., 1996. 349 p. (In Russian).
11. Yanitskiy O. N. *Sotsiologiya riska: klyuchevyye idei* [Sociology of risk: key ideas]. *Mir Rossii* — The World of Russia, 2003 12 (1), pp. 3–35 (in Russian).
12. Yanovskiy R. G. *Globalnyye izmeneniya i sotsialnaya bezopasnost* [Global changes and social security]. Moscow: Academiya, 1999. 357 p. (In Russian).
13. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne* [The risk of the company. On the way to another modernity]. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1986. 391 p. (In German).
14. Brzoska M. *Human Security — mehr als ein Schlagwort* [Human Security. Is more than a slogan]. *Friedengutachten* [Conclusion of peace]. Münster: Lit, 2004, pp. 156–165 (in German).
15. Daase Ch., Engert S.-Junk J. *Gesellschaftliche Verunsicherung als Herausforderung des Staates: Eine Einführung* [Society of uncertainty as the task (goal) of the state: introduction]. *Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur* [Unsettled state is a broken state. Towards the changes of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 9–34 (in German).
16. Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. *Einleitung: Politik und Unsicherheit* [Introduction: policy and uncertainty]. *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur* [Policy and uncertainty: strategies in the changing safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 9–17. (in German).
17. Daase Ch. *Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung*. *Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur*. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014, pp. 19–29 (in German).
18. Deibel T., Werthes S. *Menschliche Sicherheit: Fallstricke eines wirkungsmächtigen Konzepts* [Human security: pitfalls as an effect of powerful concept] *Verunsicherte Gesellschaft — überforderter Staat: Zum Wandel der Sicherheitskultur* [A corrupt society is a congested state: Towards the change of safety culture]. Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2013, pp. 319–336 (in German).
19. Grosser A. *Zwischen Sicherheit und Unsicherheit. Zu Notwendigkeiten und Übertreibungen in der Sicherheitsdebatte* [Between security and uncertainty: About the need of discussions and debates on security]. *Zivile Sicherheit: Gesellschaftliche Dimensionen gegenwärtiger Sicherheitspolitiken* [Civil security: social aspects of the current security policy]. Bielefeld: Transcript Verlag, 2011, pp. 35–40. (In German).
20. Lange H.-J., Wendekamm M. *Dimensionen der Sicherheitskultur — Eine Resümee. Dimensionen der Sicherheitskultur* [Dimensions of safety culture]. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2014, pp. 381–387. (In German).
21. Luhmann N. *Die Moral der Gesellschaft* [Morality of society]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2008. 402 p. (In German).
22. Möllers M. H. W. *Öffentliche Sicherheit und Gesellschaft: Debatten im Kontext historischer* [Public safety and society: discussions in the context of historical events] (2nd ed.) Frankfurt: Verlag für Polizeiwissenschaft, 2013. 90 p. (In German).

МАРКОВСКАЯ ГАЛИНА ГЕРМАНОВНА

старший преподаватель кафедры общей, возрастной и дифференциальной психологии
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
markovskaia.galina@mail.ru

GALINA G. MARKOVSKAIA

*Senior Lecturer, Department of General, Age and Differential Psychology,
St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

КРЮКОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

заместитель директора Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения
социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-
инвалидов Невского района Санкт-Петербурга»,
tiara_2000@mail.ru

TATYANA A. KRYUKOVA

*Deputy director, The St. Petersburg State Budgetary Institution of Social Services for the Population
«The Center for Social Rehabilitation of Disabled People and Disabled Children
of the Nevsky District of St. Petersburg»*

УДК 159.92

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГОТОВНОСТИ К ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ИНВАЛИДОВ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА**

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF READINESS FOR LABOR ACTIVITY
IN DISABLED EMPLOYEES**

Аннотация. Социально-психологические факторы готовности к трудовой деятельности у инвалидов трудоспособного возраста рассмотрены в контексте концепции активного долголетия и международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья. В обследовании на добровольной основе приняли участие сорок инвалидов трудоспособного возраста, находящихся на социальном обслуживании в ЦСРИДИ Невского района. Результаты эмпирического исследования показали, основными причинами, затрудняющими возможность инвалидов систематически работать, являются плохое состояние здоровья; недостаток квалификации и опыта работы; отсутствие вакансий. Часть инвалидов указала на неумение искать работу; личную нерешительность и стеснительность; неумение общаться с людьми. Возможность профессионального и должностного роста, независимость, творческая составляющая деятельности не играют серьезной роли. Уровень притязаний в сфере труда у инвалидов невысок. Собранные данные позволили сделать портрет человека с инвалидностью, максимально готового к трудовой деятельности и портрет инвалида, minimally готового к труду. На основе полученных данных предложены рекомендации по социальной и психологической помощи инвалидам, направленные на улучшение функционирования инвалидов и их активное долголетие.

ABSTRACT. Socio-psychological factors of readiness for work for disabled people of working age are considered in the context of the concept of active longevity and the international classification of functioning, disability and health. The survey on a voluntary basis was attended by forty disabled people of working age who are on social services in the Centre of Social Rehabilitation of Disabled People and Disabled Children of the Nevsky district. The results of empirical research have shown that the main reasons that make it difficult for people with disabilities to work systematically are poor health; lack of skills and work experience; lack of vacancies. Part of the disabled pointed to the inability to find work; personal indecision and shyness; inability to communicate with people. The possibility of career promotion, independence, creativity do not play a serious role. The level of employment claims among disabled people is low. The collected data allowed to draw a portrait of a man with a disability ready to work and the portrait of a disabled person who is minimally ready to work. Based on the data obtained, recommendations on social and psychological assistance to people with disabilities are proposed. They are aimed at improving the functioning of these people and their active ageing.

Ключевые слова: инвалиды трудоспособного возраста, международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, активное долголетие, готовность к трудовой деятельности, социальная поддержка, социальная интеграция, социально-психологическое благополучие.

KEYWORDS: working age disabled, international classification of functioning, disability and health, active ageing, readiness for labor activity, social support, social integration, socio-psychological well-being.

Предпосылки эмпирического исследования

Инвалидность, по определению, связана с ограничениями в способности к трудовой деятельности. При этом право на труд является законным правом инвалида в соответствии с Федеральным законодательством «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» и «О занятости населения в Российской Федерации» [18, 19].

В Федеральном научном центре реабилитации инвалидов имени Г. А. Альбрехта Министерства труда и социальной защиты России, разрабатывающем концептуальные и практические аспекты проблем инвалидности и инвалидов, организуются ежегодные конференции, связанные с вопросами реабилитации и труда инвалидов, способствующие обмену опытом и продвижению эффективных реабилитационных технологий. Так, в рамках I Национального Конгресса «Реабилитация — XXI век: традиции и инновации» психолог ЦСРИДИ Невского района Санкт-Петербурга Э. Р. Сторожева проанализировала опыт работы междисциплинарной бригады специалистов (психолог, логопед, специалист по социальной работе (эрготерапевт), инструктор по физической культуре), основная цель деятельности которой — совершенствование социально-реабилитационной помощи инвалидам трудоспособного возраста. По данным Э. Р. Сторожевой, опыт ЦСРИДИ Невского района показывает, что Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) обеспечивает возможность эффективного междисциплинарного взаимодействия, предоставляя единую систему категорий для определения функционального профиля и составления индивидуального маршрута реабилитации инвалида, включая трудовую реабилитацию [14].

Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ, ICF), изданная ВОЗ в 2001 году, дополняет МКБ-10 в качестве социальной классификации. В ней реализуется право равных возможностей для лиц с ограничениями жизнедеятельности. Равные возможности людей с инвалидностью проявляются, в частности, в том, что МКФ описывает функционирование любого человека, что она применима ко всем людям, а не только к людям с инвалидностью [11].

Существует две основные модели в понимании ограничений жизнедеятельности и функционирования — медицинская и социальная модель. Медицинская модель рассматривает ограничения жизнедеятельности как индивидуальную проблему, вызванную болезнью или травмой, которые требуют медицинской помощи. Медицинская помощь рассматривается как основной выход из положения. Социальная модель понимает ограничения

жизнедеятельности инвалида как социальную проблему, как проблему полной интеграции инвалида в общество. В социальной модели ограничения жизнедеятельности — это не только индивидуальное свойство, но и условия, созданные социальным окружением. Изменение ситуации с интеграцией и труда устроившись инвалидов предполагает коллективную ответственность общества за проведение изменений окружающей среды, необходимых для полноценного участия лиц с ограничениями жизнедеятельности во всех сферах общественной жизни.

Активность и участие как вовлечение человека в жизненную ситуацию включают в себя девять аспектов. Это обучение и применение знаний, общие задачи и требования (выполнение повседневного распорядка и многоплановых задач, преодоление стресса и других психологических нагрузок), общение, мобильность, самообслуживание, бытовая жизнь, межличностные взаимодействия и отношения, участие в главных сферах жизни (образование, работа, экономическая жизнь), жизнь в сообществах, общественная и гражданская жизнь (досуг, религия, политическая жизнь и т. п.). С позиций международного сообщества, трудовая деятельность — это одна из трех главных сфер жизни, значимое проявление активности и участия инвалида в общественной жизни.

Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) внедряется в ЦСРИДИ Невского района с начала 2014 года для системной оценки исходного состояния инвалидов и эффективности реабилитационных мероприятий с использованием критерий и положений. В рамках реализации программы трудовой занятости инвалидов со сложными функциональными нарушениями в ЦСРИДИ Невского района организована трудовая занятость инвалидов в мастерских Центра [5].

Концепция активного долголетия, разрабатываемая в России [16, 23], опирается на международно-правовые документы по вопросам старения, когда резко возрастают проблемы, связанные с инвалидностью [9, 12, 15]. Для защиты прав пожилых людей специалисты опираются на разработанные Всемирной организацией здравоохранения 6 детерминант активного долголетия: экономические (работа, социальная защита, доход), социальные (образование, социальная поддержка, отсутствие насилия), физические (микросреда, экология, безопасный дом), поведенческие (физическая активность, вредные привычки, питание), личные (генетика, психологические факторы), службы здравоохранения и социальное обслуживание (ЗОЖ, профилактика заболеваний, долговременный уход). Взаимодействие мер,

предпринимаемых во всех этих направлениях, контроль за реализацией прав пожилых людей в данных направлениях, практические действия в вопросах активного долголетия способны решить глобальную проблему старения населения.

Помимо социально-экономического аспекта проблема психологической готовности к труду-устройству при ее положительном решении способствует позитивному развитию личности инвалида, реализации его потребности в самоактуализации и предотвращает развитие психологической инвалидизации как неблагоприятного исхода развития личности инвалида. Психологическая инвалидизация характеризуется такими особенностями, как развитие рентной установки на жизнь, апатия, отсутствие стремления вернуться к полноценной жизни, неверие в возможность конкуренции со здоровыми людьми [17, 20, 22].

Изучая психологическую готовность инвалидов к трудовой деятельности, следует рассмотреть факторы, препятствующие решению проблемы трудовой занятости. Эти факторы можно разделить на три группы: объективные факторы (отсутствие рабочих мест на предприятиях со специальными условиями для инвалидов и др.), внешние субъективные факторы (негативное стереотипное отношение работодателей к возможностям инвалидов; восприятие инвалидов работодателями и обществом в целом как людей второго сорта, иждивенцев, лиц с выраженной рентной мотивацией и т. п.), личностные факторы. К личностным факторам можно отнести нежелание инвалидов трудоустраиваться из-за боязни снижения группы инвалидности и потери льгот, предусмотренных для неработающих инвалидов; неуверенность в своих силах, отсутствие целевых мотиваций инвалидов, вследствие чего они часто не готовы начать работать, даже когда им работу предлагают; в случае трудоустройства такие люди чаще и быстрее других теряют работу при отсутствии социальной поддержки, низкий уровень профессиональной квалификации инвалидов. Меньшая заработка плата, чем у других работников, снижает мотивацию труда инвалидов. По данным исследований, удовлетворенность заработной платой у работающих инвалидов существенно ниже удовлетворенности режимом, условиями труда и выполняемыми обязанностями [3, 10, 13].

В целом, трудовая деятельность инвалидов повышает качество жизни, является основой их активного долголетия и способствует решению социально-экономических проблем общества. Изучение социально-психологических факторов готовности к трудовой деятельности у инвалидов трудоспособного возраста является частью психолого-социального сопровождения при трудоустройстве людей с ограничениями жизнедеятельности и здоровья.

Цель эмпирического исследования — изучение готовности работать у инвалидов трудоспособного возраста в контексте их социальной интеграции и социально-психологического благополучия.

Задачи исследования:

1. Измерить готовность и желание инвалидов работать.

2. Исследовать актуальные потребности инвалидов и пути преодоления ими жизненных трудностей.

3. Оценить уровень психологического благополучия инвалидов.

4. Измерить уровень социальной поддержки и социальной интеграции инвалидов.

5. На основании исследования составить рекомендации по социально-психологическому сопровождению инвалидов трудоспособного возраста.

Объект исследования — 40 инвалидов трудоспособного возраста, находящихся на социальном обслуживании в ЦСРИДИ Невского района.

Предмет исследования — готовность к трудовой деятельности, социальная интеграция, социальная поддержка и психологическое благополучие инвалидов.

Методы диагностики:

1. Анкета «Отношение к трудовой занятости и социальной активности» (Марковская Г.Г.).

2. Индекс общего благополучия (ВОЗ-5) [4, 5].

3. Анкета «Актуальные потребности» (Куликов Л. В.) [8].

4. Анкета «Средства улучшения своей жизни» (Куликов Л. В.) [8].

5. Опросник социальной поддержки *F-SOZU-22* (G. Sommer; T. Fydrich, 1989, адаптация А. Б. Холмогоровой, 2003) [1, 2, 7, 21].

6. Экспертная оценка тяжести состояния каждого инвалида и его готовности к трудовой деятельности, сделанная куратором-психологом или специалистом социальной сферы ЦСРИДИ Невского района.

Исследование проводилось в мае–июне 2018 года на добровольной основе в СПбГБУ СОН «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Невского района Санкт-Петербурга».

Характеристика выборки: обследовано 40 клиентов ЦСРИДИ Невского района с сохранным интеллектом или с легкой формой умственной отсталости. Из 40 человек 13 имеют инвалидность по общему заболеванию (диабет, онкология, заболевания желудочно-кишечного тракта, астма и др.), 20 человек — в связи с поражением опорно-двигательного аппарата вследствие инсульта, ДЦП, артроза, артрита, рассеянного склероза, полинейропатии, травмы; 7 человек — вследствие психического расстройства или сенсорного дефекта (органическое поражение головного мозга, умственная отсталость, шизофрения, тугоухость, слепота) (см. рис. 1).

По возрасту опрошенных инвалидов можно распределить на 4 подгруппы: 1) 16–25 лет; 2) 26–35 лет; 3) 36–50 лет; 4) 51–60 лет. Лица старше 60 лет не принимали участие в исследовании (см. рис. 2).

По половому признаку группа распределилась поровну: 20 женщин и 20 мужчин.

Результаты эмпирического исследования

Результаты анкетирования по теме «Отношение к занятости и социальной активности». Абсолютное большинство опрошенных выразили желание работать (см. рис. 3). Готовность приступить к работе в ближайшее время характерна

40 инвалидов с сохранным интеллектом

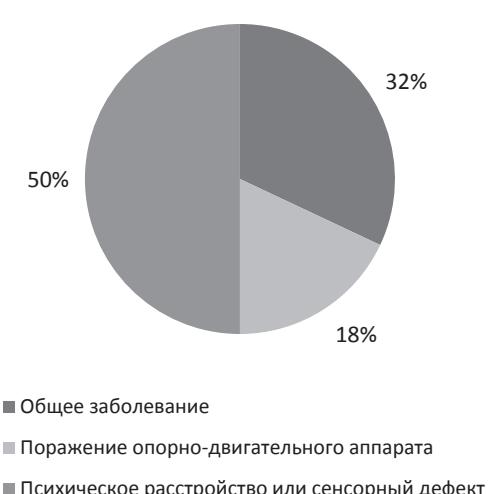

Рис. 1. Распределение опрошенных инвалидов по типу основного заболевания

Возраст инвалидов

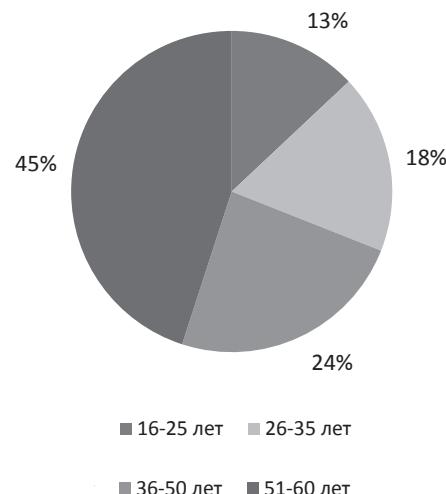

Рис. 2. Возраст опрошенных инвалидов

для половины инвалидов. Желание работать и готовность систематически работать существенно отличаются среди обследованных. Среди инвалидов готовность приступить к работе почти в 2 раза ниже, чем желание работать.

Выбирая любое количество из девяти ответов на вопрос «Что затрудняет Ваше трудоустройство?», респонденты выделили следующие причины, затрудняющие возможность систематической работы:

74,4% — состояние здоровья/инвалидность;
 41,0% — отсутствие/недостаток квалификации или отсутствие опыта работы;
 38,5% — отсутствие вакансий;
 18,0% — низкая заработная плата;
 18,0% — возраст;
 10,3% — неумение искать работу;
 7,7% — моя нерешительность, стеснительность;
 5,1% — семейные обстоятельства;
 5,1% — неумение общаться с людьми.

Желание заниматься общественной деятельностью, которую можно рассматривать в качестве альтернативы систематической работы, выразили 47,4% опрошенных, что почти вполовину меньше, чем количество желающих работать. Общаются с инвалидами и оказывать им помощь хотели бы около половины респондентов (54,3%).

Одним из основных показателей приобщенности к современной технике является умение пользоваться Интернетом, которым обладает 64,1% опрошенных. Это повышает их конкурентоспособность на рынке труда.

Респонденты, общающиеся в социальных сетях Интернета, в соответствии с непараметрическим критерием Манна—Уитни отличаются от не общающихся по пяти параметрам: это социальная интеграция, общая социальная поддержка, ощущение себя изгояем, общее благополучие и готовность работать. Инвалиды, использующие

социальные сети для общения, более благополучны, социально интегрированы, значимо реже чувствуют себя изгоями в обществе, имеют большую социальную поддержку и более готовы работать, чем остальные инвалиды. В связи с этим рекомендуется обучение всех инвалидов использованию социальных сетей Интернета с целью усилить реабилитационный потенциал помощи инвалидам.

86,8% опрошенных сообщили о том, что общаются в социальных сетях Интернета. Из них по крайней мере 24,7% парадоксальным образом утверждают, что не пользуются Интернетом. Видимо, этот факт объясняется тем, что эта часть выборки в Интернете использует только социальные сети. В целом, данные о том, что абсолютное большинство опрошенных инвалидов пользуются социальными сетями Интернета, является позитивным фактом, потому что свидетельствует об устойчивом круге общения, о социальной поддержке, которая так необходима людям с тяжелыми заболеваниями.

Психологическое благополучие и самочувствие: за последние две недели индекс общего благополучия опрошенных составил 13,21 при стандартном отклонении 4,82, что соответствует средне-низкому показателю самочувствия и психологического благополучия.

В значительной степени бодрыми, энергичными, спокойными, в хорошем настроении чувствуют себя 16% опрошенных. Низкий уровень благополучия по опроснику ВОЗ-5 свидетельствует о высокой вероятности депрессии у респондента. 37% инвалидов оценивают свое состояние в последние две недели негативно. Большинство опрошенных (47%) выбирают промежуточный вариант, т.е. «хорошие» дни у них сменяются «плохими» и наоборот.

Проанализируем вариативность ответов участников исследования на такое положение опросника ВОЗ-5, как «Я чувствую себя спокойной (-ым)»

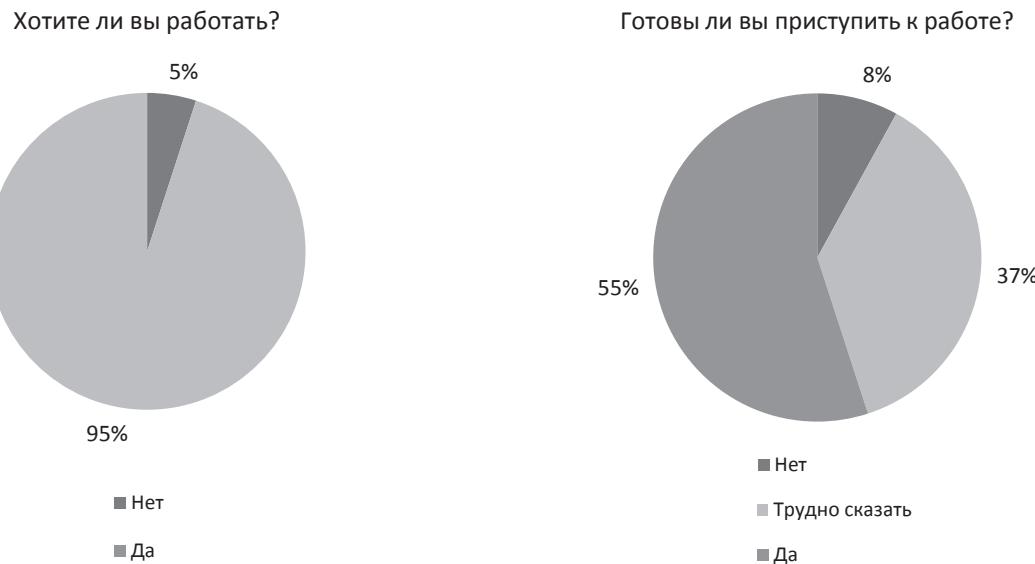

Рис. 3. Желание работать и готовность приступить к работе среди респондентов-инвалидов

и раскованной (-ым)». Это позволит оценить уровень потребности в специальных психологических процедурах типа релаксации и позитивной психотерапии. Четверть опрошенных (26%) спокойны и раскованы меньшую часть времени. Они нуждаются в психологической помощи для коррекции данного явления.

Особо рассмотрим оценку респондентами такого пункта опросника ВОЗ-5, как «Каждый день со мной происходят вещи, представляющие для меня интерес». Ведь и при плохом самочувствии интерес к жизни, насыщенная событиями жизнь повышает уровень психологического благополучия. Четверть опрошенных признались, что интересные события в их жизни случаются редко. Ни один респондент не выбрал «никогда не случаются». Тем не менее именно эта подгруппа должна стать объектом особого внимания со стороны психолога и, возможно, психиатра, так как «интересные события» — это ресурс для повышения психологического благополучия и качества жизни, для повышения общего тонуса личности. Даже очень больной человек (например, Стивен Хокинг, долгие годы страдавший прогрессирующим боковым амиотрофическим склерозом) может сделать свою жизнь более содржательной, социально значимой, вызывающей интерес и удовлетворение. Задача психолога и социального педагога — стимулировать интерес к жизни у этих людей, укрепляя, возможно, забытые увлечения прошлого и помогая найти новые формы социальной активности.

Мотивационно-потребностная сфера: напряженность потребностной сферы, измеряемая через объем «очень важных» потребностей, в среднем составила 8,03 при стандартном отклонении 3,91. Другими словами, из 15 перечисленных потребностей опрошенные лица в среднем называли примерно половину (8 потребностей) очень важными.

Один из 38 респондентов не назвал ни одну из потребностей очень важной. 26% опрошенных взрослых инвалидов показали низкий уровень (4 и менее — очень важные потребности) напряженности мотивационно-потребностной сферы. Эта тенденция объясняется двумя не связанными причинами. С одной стороны, депривация потребностей у них низка. С другой — низок круг значимых сфер жизни, бедна событиями и нуждами их жизнь (см. табл. 1).

Виды потребностей:

1. Потребность в безопасности (защитность от угроз и лишений, уверенность в завтрашнем дне; обеспеченность продуктами, товарами и услугами; удовлетворяющее жилье; удовлетворительные отношения с соседями по квартире).
2. Личные отношения (наличие друзей, приятелей); личная жизнь (любовь, отношения в семье, дети).
3. Работа и общественная жизнь (профессиональный, должностной рост; возможность независимой творческой деятельности; удовлетворенность работой; уважение со стороны окружающих; участие в общественно-политической деятельности).
4. Духовная жизнь (общение с единоверцами; чистая совесть).
5. Саморегуляция (умение управлять собой, развивать и укреплять психику).
6. Досуг (интересное проведение свободного времени).

Наиболее напряженными являются две потребности. Это обеспеченность продуктами, товарами и услугами, а кроме того — чистая совесть. Наименее значимой потребностью является потребность участия в общественно-политической жизни.

Частотный анализ показал, что 72% инвалидов считают обеспеченность продуктами, товарами и услугами очень важной личной потребностью.

Актуальные потребности инвалидов

	Очень важно (в %)	Не особенно важно (в %)
Личные отношения		
Наличие друзей, приятелей	46,2	15,4
Личная жизнь (любовь, отношения в семье, дети)	61,5	5,1
Работа и общественная жизнь		
Профессиональный, должностной рост	35,9	20,5
Возможность независимой творческой деятельности	15,4	35,9
Удовлетворенность работой	56,4	5,1
Уважение со стороны окружающих	51,3	2,6
Участие в общественно-политической деятельности	15,4	46,2
Духовная жизнь		
Общение с единоверцами	35,9	20,5
Чистая совесть	69,2	0
Умение управлять собой, развивать и укреплять психику	51,3	2,6
Интересное проведение свободного времени	61,5	5,1

69% инвалидов считают очень важной личной потребностью чистую совесть. Для большинства инвалидов очень важны личная жизнь (любовь, отношения в семье, дети), удовлетворенность работой и уважение со стороны окружающих.

В социальной сфере наиболее значимыми являются личная жизнь и семья. На втором месте находится работа. Причем в работе возможность профессионального и должностного роста и тем более независимая творческая деятельность не играют серьезной роли. Уровень притязаний в сфере трудоустройства у инвалидов невысок.

Факторы влияния на собственную жизнь: анкета «Средства улучшения своей жизни» содержит вопрос: «Что Вы предприняли, чтобы улучшить свою жизнь?» и пять вариантов ответа на него (количество выборов из этих пяти вариантов не ограничено). В исследовании получена следующая иерархия субъективно значимых факторов:

1. обратился за помощью к друзьям — 68,4%;
2. изменил свой образ жизни — 60,5%;
3. перестроил отношения с людьми — 56,8%;
4. обратился за помощью к специалистам — 56,8%;
5. обратился за помощью к родственникам — 55,3%.

При сравнении полученных результатов с ответами относительно здоровых жителей Санкт-Петербурга (данные Л.В. Куликова), бросается в глаза, что инвалиды в 2–9 раз активнее используют различные ресурсы для совладания с проблемами. Особенно велика разница в готовности инвалидов обратиться за помощью к специалистам. И инвалиды, и здоровые участники придают большое значение изменению своего образа жизни. Стремление перестроить свои отношения с людьми характерно для половины опрошенных и свидетельствует о важности развития коммуникативных навыков и проведения групп личностного роста как ресурса для изменений.

В аналогичном исследовании относительно здоровых взрослых жителей Санкт-Петербурга, проведенном Л.В. Куликовым, были получены следующие ответы:

1. изменил свой образ жизни — 31%;
2. обратился за помощью к родственникам — 26%;
3. обратился за помощью к друзьям — 25%;
4. перестроил отношения с людьми — 12%;
5. обратился за помощью к специалистам — 6%.

Чтобы улучшить свою жизнь, лица с инвалидностью в 2,74 раза чаще обращаются за помощью к друзьям, в 2,13 раза чаще обращаются за помощью к родственникам, в 9,47 раз чаще обращаются за помощью к специалистам, чем здоровые люди. При инвалидности желание изменить свой образ жизни встречается в 1,95 раз чаще, а готовность перестроить отношения с людьми — в 4,73 раза выше, чем у здоровых респондентов.

Сфера социальной поддержки:

Эмоциональная поддержка, связанная с переживанием позитивного чувства близости, доверия и общности, распределилась неравномерно. Почти половина опрошенных получает высокий уровень социальной поддержки, а более трети — низкий уровень социальной поддержки.

Инструментальная поддержка — практическая или материальная поддержка (деньги или вещи), помощь в выполнении тяжелой работы, освобождение от нагрузок, получение важной информации у большинства опрошенных находятся на высоком и среднем уровне.

Социальная интеграция как включенность в определенную сеть социальных интеракций, в рамках которых отмечается совпадение ценностей и представлений о жизни на высоком уровне, характерна лишь для трети инвалидов (см. рис. 4). Низкий уровень социальной интеграции отмечается у незначительной части инвалидов.

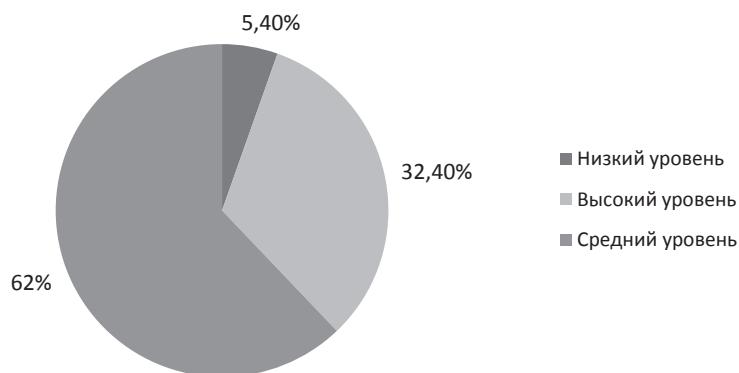

Рис. 4. Распределение уровня социальной интеграции среди инвалидов

Удовлетворенность социальной поддержкой как переживание стабильности в отношениях, дающее чувство уверенности и безопасности, более чем у трети опрошенных инвалидов находится на низком уровне.

Результаты рангового корреляционного анализа Спирмена. Ощущение себя аутсайдером,

изгояем среди инвалидов (опросник социальной поддержки) значимо коррелирует с низким уровнем социальной поддержки и социальной интеграции, с отсутствием общения в социальных сетях Интернета и малым количеством интересных событий в обыденной жизни. Ощущение, что жизнь проходит мимо, что находишься на обочине событий,

Табл. 2

Результаты факторного анализа показателей

Показатели	Фактор 1 Социальная интеграция	Фактор 2 Социально- психологическое благополучие	Фактор 3 Готовность работать
Эмоциональная поддержка (F-SOZU-22)	0,75	-0,10	-0,29
Инструментальная поддержка (F-SOZU-22)	0,73	-0,07	-0,32
Социальная интеграция (F-SOZU-22)	0,90	-0,18	-0,12
Общий показатель социальной поддержки (F-SOZU-22)	0,84	-0,13	-0,26
Идентификация с соц. группой (F-SOZU-22)	0,53	0,08	-0,22
Инвалидность	-0,11	0,42	0,60
Желание заниматься общественной деятельностью	0,19	0,69	0,02
Готовность помогать другим инвалидам	-0,17	0,62	0,51
Общение в социальных сетях Интернета	0,58	-0,05	0,29
Проживание в семье/в одиночестве	0,19	-0,25	-0,46
Потребность иметь друзей	0,38	0,48	0,40
Искать помочь у друзей	0,10	0,55	0,25
Искать помочь у родных	0,22	0,63	0,12
Психологическое благополучие (ВОЗ-5)	0,55	0,65	-0,15
Спокойствие (ВОЗ-5)	0,33	0,65	-0,25
Интересная жизнь (ВОЗ-5)	0,55	0,24	-0,05
Готовность работать (экспертная оценка)	0,20	-0,24	0,64
пол	0,32	-0,31	0,69
Готовность работать	0,27	-0,08	0,50
Учится	-0,09	0,60	-0,16
Работает	0,50	-0,15	0,08
Образование	0,60	-0,39	0,19
Дисперсия, %	20,08	15,56	11,20

является серьезным маркером для особого внимания к такому человеку, который находится в группе риска депрессии.

Факторный анализ тридцати измеряемых показателей позволил сгруппировать их в три основных фактора (см. табл. 2).

Фактор 1 «Социальная интеграция, основанная на поддержке» основывается на эмоциональной и инструментальной поддержке инвалида окружающими, показывает его направленность на общество, стремление занять место в обществе и в социальных отношениях вопреки инвалидности, не быть на обочине социальной жизни.

Фактор 2 «Социальная активность и самостоятельность» показывает психологическое благополучие, связанное с активным участием в жизни близких и с готовностью к волонтерству.

Фактор 3 «Готовность работать» показывает тесную связь готовности работать с низким психологическим благополучием, с недостатком социальной поддержки, с желанием иметь друзей, с низкой группой инвалидности, с одиноким проживанием, с женским полом, с готовностью помогать другим инвалидам. Готовность работать выступает в качестве компенсации недостатка значимых социальных связей.

Таким образом, менее других готовы работать мужчины с I группой инвалидности, проживающие в семье и не заинтересованные помогать другим инвалидам. Их возраст и образование не являются значимыми в данном аспекте.

Достоверность отличий: между мужчинами-инвалидами и женщинами-инвалидами в соответствии с непараметрическим критерием Манна—Уитни выявлено только одно из двадцати параметров отличие — уровень образования. У женщин-инвалидов образование значимо выше, чем среди мужчин-инвалидов.

Выводы эмпирического исследования

1. Абсолютное большинство опрошенных инвалидов выразили желание работать. При этом их готовность приступить к работе почти в 2 раза ниже, чем желание работать. Готовность приступить к работе выразила половина инвалидов.

2. Основные причины, затрудняющие возможность инвалидов систематически работать, — это плохое состояние здоровья; недостаток квалификации или отсутствие опыта работы; отсутствие вакансий. Часть инвалидов указала на такие психологические причины, как неумение искать работу; личная нерешительность и стеснительность; неумение общаться с людьми.

3. В целом, психологическое благополучие опрошенных соответствует средне-низкому уровню. В значительной степени бодрыми, энергичными, спокойными, в хорошем настроении чувствуют себя 16% опрошенных. Треть инвалидов оценивают свое состояние негативно, что квалифицируется как риск депрессии. Четверть опрошенных отмечают недостаток интересных событий в своей жизни. Практически эта же четверть опрошенных инвалидов недостаточно спокойна и раскованна. Эти люди нуждаются в психологической помощи

по коррекции данного явления с применением релаксации и методов позитивной психотерапии.

4. Наиболее важными для инвалидов являются две потребности — это обеспеченность продуктами, товарами, услугами и чистая совесть. Наименее значимой является потребность участия в общественно-политической жизни. Помимо этого, в социальной сфере наиболее значимыми для большинства опрошенных являются личная жизнь и семья. На втором месте — работа. На третьем — уважение окружающих. Причем в работе возможность профессионального и должностного роста, и тем более независимость, творческость деятельности не играют серьезной роли. Уровень притязаний в сфере труда/устройства у инвалидов невысок.

5. Выявлена иерархия значимых факторов улучшения своей жизни (от наиболее значимого к наименее) — это обращение за помощью к друзьям; изменение своего образа жизни; перестройка отношения с людьми; обращение за помощью к специалистам; обращение за помощью к родственникам. По сравнению с относительно здоровыми жителями Санкт-Петербурга того же возраста инвалиды не менее чем в два раза активнее используют различные ресурсы совладания с проблемами. Особенно велика разница в готовности инвалидов обратиться к специалистам (в 9 раз чаще) по сравнению с относительно здоровыми. И инвалиды, и здоровые участники придают большое значение изменению своего образа жизни. Стремление перестроить свои отношения с людьми характерно для половины опрошенных инвалидов, что свидетельствует о важности развития коммуникативных навыков и проведения групп личностного роста как ресурса для улучшения жизни инвалидов.

6. Почти половина опрошенных получает высокий уровень социальной поддержки, а более трети — низкий уровень социальной поддержки. Практическая материальная поддержка (деньги или вещи), помочь в выполнении тяжелой работы, освобождение от нагрузок, получение важной информации у большинства опрошенных находится на высоком и среднем уровне. Социальная интеграция как включенность в определенную сеть социальных интеракций, в рамках которых отмечается совпадение ценностей и представлений о жизни на высоком уровне, характерна лишь для трети инвалидов. Удовлетворенность социальной поддержкой как переживание стабильности в отношениях, дающее чувство уверенности и безопасности, более чем у трети опрошенных инвалидов находится на низком уровне.

7. Многочисленные характеристики, касающиеся образа жизни инвалидов, их благополучия, социальной поддержки, желания и готовности работать. Наиболее значимым и системообразующим является фактор *«Социальная интеграция»*, который показывает направленность на общество, стремление занять место в обществе, в социальных отношениях вопреки инвалидности, не быть на обочине социальной жизни. Вторым по значимости фактором выступает *«Психологическое благополучие»*. Третий базовый фактор — это *«Готовность работать»*. Наиболее высокую готовность работать показали женщины с относительно низкой

группой инвалидности, проживающие в одиночестве и заинтересованные помогать другим инвалидам. Их возраст и образование не являются значимыми в данном аспекте.

8. Более высокая готовность работать тесно связана с низким психологическим благополучием, с недостатком социальной поддержки, с желанием иметь друзей, с низкой группой инвалидности, с одиноким проживанием, с готовностью помогать другим инвалидам. Готовность работать выступает в качестве компенсации недостатка значимых социальных связей.

9. Менее других готовы работать мужчины с I группой инвалидности, проживающие в семье и не заинтересованные помогать другим инвалидам.

Общий вывод: большинство инвалидов занимают активную социальную позицию, стремятся занять уважаемое положение в обществе, поддерживать личные и общественные отношения и систематически работать, опираясь на помощь друзей и специалистов. Четверть опрошенных нуждаются в психокоррекции своего состояния и в развитии коммуникативной компетентности.

Рекомендации, основанные на результатах исследования

1. Рекомендуется способствовать социальной интеграции инвалидов, помогая им занять достойное место в обществе, несмотря на проблемы со здоровьем. Социальная интеграция может быть усиlena благодаря помощи в нахождении рабочих мест, организации групп самопомощи, в которых инвалиды обсуждают важные для них вопросы и помогают друг другу.

2. Особое внимание следует обратить на одиночных мужчин с I группой инвалидности, которые находятся в самом тяжелом социально-психологическом состоянии. Рекомендуется помочь им приобрести компьютер и научить пользоваться социальными сетями Интернета для укрепления социальной интеграции и улучшения их психологического благополучия.

3. В связи с тем, что у четверти опрошенных выявлен высокий риск депрессии, рекомендуется организовать для них психокоррекционную работу, включающую использование техник релаксации и позитивной психотерапии.

4. Инвалиды, использующие социальные сети Интернета для общения, более благополучны, социально интегрированы, значительно реже чувствуют себя изгоями в обществе, имеют большую социальную поддержку и более готовы работать, чем остальные инвалиды. В связи с этим рекомендуется обучение всех инвалидов использованию социальных сетей Интернета с целью усилить реабилитационный потенциал помощи инвалидам.

5. Так как треть инвалидов не удовлетворена уровнем социальной поддержки, оказываемой им окружающими, а отдельные респонденты жалуются на свою стеснительность и низкие коммуникативные умения, рекомендуется регулярное проведение коммуникативных тренингов с целью повышения коммуникативной компетентности инвалидов. Развитые коммуникативные навыки помогут лицам с ограниченными возможностями функционирования строить более удовлетворяющие отношения с окружающими, включая общение с работодателями.

1. Бойко О. М., Казьмина О. Ю. Разработка опросника «Восприятие социальной поддержки» // Экспериментальный метод в структуре психологического знания / под ред. В. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2012. С. 570–587.
2. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А. Социальная поддержка как личностный ресурс в процессе адаптации больного // Актуальные проблемы психосоматики в общемедицинской практике / ред. Мазурова В. И. Конференция XII. СПб.: Альта-Астра, 2013. С. 64–68.
3. Долгополов С. В. Изучение социального портрета инвалидов трудоспособного возраста, обслуживаемых в стационарном отделении // Социальная работа: теории, методы, практика. Материалы интернет-конференций и семинаров. 2016. Т. 2. № 5. С. 7–9.
4. Елисеева О. А. Особенности и проблемы изучения субъективного благополучия в современных психологических исследованиях // Российский психологический журнал. 2011. Т. 8, № 3. С. 54–59.
5. Жукова Т. Н. Отдельные вопросы совершенствования комплексной реабилитации инвалидов в условиях Центра социальной реабилитации инвалидов Невского района Санкт-Петербурга // Реабилитация — XXI век: традиции и инновации / Глав. ред. д-р мед. наук, проф. Г. Н. Пономаренко; ред. коллегия: д-р мед. наук В. П. Шестаков, канд. мед. наук Н. Н. Лебедева, канд. биол. наук. А. В. Шошмин, канд. экон. наук Я. К. Бессстрашнова] // Мат. I Нац. Конгр. с межд. участием. СПб: ФНЦРИ им. Г. А. Альбрехта, 2017. С. 120–121.
6. Карапетян Л. В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123, № 1. С. 171–182.
7. Лифинцев Д. В., Серых А. Б., Лифинцева А. А. Социальная поддержка как психологический феномен // Вопросы психологии: научный журнал. 2014. № 5. С. 105–117.
8. Лифинцева А. А. Субъективные факторы восприятия социальной поддержки: обзор современных исследований // Наука и бизнес: пути развития. 2012. Т. 11, № 5, С. 17–20.
9. Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/mica2002/documents/MIPAA_RU.pdf (дата обращения: 17.10.2019).
10. Мауль И. Ю. Психологическое сопровождение клиентов на отделении профессиональной реабилитации инвалидов трудоспособного возраста и профориентации детей-инвалидов // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2015. № 6. С. 154–163.

11. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://who-fic.ru/icf> (дата обращения: 17.10.2019).
12. Принципы ООН в отношении пожилых людей 1991 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/oldprinc.shtml (дата обращения: 17.10.2019).
13. Рытов А. Г. Социальная адаптация инвалидов трудоспособного возраста: учебное пособие. Самара: ООО «ОФорт», 2013. 64 с.
14. Сторожева Э. Р. Оценка эффективности работы междисциплинарной бригады в центре социальной реабилитации с использованием положений МКФ // Реабилитация — XXI век: традиции и инновации / Глав. ред. д-р мед. наук, проф. Г. Н. Пономаренко; ред. коллегия: д-р мед. наук В. П. Шестаков, канд. мед. наук Н. Н. Лебедева, канд. биол. наук. А. В. Шошмин, канд. экон. наук Я. К. Бесстрашнова] // Мат. I Нац. Конгр. с межд. участием. СПб: ФНЦРИ им. Г. А. Альбрехта, 2017. С. 140–141.
15. Стратегия и план действий в поддержку здорового старения в Европе, 2012–2020 гг. Проект к 62-й сессии Европейского регионального комитета Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0010/175546/RC62wd10Rev1-Rus.pdf?ua=1 (дата обращения: 17.10.2019).
16. Тихонова Н. В., Добрецова Е. А., Турчина Ж. Е., Ильюшенко В. М., Астанина Н. Г. Социально-психологические и медицинские аспекты активного долголетия. Медицина и образование в Сибири. 2015. № 3. С. 114.
17. Уланова Н. Н., Яковлев В. В. Личностная готовность как основа конкурентоспособности инвалидов в трудовой деятельности // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2017. Т. 5. № 2 (17). С. 157–168.
18. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изменениями на 18.07.2019). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9014513> (дата обращения: 17.10.2019).
19. Федеральный закон от 20.04.1996 № 36-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» (с изменениями на 11 декабря 2018 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/9018717> (дата обращения: 17.10.2019).
20. Филиппова М. В. Профессиональная реабилитация инвалидов трудоспособного возраста / Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2015. № 6. С. 185–193.
21. Холмогорова А. Б., Петрова Г. А. Диагностика уровня социальной поддержки при психических расстройствах. М.: Московский НИИ психиатрии, 2007. 20 с.
22. Яковлев В. В., Фролов А. И. Проблема психологической готовности инвалидов к трудовой деятельности и актуальность ее исследования на материале Рязанской области / Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2016. № 3 (14). С. 6–15.
23. Walker A., Maltby T. Active ageing: a strategic policy solution to demographic ageing in the European Union//International Journal of Social Welfare. 2012. № 21. P. 117–130.

References

1. Boyko O. M., Kazmina O. Yu. Razrabotka oprosnika «Vospriyatiye sotsialnoy podderzhki» [Working-out of the questionnaire «Perception of social support». *Eksperimentalnyi metod v structure psikhologicheskogo znaniya* [The experimental method in the structure of psychological knowledge] (Ed. B. Drummers). Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2012, pp. 570–587 (in Russian).
2. Wasserman L. I., Trifonova Ye. A. Sotsialnaya podderzhka kak lichnostnyi resurs v protsesse adaptatsii bolnogo [Social support as a personal resource in the process of patient adaptation]. *Aktualnyye problem psikhosomatiki v obshchemeditsinskoy praktike: Materialy XII konferentsii* [Actual problems of psychosomatics in general medical practice: Proc. of the 12th Conference]. St. Petersburg: Alta Astra Publ., 2013. pp. 4–68 (in Russian).
3. Dolgopolov S. V. Izuchenie sotsialnogo portreta invalidov trudosposobnogo vozrasta, obsluzhivayemykh v statsionarnom otdelenii [The study of the social portrait of disabled people of working age, served in the inpatient department] *Sotsialnaya rabota: teorii, metody, praktika: Materialy Internet konferentsiy i seminarov — Social work: theories, methods, practice: Proc. of online conferences and seminars*, 2016, 2 (5), pp. 7–9 (in Russian).
4. Yeliseyeva O. A. Osobennosti i problemy izucheniya subyektivnogo blagopoluchiya v sovremennykh psichologicheskikh issledovaniyakh [Features and problems of the study of subjective well-being in modern psychological research] *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal — Russian Psychological Journal*, 2011, 8 (3), pp. 54–59 (in Russian).
5. Zhukova T. N. Otdelnyye voprosy sovershenstvovaniya kompleksnoi reabilitatsii invalidov v usloviyakh Tsentra sotsialnoy reabilitatsii invalidov Nevskogo rayona Sankt-Peterburga [Some issues of improving the complex rehabilitation of persons with disabilities in the conditions of the Center for Social Rehabilitation of Disabled People of the Nevsky District of St. Petersburg]. *Reabilitatsiya XXI vek: Materialy I Natsionalnogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem* [Rehabilitation — XXI Century: Traditions and Innovations: Proc. of the 1st National Congress with international participation]. St. Petersburg: Federal Center for Strategic Studies of the Russian Academy of Sciences named after G. A. Albrecht Publ., 2017. pp. 120–121 (in Russian).
6. Karapetyan L. V. Teoreticheskiye podkhody k ponimaniyu subyektivnogo blagopoluchya [Theoretical approaches to understanding of subjective well-being]. *Izvestiya Uralskogo Feernalnogo universiteta. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury — Bulletin of the Ural Federal University. Problems of Education, Science and Culture*, 2014, 123 (1). pp. 171–182 (in Russian).
7. Lifintsev D. V., Serykh A. B., Lifintseva A. A. Sotsialnaya podderzhka kak psikhologicheskiy fenomen [Social support as a psychological phenomenon]. *Voprosy psikhologii — Psychology Issues*, 2014, (5), pp. 105–117 (in Russian).

8. Lifintseva A.A. Subyektivnyye factory vospriyatiya sotsialnoy podderzhki: obzor sovremennoykh issledovaniy [Subjective factors of perception of social support: a review of modern research]. *Nauka i bizness — Science and Business*, 2012, 5 (11), pp.17–20 (in Russian).
9. Madridskiy mezhdunarodnyi plan deystviy po problemam stareniya, 2002 [Madrid International Plan of Action on Ageing, 2002]] (in Russian). Available at: www.unece.org/fileadmin/DAM/pau/age/mica2002/documents/MIPAA_RU.pdf. (accessed 17.10.2019).
10. Maul I.Yu. Psichologicheskoye soprovozhdeniye kliyentov na otdelenii professionalnoy reabilitatsii invalidov trudosposobnogo vozrasta i proforiyentatsii detey-invalidov [Psychological support of clients at the department of vocational rehabilitation of disabled people of working age and career guidance for children with disabilities]. *Sotsialnoye obsluzhivaniye semey i detey: nauchno-metodicheskiy sbornik — Social Services for Families and Children: Collection of Scientific and Methodological Papers*, 2015, (6), pp. 154–163 (in Russian).
11. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya funktsionirovaniya, ograniceniy zhiznedeyatelnosti I zdorovya [International classification of functioning, disability and health] (in Russian). Available at: <http://who-fic.ru/icf/> (accessed 17.10.2019).
12. Printsipy OON v otnoshenii pozhilikh ludey, 1991 [United Nations Principles for Older People 1991] (in Russian). Available at: http://www.un.org/ru/documents/nclient_conv/conventions/oldprinc.shtml (accessed 17.10.2019).
13. Rytov A.G. *Sotsialnaya adaptatsiya invalidov trudosposobnogo vozrasta: uchebnoye posobiye* [Social adaptation of disabled people of working age: a training manual]. Samara: Ofort Publ., 2013 64 p. (In Russian).
14. Storozheva E.R. Otsenka effektivnosti raboty mezhdisciplinarnoy brigady v tsentre sotsialnoy reabilitatsii s ispolzovaniyem polozheniy MKF [Evaluation of the effectiveness of the interdisciplinary team at the center of social rehabilitation using the provisions of the ICF] *Reabilitatsiya XXI vek: Materialy I Natsionalnogo kongressa s mezhdunarodnym uchatiyem* [Rehabilitation — XXI Century: Traditions and Innovations: Proc. of the 1st National Congress with international participation]. St. Petersburg: Federal Center for Strategic Studies of the Russian Academy of Sciences named after G.A. Albrecht Publ., 2017, pp. 140–141 (in Russian).
15. Strategiya i plan deystviy v podderzhku zdorovogo stareniya v Yevrope, 2012–2020: Proekt k 62 sessii Yevropeyskogo regionalnogo komiteta Vsemirnoy organizatsii zdorovya [Strategy and action plan in support of healthy ageing in Europe, 2012–2020: Project for the 62nd Session of the Regional Committee for Europe of the World Health Organization] (in Russian). Available at: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/175546/RC62wd10Rev1_Rus.pdf
16. Tikhonova N.V., Dobretsova Ye A., Turchina Zh.Ye., Ilyushenko V.M., Astanina N.G. Sotsialno-psichologicheskiye i meditsinskiye aspekty aktivnogo dolgoletiya [Socio-psychological and medical aspects of active longevity]. *Meditina i obrazovaniye v Sibiri — Medicine and education in Siberia*, 2015, (3), p. 114 (in Russian).
17. Ulanova N.N., Yakovlev V.V. Lichnostnaya gotovnost kak osnova konkurentospособности invalidov v trudovoy deyatelnosti [Personal readiness as the basis for the competitiveness of people with disabilities in work]. *Lichnost v menyayushchemsya mire: sdorovye, adaptatsiya, razvitiye — Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 2017, 5 (2 (17)), pp. 157–168 (in Russian).
18. Federalnyi Zakon ot 24.11.1995 № 181-FZ «O sotsialnoy zashchite invalidov v Rocciiykskoy Federatsii» [Federal Law of November 24, 1995 No. 181 «On the Social Protection of Persons with Disabilities in the Russian Federation» (as amended on July 18, 2019) (in Russian). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/9014513> (accessed 17.10.2019).
19. Federalnyi Zakon ot 20.04.1996 № 36-FZ «O zanyatosti naseleniya v Rocciiykskoy Federatsii» [Federal Law of April 20, 1996 N 36-ФЗ On Employment of Population in the Russian Federation (as amended on December 11, 2018)] (in Russian). Available at: <http://docs.cntd.ru/document/9018717> (accessed 17.10.2019).
20. Filippova M.V. Professionalnaya reabilitatsiya invalidov trudosposobnogo vozrasta [Vocational rehabilitation of disabled people of working age]. *Sotsialnoye obsluzhivaniye semey i detey: nauchno-metodicheskiy sbornik — Social Services for Families and Children: Collection of Scientific and Methodological Papers*, 2015, (6), pp. 185–193 (in Russian).
21. Kholmogorova A.B., Petrova G.A. *Diagnostika urovnya sotsialnoy podderzhki pri psikhicheskikh rasstroystvakh* [Diagnosis of the level of social support for mental disorders]. Moscow: Moscow Research Institute of Psychiatry Publ., 2007.20 p. (In Russian).
22. Yakovlev V.V., Frolov A.I. Problema psichologicheskoy gotovnosti invalidov k trudovoy deyatelnosti I aktualnost issledovaniya na material Ryazanskoy oblasti [The problem of the psychological readiness of people with disabilities to work and the relevance of its research on the material of the Ryazan region] *Lichnost v menyayushchemsya mire: sdorovye, adaptatsiya, razvitiye — Personality in a changing world: health, adaptation, development*, 2016, 3 (14), pp. 6–15 (in Russian).
23. Walker A., Maltby T. Active aging: a strategic policy decision to demographic ageing in the European Union. *International Journal of Social Welfare*, 2012, 21, pp. 117–130.

ЕГОРОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА

психолог ОГАУСО «Геронтологический центр “ЗАБОТА”» (Ульяновск),
olga58791@mail.ru

OLGA I. EGOROVA

psychologist, OGAUSO «Gerontological Center “ZABOTA”» (Ulyanovsk)

КОСИХИНА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА

заведующая социально-психологическим отделением
ОГАУСО «Геронтологический центр “ЗАБОТА”» (Ульяновск),
spo-gc@mail.ru

ELENA YU. KOSIKHINA

Head of the socio-psychological department,
OGAUSO «Gerontological Center “ZABOTA”» (Ulyanovsk)

УДК 159.9.072.3

**ПОДДЕРЖАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ ФУНКЦИЙ
У ЛИЦ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА ПОСРЕДСТВОМ ПРИМЕНЕНИЯ
СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ОБОРУДОВАНИЯ «PERTRA»**

**MAINTENANCE AND STRENGTHENING OF COGNITIVE FUNCTIONSS
IN THE ELDERLY THROUGH THE USE OF SPECIALIZED EQUIPMENTT «PERTRA»**

Аннотация. Развитие мелкой моторики тесно связано с речевой и мыслительной функцией. Это можно наглядно проследить в развитии ребенка. У пожилых людей функции мышления, памяти, речи напрямую зависят от навыков мельчайших движений рук, поэтому данное направление в работе психолога с пожилыми людьми очень актуально. Кроме того, применение практики эрготерапии играет большую роль в профилактике деменции и в реабилитации постинсультных состояний пожилых людей. Также регулярная тренировка позволяет не только сохранить живость ума, но и улучшить качество жизни в целом. Для этих целей прекрасно подходит набор психолога «PERTRA». Наиболее значимым результатом своей работы мы видим практическую значимость — полученные данные позволяют сделать вывод о важности применения таких практических наработок в сфере коррекции и поддержания когнитивных нарушений.

ABSTRACT. The development of fine motor skills is closely related to speech and mental function. This can be clearly seen in the development of the child. In older people, the functions of thinking, memory, and speech directly depend on the skills of the smallest hand movements, so this direction in the work of a psychologist with older people is very important. In addition, the practice of occupational therapy plays an important role in the prevention of dementia and in the rehabilitation of post-stroke conditions in older people. The regular training also allows not only to preserve vitality of mind, but also to improve quality of life in general. For these purposes, a set of psychologist «PERTRA» is perfect. The results of the work have practical significance: the obtained data make it possible to conclude on the importance of applying such practices in the field of correction and maintenance of cognitive disorders.

Ключевые слова: когнитивные функции, психология пожилого возраста, тренировка памяти, внимания, мышления, набор психолога «PERTRA».

KEYWORDS: Cognitive functions, the psychology of old age, the training of memory, attention, thinking, a set of psychologist «PERTRA».

Процесс старения является одним из этапов жизненного пути личности. Он всегда связан с процессом накопления опыта и с приобретением новых свойств, которые не встречались на предыдущих этапах развития личности. Пожилой

возраст, как и всякий другой, имеет свои положительные и отрицательные стороны. Он связан с потерями, но имеет и приобретения, предоставляет человеку возможность прожить этот период своей жизни активнее, реализуя интересы, склонности

в тех границах, которые оптимальны с точки зрения возможностей и потребностей пожилого человека [9, с. 119].

Одной из наиболее актуальных проблем, которой стоит уделить внимание, изучая возрастные изменения, является нарушение когнитивности.

Когнитивность (лат. *cognitio* — «познание, изучение, осознание») — термин, обозначающий способность к умственному и чувственному восприятию, к переработке информации [2, с. 15]. Этот термин используется в разных областях науки. Применяя его к нашему исследованию, обращаем внимание на изучение когнитивных нарушений у лиц пожилого возраста и возможности их профилактики.

Но прежде обратимся к особенностям пожилого возраста как аспектам наших научных изысканий.

Один из основоположников российской геронтологии И. В. Давыдовский считал, что никаких календарных дат наступления старости не существует [6, с. 49–76]. Другой известный геронтолог — Н. Ф. Шахматов, разрабатывавший подход к проблемам старения с позиции биологических закономерностей и тенденций, — рассматривал психическое старение как результат возрастно-деструктивных изменений в высших отделах центральной нервной системы [12, с. 32–36, 60–87]. Автор доказывает, что процесс старения отличается естественностью изменений в органах и системах организма. Однако, как и другие возрастные процессы, он имеет ярко выраженный индивидуальный характер. У каждого человека варьируются время и место возникновения, скорость прогрессирования и продолжительность жизни. Все это влечет за собой сложности в определении конкретной даты наступления старости.

Несмотря на это, существует классификация Европейского регионального бюро ВОЗ, которая гласит, что старение длится у мужчин с 61 до 74 лет, у женщин — с 55 до 74 лет. С 75 лет наступает старость. Период старше 90 лет — долгожительство [5, с. 31–40].

Помимо этого, множество ученых предложили свою классификацию наступления старости. Так, И. С. Кон выделяет четыре благополучных социально-психологических типа старости и два отрицательных типа.

К благополучным типам старости относятся:

1. *Активная творческая старость* — свойственна людям с уверенной жизненной позицией, целеустремленным, социально активным.

2. *Старость-саморазвитие* порождает стремление реализовать те цели и желания, на которые ранее не было времени или сил. Отличительная особенность — самонаправленность своих целей и желаний.

3. *Старость — семейная реализация* отличается нацеленностью на домашние обязанности, погруженностью в бытовые заботы.

4. *Старость — забота о здоровье* свойственна мнительным, ипохондричным, тревожным личностям.

К отрицательным типам возрастного развития относятся:

- агрессивные, недовольные состоянием окружающего мира, критикующие все и всех, кроме самих себя, всех поучающие и терроризирующие бесконечными претензиями личности;

- разочарованные в себе и собственной жизни, одинокие и грустные лица пожилого возраста [10, с. 160–169].

Английский психолог Д. Бромлей, анализируя стратегии приспособления в зрелом возрасте, выделяет пять типов пожилых людей.

1. *Конструктивный тип*. Он отличается зрелостью, хорошей интегрированностью и близкими взаимоотношениями с окружающими. Люди с такой позицией склонны к активности даже в зрелом возрасте. Они получают удовольствие от всех происходящих с ними событий. Кроме того, стремятся оказать поддержку окружающим, не требовательны к близким, гибки в поведении, осознают себя, свои достижения, возможности и перспективы. Факт наступления старости воспринимается ими как естественное течение жизни.

2. *Зависимый тип*. Такая тенденция в развитии отличается пассивностью, уступчивостью, слабоволием. Пожилые люди стремятся найти поддержку у окружающих, ищут помощи и признания у близких. Им важно присутствие человека рядом. В то же время такие люди несколько пассивны, не проявляют инициативу в своих действиях, некритичны к своим поступкам.

3. *Оборонительный тип*. Такая модель поведения в пожилом возрасте формируется у людей, склонных держаться замкнуто, отстраненно. Сдержаны в проявлении своих эмоций и чувств, стараются оставаться беспристрастными. Такие люди неохотно вступают в личные взаимоотношения, отказываются от помощи и поддержки, стремятся к независимости. Склонны с трудом завершать профессиональную деятельность, тяжело адаптируются к новым условиям. Автор отмечает, что эта стратегия является менее адаптивной по сравнению с предыдущими.

4. *Враждебный тип*. Люди пожилого возраста, относящиеся к этому типу, отличаются агрессивностью, подозрительностью, взрывным характером. Они избегают тесных контактов с другими людьми, тяжело адаптируются к возрастным изменениям, плохо воспринимают критику в адрес своей личности и поведения. Отмечается агрессия и пренебрежительное отношение в сторону лиц молодого возраста.

5. *Самоненавидящий тип*. Основное отличие этого типа заключается в том, что агрессия направлена не на внешний мир, а на собственную личность. Таким людям свойственны сниженный фон настроения, депрессивность, апатия. Часто отсутствуют заинтересованность в происходящих событиях и стремление к активности. Пожилые люди такого типа воспринимают процесс старения обреченно, чувствуют себя жертвой некоторых фатальных обстоятельств [8, с. 334–336].

Еще одну типологию предлагает ульяновский социолог А. Качкин. Автор разделяет пожилых людей по типам в зависимости от интересов, главенствующих в их жизни:

1. *Семейный тип* — нацелен только на семью, ее благополучие.

2. *Одинокий тип*. Наполненность жизни достигается главным образом за счет общения с самим собой, собственными воспоминаниями (возможен вариант одиночества вдвоем).

3. *Угасающий тип*. Человек, который так и не смог или не захотел компенсировать былую полноту жизни каким-то новым занятием, не нашел применения своим силам.

4. *Больной тип*. Люди такой направленности заняты не только поддержанием собственного здоровья, сколько наблюдением за протеканием своих болезней. Многие старики становятся девиантами, т. е. людьми отклоняющегося поведения (пьяницы, бродяги, самоубийцы).

5. *Религиозный тип*. Люди этого типа находят утешение в религиозных аспектах жизни. Принимают возрастные изменения как должное, неизбежное событие.

6. *Политический тип* заполняет свою жизнь участием (активным или пассивным) в политической жизни.

7. *Творческий тип*. Не обязательно должен заниматься художественным творчеством — этот тип может реализовать себя и на садовом участке.

8. *Социальный тип* — пенсионер-общественник, занятый общественно полезными делами и мероприятиями [3, с. 46–47].

А. И. Анциферова предлагает разделить лиц пожилого возраста на два типа. Основное отличие заключается в уровне активности, стратегиях со-владания со стрессовой ситуацией, отношением к миру и к себе, удовлетворенностью жизни.

Первому типу свойственна жизнестойкая позиция. Такие люди воспринимают старение как естественный процесс, поэтому смена активности происходит без серьезных эмоциональных потрясений. Также этому типу свойственны желание передать свой жизненный опыт, стремление к налаживанию новых контактов. Такой тип поведения порождает удовлетворенность жизнью и увеличивает ее продолжительность.

Представителям второго типа свойственно пассивное отношение к жизни. Круг их интересов касается только собственных желаний и стремлений. Именно поэтому они тяготятся социальными связями, склонны переживать процесс старения в одиночестве. Появляется ощущение ненужности и неважности своей личности и деятельности. Характерны сниженный эмоциональный фон, плаксивость, тревожность. Такие люди тяжело переживают процесс старения, погружаются в прошлое и, будучи физически здоровыми, быстро дряхлеют [8, с. 338–339].

Таким образом, старение — достаточно длительный период перехода человека от пожилого к старческому возрасту, зависящий не только от генетического, но и от средового факторов.

Понятия о сущности, причинах и механизмах старения со временем менялись. Это связывалось не только с развитием научных знаний, но и с изменением особенностей старения в обществе. Росла прежде всего средняя продолжительность жизни,

что определяло изменение условий жизни и социального строя, успехи медицины и другие преимущества прогресса и цивилизации.

Одними из актуальных исследований, связанных с возрастными изменениями организма, всегда были особенности психического здоровья, поскольку именно у людей старшего поколения его сохранение и поддержание становится приоритетным. Старение мозга — комплексный физиологический процесс, который сопровождается прогрессивным снижением сенсорных, моторных и когнитивных функций. Поэтому представляются чрезвычайно важными своевременная диагностика и как можно более раннее начало терапии когнитивных нарушений у пожилых людей.

Когнитивные функции (лат. *cognitio* — познание) — высшие мозговые функции: память, внимание, психомоторная координация, речь, гноси, праксис, счет, мышление, ориентация, планирование и контроль высшей психической деятельности [11, с. 50].

Память — это способность головного мозга усваивать, сохранять и воспроизводить необходимую для текущей деятельности информацию. Память является необходимым условием для более сложного вида психической деятельности — мышления, — поэтому для лиц пожилого возраста очень важна тренировка именно этого вида когнитивных функций.

Изменения, связанные с памятью, нельзя считать неизбежными процессами старения. Их провоцируют депрессия, снижение активной деятельности, побочное действие лекарственных препаратов. Сенсорная память в пожилом возрасте становится чуть хуже, чем у молодых. В этом возрасте для запоминания требуется больше времени. Это возможно из-за: плохой работы зрительной и слуховой систем, низкой мотивации, избирательности внимания или низкой способности распознавать образы. Ухудшается долговременная память. Причиной таких изменений может служить низкая эффективность организации и кодирования запоминаемого материала. Однако лица пожилого возраста лучше могут запомнить смысл, чем в точности воспроизвести материал. Пожилые люди склонны запоминать то, что им может понадобиться в жизни. То есть одной из особенностей памяти в пожилом возрасте является ее избирательность. Используя мнемотехнические приемы, и в пожилом возрасте можно существенно улучшить память.

Гносиом называется функция восприятия информации, ее обработки и синтеза элементарных сенсорных ощущений в целостные образы. Снижение психической активности, выражющееся в сужении объема восприятия, является основной возрастной характеристикой психического отреагирования в пожилом возрасте. Появление расстройств восприятия при психических заболеваниях означает искажение информации о внешнем мире. В результате нарушаются ориентировка в нем, понимание его, поведение человека. Восприятие нарушается в своей специфически человеческой характеристике как процесс, обладающий функцией обобщения и условности.

Речь — это способность обмениваться информацией с помощью высказываний. Нарушение речевых функций в пожилом возрасте часто обусловлено медицинскими факторами. Возрастные изменения, частые сопутствующие заболевания и изменения в функционировании на мозговом уровне часто приводят к тяжелым речевым деформациям, которые влекут за собой нарушения социальных связей.

Праксис — это способность приобретать, хранить и использовать разнообразные двигательные навыки. Не вызывает сомнения, что в силу целостности двигательной системы процессы старения должны изменять работу всех ее уровней. Соответственно, нарушения двигательного спектра могут быть характерны и при нормальном течении периода старости. Однако при нарушениях физиологического спектра такие симптомы становятся более выраженным. Так, в исследовании Е.Ю. Балашовой указано, что при дегенеративных деменциях часто наблюдаются акинетические или гиперкинетические экстрапирамидные синдромы, рефлексы орального автоматизма, насильтственные движения, патологические синкинезии [1, с. 39]. Следовательно, очень важно проводить работу именно в целях профилактики изменений такого рода.

Интеллект — это способность сопоставлять информацию, находить общее и различия, выносить суждения и умозаключения. Интеллектуальные способности обеспечиваются интегрированной деятельностью головного мозга в целом. Снижение познавательной деятельности может вызываться как прямыми, так и косвенными причинами. К прямым причинам снижения интеллектуального уровня относятся сосудистые поражения мозга. Однако следует помнить, что угасание интеллекта по большей части не является прямым следствием процесса старения; чаще его можно отнести на счет действия других факторов, например: ухудшение физического и психического здоровья (депрессия, стрессы); нехватка витаминов, микроэлементов; недостаточное или несбалансированное питание; действие некоторых лекарственных средств (снотворные, обезболивающие); употребление алкоголя, наркотиков; низкий уровень образования; интеллектуальная бездеятельность; низкая мотивация и др.

Когнитивные нарушения — это снижение памяти, умственной работоспособности и других когнитивных функций по сравнению с исходным уровнем (индивидуальной нормой).

Снижение психической активности, которое выражается в сужении объема восприятия, затруднении концентрации внимания, замедлении психомоторных реакций, составляет основную возрастную характеристику психического отреагирования в старости. У лиц пожилого возраста увеличивается время реакции, замедляется обработка перцептивной информации, снижается скорость когнитивных процессов. Несмотря на эти изменения, сами психические функции остаются практически сохранными и качественно неизменными. Преобразование силы и подвижности психических

процессов в пожилом возрасте является индивидуальным. Постепенно сокращаются некоторые виды деятельности. Однако некоторые качества, которые были утрачены (например, физическая сила), компенсируются за счет новых стратегий выполнения действий.

Многие полагают, что снижение когнитивных функций является нормальным в пожилом и старческом возрасте, поскольку в любом случае в каждом возрастном периоде присутствуют изменения. Именно поэтому пожилые люди и их родственники не стремятся обратиться к специалистам. Однако своевременное выявление когнитивных нарушений — важный залог эффективности работы, которая может предотвратить или хотя бы отсрочить наступление деменции.

Мелкая моторика рук развивает речь, мыслительные процессы, воображение, память, творческие способности. Также на руках есть множество биологически активных точек, связанных с работой мозга, поэтому массаж рук стимулирует работу мозга и всех систем организма.

Пожилому человеку очень полезно собирать пазлы, печатать, играть на пианино, заниматься бисероплетением и другими видами деятельности, в которых принимают участие кисти рук и пальцы. К примеру, в прошлых веках пожилые люди намного чаще вязали, вышивали, пряли, шили, занимались ручной работой — и поэтому намного реже страдали старческим слабоумием, склерозом и другими нервными расстройствами.

Зачастую подвижность и чувствительность пальцев ухудшаются вследствие болезни. В этом случае тем более необходимо тренировать мелкую моторику, разрабатывать мелкие суставы, возвращать ловкость рукам.

Было проведено множество исследований, касающихся восстановления работы когнитивных функций. Одной из актуальных и масштабных работ в области изучения эффективности тренировки когнитивных процессов является лонгитюдное исследование в рамках проекта *ACTIVE (Advanced Cognitive Training for Independent and Vital Elderly* — сложная когнитивная тренировка для независимой и активной старости), которое реализовалось в США в период с 1998 по 2004 год с участием более 2800 испытуемых. В рамках проекта испытуемым была предложена серия из 10 тренировочных воздействий, включающих задания на индуктивные рассуждения, вербальную эпизодическую память и скорость обработки. Полученные результаты позволили сделать вывод, что тренировка когнитивных функций не только приводит к повышению эффективности выполнения широкого ряда когнитивных тестов, но и к долговременному улучшению повседневной деятельности пожилых участников исследования, а также к повышению качества их жизни. Эти результаты могут свидетельствовать об общем росте эффективности жизнедеятельности, которая могла бы быть обусловлена ростом эффективности работы системы когнитивного контроля [4, с. 81].

Еще одним исследованием, посвященным тренировке когнитивных функций в пожилом возрасте,

является эксперимент кандидата психологических наук Д. Н. Ефремовой. Автор, изучая динамику когнитивных функций, отмечает существенную разницу в показателях после проведения формирующего эксперимента. Наибольшие изменения произошли после тренировки функций запоминания и воспроизведения информации, однако было выражено снижение показателя «ориентация в пространстве», что свидетельствует о тугоподвижности данной функции. На основании полученных данных автор делает вывод о том, что при систематических занятиях восстанавливается активность познавательной деятельности, что подтверждается сходством профиля кривой максимальных значений и профилем результатов экспериментальной группы [7, с. 37–40].

Таким образом, тренировка когнитивных процессов в пожилом возрасте является одним из актуальных направлений работы. Сложность реабилитации лиц пожилого возраста чаще всего обуславливается неоднородностью контингента по календарному и биологическому возрасту, предшествующему медицинскому и профессиональному анамнезу, степени утраты трудоспособности, социальному и материальному положению, условиям проживания и образу жизни, самооценке и привязаниям, способности к интеграции в обществе и самообслуживанию. Ориентируясь на данные особенности, мы определили для себя наиболее эффективный способ поддержания когнитивных функций — это работа с мелкой моторикой.

Любая информация поступает к человеку через органы чувств. Именно поэтому так важно, чтобы в исследовании предметов, явлений и процессов участвовало как можно больше анализаторных систем (зрительная, слуховая, обонятельная, тактильная, кинестетическая и т. д.). В процессе восприятия всегда присутствуют двигательные компоненты — ощупывание предметов и движение глаз при исследовании конкретных предметов, проговаривание соответствующих звуков при восприятии речи. Результатом восприятия становится образ, который включает в себя комплекс различных взаимосвязанных ощущений. В дальнейшем этими образами оперируют память, внимание, мышление, эмоции человека. Мыслительная деятельность основывается на той информационной базе, которую человек получает через органы чувств. Расширение тактильных и кинестетических ощущений способствует обострению внимания, улучшению зрительной, тактильной и кинестетической памяти, обогащению речи. Способность к тактильному восприятию напрямую связана с развитием мелкой моторики. Подробный образ предмета создается за счет восприятия информации о его форме, поверхности, внутренней структуре путем ощупывания и манипуляций с разнообразными по форме деталями. Эта работа развивает координацию движения пальцев, их силу, ловкость, скоординированные движения пальцев руки.

Для реализации возможности тренировки всех этих навыков прекрасно подходит набор психолога «PERTRA». Он состоит из доски-основы, семи наборов игровых средств (в чемоданах) и мобильного

стеллажа, в котором размещаются чемоданы с наборами. Основным удобством использования комплекса является то, что с каждым набором можно работать отдельно либо одновременно использовать детали из разных наборов.

В состав набора №1 входят комплект пластиин с фигурными и прямыми пазами на лицевой стороне и соответствующим рисунком на обратной стороне, машинки с одним и двумя фиксирующими штырьками, фигурки людей со штырьками и без штырьков.

Набор носит название «Пространство на плоскости» (*Konstruktion*) и способствует развитию пространственной ориентации, силы и координации движений пальцев, содружественных движений глаз и руки, правой и левой рук, развитию концентрации внимания.

В состав игрового набора №2, который носит название «Упорядочение элементов» (*Klassifikator*), входят маленькие квадраты. В центре одних изображены: круги, квадраты или треугольники разных цветов, обратная сторона одноцветная; равнобедренные треугольники; равнобедренные прямоугольные треугольники; большие квадраты; прямоугольные пластины; деревянные рамки для составления квадратов из разных фигур.

Работа с этим набором способствует формированию и тренировке представлений о геометрических формах, цвете и размере, представлений о симметрии и отработке навыка создания симметричных узоров, способности к классификации, понимание пространственных отношений. Благодаря занятиям тренируются пространственное мышление, восприятие и двигательные навыки.

Игровой набор №3 «Однаковое и разное» (*Diskrimination*) включает в себя: бусины разных цветов, размеров, форм; деревянные стержни разной длины; кубики со сквозными отверстиями, диаметр которых совпадает с диаметром деревянных стержней; шнуры.

Занятия с набором способствуют тренировке умения соотносить и сравнивать размеры предметов зрительно и с помощью практических действий, формированию содружественных движений обеих рук, развитию способности к копированию и воспроизведению.

В состав набора №4 «Пространство и преобразования» (*Relation*) входят деревянные шаблоны разных геометрических форм, деревянные пластины со штырем для крепления на доске-основе, воротца с большими и малыми отверстиями, резинки с пробками на конце.

Работа с деталями набора помогает сформировать навык скоординированных движений пальцев, кинестетический образ разных геометрических форм. А также способствует тренировке умения различать геометрические формы, развитию пространственной ориентации и пониманию пространственных отношений.

Игровой набор №5 «От каракуль к каллиграфии» (*Grafomotorik*) включает в себя деревянные пластины с пазом на лицевой стороне и соответствующим пазом рисунком на обратной стороне, деревянные пластины-направляющие с желобом,

разноцветные фигурки машин, магнитный штифт; ленты и оргстекло.

Целями работы с данным набором являются развитие пространственных представлений, формирование графомоторных навыков, тренировка выработанных навыков письма и устной речи.

В состав набора №6 «От хватания к схватыванию» (*Handgeschicklichkeit*) входят деревянные цилиндры со штырьками для закрепления на доске-основе, короткие и длинные штырьки, цилиндры, прищепки, шайбы и бусины с отверстиями, блоки, шнурки, резинки, стальные шарики.

Работа с деталями набора способствует тренировке мелкой моторики, дифференцированных хватательных движений, пространственных отношений.

Игровой набор №7 «Начальные умения» (*Mathematik*) состоит из дощечек с цифрами, планки желтого цвета для оценивания длины, стальных шариков, кубиков с точками и цифрами.

Целью работы с набором является тренировка навыков сравнения и классификации, а также математических навыков,

Таким образом, каждое из игровых средств направлено на работу по развитию важных психологических процессов — памяти, внимания, мышления, творческого развития. Достоинства набора — это удобное оборудование, широкий диапазон использования, наглядное пособие. Все детали яркие, разноцветные, выполнены из разных материалов (железные, деревянные, резиновые, текстильные).

Изначально данный набор был создан для работы с детьми. Однако мы решили попробовать адаптировать его для лиц пожилого возраста, поскольку тренировка когнитивных функций на этом возрастном этапе так же актуальна, как и в начале жизни.

Комплекс упражнений, разработанный психологами Геронтологического центра «ЗАБОТА» с использованием набора «*PERTRA*», интересный, захватывающий, многофункциональный, стимулирующий воображение у пожилых людей.

Получатели услуг Центра с удовольствием включаются в занятия, общаются в процессе.

Комплекс мероприятий, осуществляемых психологами, включает в себя входящую и исходящую диагностику, индивидуально подобранные количества занятий, сопровождение специалиста.

Проведенные исследования позволяют отслеживать динамику состояния когнитивных функций у получателей услуг Центра. Для оценки состояния специалисты используют «Шкалу оценки когнитивных функций». Результаты выполнения получателями социальных услуг психологических тестов не следует рассматривать в отрыве от клинических данных. Для выявления уровня ориентировки во времени, пространстве и собственной личности мы просим обследуемого назвать дату, место нахождения и основную информацию о себе (биографические данные). Дезориентировка во времени и месте отмечается в основном при нарушениях памяти, интеллекта или расстройствах сознания.

Также, чтобы оценить степень нарушений процессов памяти и интеллектуальные возможности, получателям услуг предлагается проба на запоминание пяти слов и предложение найти разницу в предложенных изображениях.

Для исследования особенностей восприятия испытуемому предлагается описать предложенный предмет, его форму, цвет, размер, материал, из которого он состоит, и т. п. Таким образом проверяется узнавание по чувственным восприятиям: зрительным, слуховым, осязательным.

Чтобы оценить речевую активность, понимание обращенной речи, беглость речи, получателю услуг предлагается повторить предложенные скороговорки.

Для оценки способности усваивать и удерживать разнообразные двигательные навыки, в основе которых лежат автоматизированные серии движений, мы просим испытуемого продемонстрировать выполнение каких-либо целенаправленных действий.

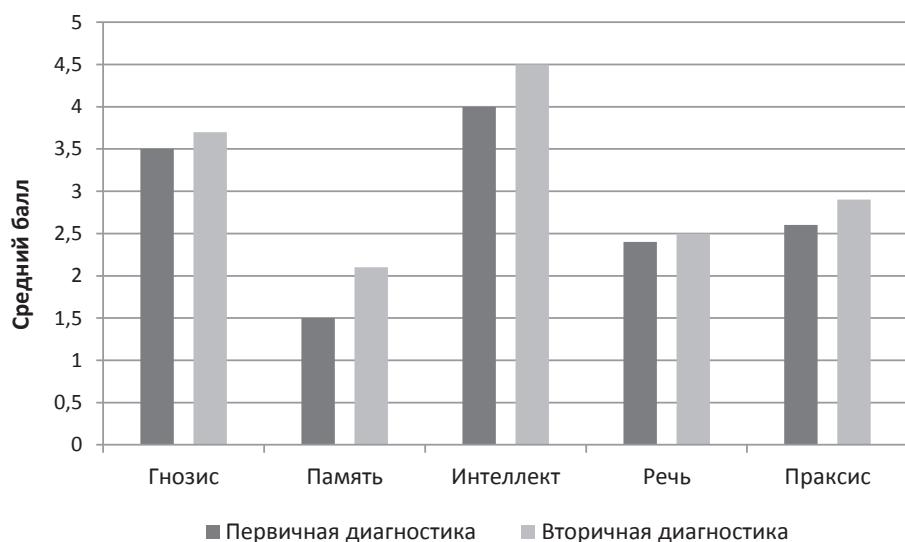

Рис. 1. Сравнительная диаграмма результатов входящей и исходящей диагностики

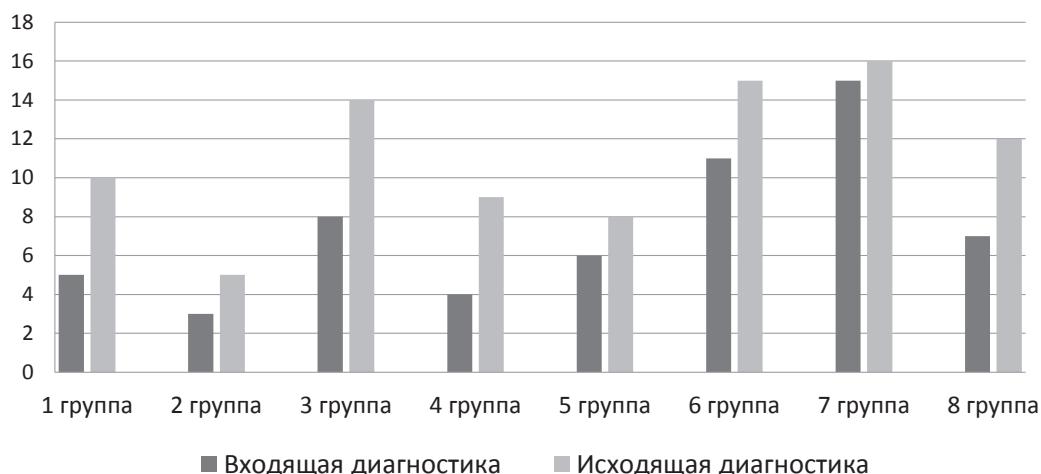

Рис. 2. Сравнительная диаграмма результатов диагностики групп получателей социальных услуг

Анализ и обработка полученных результатов выполняются сотрудниками социально-психологического отделения. Определяются стойкость и степень нарушений памяти, восприятия, мышления и других когнитивных функций.

Результаты одного из последних исследований, проведенных после комплекса занятий с использованием набора психолога «*PERTRA*», отражены на сравнительной диаграмме ниже. В качестве значений диаграммы выступает средний балл по каждой шкале когнитивных функций.

Анализ полученных данных показывает хорошую положительную динамику по шкалам «Память» и «Интеллект». Действительно, в ходе практических занятий у получателей услуг Центра наблюдались заметные улучшения процессов запоминания и воспроизведения полученной информации, положительная динамика способности сопоставлять информацию, находить общее и различия.

По остальным параметрам также наблюдаются заметные позитивные изменения. Работа с набором «*PERTRA*» позволила улучшить координацию движений пальцев, их силу, ловкость, скоординированные движения пальцев руки. Это, в свою очередь, способствовало улучшению концентрации внимания, расширению объема восприятия, тренировке гибкости мышления.

Анализ результатов работы психологов с использованием набора «*PERTRA*» позволяет сделать выводы о стойком положительном результате

деятельности. Несмотря на то что занятия носят достаточно простой характер, связаны с тренировкой самых несложных видов движений и элементарных навыков, полученный результат является неизменно хорошим. Получатели услуг сами отмечают благоприятные изменения состояния своих когнитивных функций. Кроме того, поскольку тренировки носят и групповой характер, улучшаются социальные связи и налаживаются коллективные взаимоотношения.

Таким образом, занятия с применением набора «*PERTRA*» оказывают положительное влияние на сохранение и укрепление когнитивных функций у лиц пожилого возраста. Регулярная тренировка позволяет не только сохранить жизнь ума, но и улучшить качество жизни в целом. Следовательно, можно рекомендовать занятия подобного рода как одну из мер в профилактике деменции и реабилитации постинсультных состояний. Наиболее значимым итогом своей работы мы считаем практическую значимость полученных результатов — полученные данные позволяют сделать вывод о важности применения таких практических наработок в сфере коррекции и поддержания когнитивных нарушений. Отдельным положительным моментом становится тот факт, что использовать на практике подобные занятия можно практически в каждом учреждении социального типа, занимающемся оказанием услуг лицам пожилого возраста.

1. Балашова Е. Ю. Особенности пространственной организации произвольных движений при старении // Вестник МГУ. 1996. № 2. С. 37–46.
2. Болбаков Р. Г. Анализ когнитивности в науке и образовании // ПНиО. 2014. № 4. С. 15–19.
3. Василенко Н. Ю. Социальная геронтология: учебное пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2003. 140 с.
4. Величковский Б. Б. Возможности когнитивной тренировки как метода коррекции возрастных нарушений когнитивного контроля // Экспериментальная психология. 2009. Т. 2. № 3. С. 78–91.
5. Всемирный доклад о старении и здоровье // Всемирная организация здравоохранения. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vokgvv.oblzdrev.ru/docs/doklad_2019/VOZ_doklad_starenie.pdf19 (дата обращения: 31.10.2019).
6. Давыдовский И. В. Геронтология. М.: Медицина, 1966. 297 с.

7. Ефремова Д. Н. Восстановление когнитивных функций при деменции легкой степени // СТПН. 2016. № 3. С. 33–40.
8. Ильин Е. П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. 544 с.
9. Каширина Л. В., Сидорова М. А. Социально-психологические состояния пожилых людей: к методологии исследования их социального самочувствия // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4. С. 118–124.
10. Кон И. С. Постоянство личности: миф или реальность?//Хрестоматия по психологии/Сост. В. В. Мироненко; под ред. А. В. Петровского. М., 1987. 304 с.
11. Трухан Д. И., Давыдов Е. Л. Профилактика инсульта, когнитивных нарушений и деменции у пациентов с артериальной гипертензией на этапе оказания первичной медико-санитарной помощи // Consilium Medicum. 2017. № 1. С. 50–55.
12. Шахматов Н. Ф. Психическое старение: счастливое и болезненное. М.: Медицина, 1996. 304 с.

References

1. Balashova Ye. Yu. Osobennosti prostranstvennoy organizatsii proizvolnykh dvizheniy pri stareni [Features of special organization of voluntary movements in ageing]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Moscow State University*, 1996, (2), pp. 37–46 (in Russian).
2. Bolbakov R. G. Analiz kognitivnosti v nauke i obrazovanii [Analysis of cognition in science and education]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye — Psychological Science and Education*, 2014, (4), pp. 15–19 (in Russian).
3. Vasilenko N.Yu. *Sotsialnaya gerontologiya: uchebnoye posobiye* [Social gerontology: manual]. Vladivostok: Far-Eastern State University Publ., 2003. 140 p. (In Russian).
4. Velichkovskiy B. B. Vozmozhnosti kognitivnoy trenirovki kak metoda korreksii vozrastnykh narusheniy kognitivnogo kontrolya [Possibilities of cognitive training as a method of correction of age-related cognitive control disorders]. *Eksperimentalnaya psikhologiya — Experimental Psychology*, 2009, 2 (3), pp. 78–91 (in Russian).
5. World Organization of Health. *Vsemirnyi doklad o stareni i zdorovye. 2016* [World Report on ageing and health. 2016] (in Russian). Available at: http://vokgvv.oblздрав.ru/docs/doklad_2019/VOZ_doklad_starenie.pdf19 (accessed 31.10.2019). () ()
6. Davydovskiy I. V. *Gerontologiya* [Gerontology]. Moscow: Meditsina Publ., 1966. 297 p. (In Russian).
7. Yefremova D. N. Vosstanovleniye kognitivnykh funktsiy pri dementsii legkoy stepeni [Recovery of cognitive functions in mild dementia]. *Sovrennaya terapiya v psikhologii i nevrologii — Modern Therapy in Psychology and Neurology*, 2016, (3), pp. 33–40 (in Russian).
8. Ilyin Ye. P. *Psikhologiya vzroslosti* [Psychology of adulthood]. St. Petersburg: Piter Publ., 2012. 544 p. (In Russian).
9. Kashrina L. V., Sidorova M. A. Sotsialno-psikhologicheskiye sostoyaniya pozhilykh ludey: k metodologii issledovaniya ikh sotsialnogo samochuvstviya [Socio-psychological state of the elderly: to methodology of their social well-being]. *Vlast i upravleniye Rossii — Power and Governance in Eastern Russia*, 2011, (4), pp.118–124 (in Russian).
10. Kon I. S. Postoyanstvo lichnosti: mif ili realnost? [Permanence of personality: myth or reality?] *Khrestomatiya po psikhologii* [Anthology on psychology]. Moscow, 1987. 304 p. (In Russian).
11. Trukhan D. I., Davyдов Ye. L. Profilaktika insulta, kognitivnykh narusheniy i dementsii u patsientov s arterialnoy giperenziyey na etape okazaniya pervishnoy medico-sanitarnou pomoshchi [Prevention of stroke, cognitive impairment and dementia in patients with hypertension at the stage of primary health care]. *Consilium Medicum — Consilium Medicum*, 2017, (1), pp. 50–55 (in Russian).
12. Shakhmatov N. F. *Psikhicheskoye stareniye: schastlivoye i boleznennoye* [Mental ageig: happy and painful] Moscow: Meditsina, 1996. 304 p. (in Russian).

ЛЫОНГ МАНЬ ХА

магистр социальной работы, лектор,

Управление науки управления и международных отношений, Университет Тан Трао,

ha.cdtq@gmail.com

LUONG MANH HA

M.A. (Social Work), Lecturer at the Department of Management and International Relations of Tan Trao University

УДК 65.272

**СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЬЕТНАМА:
ДОСТИЖЕНИЯ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**SOCIAL SECURITY SYSTEM OF VIETNAM:
ACHIEVEMENTS, NEW CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Аннотация. В этой статье дается обзор существующей вьетнамской системы социального обеспечения с множеством хороших возможностей для развития. Но при этом появляется множество трудностей и проблем. В частности, система социального обеспечения осуществляется в условиях рыночной экономики и управления государством с социалистической ориентацией. С целью помочь читателям получить полное представление о системе социального обеспечения Вьетнама в настоящей статье приведены самые основные и полные концепции этой системы, которые были опубликованы местными и зарубежными учеными. Некоторые основные функции данной системы автор также представляет читателю на основе общего консенсуса ученых. Кроме того, эта система также реализована в традиционной культурной среде, поэтому социальное обеспечение гармонично объединило сущность человечества и традиции вьетнамской нации, что дало системе социального обеспечения Вьетнама уникальный способ, который может иметь далеко не каждая страна. На самом деле деятельность государственного управления является чрезмерно социализированной или уязвимой для злоупотреблений в коммерческих целях. Система социального обеспечения всегда считалась важным элементом в обеспечении устойчивого развития в каждой современной стране. Это и цель, и результат осуществления реформ стратегии экономического развития. Тем не менее в нынешних условиях также возникает немало новых и сложных проблем. Вьетнам должен продолжать совершенствовать эту систему в целях обеспечения устойчивости, гарантировая, что права всех людей являются очень важными. Помимо этого, настоящая статья предусматривает ориентацию на развитие системы социального обеспечения во Вьетнаме с очень конкретными целями и задачами: к 2020 году она образует систему социального обеспечения, охватывающую все население: обеспечение того, чтобы все граждане страны имели работу и минимальный уровень дохода; каждый гражданин имеет право на получение социального страхования, гражданам обеспечена материальная страховка поддержка в особо сложных условиях; обеспечен доступ к базовым социальным услугам; обеспечение безопасности, равенства и счастья граждан. Основываясь на потенциале развития и выявленных проблемах, правительство и соответствующие министерства внедряют много синхронных решений, таких как строительство инфраструктуры, финансовые инвестиции, человеческие ресурсы и налаживание системы правовых документов для системы социального обеспечения. Первоначальные результаты позволили создать импульс к развитию страны в период международной интеграции.

ABSTRACT. This article provides an overview of the current Vietnamese social security system with many good opportunities to develop along with many difficulties and new challenges — the social security system is implemented in the context of market economy and management of the state with socialist orientation. To help the readers have a comprehensive view of the social security system of Vietnam, this article gives the most basic and complete concepts of this system that have been published by national and international scientists, researchers and determined the timeline when these concepts have appeared in Vietnam. For a deeper understanding of the system of social security of Vietnam, some basic functions of this system are also presented by the author on the basis of general consensus of scientists. Moreover, this system is also implemented in the traditional cultural environment. Therefore, social security has harmoniously combined the essence of humanity and the tradition of the Vietnamese nation. The Social Security System has always been considered an important pillar in sustainable development in every country today. It is both a goal and a result for the implementation of reforms, economic development strategies. Although Vietnam has achieved remarkable achievements, in the current context, there are many new challenges and complicated problems. The article also provides orientation to develop the Vietnam social security system with very specific

objectives and tasks. By 2020, the social security system will have been formed. It will cover the following: ensuring all citizens with a job with minimum level of income; social insurance; maximum government support for people in especially difficult circumstances; access of all people to basic social services; safety life, equality and happiness. etc. Based on the potential of development and the challenges identified, the government and related Ministries are introducing many synchronous solutions such as; infrastructure construction, financial investment, human resources and adjustment of legal documents system. The initial results have been very positive to create momentum and renew energy for the country to develop in the period of international integration today.

Ключевые слова: социальная защита, социальная политика, социальное страхование, благосостояние, социальная помощь, социальное управление, социальные службы.

Keywords: social security, social policy, social insurance, social welfare, social assistance, social management, social services.

Введение

Система социального обеспечения в регионе АСЕАН вступает в новую стадию развития благодаря влиянию промышленной революции 4.0 и процессу свободного перемещения рабочей силы в регионе. Система социального обеспечения Вьетнама имеет много хороших возможностей вырасти до новых высот, когда обязательства между Вьетнамом и международным соглашением о свободной торговле будут выполнены и войдут в жизнь всех людей. Однако параллельно с развитием также появилось множество новых вызовов и проблем в области социального обеспечения Вьетнама. Поэтому тема «система социального обеспечения: теория и практика» является одной из самых важных: многие граждане заботятся об этом и сегодня.

Социальное обеспечение играет важную роль в стратегиях экономического развития каждого национального общества. Социальное обеспечение направлено на осуществление основных прав человека, осуществление равенства и социальную справедливость, способствует построению гармоничного общества и устойчивого развития. Система социальной защиты основана на совместной ответственности и реализации социальной справедливости в различных формах, методах и мероприятиях. Стремление иметь развитую систему социального обеспечения, которая достаточно сильна, чтобы справиться с социальными рисками, является не только целью развития каждой страны, но и поводом для обеспокоенности международного сообщества [1].

В последние годы система социального обеспечения Вьетнама все чаще демонстрирует свою огромную роль в социально-экономическом развитии и стабильности. За последнее десятилетие вьетнамское общество в корне изменилось. Во-первых, социальное обеспечение способствует стабилизации жизни работников. Система социального обеспечения способствовала замене или компенсации части дохода, когда работники заболевают, утрачивают трудоспособность или умирают. Во-вторых, социальное обеспечение способствует обеспечению безопасности и стабильности всей экономики. Когда существует риск для работников, система социального обеспечения незамедлительно поддерживает и создает условия для интенсивной работы, чтобы стабилизировать свою жизнь и производство. Все эти

факторы внесли значительный вклад в стабилизацию экономики и общества. В-третьих, система социального обеспечения, включая социальное страхование, увеличивает тесные отношения между работниками, работодателями и государством. В-четвертых, система социального обеспечения способствует экономическому росту и социальной справедливости. Фонд социального обеспечения, который является крупным концентрированным финансовым источником, используется для оплаты сборов в повседневной жизни для рабочих и их семей, инвестиций в производственную и деловую деятельность, что также способствует экономическому росту.

Концепция системы социального обеспечения Вьетнама имеет очень широкое и более полное содержание сознания и близка к концепции мира. Социальное обеспечение, по мнению некоторых международных организаций, также имеет широкий и узкий уровень, причем целевые объекты совершенно разные.

Согласно концепции Международной организации труда (МОТ), «социальное обеспечение — это защита, которую общество предоставляет своим членам посредством ряда широко применяемых мер для преодоления трудностей, экономических и социальных потрясений, которые резко снижают или спада доходов в связи с болезнью, беременностью и родами, трудовогоувечья, нетрудоспособности или смерти. Предоставление медицинской помощи и субсидий семьям с детьми-инвалидами» [2].

Термин «социальное обеспечение» появился во Вьетнаме в 70-х годах XX века в ряде правовых исследований некоторых сайгонских ученых. После 1975 года этот термин использовался очень часто, а с 1995 года он стал использоваться более широко [3]. По словам Хоанг Чи Бао, социальное обеспечение — это безопасность человеческой жизни, от отдельных лиц до сообществ, создающая предпосылки и мотивацию для человеческого и социального развития. Социальное обеспечение является гарантией для всех людей выжить (жить) и развивать сущность человеческой природы [4, с. 8].

Можно определить термин «социальное обеспечение» следующим образом: «Система социального обеспечения — это сеть конкретных программ и систем политики государства, а также общественные организации, которые помогают населению,

защищают людей и общество в целом, особенно тем, кто сталкивается с рисками или трудностями, обеспечить минимальный уровень жизни и способствовать его повышению, способствуя тем самым развитию и социальному прогрессу».

Функция системы социального обеспечения Вьетнама

Хотя существуют разные взгляды на роль социального обеспечения, но многие вьетнамские и немецкие исследователи согласны с тем, что система социального обеспечения во Вьетнаме имеет пять основных функций: 1) обеспечение доходов населения минимальна, это самая основная функция системы социального обеспечения; 2) улучшить возможности управления рисками (в том числе: предотвращение рисков, снижение рисков, восстановление рисков ...); 3) распределение доходов, гарантированный доход для человека/группы объектов, когда эти люди не в состоянии приносить доход сами; 4) содействие устойчивой занятости и развитие рынка труда, повышение квалификации и возможностей для участия работников рынка труда (поддержка профессионального обучения, разработка информации о рынке труда, помочь малоимущим в получении банковских кредитов под низкие процентные ставки, поддержка работников в конвертации и поиске новых рабочих мест); 5) повысить эффективность социального управления, способствовать социальной сплоченности и социальному развитию [6, с. 14–15].

После 30 лет реформ Вьетнам был классифицирован как развивающаяся страна со средним уровнем дохода и продолжает содействовать индустриализации и модернизации страны, связанной с развитием экономики знаний. Цель такой политики Вьетнама — быстрое и устойчивое экономическое развитие, в то же время эффективное осуществление социального прогресса и справедливости, обеспечение социального обеспечения в каждой области и в каждой сфере общественной жизни. Социальное обеспечение стало центральной проблемой в национальной стратегии развития сегодня. Вьетнам стремится к тому, что к 2020 году система социального страхования будет распространяться на все сферы общественной жизни и охватит все население.

Основные достижения системы социального обеспечения

За последние 30 лет благодаря экономическим реформам, устойчивому развитию рыночной экономики и укреплению национального экономического потенциала Вьетнам приложил большие усилия для инвестирования ресурсов в политику реформ для совершенствования социального обеспечения, улучшения жизни граждан.

Как и в других странах с развитой рыночной экономикой, рыночная экономика во Вьетнаме сделала общество более динамичным, более разнообразным. В последнее время система социального обеспечения Вьетнама играет важную роль в развитии и экономической стабильности в обществе, а именно:

1. Социальное обеспечение связано с социальным прогрессом и развитием в условиях рыночной экономики. Программа по искоренению голод

и сокращению масштабов нищеты во Вьетнаме на национальном уровне получила очень хорошие результаты. Урегулирование социальных проблем и осуществление политики социального обеспечения для общин осуществляется на регулярной основе, они эффективны и отвечают потребностям общества. Вьетнам является одной из стран, соответствующих целям развития наступившего тысячелетия, что получило положительные отзывы со стороны международного сообщества.

Доля бедных домохозяйств снизилась с 14,2% в 2010 году до 4,5% в 2015 году. В 2006 году средний доход бедных домохозяйств был ниже черты бедности, около 4,7%, и до 3% в 2014 году. Кроме того, к 2016 году доход на душу населения в бедных домохозяйствах по всей стране увеличился в 1,6 раза по сравнению с концом 2011 года [5].

2. Правовая система постепенно совершенствовалась для обеспечения права на социальное обеспечение для всех граждан. Конституция 2013 года впервые подтвердила основополагающее право на социальное обеспечение всех граждан, разработаны постановления и циркуляры, направляющие деятельность службы социального страхования в сторону постепенного совершенствования, создаются правовые рамки для осуществления политики социального обеспечения.

Ряд законов, изданных и применяемых правительством для развития системы социального обеспечения, привел к новым изменениям в этой области. Например, пересмотренный Трудовой кодекс (2012) продолжает развивать рынок труда, укрепляя условия работы партнеров, участвующих в рынке труда; усилить поддержку со стороны государства для находящихся в неблагоприятном положении работников на рынке труда посредством политики, направленной на создание рабочих мест. Закон о занятости (первая редакция — 2013) впервые Вьетнам имеет код, направленный на неформальном секторе; продолжать расширять возможности для работников участвовать в страховании по безработице. Пересмотренный Закон о медицинском страховании (2013) изменился с охвата всех людей на обязательное медицинское страхование; расширить участие граждан в медицинском страховании. Измененный Закон о социальном страховании (2014) распространяет обязательное участие в социальном страховании на работников [11].

3. Национальная целевая программа по занятости и профессиональному обучению ежегодно создает рабочие места для около 320 тыс. человек. В 2015 году были созданы рабочие места для 1 625 000 человек. Уровень безработицы в трудоспособном возрасте оставался низким 2,31% (в городских районах — 3,29%; для молодежи — 6,85%) [12].

4. С конца 2015 года во Вьетнаме было 12 166 000 рабочих (что составляет 24,1% от рабочей силы), которые участвовали в социальном страховании и 10 185 тыс. человек, получавших страхование по безработице, что составляет 20,2% рабочей силы.

5. Доступ к базовым социальным услугам:

- В сфере образования — к 2015 году доля детей в возрасте до 5 лет, посещающих дошкольные

учреждения, достигла 97,93%; в начальной школе учились около 98,69%, в средней школе около 90,89%; и уровень средней школы составлял 62%.

• В области здравоохранения — с 2015 года во Вьетнаме 98,4% общин имели медицинские пункты; 96,0% сел имеют работников здравоохранения, 80% коммун имеют врачей, 50% коммун соответствуют национальным критериям здоровья.

• В жилищной сфере — с 2015 года штат оказал поддержку 7600 малоимущим домохозяйствам в строительстве домов для предотвращения наводнений и штормов в семи провинциях в регионах Северного и Центрального побережья; продолжение строительства около 61 290 жилых домов [12].

6. Инвестиции государства в сферу социального обеспечения возрастают. Если общая сумма расходов правительства для национальной системы социального страхования в 2012 году составляла 5,88% от ВВП, то к 2015 году — более 6,6% от ВВП. Эффективно осуществляется социальная политика за счет финансирования из различных источников, в том числе государственных ресурсов, внешних ресурсов (таких как ОПР, программ иностранный невозмешаемой помощи), социальных ресурсов предприятий и организаций [7]. По словам Фам Ван Куонг (2018), «хотя в последние годы доходы государственного бюджета по-прежнему сталкиваются со многими трудностями, правительство потратило на систему социального обеспечения оценивается в 9,8% ВВП».

7. Вьетнам достиг и превысил время для достижения многих целей развития тысячелетия ООН. К концу 2014 года национальный уровень бедности был ниже 6%; жизнь людей, особенно бедных слоев населения, этнических меньшинств и других уязвимых социальных групп улучшается и расширяется. У большинства людей есть рабочие места, уровень безработицы низкий (ниже 2%); доля работников, участвующих в социальном страховании, превысила 20%, уровень участия в страховании по безработице составляет 17%. Большинство работников имеют доступ к базовому медицинскому обслуживанию, доля получающих медицинское страхование составляет более 71,6%; около 3% людей с особо трудными условиями при поддержке ежемесячных денежных и других форм; в основном завершена дошкольная универсализация для детей в возрасте 5 лет, начальных и средних школах; жилье, чистая вода и информационные услуги значительно улучшились [8].

Трудности и вызовы, с которыми сталкивается система службы социального обеспечения

Несмотря на серьезные успехи в осуществлении мероприятий, в системе социального обеспечения по-прежнему существуют определенные проблемы.

С 2009 года по настоящее время из-за влияния глобального экономического кризиса рост ВВП Вьетнама снизился с 8% в 2009 году до 6,2% в 2017 году, поэтому мобилизовать необходимые средства для системы социального обеспечения очень сложно. Кроме того, в 2012 году Вьетнам вступил в средний порог дохода, поэтому

международные невозмешаемые гранты значительно сокращаются. Следует учесть и тот факт, что Вьетнам находится в группе стран Юго-Восточной Азии, сильно подверженных изменениям климата. Бури, наводнения, повышение уровня моря и другие климатические факторы ежегодно наносят ущерб на сумму не менее 1% ВВП.

Тенденция старения населения быстрее, чем ожидалось, создает проблемы, связанные с расходами на здравоохранение для пожилых людей и их социальное обеспечение. Существующая система социального обеспечения раздроблена, недостаточно сплочена, граждане недостаточно активно участвуют в ее работе. Это создает большие проблемы для системы социального обеспечения во Вьетнаме, особенно с учетом мирового экономического кризиса, поэтому в стране продолжается реструктуризация модели экономического роста.

1. Ограничения политики в области социального обеспечения и системы законодательства в этой сфере организации не соответствуют требованиям социалистической ориентации рыночной экономики и тенденции мирового развития. В целом система политики социального обеспечения во Вьетнаме все еще находится в процессе формирования, недостаточно синхронизирована, система правовых документов по социальному обеспечению неполна.

2. Риски в экономике, общественной жизни, окружающей среде имеют тенденцию к росту в процессе реализации в стране экономической реструктуризации, реконструкции модели роста и международной интеграции, оказывая давление на обеспечение социальной защиты для граждан, особенно тех, кто входит в слабые социальные группы. В настоящее время Вьетнам переходит от широкомасштабной модели развития, использующей в основном массовый неквалифицированный труд с низкой экономической эффективностью, к углубленной модели, фокусирующейся на секторах с высоким технологическим содержанием, на экономике знаний. С учетом этого изменения в области социального обеспечения будут создаваться новые проблемы, такие как вопросы профессиональной занятости, жилья, образования, здравоохранения, безработицы, социального неравенства, стратификации доходов.

3. Старение населения также создает множество трудностей для нынешних и будущих систем социального обеспечения. По оценкам Национального комитета по делам пожилых людей, доля пожилых во Вьетнаме к 2020 году составит 16% и в последующие годы будет расти. Это окажет сильное давление на систему социального обеспечения в сфере здравоохранения, социальной работы, услуг социальной помощи пожилым людям и др.

4. Некоторые программы социального обеспечения недостаточно эффективны. Так, программы профессионального обучения сельских работников, социальной помощи разобщены с точки зрения финансирования и реализации. Информация, пропаганда и распространение политики в области социального обеспечения в некоторых местах слабы, формы передачи информации и пропаганды неэффективны.

Быстрая и сильная дифференциация в рыночной экономике сделала слабые социальные группы более

слабыми и уязвимыми из-за ограничений в конкурентоспособности, возможности предотвращения рисков на рынке. Кроме того, поток миграции рабочей силы и рабочее движение происходит с нарастающей интенсивностью. Это оказало большое давление на правительственные механизмы, политику и операционные стратегии. В связи с этим возникают трудности, мешающие обеспечению прав и возможностей доступа к основным социальным услугам, осуществлению права на политику социального обеспечения уязвимых групп населения [9, с. 321].

Выводы

К 2020 году практически сформирована система социального обеспечения, охватывающая все население, со следующими требованиями: гарантировать, что все люди имеют работу и минимальный доход; участие получение социального страхования, поддержка людей, находящихся в особо трудных условиях (дети с ограниченными возможностями, пожилые люди с низким доходом, люди с тяжелыми формами инвалидности, бедные слои населения); необходимо обеспечить всем людям доступ к базовому набору социальных услуг (медицина, образование, жилье, чистая вода, информация), шаг за шагом улучшать доходы, обеспечить достойную жизнь, социальное равенство и счастье населения [10].

Занятость, обеспечение доходов и сокращение бедности. Государство гарантирует, что все работающие люди имеют доход, в том числе бедные, молодежь, сельские рабочие и другие наиболее уязвимые трудовые группы. К 2020 году уровень рабочей силы в сельском хозяйстве снизился до 30%, средний уровень безработицы в стране остался ниже 3%, а в городах — ниже 4%. Ожидается, что средний доход бедных домохозяйств в 2020 году увеличится в 3,5 раза по сравнению с 2010 годом.

Социальное страхование. Увеличить количество людей, получающих социальное страхование, особенно добровольное и страхование на случай безработицы. К 2020 году около 29 млн человек имеют социальное страхование, что составляет 50% от общей численности рабочей силы; страхование на случай безработицы получают 20 млн человек, что составляет 35% от общей численности рабочей силы.

Социальная помощь людям в особо сложных условиях (регулярная социальная помощь и чрезвычайная социальная помощь). Расширение числа бенефициаров, повышение уровня регулярной

социальной помощи в соответствии с возможностями государственного бюджета. Необходимо стремиться к тому, чтобы к 2020 году 3 млн человек имели право на регулярную социальную помощь (что составляет 3 % населения).

Обеспечение базовых социальных услуг людям, особенно бедным слоям населения и этническим меньшинствам. К 2020 году 99% детей посещают школу в нужном возрасте, 95% — на уровне ниже среднего, 80% — на уровне образования средней школы и эквивалент; доля подготовленных работников достигает 70%, из которых профессиональная подготовка составляет 40%. Кроме того, около 77 млн человек получают медицинское страхование, что составляет 80% населения, в том числе 48,6 млн человек получают поддержку со стороны государства, что составляет 63% от общего числа участников [6].

Таким образом, можно сказать, что система социального обеспечения Вьетнама сложилась позже, чем в некоторых странах региона АСЕАН. Тем не менее его роль и вклад в стабилизацию и развитие страны в последние годы были чрезвычайно велики. Хотя во внутренней и международной экономике происходит много изменений, нередки стихийные бедствия и эпидемии, Вьетнам всегда придает большое значение развитию системы социального обеспечения, особенно в стратегии развития. Вьетнам поставил целью развитие социального обеспечения, тесно связанного с экономическим прогрессом и социальной культурой.

Государственные инвестиции в социальное обеспечение растут, социализация мобилизует все ресурсы, включая человеческие. В процессе международной интеграции сегодня Вьетнам выступает за развитие многоуровневой и всеобъемлющей системы социального обеспечения, с политикой и программами по предотвращению, снижению и преодолению рисков для людей.

Основная цель системы социального обеспечения, охватывающая все население, это — предотвратить трудности и риски в жизни, помочь обездоленным людям преодолеть трудности без посторонней помощи. С помощью политических механизмов и синхронных решений, внедряемых правительством для развития системы социального обеспечения Вьетнама, она становится все более совершенной, и удовлетворяет социальные потребности населения и международные интеграционные тенденции государства.

1. Nguyễn Hữu Dũng. Hệ thống chính sách an sinh ở Việt Nam: Thực trạng và định hướng phát triển // Tạp chí Khoa học Đại học quốc gia Hà Nội. Năm 2010, Số 26, trang 118–128. [Нгуен Хуу Дунг. Система политики безопасности во Вьетнаме: современное состояние и направленность развития//Научный журнал Ханойского национального университета. 2010. № 26. С. 118–128].
2. Beyond HEPR: A framework for integrated national system of Social security in Vietnam UNDP-DFID. Hanoi: Ministry of Labour, Invalids and Social Policy, 2005, pp.76–69.
3. Nguyễn Tiến Hùng. Vai trò của An sinh xã hội đối với tiến bộ xã hội ở Việt Nam hiện nay/Luận văn tiến sĩ Triết học. ID.62.22.03.02. Hà Nội, 2016, trang 46–47 [Нгуен Тиен Хунг. Роль социального обеспечения в социальном прогрессе во Вьетнаме сегодня: дисс. ... докт. филос. наук ID.62.22.03.02. Ханой: Ханойский национальный университет, 2016. С. 46–47].
4. Hoàng Chí Bảo. Cơ sở khoa học của việc xây dựng, hoàn thiện hệ thống chính sách an sinh xã hội ở nước ta giai đoạn 2006–2015 // Kỷ yếu Hội thảo khoa học, Học viện Chính trị quốc gia Hồ Chí Minh, Hà Nội. 2008 [Хоанг Чи Бао.

Научные основы построения и совершенствования системы политики социального обеспечения Вьетнама в период 2006–2015 гг. Материалы научной конференции, Национальная политическая академия Хошимина. Ханой, 2008. С. 123–125].

5. Theo kết quả Điều tra mức sống hộ gia đình của tổng cục thống kê Việt Nam năm 2014 [По результатам обследования уровня жизни домохозяйств Вьетнама Общих бюро статистики в 2014 году. Ханой: Статистическое управление Вьетнама, 2014. С. 17–21].
6. Viện Khoa học Lao động và Xã hội Việt Nam. Phát triển an sinh xã hội ở Việt Nam đến năm 2020 // Dự án hợp tác giữa Việt Nam và Đức (GIZ and ILSA). Hà Nội, 2013, Trang. 13–15 [Вьетнамский институт трудовых наук и социальных дел. Развитие социального обеспечения во Вьетнаме к 2020 году//Проект сотрудничества между Вьетнамом и Германией (GIZ и ILSA). Ханой, 2013. С. 13–15].
7. Tổng cục thống kê Việt Nam. Tính toán Theo kết quả Điều tra mức sống hộ gia đình (TCTK) năm 2014 [Управление общей статистики Вьетнама. По результатам расчета рассчитано обследование уровня жизни домохозяйств (ГСО) 2014 года. Ханой: Институт стратегических исследований во Вьетнаме, С. 54–58].
8. Hoàng Văn Cường. Đảm bảo an sinh xã hội hướng tới phát triển bền vững ở Việt Nam//Viên nghiên cứu quản lý kinh tế trung ương. Hà Nội, 2017 [Хоанг Ван Куонг. Обеспечение социального обеспечения на пути к устойчивому развитию во Вьетнаме // Центральный научно-исследовательский институт экономического управления. Ханой, 2017.]
9. Vũ Văn Phúc. An sinh xã hội Việt Nam: Một số vấn đề lý luận và thực tiễn // Tạp chí công sản. 2012, trang 321–322 [Ву Ван Фук. Социальное обеспечение Вьетнама: некоторые вопросы теории и практики // Коммунистический журнал. 2012, № 26. С. 321–322.]
10. Nghị Quyết số 15-NQ/TW của Ban chấp hành trung ương đảng cộng sản Việt Nam, khóa V. Hà Nội, 2012 [Резолюция № 15-NQ/TW Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама, курс V. Ханой, 2012].
11. Nguyễn Trọng Đàm. Hoàn thiện chính sách an sinh xã hội phù hợp với quá trình phát triển kinh tế — xã hội của Việt Nam // Bộ Lao động, Thương binh và Xã hội. 2015. [Нгуен Тронт Дан. Завершение политики социального обеспечения в соответствии с процессом социально-экономического развития Вьетнама. Ханой, 2015.]
12. Đào Quang Vinh. An sinh xã hội ở Việt Nam: Thành tựu, thách thức và định hướng phát triển // Viện Khoa học lao động và xã hội. Hà Nội, 2017 [Социальное обеспечение во Вьетнаме: достижения, проблемы и ориентация на развитие. Ханой, 2017.]

References

1. Nguyễn Hữu Dũng. Hệ thống chính sách an sinh ở Việt Nam: Thực trạng và định hướng phát triển [Security policy system in Vietnam: Current situation and development orientation]. *Tạp chí Khoa học Đại học Quốc gia Hà Nội — Scientific Journal of Khanoy National Univtrsty*, 2010, 8 (26), pp. 118–128 (in Vietnamese).
2. Beyond HEPR: A framework for integrated national system of Social security in Vietnam UNDP-DFID. Hanoi: Ministry of Labour, Invalids and Social Policy, 2005, pp. 76–69.
3. Nguyễn Tiến Hùng. Vai trò của An sinh xã hội đối với tiến bộ xã hội ở Việt Nam hiện nay: Luận văn tiến sĩ Triết học. ID.62.22.03.02. [The role of Social Security in social progress in Vietnam today: D. Sc. (Philosophy) thesis ID.62.22.03.02.]. Hanoi: Hanoi State University, 2016.47 p. (In Vietnamese).
4. Hoàng Chí Bảo. Cơ sở khoa học của việc xây dựng, hoàn thiện hệ thống chính sách an sinh xã hội ở nước ta giai đoạn 2006–2015 [Scientific basis of building and improving the system of social security policies in Vietnam in the period of 2006–2015]. *Kỷ yếu Hội thảo khoa học* [Proceedings of the Scientific Conference]. Hanoi: Ho Chi Minh National Political Academy, 2008, pp. 123–125 (in Vietnamese).
5. Đang Nguyễn Anh. Theo kết quả Điều tra mức sống hộ gia đình của tổng cục thống kê Việt Nam năm 2014 [Social security in Vietnam after 30 years of renovation: According to the calculated results of the Living Standards Survey of households (GSO)]. Hanoi: Vietnam General Statistics Office, 2014, pp. 17–21 (in Vietnamese).
6. Viện Khoa học Lao động và Xã hội Việt Nam. Phát triển an sinh xã hội ở Việt Nam đến năm 2020 // Dự án hợp tác giữa Việt Nam và Đức (GIZ and ILSA) [Development of social security in Vietnam by 2020]. *Dự án hợp tác giữa Việt Nam và Đức (GIZ and ILSA)* [Cooperation project between Vietnam and Germany (Giz and ILSA)]. Hanoi: Vietnam General Statistics Office, 2014, pp. 46–49 (in Vietnamese).
7. Tổng cục thống kê Việt Nam. Tính toán Theo kết quả Điều tra mức sống hộ gia đình (TCTK) năm 2014 [According to the calculated results of the Living Standards Survey of households (GSO) in 2014]. Hanoi: Vietnam Institute of Strategic Research, 2017, pp. 54–48 (in Vietnamese).
8. Hoàng Văn Cường. Đảm bảo an sinh xã hội hướng tới phát triển bền vững ở Việt Nam [Providing of social support on the way to steady development in Vietnam]. Hanoi: The Central Institute of Economic Management, 2017. (In Vietnamese).
9. Vũ Văn Phúc. An sinh xã hội Việt Nam: Một số vấn đề lý luận và thực tiễn [Ensuring social security towards sustainable development in Vietnam]. *Tạp chí công sản — Communist Journal*, 2012, 26 (3), pp. 321–322 (in Vietnamese).
10. Nghị Quyết số 15-NQ/TW của Ban chấp hành trung ương đảng cộng sản Việt Nam, khóa V. [Resolution № 15-NQ/TW of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam, Course V]. Hanoi: The Journal of the Communist Party of Vietnam, 2012. (In Vietnamese).
11. Nguyễn Trọng Đàm. Hoàn thiện chính sách an sinh xã hội phù hợp với quá trình phát triển kinh tế — xã hội của Việt Nam [Completing the social security policy in accordance with the process of socio-economic development of Vietnam]. Hanoi: Ministry of Labor, War Invalids and Social Affairs, 2015, pp. 14–16 (in Vietnamese).
12. Dao Quang Vinh. An sinh xã hội ở Việt Nam: Thành tựu, thách thức và định hướng phát triển [Social security in Vietnam: achievements, challenges and development orientation]. Hanoi: Institute of Labor, Science and Social Affairs, 2017. (In Vietnamese).

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

ЕЛЬНИКОВА ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА

кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и психофизиологии

Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина,

eln-oksana@yandex.ru

OKSANA YE. YELNIKOVA

Cand.Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychology and Psychophysiology of Bunin Yelets State University

УДК 159.9

РОЛЬ СЕНСОМОТОРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ТОРМОЗНЫХ ПРОЦЕССОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ У ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ¹

THE ROLE OF SENSORIMOTOR INTEGRATION AND INHIBITORY PROCESSES IN THE FORMATION OF HEALTH-SAVING BEHAVIOR IN ADULTS

Аннотация. В статье рассматривается роль сенсомоторной интеграции и тормозных процессов в качестве факторов, способных оказать влияние на формирование здоровьесберегающего поведения у взрослых людей. В качестве методического инструментария используются методики: ТОБОЛ, которая направлена на определение типа отношения к болезни, и компьютерная программа Ребос, выявляющая степень способности респондентов распознавать упорядоченность сенсорного потока и уровень сформированности тормозного контроля. Полученные в ходе исследования результаты указывают на неоднозначность данного влияния. Участники исследования выбирают неконструктивный тип отношения к болезни: либо «вытесняют» мысли о наличии у них заболевания, «отмахиваются» даже от очевидных симптомов, либо стремятся найти некую сферу самореализации, в частности, посредством погружения в работу. Высокий уровень тормозного контроля указывает на то, что взрослые люди вполне способны подавлять определенный тип поведения, но низкая способность к быстрому и адекватному реагированию на изменение среды, в том числе и внутренней, затрудняет перестройку поведения в сторону здоровьесбережения.

ABSTRACT. The article considers the role of sensorimotor integration and inhibitory processes as factors that can influence the formation of health-saving behavior in adults. As a methodological tool, the following methods are used: TOBOL, which is aimed at determining the type of attitude to the disease, and the computer program ReBos, which reveals the degree of ability of respondents to recognize the ordering of the sensory flow and the level of formation of inhibitory control. The results obtained in the course of the study indicate the ambiguity of this influence. The participants of the study choose a non-constructive type of attitude to the disease: either “repress” thoughts about the presence of their disease, “dismiss” even the obvious symptoms, or seek to find some sphere of self-realization, in particular, through immersion into work. A high level of inhibitory control indicates that adults are quite capable of suppressing a certain type of behavior; but the low ability to quick and adequate respond to changes in the environment, including the internal one, makes it difficult to reconstruct behavior towards health saving.

Ключевые слова: здоровье, болезнь, сенсомоторная интеграция, тормозный контроль здоровьесберегающее поведение.

Keywords: health, disease, sensorimotor integration, inhibitory control, health-saving behavior.

Одной из важнейших проблем современного общества является неуклонная потеря здоровья. В подтверждение указанного постулата приведем лишь некоторые статистические данные.

Согласно показателям, представленным в материалах Министерства здравоохранения Российской Федерации, департамента мониторинга, анализа и стратегического развития здравоохранения

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Липецкой области в рамках научного проекта № 18-413-480007.

ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава России о социально значимых заболеваниях населения России в 2018 году, зафиксирован прирост ряда заболеваний. В частности, выявленных злокачественных новообразований (в 2014 году — 566 970, в 2015-м — 589 381, в 2016-м — 599 348, в 2017-м — 617 177, в 2018-м — 624 709 заболевших), также стабильно высокое количество психических расстройств (в 2016 году — 60 102, в 2017-м — 59 338, в 2018-м — 59 149 заболевших). И это только некоторые статистические данные. Во всемирном рейтинге британского фонда *Legatum* Россия занимает лишь 90-е место из 149 стран мира по критерию «здравоохранение». Безусловно, некоторая положительная динамика существует: согласно данным этого же британского фонда, еще два года назад Россия занимала 102-е место по здоровью и 101-е место в целом, но при этом проблема не теряет своей остроты. Правительство Российской Федерации держит данный вопрос под пристальным контролем. Так, в Послании Президента РФ Федеральному Собранию поставлена общенациональная цель — увеличить продолжительность жизни населения с нынешних 73 до 78 лет к 2024 году. Очевидно, что обозначенная президентом сверхзадача стоит не только перед российским здравоохранением. Решение данного вопроса невозможно без консолидации усилий всего общества РФ. Именно поэтому ученые в разных сферах науки заняты решением обозначенной выше проблемы. В рамках исследований, направленных на детальное изучение вопросов здоровьесбережения и здоровьесформирования, указывается множество причин тотального незддоровья. Это и плохая экология, и генетическая предрасположенность, и недостаточная организация медицинского обслуживания, и многое другое. Так, согласно данным все того же британского фонда *Legatum*, Россия стабильно занимает довольно низкие позиции в рейтингах, оценивающих работу системы здравоохранения. А в рейтинге эффективности систем здравоохранения, который составляет агентство «Блумберг», Россия в прошлом году заняла последнее, 55-е место, а в этом году — четвертое с конца, 53-е. Традиционно в качестве факторов, негативно влияющих на состояние здоровья населения, называют: особенности окружающей среды (на него отводят 10%), неблагоприятные социально-экономические факторы (30%), некачественная медицинская помощь (30%), образ жизни (30%). При этом в качестве негативных показателей образа жизни выделяют лишь следующие: курение, недостаточная физическая активность и злоупотребление алкоголем и наркотиками. Тем не менее, на наш взгляд, упущен еще один важнейший компонент — неконструктивная в сфере здоровьесбережения модель поведения. Следует отметить, что одной из причин ухудшения здоровья зачастую является реализуемая человеком модель поведения. Существует множество исследований, указывающих на то, что здоровье человека — это не только биологический, физиологический, но и психологический феномен. Так, В. А. Ананьевым выделены

три группы психологических факторов, ведущих к здоровью и/или болезни:

- независимые факторы: предрасполагающие факторы, поддерживающие диспозиции, эмоциональные особенности личности, когнитивные факторы;
- передающие факторы: поведение или реакция, возникающие в ответ на действие различных стрессоров;
- мотиваторы, заставляющие человека действовать определенным образом по отношению к своему здоровью. К ним относятся знание человеком наиболее вероятных причин смертности и стрессоры, заставляющие человека напрягаться и менять прежнее поведение в той или иной мере [1].

Общеизвестно, что формирование личностной модели поведения происходит в ходе онтогенетического развития. Сказанное относится и к здоровьесберегающей модели поведения. И хотя существуют исследования, доказывающие, что источник потери здоровья следует искать в детстве (Николаева Е. И.) [4], не стоит ограничиваться лишь определенными этапами онтогенеза. Важно обратиться к возрастным периодам, в которых потеря здоровья проявляется с большей вероятностью и может привести к потере трудоспособности, то есть к периоду взрослости. В русле обсуждаемого вопроса нельзя не отметить обострившуюся на современном этапе развития общества проблему — высокую смертность граждан трудоспособного возраста. Согласно данным, представленным в исследовании Г. Э. Улумбековой [6], смертность взрослых людей, способных трудиться и приносить пользу обществу, в 3,4 раза выше в расчете на 100 тыс. населения, чем в странах ЕС (автор приводит расчеты академика РАН А. Г. Аганбегяна). Г. Э. Улумбекова указывает, что полученные в ходе различных исследований данные свидетельствуют: в половине случаев это напрямую или косвенно связано с образом жизни, в частности с избыточным потреблением алкоголя и табакокурением. Автор приводит статистические данные, указывающие на то, что российские мужчины живут на 10,6 года меньше, чем женщины, и на 7,2 года меньше, чем мужчины в странах ЕС, отмечая при этом отрицательную динамику последних тридцати лет. Так, к примеру, в 1987 году данная разница составляла только два года. Необходимость обращения именно к данной возрастной группе обусловлена также еще и тем, что в этом возрасте, как правило, уже сформировались достаточно жесткая модель поведения и оценка различных жизненных ситуаций. Если в ранние периоды онтогенетического развития психика ребенка пластична и легко управляема, то с возрастом человеку становится все тяжелее и тяжелее изменить свое отношение, систему оценок. А как известно, именно система оценок зачастую лежит в основе модели поведения, в том числе и в сфере здоровьесбережения и здоровьесформирования.

Все вышесказанное доказывает необходимость обращения к обозначенной возрастной группе.

В качестве функциональных характеристик, способных оказать влияние на процесс управления

человеком своим поведением, можно рассматривать сенсомоторную интеграцию и тормозный контроль. Исследованием обозначенной выше проблемы мы занимаемся в течение нескольких лет. И, как уже было отмечено в ранее проведенных нами исследованиях, сенсомоторная интеграция является важнейшей характеристикой психических процессов, позволяющей судить об особенностях пластических перестроек в мозгу при формировании новых связей. Тормозный контроль отвечает за когнитивное торможение и подавление определенного типа поведения. Как сенсомоторная интеграция, так и тормозной контроль обеспечивают все функции, связанные с изменением поведения [3].

В ходе проведенного нами ранее анализа влияния указанных выше функциональных характеристик на поведение человека на разных этапах онтогенетического развития нами было отмечено, что влияние тормозного контроля описано в исследованиях ряда отечественных и зарубежных психологов. Более глубокий анализ был представлен в наших ранних публикациях, тем не менее существует необходимость представить некоторые элементы анализа и в данной статье. Остановимся лишь на тех элементах анализа, которые доказывают влияние тормозного контроля на поведение человека. Так, «согласно данным S. E. O'Tooleet, дети, у которых тормозные процессы более сформированы, реже проявляют физическую агрессию, лучше учатся в школе (O'Tooleet, 2016). Данные P. Tough указывают, что сформированность тормозных процессов повышает внимательность (Tough, 2012). Активизацию участия в коллективной школьной деятельности экспериментально за счет высокого уровня тормозных процессов доказал K. Drake» [3].

В рамках проведенного нами анализа также было отмечено, что максимального развития указанных функций достигают не ранее подросткового возраста, когда идет интенсивное созревание префронтальной коры (Kaithoven, Dorjee, 2017). При этом нет однозначной связи между развитием префронтальной коры и эффективностью тормозных процессов испытуемых. Так, в лонгитюдном исследовании для оценки связи вовлеченности префронтальных областей и тормозного контроля с использованием томографии было показано снижение активации префронтальной коры в задачах, направленных на оценку функций управления изменением поведения в возрастные периоды от раннего детства к подростковому возрасту (Ordaz, 2013). Результат объяснялся уменьшением усилий с возрастом для выполнения одного и того же задания. Это доказывает возможность исследования обозначенной функциональной характеристики у взрослых людей.

Необходимость обращения к тормозному контролю в рамках нашего исследования обусловлена также и тем, что для данной функциональной характеристики свойственна высокая прогностическая значимость. Так, как нами отмечалось в более ранних публикациях, «в одном из самых масштабных исследований были оценены 1000 детей-респондентов, рожденных в одном населенном пункте. Лонгитюд продолжался 32 года. Тщательность

исследования подтверждается тем, что через 32 года ученые смогли найти 96% первоначальных испытуемых (Moffitt, 2014). Результаты, полученные в ходе данного исследования, свидетельствуют о том, что те, кто в возрасте от 3 до 11 лет имел лучший тормозной контроль (например, были более терпеливы, настойчивы и менее импульсивны в выполнении заданий), реже курили и пользовались наркотиками. Взрослыми они были в лучшей физической форме и не зависели от привычек. Они получали более высокую зарплату и не нарушили закон, по сравнению с теми, у кого был меньший тормозной контроль до 11 лет» [3].

Второй функциональной характеристикой, способной оказать влияние на процесс управления человеком своего поведения, можно считать сенсомоторную интеграцию. Проведенный нами ранее анализ исследований ряда отечественных психологов (Н. Г. Даренская, И. Б. Ушаков, И. В. Иванов, Т. А. Насонова, И. Э. Есауленко, В. И. Попов, 2004) позволяют утверждать, что «измерение времени сенсомоторных реакций, как правило, производится в рамках серии тестовых проб демонстрации испытуемым тех или иных стимулов в определенной последовательности и за определенный промежуток времени. При этом рядом исследователей (А. Н. Нехорошкова, А. В. Грибанов, И. С. Депутат, 2015) отмечается необходимость учета одного из важнейших компонентов инструкции, а именно: «установка реагировать как можно быстрее»» [3].

Согласно выводам, к которым мы пришли ранее в ходе проведения анализа исследований по заявленной тематике, «в большинстве случаев изменение поведения требует предварительного решения, связанного с сенсомоторной интеграцией. Поэтому мы утверждаем, что сенсомоторную реакцию можно рассматривать как некий универсальный показатель общего состояния центральной нервной системы человека, который позволяет определить способность к быстрому и адекватному реагированию на изменение среды, даже на неожиданные изменения. При оценке сенсомоторной реакции фиксируется так называемое «время реакции». Измерение времени сенсомоторной реакции является универсальным методом оценки психологического состояния человека, так как время сенсомоторной реакции человека определяют внутренние механизмы человека. Зная особенности сенсомоторной реакции человека, можно еще до возникновения стрессогенной обстановки подготовить человека к определенному сценарию развития событий. Сенсомоторная интеграция лежит в основе обеспечения компенсации, что способствует целенаправленному следованию выбранной модели поведения, следованию определенному плану, соответствуя требованиям» [3].

Обозначенные выше функциональные характеристики могут выступать некой психофизиологической основой и определять вектор активности человека в сфере здоровьесбережения и здоровьесформирования.

В исследовании принимали участие 100 испытуемых взрослых возрастов. Согласно периодизации Б. Г. Ананьева, испытуемые были разделены

на три группы: респонденты ранней взрослости (18–25 лет) — 34 человека, средней взрослости (26–46 лет) — 34 человека, и поздней взрослости (47–60 лет) — 32 человека. Участники исследования были с разным уровнем здоровья: как люди, имеющие диагноз — хроническое заболевание в стадии клинической ремиссии, — так и здоровые люди, имеющие те или иные функциональные отклонения, но без симптомов хронических заболеваний. Уровень здоровья испытуемых был установлен на основании анализа медицинских карт, который проводился с письменного согласия респондентов. Группы испытуемых формировались независимо от нозологической специфики. Испытуемые были разного пола, но, поскольку между мужчинами и женщинами и представителями разных групп здоровья не было выявлено достоверного статистического различия по изучаемым показателям, они были объединены в группы по возрастному показателю без учета половой принадлежности и уровня здоровья.

Для реализации цели исследования были выбраны следующие методики: ТОБОЛ [5], направленная на определение типа отношения к болезни; РеБОС [2], выявляющая степень способности респондентов распознавать упорядоченность сенсорного потока и уровень сформированности тормозного контроля.

Методика ТОБОЛ «позволяет диагностировать следующие 12 типов отношения: сенситивный, тревожный, ипохондрический, меланхолический, апатический, неврастенический, эгоцентрический, паранойяльный, анозогнозический, дисфорический, эргопатический и гармоничный. Двенадцать типов отношения к болезни объединены в три блока. Объединение типов в блоки производится согласно двум критериям: «адаптивность — дезадаптивность», которая отражает влияние отношения к болезни на адаптацию личности больного, и «интер- — интрапсихическая направленность» дезадаптации (в случае дезадаптивного характера отношения)» [5, с. 6]. Первый блок, характеризующийся отсутствием психической дезадаптации, включает три типа отношения к болезни: гармоничный, эргопатический и анозогнозический. «При гармоничном типе реагирования люди, адекватно оценивая свое состояние, активно участвуют в лечении заболевания, соблюдают назначенный врачом режим и в то же время характеризуются стремлением преодолеть заболевание, неприятием «роли» больного, сохранением ценностной структуры и активного социального функционирования. Кроме гармоничного типа реагирования, в первый блок включены эргопатический и анозогнозический типы. Для людей с этими типами отношения к болезни характерны: снижение критичности к своему состоянию, преуменьшение «значения» заболевания вплоть до полного его вытеснения, иногда проявляющееся поведенческими нарушениями рекомендуемого врачом режима жизни, «уходом» в работу, отрицанием подчас факта заболевания» [5, с. 14]. «Во второй и третий блоки включены типы реагирования на болезнь, характеризующиеся наличием психической дезадаптации в связи с заболеванием

и различающиеся преимущественно интрапсихической или интерпсихической направленностью реагирования на болезнь» [5, с. 6].

«Методика ТОБОЛ, построенная в форме опросника, диагностирует тип отношения к болезни на основании информации об отношениях к ряду жизненных проблем и ситуаций, потенциально наиболее для человека значимых и непосредственно или опосредованно связанных с его заболеванием. Эти отношения изучаются как 12 подсистем в общей системе отношений личности. Именно эти подсистемы отношений и были положены в основу структурирования содержания методики по 12 темам: отношение к болезни, к ее лечению, врачам и медперсоналу, родным и близким, окружающим, работе (учебе), одиночеству, будущему, а также самооценка самочувствия, настроения, сна и аппетита» [5, с. 6].

Основной целью использования данного методического инструментария было выявление наличия или отсутствия конструктивного отношения к здоровью, в частности в ситуации его потери. Выявление того или иного отношения позволило нам определить субъективную позицию личности к потере здоровья, а также понять, какую модель поведения выберет тот или иной участник исследования.

Для оценки способности респондентов распознавать упорядоченность сенсорного потока и степени сформированности тормозного контроля использовалась компьютерная методика РеБОС [2]. Описание процедуры диагностики и анализируемых критериев приводилось нами и ранее, в частности в ходе описания «соотношения сенсомоторной интеграции и тормозных процессов с особенностями внутренней позиции личности больного» [3]. Тем не менее опущение описания диагностической процедуры может исказить восприятие проведенного нами исследования роли сенсомоторной интеграции и тормозных процессов в формировании здоровьесберегающего поведения именно у взрослых людей; в связи с этим далее будет приведено полное описание диагностической процедуры и анализируемых далее критериев. С помощью методики РеБОС нами фиксировались простая и сложная сенсомоторная реакция. В ходе оценки простой сенсомоторной реакции испытуемый должен был сидеть перед экраном монитора, на котором появлялись круги разного цвета. При появлении круга любого цвета респондент должен максимально быстро нажать клавишу «пробел». При фиксации сложной сенсомоторной реакции инструкция определяла следующий алгоритм действий: участнику исследования нужно реагировать на стимул нажатием клавиши «пробел» при появлении любых кругов, кроме красного, что позволило оценивать тормозные процессы. Поток предъявляемых сигналов имел фрактальную структуру. Оценивались следующие показатели: среднее время реакции, пропуски стимула, то есть ошибки. Фиксировались ошибки первого, второго и третьего рода. Ошибки первого рода — испытуемый нарушает инструкцию, не нажимает на «пробел», хотя необходимо было нажать. Ошибки

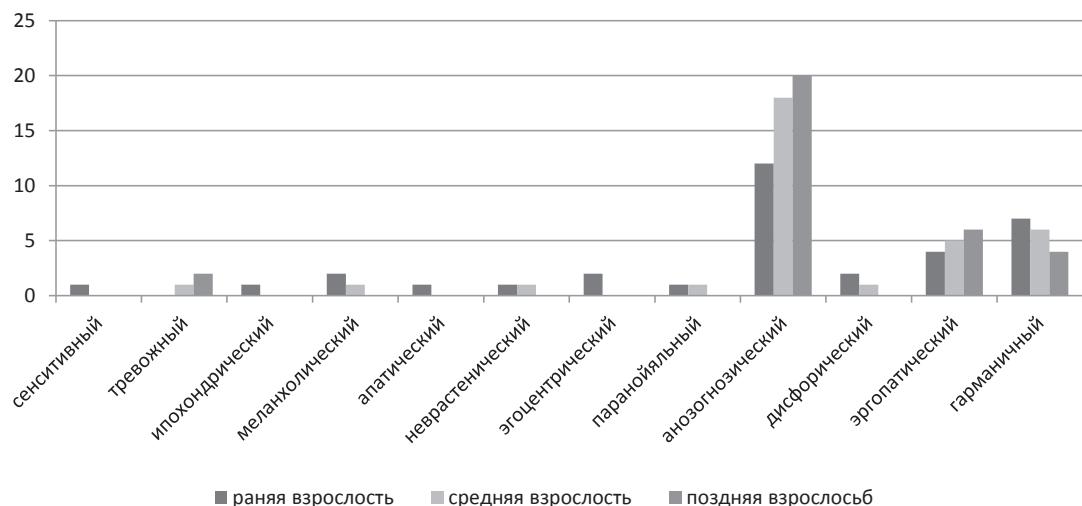

Рис. 1. Типы отношения к болезни у представителей разных групп периода взрослости

второго и третьего рода — в серии простой сенсомоторной реакции: реагирует на стимул нажатием клавиши «пробел» в случаях, когда этого не надо было делать до начала появления стимула (так называемый фальстарт), в сложной сенсомоторной реакции испытуемый нажимает на клавишу в ходе демонстрации «запрещенного» стимула (круга красного цвета). В англоязычной литературе фиксация сенсомоторной реакции получила называние *go/go*, *go/no-go* и *stop/go*. *Go/go* соответствует простой сенсомоторной реакции. В варианте *go/no-go* и *stop/go* — сложная сенсомоторная реакция, то есть испытуемому предлагается не реагировать при появлении определенного сигнала. Следует отметить одну особенность: программа построена таким образом, что вторая часть сенсорного потока точно дублирует первую, но испытуемым об особенностях диагностической программы не сообщается.

Для определения статистической значимости различий средних величин использовался *t*-критерий Стьюдента. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы *IBM SPSS Statistics* версии 22.

Первый этап исследования был направлен на диагностику типов отношения к болезни. Полученные результаты представлены в диаграмме ниже.

Как видно из рис. 1, у представителей всех возрастных групп периода взрослости был выявлен один доминирующий тип отношения к болезни — аногнозический. Как известно, данный тип отношения к болезни характеризуется следующей поведенческой моделью: люди, придерживающиеся данного типа, не хотят даже думать о наличии у них симптомов болезни, не задумываются также о возможных последствиях того или иного заболевания. Если симптомы болезни «налицо», то их недооценивают, отрицают всю серьезность колебания самочувствия. Как правило, представители этого типа отказываются от обследования и от лечения, а если находятся на лечении, то не следуют врачебным рекомендациям. То есть люди, придерживающиеся

данного типа отношения к болезни, не хотят думать о наличии у них тех или иных симптомов, даже если симптоматика болезни очевидна. У 20% участников исследования диагностируется эргопатический тип. Согласно приведенной выше характеристике, для людей, придерживающихся данного типа поведения в ситуации потери здоровья, характерно следующее: «ходя от болезни в работу». Выбирающие такую модель поведения сверхответственно, подчас одержимо, стенично относятся к работе. И такое отношение становится «выражено еще в большей степени, чем до болезни». Также для них характерно «избирательное отношение к обследованию и лечению, обусловленное прежде всего стремлением, несмотря на тяжесть заболевания, продолжать работу, стремление во что бы то ни стало сохранить профессиональный статус и возможность продолжения активной трудовой деятельности в прежнем качестве» [5, с. 14]. Гармоничного типа (который характеризуется следующим поведением: оценка своего состояния без склонности преувеличивать его тяжесть, но и без недооценки тяжести болезни) придерживается незначительное количество респондентов, участвующих в исследовании, — около 21%. Характеристики выявленных типов отношения к болезни в большинстве случаев указывают на неконструктивный характер поведения в ситуации потери здоровья у респондентов. 80% взрослых людей, участвующих в исследовании, неадекватно оценивают свое состояние здоровья и не готовы следить за ним и вести здоровый образ жизни.

Таким образом, если делать некий промежуточный вывод, следует сказать, что взрослые люди разных групп периода взрослости выбирали не конструктивный тип отношения к болезни, не ведущий к сбережению здоровья. Причинами такого феномена могут быть совершенно разные жизненные обстоятельства: от недоверия к медицинскому обследованию до страха потерять определенный уже выработанный стиль и образ жизни. Поскольку целью нашего исследования не было выявление причин, лежащих в основе той или иной модели

поведения в ситуации потери здоровья, наши предположения могут носить только гипотетический характер. Основной целью нашего исследования было выявление неких функциональных характеристик, которые могут выступать психофизиологической основой, фундаментом субъективной позиции человека в ситуации потери здоровья. Именно поэтому в рамках второго этапа исследования нами была произведена серия рефлексометрических измерений. Деление респондентов на группы в соответствии с типом отношения к болезни не представляется возможным из-за неуравновешенности численности придерживающихся того или иного типа отношения к болезни. Тем не менее нельзя не отметить, что среди представителей возрастной группы «ранней взрослости» больше людей, выбравших гармоничный тип, по сравнению с другими возрастными группами. Менее всего популярен гармоничный тип отношения к болезни у людей, относящихся к группе поздней взрослости.

Как отмечалось выше, серия рефлексометрических измерений производилась при помощи компьютерной методики РебОС. Полученные в ходе второго этапа исследования результаты представлены ниже в таблицах.

Как видно из табл. 1, в целом все участники исследования, независимо от возрастной группы, достаточно успешно прошли тренировочную серию. На это указывают незначительное увеличение среднего времени реакции и снижение «ошибок» как первого, так и третьего рода. Только у представителей возрастной группы «поздняя взрослость»

произошло увеличение количества ошибок 1 рода, т.е. испытуемые не нажимали на клавишу «пробел» при появлении стимула на экране монитора, но при этом снизили ошибки, условно названные фальстартом, чего нельзя сказать о представителях групп ранней и средней взрослости, которые улучшили свои показатели.

В рамках второй серии диагностическая процедура незначительно изменилась. Испытуемым, так же как и в ходе обучающей серии, на мониторе компьютера демонстрировались стимулы в виде кругов разного цвета. Реакцией на появление стимула должно было быть нажатие на клавишу «пробел», но, теперь (как уже было описано выше) допущенные ошибки сопровождались звуковым сигналом, который предупреждал участника исследования, что он либо не нажал на клавишу, либо нажал на нее слишком быстро — до появления стимула.

Результаты, полученные в ходе серии простых сенсомоторных реакций, указывают на неизменность реакций испытуемых всех возрастных групп взрослости. Как более молодые, так и представители зрелых возрастов (респонденты группы поздней взрослости), невзирая на сигналы, указывающие на наличие ошибок, продолжали допускать их во второй части потока, а взрослые люди групп ранней и поздней взрослости даже увеличивают их количество. Следует отметить, что респонденты группы поздней взрослости во второй части сенсорного потока сделали больше «ошибок» 1 рода (не нажимали на клавишу при появлении стимула), а более молодые (ранняя взрослость) — «ошибок» 3 рода

Табл. 1

Рефлексометрические измерения. Тренировочная серия (среднее и стандартное отклонение)

Возрастные группы	Первая часть потока			Вторая часть потока		
	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода
Ранняя взрослость	260,1±61,9	1,7±3,4	2,5±4,2	270,2±56,2	1,4±1,9	2±2,1
Средняя взрослость	305,3±45,2	4±4,5	1,5±2,4	314,2±94,6	1,6±1,7*	1,9±3,2
Поздняя взрослость	340,3±15,2	4±1,8	1,3±1	355,8±12,6	5,8±5,5*	0,7±1

* Достоверно при $p \leq 0,05$ по Т-критерию Стьюдента. Статистическая значимость между первой и второй частями сенсорного потока.

Табл. 2

Рефлексометрические измерения. Серия простых сенсомоторных реакций (среднее и стандартное отклонение)

Возрастные группы	Первая часть потока			Вторая часть потока		
	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 3 рода
Ранняя взрослость	281,8±61,9	1,7±3,4	1,3±2,3	305,2±37,2	2,5±3,7	3,3±4,7*
Средняя взрослость	313,6±66,2	2,5±3,8	1,4±1,9	325,7±49,6	2,1±2,6	1,7±2,2
Поздняя взрослость	350,8±5,2	1,5±1,3	1±0,9	384,4±37,7	3,8±3,15*	1,1±1,5

* Достоверно при $p \leq 0,05$ по Т-критерию Стьюдента. Статистическая значимость между первой и второй частями сенсорного потока.

Рефлексометрические измерения. Серия сложных сенсомоторных реакций
(среднее и стандартное отклонение)

Возрастные группы	Первая часть потока				Вторая часть потока			
	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 2 рода	Количество ошибок 3 рода	Среднее время реакций	Количество ошибок 1 рода	Количество ошибок 2 рода	Количество ошибок 3 рода
Ранняя взрослость	353,4±30,3	2,6±1,9	7,8±3,2	0,6±1,2	380,4±32,9	1,2±0,8	5,6±3,2*	0,2±0,4
Средняя взрослость	392,4±65,9	3,1±2,3	6,2±3,3	0,2±0,4	398,5±50	1,7±1,8*	4,6±2,4	0,7±1,9
Поздняя взрослость	414,4±16,6	7,1±5,1	6±2	0,1±0	470,1±67,7	2±0,9*	3,8±2,5*	0±0

* Достоверно при $p \leq 0,05$ по Т-критерию Стьюдента. Статистическая значимость между первой и второй частями сенсорного потока.

(фальстарт). Таким образом, видно, что респонденты не только не отразили закономерности трансляции сенсорных стимулов, но и ухудшили свою способность реагировать на стимул как по сравнению с первой частью потока, так и по сравнению с тренировочной серией. На это указывает и увеличение среднего времени реакций во второй части сенсорного потока в сравнении с тренировочной серией.

В ходе третьей серии (серии сложных сенсомоторных реакций) инструкция менялась. А именно (как отмечалось выше) респонденты не должны были реагировать нажатием на клавишу «пробел» при появлении определенного стимула (круга красного цвета), при этом ошибки, так же, как и во второй серии, сопровождались звуковым сигналом. Фиксация ошибок второго рода (нажатие на клавишу в ходе демонстрации «запрещенного» стимула), позволила нам оценить уровень сформированности тормозного контроля.

Полученные в ходе серии рефлексометрических измерений сложных сенсомоторных реакций результаты указывают на то, что представители всех трех групп периода взрослости демонстрируют постоянство в отражении сенсорных потоков, нисколько не уменьшая, а даже увеличивая время реакции. Тем не менее количество «ошибок» разного рода во второй части потока значительно уменьшилось. То есть представители всех трех групп периода взрослости в серии сложных сенсомоторных реакций «научились» вовремя нажимать на клавишу «пробел» при появлении стимулов.

Респонденты всех возрастных групп периода взрослости в серии сложных сенсомоторных реакций показали достаточно высокий уровень сформированности тормозного контроля, на это указывает уменьшение числа «ошибок» второго рода, а также значительное снижение числа «фальстартов» в сравнении с предыдущими двумя сериями.

Анализ полученных в ходе экспериментально-исследования данных позволил нам сделать следующие выводы:

1. Участники исследования выбирают неконструктивный тип отношения к болезни. Взрослые люди, независимо от периода взрослости, «вытесняют» мысли о наличии у них заболевания, «отмывают» от симптомов, даже если они очевидны.

Или стремятся найти некую сферу самореализации, в частности посредством погружения в работу, что позволяет им не думать о наличии тех или иных симптомов болезни. Адекватная оценка своего состояния «без склонности преувеличивать его тяжесть, но и без недооценки тяжести болезни» выявлена лишь у 21 % респондентов.

2. Анализ результатов диагностики способности респондентов распознавать упорядоченность сенсорного потока и степени сформированности у них тормозного контроля указывает на то, что взрослые люди, принявшие участие, достаточно ригидны и недостаточно четко распознают сенсорные потоки. На это указывает неуклонный рост «среднего времени реакции» от серии к серии, а также увеличение данного показателя во второй части сенсорного потока в каждой серии. При этом уровень тормозного контроля у всех респондентов независимо от возрастной группы достаточно высок. Представители всех трех возрастных групп значительно снизили количество «ошибок» второго рода во второй части серии сложных сенсомоторных реакций, то есть точно отразили специфику подачи сенсорных стимулов и смогли затормозить реакцию на запретный стимул. Использование параметрического Т-критерия Стьюдента для установления статистической значимости именно между первой и второй частями сенсорного потока позволяет подтвердить утверждение о том, что участники исследования умеют управлять своим поведением и копировать негативные поведенческие реакции, но при этом недостаточно четко отражают сенсорные стимулы.

В заключение следует отметить, что полученные эмпирические данные убедительно доказывают: участвующие в исследовании взрослые люди вполне способны подавлять определенный тип поведения. К данному заключению мы пришли потому, что практически у всех респондентов зафиксирован достаточно высокий уровень тормозного контроля, отвечающего за когнитивное торможение. Вместе с тем у подавляющего большинства участников исследования диагностируется не конструктивный тип отношения к болезни; выбрав аноногенозический тип, взрослые люди, по всей видимости, не способны изменить свое поведение,

даже при отражении сенсорных стимулов в виде наличия тех или иных симптомов, и продолжают ему следовать даже в ущерб собственному здоровью. Возможно, это происходит потому, что у респондентов зафиксирована низкая способность к быстрому

и адекватному реагированию на изменение среды, в том числе и внутренней среды в виде тех или иных симптомов. Тем не менее данное заключение на текущий момент носит гипотетический характер и нуждается в дальнейшей эмпирической проверке.

1. Ананьев В. А. Введение в психологию здоровья // Интегративные исследования в клинической психологии: наука и практика. Юбилейный сборник научных и методических работ сотрудников кафедры клинической психологии РГПУ им. А. И. Герцена / под ред. В. А. Ананьева, С. А. Кулакова. СПб.: Издательство ПП «Стратегия будущего», 2006. С. 64–82.
2. Вергунов Е. Г., Николаева Е. И., Балиоз Н. В., Кривошеков С. Г. Латеральные предпочтения как возможные фенотипические предикторы резервов сердечно-сосудистой системы и особенности сенсомоторной интеграции у альпинистов // Физиология человека. 2018. Т. 44. № 3. С. 97–108.
3. Ельникова О. Е., Меренкова В. С. Соотношение сенсомоторной интеграции и тормозных процессов с особенностями внутренней позиции личности больного // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: психология и педагогика. РУДН. 2019. Том 16, № 1. С. 39–55.
4. Николаева Е. И. Предсказания детства: возможен ли прогноз здоровья взрослого, основанный на изучении данных развития ребенка (на примере лонгитюдных исследований) // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2016. № 2 (37) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mprj.ru> (дата обращения: 04.12.2018).
5. Психологическая диагностика отношения к болезни: пособие для врачей / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Э. Б. Карпова, А. Я. Вукс. СПб.: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, 2005. 32 с.
6. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? // Вестник ВШОУЗ. 2018. № 1 (11). С. 9–17.

References

1. Ananyev V. A. Vvedeniye v psikhologiyu zdorovya. Integrativnyye issledovaniya v klinicheskoy psikhologii: nauka i praktika. [Introduction to health psychology. Integrative research in clinical psychology: science and practice]. Yubileynyi sbornik nauchnykh i metodicheskikh rabot sotrudnikov kafedry klinicheskoy psikhologii Rossiyskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. I. A. Gertsena [Jubilee collection of scientific and methodical works of employees of the Department of Clinical Psychology of Herzen State Pedagogical University]. St. Petersburg: "Strategiya budushchego" Publ., 2006. pp. 64–82 (in Russian).
2. Vergunov Ye. G., Nikolaeva, N. V., Balioz, S. G., Krivoschekov E. I. Lateralnyye predpochteniya kak vozmozhnyye fenotypicheskiye prediktory reservov serdechno-sosudistoy sistemy i osobennosti sensomotornoy integratsii u alpinistov. [Lateral preferences as possible phenotypic predictors of cardiovascular system reserves and features of sensorimotor integration in climbers]. *Fiziologiya cheloveka — Human Physiology*, 2018, 44 (3), pp. 97–108 (in Russian)
3. Yel'nikova O. Ye., Meren'kova V. S. Sootnosheniye sensomotornoy integratsii i tormoznykh protsessov s osobennostyami vnutrenney pozitsii lichnosti bolnogo. [Correlation of sensorimotor integration and inhibitory processes with the peculiarities of the internal position of the patient's personality]. *Vestnik Rossiyskogo Universiteta Druzhby Narodov. Seriya: Psichologiya i Pedagogika — Bulletin of Russian Peoples Friendship University. Series: Psychology and Pedagogy*, 2019, 16 (1), pp. 39–55 (in Russian).
4. Nikolayeva Ye. I. Predskazaniya detstva: vozmozen li prognoz zdorovya vzrosloga, osnovannyi na izuchenii dannikh razvitiya rebenka (na primere longityudnykh issledovaniy) [Predictions of childhood: is it possible to predict the health of an adult, based on the study of child development data (on the example of longitudinal studies)]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii — Medical psychology in Russia*, 2016, 2 (37) (in Russian). Available at: <http://mprj.ru>. (accessed 04.12.2018).
5. Wasserman L. I., Iovlev B. V., Karpova E. B., Vuks A. Ya. (Eds.) *Psichologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni: Posobiye dlya vrachej*. [Psychological diagnostics of attitude to the disease: a manual for doctors]. St. Petersburg: St. Petersburg Research Psychoneurological Institute named after V. M. Bekhterev Publ, 2005. — 32 p. (In Russian).
6. Ulumbekova G. YE. Zdravookhraneniye Rossii: 2018–2024. Chto nado delat? [Healthcare of Russia: 2018–2024. What should be done?]. *Vestnik Vyschey Shkoly Organizatsii i Upravleniya Zdravookhraneniya — Bulletin of the Higher School of Organization and Management of Health Care*, 2018 1 (11), pp. 9 –17 (in Russian).

ИСАЕВ АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ

магистр, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета,
andybodalisaev@gmail.com

ANDREY A. ISAYEV

Master, Postgraduate, St. Petersburg State University

НИКИФОРОВ ГЕРМАН СЕРГЕЕВИЧ

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологического обеспечения профессиональной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета,
professional.psychology@spbu.ru

GERMAN S. NIKIFOROV

Dr. Sc. (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychological Support of Professional Activity, St. Petersburg State University

РОДИОНОВА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического обеспечения профессиональной деятельности Санкт-Петербургского государственного университета,
e.rodionova@spbu.ru

YELENA A. RODIONOVA

Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Psychological Support of Professional Activity, St. Petersburg State University

УДК 159.9

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ: ОБЗОР КОНЦЕПЦИЙ

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL HEALTH: A REVIEW OF CONCEPTS

Аннотация. Психология профессионального здоровья — направление, которое становится все более популярным и востребованным сегодня в самых различных сферах. Актуальность тематики статьи обусловлена, прежде всего, высокой частотой встречаемости проблем психологии здоровья в современных исследованиях, а также большим количеством запросов организаций, заинтересованных в улучшении качества работы персонала и здоровье сотрудников. В своей статье мы остановимся на наиболее важных концепциях этого направления, принимая во внимание как отечественных авторов, так и зарубежных. Для нас особый интерес представляет концепция В. Н. Мясищева, который назвал свою позицию в исследовании личности, как био-психо-социальное единство. Ученый определил три уровня рассмотрения понятия «здоровье»: биологический, психологический, социальный. Нами обобщены основные концепции профессионального здоровья и некоторые тесно связанные с этой областью концепции. В поле зрения попали как отечественные теории понятия, так и разработки зарубежных авторов.

ABSTRACT. Psychology of occupational health is a direction that is becoming increasingly popular and in-demand today in a variety of areas. The relevance of the topic of the article is primarily due to the high frequency of health psychology problems in modern research, as well as a large number of requests of organizations interested in improving the quality of staff work and health of employees. The article focuses on the most important concepts of this direction, considering both domestic and foreign authors. We are particularly interested in the concept of V.N. Myasishchev, who called his position in the study of personality as bio-psychosocial unity. The scientist identified three levels of consideration of the concept of "health": biological, psychological, social. We have summarized the basic concepts of occupational health and some closely related concepts in this area. Both domestic theories of the concept and the developments of foreign authors are taken into consideration.

Ключевые слова: психология здоровья, вовлеченность, профессиональное здоровье.

KEYWORDS: health psychology, involvement, professional health.

Психология профессионального здоровья — направление, которое становится все более популярным и востребованным сегодня в самых различных сферах. В своей статье мы остановимся на наиболее важных концепциях этого направления, принимая во внимание как отечественных авторов, так и зарубежных.

Г. С. Никифоров обращает внимание на то, что важная особенность социального здоровья — выполнение человеком своих социальных функций. Правильно определять социальное здоровье человека по критерию гармоничности отношений личности. Аспект «отношение» отражает широкий круг взаимодействия личности.

Также для нас особую важность имеют объяснение феномена «отношение к профессиональному здоровью» и работа над методами оценки отношения к здоровью.

В этом ракурсе для нас особый интерес представляет концепция В. Н. Мясищева [13], который назвал свою позицию в исследовании личности «биopsихосоциальное единство». Ученый определил три уровня рассмотрения понятия «здоровье»: биологический, психологический и социальный.

В. Н. Мясищев определял личность как высшее интегральное понятие, подразумевая под этим систему отношений человека. В психологическом анализе эту систему можно разделить на большое количество отношений личности к разным предметам действительности. В. Н. Мясищев определял три основных типа отношений: к себе, к миру и к другому. Проблемы в конкретном типе отношений понимаются как доминанта внутриличностного конфликта: «базовый конфликт» — нарушение отношения к себе; «актуальный конфликт» — нарушение отношения к миру; «ключевой конфликт» — нарушенные взаимоотношения с другими.

Регуляторные механизмы изучаются в концепции как «единый комплекс свойств личности, способствующих адаптированному состоянию в определенных условиях жизни и деятельности». В качестве оснований для исследования регуляторных механизмов выделяются тип высшей нервной деятельности и природные задатки — самые устойчивые компоненты личности, а также социальные свойства личности (мотивы, ценности и т. д.), которые сильнее подвержены формированию и развитию. Следуя концепции, гармоничность развития таких качеств позволяет человеку успешно осуществлять деятельность в разных условиях среды. Различность их развития больше всего видна в акцентуациях характера или в однобокости развития интеллекта.

Г. С. Никифоров [14] предложил оригинальную концепцию профессионального здоровья. Она заключается в обращении к сквозному психологическому сопровождению профессиональной деятельности. Сопровождать человека на его профессиональном пути значит использовать достоверные психологические знания, которые помогают достигать соответствия имеющимся требованиям в части надежности, эффективности, качества выполнения работником своих профессиональных обязанностей.

Концепция обнаруживает сильную включенность психологии в профессиональный путь человека. Процесс ее практического применения предполагает, что психологи следуют за клиентом начиная с этапа профессионального самоопределения, и далее — помогая решению тех вопросов и задач, которые встают перед человеком на профессиональном пути. Работа с этими проблемами включает область психологии как профессиональной деятельности. Автор вводит понятие «сопровождение». Концепция указывает на то, что ситуацию непрерывного психологического сопровождения нужно понимать в качестве главного условия становления профессионала и его профессионального развития.

В процессе постоянной профессиональной деятельности профессиональное здоровье менеджеров находится под влиянием различных факторов, но самым серьезным из них считается психологический стресс. На изучение копинг-стратегий направлено внимание многих психологов в области профессионального здоровья.

Работник всегда имеет шанс разнообразить набор своих компетенций, стимулируя свой профессиональный рост. Он может усовершенствовать свои способности в плане стрессоустойчивости, готовность справляться с задачами высокого уровня, учитывая свое профессиональное здоровье.

Рассматривая концепцию профессионального здоровья, можно обнаружить множество трактовок и определений понятия «профессиональное здоровье». Среди отечественных авторов можно встретить следующие:

- «Профессиональное здоровье рассматривается как свойство организма сохранять заданные компенсаторные и защитные механизмы, обеспечивающие работоспособность во всех условиях профессиональной деятельности» (В. А. Пономаренко, В. И. Шостак, Л. А. Яньшин) [17];
- «Процесс сохранения и развития регуляторных свойств организма, его физического, психического и социального благополучия» (А. Н. Разумов, В. А. Пономаренко, В. А. Пискунов) [20];
- «Способность человека к компенсаторным функциям» (В. А. Пономаренко, Н. Д. Завалов, Л. М. Митина) [17];
- «Динамическое состояние, отражающее эффективность процесса адаптации организма к условиям его жизнедеятельности» (С. Ф. Гончаров, А. Ф. Бобров, В. Ю. Щебланов) [18];
- «Интегральная характеристика функционального состояния организма человека» (В. И. Шостак) [27];
- «Многоуровневое, комплексное, системное понятие, включающее в себя эмоциональный, когнитивный, поведенческий аспекты личности» (Л. И. Воронин, Р. Р. Каспранский, В. В. Моргун) [4];
- «Соматический, психический, социальный, экзистенциальный уровни» (Б. С. Братусь, Е. К. Веселова) [3];
- «Определенный уровень характеристик здоровья специалиста» (А. Г. Маклаков) [11];
- «Профессиональное здоровье рассматривается не только как отсутствие профессиональных болезней или травм, но и как полное физическое,

психическое и социальное благополучие человека в условиях выполняемой им деятельности» (Г. С. Никифоров) [16].

Нами профессиональное здоровье представляется как система характеристик человека, позволяющих ему справляться с профессиональными задачами и требованиями.

Профессиональное здоровье в нашем понимании — многогранное свойство организма, которое помогает хорошей работоспособности человека в самых разных условиях профессиональной деятельности. Психологические факторы профессионального здоровья исследуются как трехэлементная структура, объединяющая когнитивные, эмоциональные и поведенческие блоки. К ним относятся: стресс-факторы профессиональной деятельности (как проявления внешней среды, в которой осуществляется деятельность человека) и индивидуально-психологические особенности личности профессионала (как отражение внутренней среды, определяющей когнитивные, эмоциональные и поведенческие блоки).

Предлагаемая система психологических факторов профессионального здоровья, по нашему мнению, помогает отобразить все многообразие психологических детерминант здоровья. Принимая во внимание понятие здоровья, которое было предложено Всемирной организацией здравоохранения, мы определили критерии профессионального здоровья на трех уровнях — физическом, психическом и социальном (С. М. Шингаев) [26].

В отечественной науке психология профессионального здоровья начала развиваться относительно недавно. Тем не менее существует множество концепций отечественных авторов по данной теме, заслуживающих внимания.

Исследователи профессионального здоровья полагают, что под этим понятием можно понимать способность организма сохранять необходимые компенсаторные и защитные механизмы, влияющие на профессиональную надежность и работоспособность при различных условиях профессиональной деятельности (В. А. Пономаренко) [17], либо шире, как способность организма сохранять нужные компенсаторные и защитные механизмы, влияющие на работоспособность в условиях, в которых протекает профессиональная деятельность.

Концепция В. А. Пономаренко касается охраны здоровья человека. Автором было создано представление о механизме сохранения здоровья через контроль за ресурсами здорового человека. Здоровье рассматривается в системе ценностей профессиональной деятельности как средство обеспечения работоспособности. Профилактика направляется на оценку ресурсов возможностей организма, обстоятельства рабочей среды, которые угрожают здоровью.

А. Г. Маклаков отмечает, что профессиональное здоровье — «это определенный уровень характеристик здоровья специалиста, отвечающий требованиям профессиональной деятельности и обеспечивающий ее высокую эффективность» [11]. Он предложил понятие «личностный адаптационный потенциал». Автор имеет в виду

интегральное свойство психики. Это свойство, согласно концепции А. Г. Маклакова, сильно воздействует на успешность адаптации и сохранение профессионального здоровья.

Р. А. Березовская анализирует профессиональное здоровье как меру согласованности социальных потребностей общества и возможностей человека в условиях профессиональной деятельности [1].

По мнению А. В. Антоновского, «общим для всех этих определений является рассмотрение профессионального здоровья как интегративного образования в рамках системы «здоровье — адаптированность — работоспособность — эффективность» [28].

Определяя психологическое здоровье как систему, О. В. Хухлаева выделяет его компоненты:

- «аксиологический: содержательно представлен ценностями собственного «Я» человека и ценностями «Я» других людей — абсолютное принятие самого себя при достаточно полном знании себя, принятие других людей вне зависимости от их специфики;

- инструментальный: предполагает наличие рефлексии как средства самопознания, способности концентрировать свое сознание на себе, своем внутреннем мире и своем месте во взаимоотношениях с другими людьми;

- потребностно-мотивационный: предполагает наличие у человека потребности в саморазвитии. Это означает, что человек становится субъектом своей жизнедеятельности, имеет внутренний источник активности, выступающий двигателем его развития» [24].

В зарубежной науке исследование профессионального здоровья имеет более длинную историю. На сегодняшний день современные концепции психологии труда, организационной психологии, которые относятся к профессиональному здоровью, имеют множество аспектов.

Концепция психологического капитала. Психологический капитал включает в себя:

- уверенность в себе, способность и готовность прикладывать усилия для успешного выполнения сложных задач (*self-efficacy*);

- оптимизм, позитивный атрибутивный стиль относительно успешности текущей и будущей деятельности (*optimism*);

- видение перспективы, целенаправленность в построении деятельности (*hope*);

- жизнестойкость, способность преодолевать сложности, решать проблемы в процессе достижения поставленной цели (*resilience*).

Концепция вовлеченности А. Б. Бэккера (рассматриваемая некоторыми авторами как синоним профессионального здоровья).

По данным М. П. Лейтер и С. Маслач [32], вовлеченность характеризуется энергичностью, эффективностью, заинтересованностью — тремя состояниями, противоположными выгоранию. Они подтверждают это тем, что при выгорании энергия превращается в истощение, увлеченность — в цинизм, эффективность — в неэффективность. Таким образом, вовлеченность характеризуется противоположным паттерном оценок по трем категориям

MBI (методика измерения выгорания Маслача): низкими оценками по истощению и цинизму, высокими — по профессиональной эффективности [32].

Противоположная точка зрения говорит о том, что вовлеченность — это самостоятельное определение, негативно относящееся к выгоранию. Следовательно, вовлеченность в работу — это позитивное, полноценное, аффективно-мотивационное, связанное с работой состояние благополучия, которое характеризуется энергичностью, преданностью, погруженностью в деятельность [34].

В. А. Кан [30] использовал другой подход для концептуализации вовлеченности: «вовлеченные работники психологически, физически включены в исполнение своих рабочих ролей. Таким образом, вовлеченные работники отдают многое работе, потому что идентифицируются с ней». По мнению В. А. Кана, существует динамическая и диалектическая связь между человеком, который управляет своей энергией (физической, когнитивной, эмоциональной), выступая в рабочей роли, с одной стороны, и рабочей ролью, которая позволяет человеку выразить себя, — с другой стороны.

Вдохновленный работой В. А. Кана Н. П. Ротбард [33] определил вовлеченность как двумерную мотивационную конструкцию, которая включает внимание («когнитивная доступность и количество времени, которое человек тратит на размышления о роли») и абсорбцию («интенсивность своего внимания на роли»). Важно отметить, что ключевым ориентиром вовлеченности для Кана [30] является роль работы, в то время как для тех, кто считает вовлеченность позитивной антитезой выгорания, это трудовая деятельность работника или сама работа.

И. Хеллевиг [23] определяет вовлеченность как отношение сотрудника к компании, ее руководству, обязанностям и условиям труда, при котором он проявляет неподдельный интерес к успехам компании и стремится выполнять свои обязанности, превосходя установленные стандарты. Также можно определить вовлеченность в работу как то, в какой мере человек идентифицирует себя со своей работой. Вовлеченность тесно связана и с мотивацией, и с удовлетворенностью: чем больше человек увлечен своим делом, тем более он удовлетворен своим положением в организации. Вовлеченность в работу подразумевает желание индивида усердно работать и прилагать усилия сверх того, что ожидается от обычного работника.

В исследованиях Г. С. Никифорова [16] о профессиональном здоровье ясно показано, что выгоранию успешно сопротивляются те профессионалы, которые воспринимают свой труд как миссию, высоко ценят смыслы профессиональной деятельности. Из этого следует, что вовлеченность оказывается близкой к элементам профессионального самосознания, высшим уровням развития человека как личности и как профессионала.

Вовлеченность, мотивация и энергетические ресурсы работника связаны друг с другом в модели РТР А. Беккера [29], которая определяет два независимых процесса: мотивационный процесс (увлеченность) и процесс истощения энергии (стресс). Система ресурсов и требований и работы (РТР),

разработанная голландскими организационными психологами А. Беккером и Е. Демероути, объясняет специфику взаимодействия требований и ресурсов работы и указывает на механизмы их совокупного эффекта.

Эта система показывает, что вовлеченность есть феномен, противоположный выгоранию, так как обозначает собой процесс наращивания ресурсов, а выгорание — наоборот, их истощения.

Между рабочими требованиями, приводящими к стрессу в модели ресурсов и требований работы, можно увидеть следующие: нехватка времени, сверхурочная работа, чрезмерная загруженность.

Можно выделить следующие организационные ресурсы, с помощью которых профессионал может справиться со стрессом: социальная поддержка коллег, автономия, конструктивная обратная связь, хорошие отношения с начальством, возможность профессионально развиваться.

Ресурсы личностные: самоэффективность, оптимизм, жизнестойкость, способность к восстановлению (резилентность).

А. Цукерман [25] разделяет факторы вовлеченности примерно на три основные группы: связанные с личностью руководителя, с брендом компании, а также с индивидуальными условиями труда и атмосферой на рабочем месте. В соответствии с экспоненциальной моделью вовлеченности фундамент вовлеченности сотрудников составляют: привязанность к компании; атмосфера, благоприятствующая продуктивному труду и способствующая улучшению рабочих показателей, а также индивидуальные условия труда: рабочая обстановка, социальные условия и эмоциональный климат в коллективе.

Британские ученые Д. Маклеод и Нита [2] указывают на четыре ключевых фактора вовлеченности сотрудников: лидерство (*leadership*), вдохновляющие руководители (*engaging managers*), право голоса (*voice*) и соблюдение принципов деловой этики (*integrity*).

Если принимать во внимание психологическое благополучие, то многие авторы разделяют концепцию благополучия на два подхода: гедонистический (от греч. *hedone* — «наслаждение») и эвдемонистический (от греч. *eudaimonia* — «счастье, блаженство»).

В пределах эвдемонистического подхода К. Рифф [6] создала многомерную модель психологического благополучия, которая вбирает в себя шесть основных составляющих: наличие цели в жизни, позитивные отношения с другими, личностный рост, управление окружением, самоприятие и автономию.

А. В. Воронина [4] создала уровневую модель психологического благополучия: на разных уровнях пространства бытия человека, создаваемых в разных типах деятельности, формируются внутренние интенции (сознательные и бессознательные ресурсные установки). Они переходят в качественные, своеобразно иерархические уровни психологического благополучия человека: психосоматического здоровья, социальной адаптации, психического здоровья и психологического здоровья.

Отечественный специалист Н. С. Пряжников [19] обозначает такие уровни профидентичности:

1. «Невыраженная профидентичность: понимание дальней и ближней профессиональных целей, стремление понять свое дело; обозначение своего места в профессиональных отношениях; соотнесение в модальности “хочу”; характеристика субъекта деятельности — мечтающий.

2. Профидентичность выраженная, пассивная: овладение основными знаниями, требованиями профессии, понимание своих возможностей, осуществление деятельности по образцу; вхождение и установление профессиональных контактов; соответствие в модальности “знаю”, характеристика субъекта деятельности — осведомленный.

3. Профидентичность активная. Осуществление на практике намеченных профессиональных целей, самостоятельная и осознанная реализация деятельности, формирование своего индивидуального стиля; появление и интенсификация круга профессиональных контактов; соотнесенность в модальности “могу”; характеристика субъекта деятельности — умелый.

4. Профидентичность устойчивая. Осуществление профессиональной деятельности без затруднений, высокий уровень притязаний — поиск и осуществление сложных профессиональных задач, мастерство и творчество (профессиональный опыт направлен к бесконечности); восприятие значимости профессиональных контактов, стремление передавать свой опыт другим, делиться им, желание наставничества; соотнесенность в модальности “делаю”: характеристика субъекта деятельности — творческий» [19].

Также в проблеме профессионального здоровья, рассматриваемой на Западе, мы можем выделить европейский и североамериканский подходы

В странах Европейского союза психология профессионального здоровья определяется как «вклад прикладной психологии в решение вопросов профессионального здоровья, изучение психологических, социальных и организационных аспектов динамической взаимосвязи профессиональной деятельности и здоровья» [2].

Североамериканский подход. Психология профессионального здоровья здесь изучается как научно-практическое направление, в которое вложено междисциплинарное сотрудничество с целью повышения качества профессиональной жизни, улучшения безопасности труда, развития здоровья и психологического благополучия специалистов различных видов профессиональной деятельности.

В 2009 году М. Мэйсик-Фрей (*M. Macik-Frey*) [2] с коллегами так охарактеризовал направления будущего развития психологии профессионального здоровья: «направление к исследованию позитивных факторов профессионального здоровья; направление влияния новых форм лидерства на здоровье сотрудников; определение роли эмоций в сохранении профессионального здоровья; вопросы развития, реализации и оценки эффективности программ вмешательства в организациях» [2].

Определенную историю имеет концепция интегративного (холистического) здоровья (*holistic*

health). Она определяет профессиональное здоровье как составляющую интегративного здоровья.

Два врача — Меир Фридман и Рэй Розенман — впервые определили такие стили (А-типа и В-типа) и начали лечить заболевания у людей с А-типом личности.

Так называемая биопсихосоциальная модель здоровья впервые обозначена в работах американского врача Д. Энджела [22].

Болезнь в данной теории может быть вызвана: биологическими, психологическими (представления, поведение, эмоции), социальными (социальные нормы, работа, этнос, социально-экономические условия) причинами.

Ответственным за течение и развитие болезни является сам субъект. Субъект ответствен как за появление заболевания, так и за то, чтобы занять активную позицию и стать субъектом исцеляющего процесса. Работать с болезнью следует целостно, принимая во внимание тело, психику и состояние души. Психика и тело являются собой разные проявления единого целого — субъекта.

В литературе имеется очень много концепций, указывающих на психологическую обусловленность здоровья. Одной из самых известных является теория «болезней цивилизации» и социальной дезадаптации, обнародованная в 50-х годах XX века французскими медиками Э. Гюаном и А. Дюссером в работе «Болезни нашего общества» [31]. Среди них авторы указывают:

- «Болезни загрязнения (техногенная активность индустриальных цивилизаций: отравление почвы, воды, атмосферы).

- Болезни истощения (итог физического и нервно-психического переутомления человека).

- Болезни потребления (сбой в режиме и структуре питания, употребление веществ, способствующих химической зависимости, злоупотребление лекарственными препаратами).

- Болезни обратной инадаптации (спровоцированные рассогласованием биологических и социальных ритмов жизнедеятельности человека)» [31].

Среди отечественных концепций профессионального здоровья выделим концепцию психологического обеспечения профессиональной деятельности Г. С. Никифорова [14]. В основе этой концепции лежат исследования эффективности профессиональной деятельности в психологическом, педагогическом, психолого-педагогическом, социально-психологическом, социально-педагогическом, инженерно-психологическом, медико-психологическом, информационно-психологическом аспектах. Под психологическим обеспечением определяется система психологических знаний, методов и средств психологического воздействия, нацеленная на увеличение эффективности профессиональной деятельности на всех ступенях онтогенеза. Речь идет о сквозном психологическом обеспечении профессиональной деятельности от «входа» в профессию и до «выхода» из нее.

В этой концепции определяют психологическое обеспечение:

- «профессионального самоопределения;
- профессиональной подготовки;

- профессиональной адаптации;
- повышения профессиональной квалификации;
- «выхода» из профессии;
- адаптации к новым условиям жизнедеятельности».

Рассматривая концепцию профессионального здоровья Л. М. Митиной [12], можно утверждать, что психологический фактор рассмотрения профессионального здоровья указывает на такую его характеристику, как многоуровневость: автор обозначает инструментальный, смысловой и экзистенциальный уровни саморегуляции при основной роли последнего. Первое положение концепции — мысль о возможности сохранения и усиления профессионального здоровья методом самоизменения работника, с включением его работы с экзистенциальным уровнем саморегуляции, с совершенствованием профессионального самосознания личности.

В своей теории личностного здоровья профессионала М. В. Сокольская [21] объясняет, что профессиональное здоровье создает иерархию, в которой налицо пять главных уровней: метасистемный, системный, субсистемный, компонентный и элементный. На метасистемном уровне представлены личностные образования (интересы, идеалы, установки, социальные роли личности, нормы и др.). Остальные уровни отражают все более низкие и глубинные уровни профессионала. На компонентном уровне находятся отдельные состояния, качества и отношения человека, причем основным из феноменов этой ступени является «механизм тройной синергии». Эта теория дает возможность анализировать факторы благополучия-неблагополучия работника, профессиональные деформации и неблагополучия у представителей отличных друг от друга видов профессий.

Основным психологическими механизмами возникновения личностного здоровья профессионала являются механизмы субъектной активности, саморегуляции и рефлексии.

Концепция Е.Ю. Коржовой [8], которая называется «Типология субъект-объектных ориентаций как базовых ориентаций жизнедеятельности», исследует факторы включенности человека в жизненную ситуацию. В этой теории указаны характеристики субъектности, способствующие или препятствующие формированию профессионального здоровья. Схема координат со шкалами «Локус контроля» и «Творчество/приспособление» дает возможность обозначить четыре вида ориентаций: пользователь, преобразователь, потребитель и гармонизатор. Тип преобразователя чаще всего налицоует среди успешно работающих, тип гармонизатора в равной степени представлен как между успешно работающими, так и среди безработных. Тип пользователя чаще налицоует у безработных, так же как и тип потребителя. В исследовании можно увидеть, что именно субъектные свойства помогают сохранению профессионального здоровья, поскольку связаны с интересом к профессиональной деятельности как таковой и с возможностью испытывать удовольствие от самого процесса деятельности.

Обращая внимание на подход Н. В. Гришиной [5], построенный на представлениях о нравствен-

ности профессионала как факторе его здоровья, обозначим следующие критерии зрелости нравственного сознания специалиста:

- четкое осознание координат «добра» и «зла»;
- хорошо развитая саморефлексия;
- осознавание необходимости совершать нравственные поступки и воздерживаться от дурных (мотив долга);
- развитие интернального локуса контроля;
- сохранная совесть.

Теория «профессиональной идентичности — профессионального маргинализма» Е.П. Ермоловой [7] исходит из того, что в основе профессиональной успешности и профессионального здоровья лежат процессы создания профессиональной идентичности. Профессиональная идентичность имеет в виду возникновение связи представлений о себе в профессии с запросами со стороны общества и профессионального сообщества, важную роль здесь играет активный процесс создания профессионального самосознания. Другой стороной профессиональной идентичности является профессиональный маргинализм — утрата профессиональной идентичности, равнодушие к профессиональным задачам и нормам, замена профессиональных ценностей и морали ценностями и целями иной среды.

В самых различных работах последних лет основными психологическими критериями профессионального здоровья названы:

- профессиональная работоспособность;
- физический статус, психический статус и социально-психологическая характеристика;
- «внеличностная» и «межличностная» адаптированность (как фактор общего показателя адаптированности работает с удовлетворенностью человека содержанием и условиями труда);
- стрессоустойчивость и психологическая устойчивость профессионала;
- адаптивность копинг-стратегий, развитость механизмов психологической защиты, значимый уровень саморегуляции, потребность в самоактуализации;
- изучение личностных и профессиональных ресурсов работника;
- чувство соответствия между личными возможностями и требованиями среды;
- адекватная оценка собственных возможностей;
- проживание ситуации как важной и имеющей индивидуальный смысл и значение;
- чувство собственного значения и эффективности своих действий.

В связи с ресурсной моделью здоровья человека система диагностики профессионального здоровья может включать:

- тестирование состояния всех ступеней ресурсов (био-психо-социо);
- изучение специальных профессиональных показателей: работоспособности и выгорания;
- тестирование профессиональной мотивации: типа трудовой мотивации и уровня вовлеченности;
- изучение профессиональной идентичности, смысло-жизненных ориентаций, субъективного благополучия и экзистенциальной исполненности.

Таким образом, нами были обобщены основные критерии профессионального здоровья и некоторые тесно связанные с этой областью концепции. В поле зрения попали как отечественные теории и понятия, так и разработки зарубежных авторов. Разработка данной проблематики продолжает расширяться отечественными исследованиями,

которые на данном этапе эволюционируют и представляют как практическую, так и теоретическую ценность для психологии профессионального здоровья. Замены переход к позитивному пониманию психологии здоровья и все более подробное обращение к изучению его позитивных факторов, а также вопросы профилактики и сохранения.

1. Березовская Р. А. Отношение менеджеров к здоровью // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 1999. №. 2. С. 61–70.
2. Березовская Р. А. Психология профессионального здоровья за рубежом: современное состояние и перспективы развития // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2012. Т. 5, №. 26. С. 12.
3. Братусь Б. С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. Т. 5, № 3. С. 3–19.
4. Воронина А. В. Проблема психического здоровья и благополучия человека: обзор концепций и опыта структурно-уровневого анализа // Сибирский психологический журнал. 2005. №. 21. С. 142–147.
5. Гришина Н. В. Я и другие: общение в труд. коллективе. Л.: Лениздат, 1990. 176 с.
6. Гук А. И., Самохвалова С. М. Модели вовлеченности персонала // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. 2014. №. 5. С. 392–395.
7. Ермолаева Е. П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал. 2001. Т. 22, №. 4. С. 51–59.
8. Коржова Е. Ю. Психология личности: типология теоретических моделей. СПб.: Институт практической психологии, 2004. 542 с.
9. Кричевский Н. А., Гончаров С. Ф. Корпоративная социальная ответственность. М.: Дашков и Ко, 2007. 216 с.
10. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях [Прогнозирование поведения людей в экстремальных условиях деятельности] // Психологический журнал. 2001. Т. 22, №. 1. С. 16–24.
11. Маклаков А. Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих. СПб.: ВМедА, 1996. 393 с.
12. Митина Л. М., Митин Г. В., Анисимова О. А. Профессиональная деятельность и здоровье педагога. СПб.: Academia, 2005. 125 с.
13. Мясищев В. Н. Психология отношений. М., Воронеж: Институт практической психологии, НПО «МОДЭК», 1995. 356 с.
14. Никифоров Г. С. и др. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности. СПб.: Изд-во СПГУ, 1991. 152 с.
15. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 192 с.
16. Никифоров Г. С., Августова Л. И. Психология профессионального здоровья // Психологическое обеспечение профессиональной деятельности: теория и практика / под ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2010. 816 с.
17. Пономаренко В. А. Экстремальность и проблема отношения к профессиональной деятельности и в профессиональной жизнедеятельности // Мир психологии. 2006. №. 4. С. 38–46.
18. Правдина Л. Р., Васильева О. С., Короткова Е. В. Психология здоровья в практике преподавания дисциплины «Культура здоровья» // Психология в вузе. 2009. Т. 9, №. 6. С. 28–58.
19. Пряжникова Е. Ю., Пряжников Н. С. Профориентация. М.: Академия, 2006. 496 с.
20. Разумов А. Н., Пономаренко В. А., Пискунов В. А. Здоровье здорового человека (Основы восстановительной медицины). М.: Медицина, 1996. Т. 6. 415 с.
21. Сокольская М. В. Личностное здоровье профессионала // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2009. №. 5. С. 21–29.
22. Фролова Ю. Г. Биопсихосоциальная модель как концептуальная основа психологии здоровья//Философия и социальные науки: научный журнал. № 4. 2008. С. 60–65.
23. Хеллевиг Й. Что такое вовлеченность персонала и почему она так важна [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.awaragroup.com/ru/blog/what-employee-engagement-is-and-why-it-matters/> (дата обращения: 22.05.2017).
24. Хухлаева О. В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции. М.: Академия, 2001. 202 с.
25. Чулanova О. Л., Припасаева О. И. Вовлеченность персонала организации: основные подходы, базовые принципы, практика использования в работе с персоналом // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8, №. 2 (33). С. 1–24.
26. Шингаев С. М. Профессиональное здоровье в управленческой деятельности // Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. С. 555–560.
27. Шостак В. И. Профессиональное здоровье // Психология профессионального здоровья. СПб.: Речь, 2006. С. 67–90.
28. Шувалов А. В. Гуманитарно-антропологические основы теории психологического здоровья // Вопросы психологии. 2004. № 6. С. 18–33.
29. Bakker A. B., Demerouti E. Towards a model of work engagement. Career development international, 2008, 13 (3), pp. 209–223.

30. Kahn W.A. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work. *Academy of management journal*, 1990, 33 (4), pp. 692–724.
31. Lynn R. *Dysgenics: Genetic deterioration in modern populations*. Westport, CT: Praeger, 1996, 1 (4). 182 p.
32. Maslach C., Jackson S. E., Leiter M. P. *MBI: Maslach burnout inventory*. Sunnyvale (CA): CPP, Incorporated, 1996. 82 p.
33. Rothbard N. P. Enriching or depleting? The dynamics of engagement in work and family roles. *Administrative science quarterly*, 2001, 46 (4), pp. 655–684.
34. Schaufeli S. González-Romá, & Bakker (2002) Schaufeli, WB, Salanova, M., González-Romá, V., & Bakker, AB (2002). The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach. *Journal of Happiness Studies*, 3 (1), pp. 71–92.

References

1. Berezovskaya R. A. Otnosheniye menedzherov k zdorovyu [Managers' attitude to health]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 6: Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya — Bulletin of Saint Petersburg State University. Series 6: Political Science. International relations*, 1999, (2), pp. 61–70 (in Russian).
2. Berezovskaya R. A. Psikhologiya professionalnogo zdorovya za rubezhom: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Psychology of professional health abroad: current state and prospects of development]. *Psichologicheskiye issledovaniya — Psychological Research*, 2012, 5 (26), p. 12 (in Russian).
3. Bratus B. S. K problem cheloveka v psikhologii [To the problem of a man in psychology]. *Voprosy psichologii — Questions of Psychology*, 1997, 5 (3) pp. 3–19 (in Russian).
4. Voronina A. V. Problema psikhicheskogo zdorovya i blagopoluchiya cheloveka: obzor kontseptsiy i opty strukturno-urovnevogo analiza [The problem of mental health and well-being of a man: overview of concepts and experience of structural-level analysis]. *Sibirskiy psichologicheskiy zhurnal — Siberian Psychological Journal*, 2005, (21), pp. 142–147 (in Russian).
5. Grishina N. V. *Ya i drugiye: obshcheniye v trudovom kollekte* [Me and others: communication in a work-team]. Leningrad: Lenizdat, 1990. 176 p. (In Russian).
6. Guk A. I., Samokhvalova S. M. Modeli vovlechennosti personala [Employee engagement models]. *Upravleniye chelovecheskimi resursami — osnova pazvitiya innovatsionnoi ekonomiki — Human resources management — the basement of innovative economy development*, 2014, 4 (5), pp. 392–395 (in Russian).
7. Yermolayeva Ye. P. Professionalnaya identichnost i marginalizm: kontseptsiya i realnost [Professional identity and marginalism: concept and reality]. *Psichologicheskiy zhurnal — Psychological Journal*, 2001, 22 (4), pp. 51–59 (in Russian).
8. Korzhova Ye. Yu. *Psichologiya lichnosti: Tipologiya teoreticheskikh modeley* [Psychology of a personality: Typology of theoretical models]. St. Petersburg: Institute of Practical Psychology Publ., 2004. 542 p. (In Russian).
9. Krichevskiy N. A., Goncharov S. F. *Korporativnaya sotsialnaya otvetstvennost* [Corporate social responsibility]. Moscow: Dashkov and Co., 2007. 216 p. (In Russian).
10. Maklakov A. G. Lichnostnyi adaptatsionnyi potentsial, yego mobilizatsiya v ekstremalnykh usloviyakh. Prognozirovaniye povedeniya lyudey v ekstremalnykh usloviyakh deyatelnosti [Personal adaptation potential, its mobilization and forecasting in extreme conditions: Predicting human behavior in extreme working conditions]. *Psichologicheskiy zhurnal — Psychological Journal*, 2001, 22 (1), pp. 16–24 (in Russian).
11. Maklakov A. G. *Osnovy psichologicheskogo obespecheniya professionalnogo zdorovya voyennosluzhashchikh* [Bases of psychological maintenance of professional health of the military personnel]. St. Petersburg: Military Medical Academy Publ., 1996. 393 p. (In Russian).
12. Mitina L. M., Mitin G. V., Anisimova O. A. *Professionalnaya deyatelost i zdorovye pedagoga* [Professional activity and teacher's health]. St. Petersburg: Academia Publ. 2005. 125 p. (in Russian).
13. Myasishchev V. N. *Psichologiya otnosheniy* [Psychology of relations]. Moscow Institute of Practical Psychology Publ., 1995. 356 p. (In Russian).
14. Nikiforov G. S. at al. *Psichologicheskoye obespecheniye professionalnoy deyatelnosti* [Psychological support of professional activity]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publ., 1991. 152 p. (In Russian).
15. Nikiforov G. S. *Samocontrol cheloveka* [Human self-control]. Leningrad: Leningrad State University Publ., 1989. 192 p. (In Russian).
16. Nikiforov G. S., Avgustova L. I. *Psichologiya professionalnogo zdorovya* [Psychology of professional health]. *Psichologicheskoye obespecheniye professionalnoy deyatelnosti: teoriya i praktika* [Psychological support of professional activity: theory and practice]. Rech Publ., 2010. 816 p. (In Russian).
17. Ponomarenko V. A. Ekstremalnost i problema otnosheniya k professionalnoy deyatelnosti i v professionalnoy zhiznedeyatelnosti [Extremality and the problem of attitude to professional activity and in professional life]. *Mir psichologii — Psychology World*, 2006, (4), pp. 38–46 (in Russian).
18. Pravdina I. R., Vasilyeva O. S., Korotkova Ye. V. *Psichologiya zdorovya v praktike prepodavaniya distsipliny «Kultura zdorovya»* [Health psychology in the practice of teaching the discipline "Culture of health"]. *Psichologiya v vuze — Psychology in Higher School*, 2009, 9 (6), pp. 28–58 (in Russian).
19. Pryazhnikova Ye. Yu., Pryazhnikov N. S. *Proforientatsiya* [Career guidance]. Akademiya Publ, 2006. 496 p. (In Russian).
20. Razumov A. N., Ponomarenko V. A., Piskunov V. A. *Zdorovye zdorovogo cheloveka: Osnovy vosstanovitelnoy meditsiny* [Health of a healthy person: Fundamentals of restorative medicine]. Moscow: Meditsina Publ., 1996. 415 p. (In Russian).
21. Sokolskaya M. V. Lichnostnoye zdorovye professional [Personal health of a professional]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta. Serya: Filologiya, pedagogika, psichologiya — Bulletin of Baltic Federal University named after I. Kant. Series: philology, Pedagogy, Psychology*, 2009, (5), pp. 21–29 (in Russian).

22. Frolova Yu. G. Biopsikhosotsialnaya model kak kontseptualnaya osnova psikhologii zdorovya [Biopsychosocial model as a conceptual basis of health psychology]. *Filosofiya I sotsialnyye nauki — Philosophy and Social Sciences*, 2008, (4), pp. 60–65 (in Russian).
23. Khellewig Y. Chto takoye vovlechennost personala i pochemu ona tak vazhna [What is staff engagement and why it is so important] (in Russian). Available at <https://www.awaragroup.com/ru/blog/what-employee-engagement-is-and-why-it-matters/> (accessed: 22.05. 2017).
24. Khukhlayeva O. V. *Osnovy psikhologicheskogo konsultirovaniya i psikhologicheskoy korrektssi* [Basics of psychological counselling and correction]. Moscow: Academiya, 2001. 202 p. (In Russian).
25. Chulanova O. L., Pripasayeva O. I. Vovlechennost personala organizatsii: osnovnyye podkhody, bazovyye printsipy, praktika ispolzovaniya v rabote s personalom [The involvement of the organization staff: basic approaches, basic principles, practice of use in work with the personnel]. *Naukovedeniye — Science Study*, 2016, 8 (2 (33)), pp. 1–24 (in Russian).
26. Shingayev S. M. Professionalnoye zdorovye v upravlencheskoy deyatelnosti [Professional health in management activity]. *Eksperimentalnaya psichologiya v Rossii: Traditsii i perspektivy — Experimental Psychology in Russia: Traditions and Prospects*. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2014, pp. 555–560 (in Russian).
27. Shostak V. I. Professionalnoye zdorovye [Professional health in management activity]. *Psichologiya professionalnogo zdorovya* [Psychology of professional health]. St. Petersburg: Rech Publ., 2006, pp. 67–90 (in Russian).
28. Shuvalov A. V. Gumanitarno-antropologicheskiye osnovy teorii psikhologicheskogo zdorovya [Humanitarian and anthropological foundation of the theory of psychological health]. *Voprosy psichologii. — Questions of psychology*, 2004, 4 (6), pp. 18–33 (in Russian).
29. Bakker A. B., Demerouti E. Towards a model of work engagement. *Career development international*, 2008, 13 (3), pp. 209–223.
30. Kahn W. A. Psychological conditions of personal engagement and disengagement at work. *Academy of management journal*, 1990, 33 (4), pp. 692–724.
31. Lynn R. *Dysgenics: Genetic deterioration in modern populations*. Westport, CT: Praeger, 1996, 1 (4). 182 p.
32. Maslach C., Jackson S. E., Leiter M. P. *MBI: Maslach burnout inventory*. Sunnyvale (CA): CPP, Incorporated, 1996. 82 p.
33. Rothbard N. P. Enriching or depleting? The dynamics of engagement in work and family roles. *Administrative science quarterly*, 2001, 46 (4), pp. 655–684.
34. Schaufeli S. González-Romá, & Bakker (2002) Schaufeli, WB, Salanova, M., González-Romá, V., & Bakker, AB (2002). The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach. *Journal of Happiness Studies*, 3 (1), pp. 71–92.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКВИТИНА НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА

кандидат психологических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования
Ставропольского государственного педагогического института,
h-nataly@yandex.ru

NATALIA YU. MOSKVITINA

*Cand, Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Preschool and Primary Education
of Stavropol State Pedagogical Institute*

ХОРОШИЛОВА ЕВДОКИЯ ПЕТРОВНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дошкольного и начального образования
Ставропольского государственного педагогического института,
evdokia.horoschilova@yandex.ru

YEVDOKIYA P. KHOROSHILOVA

*Cand.Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Preschool and Primary Education
of Stavropol State Pedagogical Institute*

СЕЛЮКОВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры дошкольного и начального образования
Ставропольского государственного педагогического института,
ekaterinaselyukova@yandex.ru

YEKATERINA A. SELYUKOVA

*Cand.Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Preschool and Primary Education
of Stavropol State Pedagogical Institute*

УДК 373.21

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ ФИЗИЧЕСКИХ КАЧЕСТВ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ В УСЛОВИЯХ ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

PEDAGOGICAL CONDITIONS OF DEVELOPMENT OF PHYSICAL QUALITIES OF SENIOR PRESCHOOL CHILDREN IN CONDITIONS OF PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATION

Аннотация. В статье обобщен и систематизирован теоретический материал по проблеме развития физических качеств детей старшего дошкольного возраста. Выявлены сущность и специфика развития физических качеств в старшем дошкольном возрасте. Определены педагогические условия, способствующие эффективному развитию физических качеств детей данного возраста. Представлены принципы развития физических качеств старших дошкольников. Дано описание физических качеств, которые осуществляются через направленное развитие ведущих способностей человека на основе определенных закономерностей, в том числе гетерохронности (разновременности), этапности, фазности и переноса в развитии способностей. Представлен обзор программ «Радуга», «Детство», «Развитие», «Основы безопасности дошкольников», «От рождения до школы». Анализ программ показал, что, несмотря на различные концепции, подходы, методы и средства решения проблем оздоровления детей дошкольного возраста, в содержании каждой программы приоритетной является задача сохранения здоровья детей.

ABSTRACT. The article summarizes and systematizes theoretical material on the problem of development of physical qualities of children of older pre-school age. Essence and specificity of physical qualities development in

senior preschool age are revealed. There are certain pedagogical conditions that contribute to the effective development of the physical qualities of children of this age. The principles of development of physical qualities of senior pre-school children are presented. The description of physical qualities is given. They are carried out through the directed development of leading human abilities on the basis of certain regularities, including heterochronicity (different time), stage, phase and transfer in the development of abilities. The review of the programs "Rainbow", "Childhood", "Development", "Fundamentals of safety of preschool children", "From birth to school" is presented. The analysis of the programs showed that, despite various concepts, approaches, methods and means of solving the problems of improving the health of preschool children, the content of each program has a priority in preserving the health of children.

Ключевые слова: физические качества, старший дошкольный возраст, педагогические условия и принципы, способствующие эффективному развитию физических качеств.

Keywords: physical qualities, senior pre-school age, pedagogical conditions and principles contributing to the effective development of physical qualities.

Развитие физических качеств подрастающего поколения является одной из актуальнейших проблем психолого-педагогической науки и практики, поскольку хорошо развитые физические качества — основа, определяющая уровень овладения различными видами двигательных действий, способствующая адаптации личности к трудовым действиям и бытовым операциям.

В современных условиях значимость развития физических качеств постоянно возрастает, так как процесс освоения любых двигательных действий (трудовых, спортивных, выразительных и т. д.) идет значительно успешнее, если человек имеет крепкие, выносливые и быстрые мышцы, гибкое тело, высоко-развитые способности управлять собой, своим телом, своими движениями. Наконец, высокий уровень развития физических качеств является важным компонентом состояния здоровья.

Говоря о специфике развития физических качеств старших дошкольников, следует сделать акцент на выборе методов, которые обеспечивают наглядность обучения, так как педагог должен руководствоваться сложившимися у детей умениями восприятия пространственных, временных и количественных признаков и отношений, существующими между предметами и явлениями окружающего мира.

Одним из важных направлений педагогической работы в дошкольной образовательной организации является разработка и обоснование инновационных педагогических условий, способствующих развитию физических качеств в старшем дошкольном возрасте. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования нацеливает педагога на физическое развитие детей по приобретению опыта в следующих видах их деятельности: двигательной, направленной на выполнение определенных упражнений, развивающих такие физические качества, как быстрота, ловкость, сила и гибкость; правильное формирование опорно-двигательной системы организма, развивающих равновесие, координацию движений, крупную и мелкую моторику обеих рук, а также правильное, не наносящее ущерба организму выполнение основных видов движений (ходьба, бег, мягкие прыжки, повороты в обе стороны), формирующих начальные представления о некоторых видах спорта, способствующих овладению

подвижными играми с правилами, развивающих целенаправленность и саморегуляцию в двигательной сфере; ценности здорового образа жизни, помогающие овладеть его элементарными нормами и правилами (питание, двигательный режим, закаливание, полезные привычки).

Проблемы, связанные с развитием физических качеств личности, неоднократно рассматривали в своих исследованиях А. И. Быкова, Е. Н. Вавилова, Ю. Ф. Змановский, А. В. Кенеман, М. Ю. Кистяковская, П. Ф. Лесгафт, В. И. Лях, Т. И. Осокина, М. А. Рунова, Э. Я. Степаненкова, Д. В. Хухлаева и др.

Физическая подготовленность старших дошкольников изучалась Н. С. Лесковой, Н. А. Ноткиной, Е. Я. Бондаревской и др.; физические качества детей данного возраста исследовались В. Н. Занефским, З. И. Кузнецовой, М. Х. Спаевой и др.; организация и использование подвижных игр в ДОО — Я. Э. Степаненковой, В. А. Страновской, Е. А. Тимофеевой и др.

Воспитание различных физических качеств представляет собой разные стороны единого процесса всестороннего физического развития ребенка, характеризующегося общим подъемом функциональных возможностей организма, так как, например, от развития силы в значительной мере зависит развитие и быстроты, и ловкости, и выносливости.

Учет возможностей опорно-двигательного аппарата ребенка требует выбора упражнений, преимущественно развивающих крупные мышечные группы, обеспечивающие хорошую реакцию сердечно-сосудистой системы ребенка на кратковременные скоростно-силовые нагрузки.

Развивать мышечную силу, координацию движений, дыхательную систему необходимо в этом возрасте с использованием упражнений с набивными мячами (подниманием набивных мячей вверх, вперед, опусканием вниз, приседанием с мячом, прокатыванием его, бросками мяча вперед от груди) [8, с. 26].

Развитию воли старших дошкольников способствуют различные движения циклического характера, выполняемые продолжительное время, поэтому необходимо использование таких упражнений, как ходьба, бег, лазание, катание на велосипеде и т. д., которые динамичны, простоты для детей данного

возраста и легко могут быть включены в различные игры.

Учеными уделяется большое значение подбору вариантов и усложнению подвижных игр, направленных на развитие физических качеств старших дошкольников, которые оказывают эмоциональное воздействие на детей, воспитывая у них самостоятельность, активность, чувство коллективизма и прочие нравственно-волевые качества.

Воспитание физических качеств осуществляется через направленное развитие ведущих способностей человека на основе определенных закономерностей, в том числе гетерохронности (разновременности), этапности, фазности и переноса в развитии способностей [41, с. 141].

Этапность развития устанавливает, что по мере выполнения одной и той же нагрузки эффект развития физических способностей снижается. Чтобы постоянно поддерживать его на высоком уровне, необходимо изменять содержание и величину нагрузки, условия ее выполнения.

Фазность развития устанавливает зависимость эффекта педагогического воздействия от состояния физической работоспособности организма. Во время выполнения двигательного действия выявляются четыре фазы физической работоспособности организма: нарастающей работоспособности (врабатывание), относительной стабилизации, временного снижения и повышенной работоспособности [11, с. 63].

Перенос развития устанавливает наличие связи между уровнями развития нескольких физических качеств или способностей. Если при воспитании какого-либо физического качества один или несколько его компонентов представлены в структуре другого качества, то последний будет развиваться, хотя и не столь интенсивно.

Следует отметить, что для обучения двигательному действию, воспитания того или иного физического качества необходимы как уже имеющиеся, так и вновь приобретаемые человеком знания.

Практика физического воспитания базируется на определенной системе фактов и закономерностей, которые способствуют правильной организации физического воспитания.

Индивидуальный подход при развитии физических качеств старших дошкольников требует строгого дозирования мышечных нагрузок, учитывающих особенности каждого ребенка (возраст, состояние здоровья, физическая подготовка и т. д.) [4, с. 142].

Одна из особенностей развития физических качеств у старших дошкольников — гетерохронность (разновременность) их становления, значительно возрастающая на протяжении всего дошкольного возраста при условии целенаправленного воздействия со стороны взрослых.

Физическая работоспособность детей старшего дошкольного возраста в значительной мере определяется функциональными возможностями организма, не сохраняющимися на одном уровне в течение дня, и их колебаниями в разные периоды года. Так, С. М. Громбахом и Г. П. Юрко были установлены ухудшения реакций сердечно-сосудистой и кровеносной систем дошкольников на физическую нагрузку в весенний период, объясняемые недостаточным

пребыванием детей на воздухе и дефицитом ультрафиолетовых лучей.

Повысить работоспособность старших дошкольников, развить у них выносливость можно благодаря повышению их интереса к двигательной деятельности, так как педагогами-исследователями доказано, что процесс выполнения интересного дела, соревновательный момент, заключенный в нем, способствует повышению эмоционального тонуса и более позднему наступлению утомления.

С учетом особенностей старшего дошкольного возраста многими учеными — О. И. Косаревой, Л. М. Коровиной, Э. Я. Степаненковой и др. — рекомендуется широкое использование игровых заданий и эстафет с целью развития всех физических качеств детей, так как представленные в игре мотивы позволяют детям проявить мышечные и волевые усилия, которые развивают выносливость [5, с. 114].

Другая особенность реагирования детского организма на физическую нагрузку заключается в слабой переносимости двигательной гипоксемии (кислородного голодания), поэтому мощность физической нагрузки, которая задается ребенку, должна увеличиваться очень осторожно и постепенно.

В старшем дошкольном возрасте имеет свои особенности и восстановительный период, выражющийся в меньшей по сравнению с более старшими детьми скорости протекания восстановительных процессов.

Восстановительный период неодинаков у всех детей и связан с рядом индивидуальных особенностей, уровнем их физической подготовки. В старшем дошкольном возрасте восстановление частоты сердечных сокращений происходит за 2–4 минуты, показатели внешнего дыхания и газообмена меняются за 3–5 минут. Следует отметить, что скорость восстановления зависит от систематических занятий детей физическими упражнениями [13, с. 26].

В дошкольном возрасте необходимо развитие и такого физического качества, как гибкость, способствующего легкости, свободе действий, раскрепощенности, непринужденности движений, умению концентрировать или, напротив, расслаблять свой организм. Негибкий ребенок тратит гораздо большее количество энергии — а значит, у него быстрее наступает утомление. Травмы зачастую — результат недостаточно развитой гибкости.

На занятиях физкультурой гибкость приобретает особое значение, так как она облегчает усилия ребенка, оберегая его мышцы от чрезмерного напряжения и повреждения.

В. С. Фарфель доказал, что проявления гибкости зависят от анатомического, физиологического, психологического факторов, а также объясняются эластичностью мышц и суставных сумок; психическим состоянием; степенью возбудимости растягиваемых мышц; ритмом движений и пр. [6, с. 18].

Развитию гибкости способствуют упражнения на растягивание мышц и связок:

- разнообразные двигательные навыки и умения;
- перестраивание двигательной деятельности в соответствии с изменившимися требованиями.

Поскольку уровень развития гибкости зависит от развития мышечной силы, то необходимо сочетать

в процессе физического воспитания упражнения, направленные на развитие гибкости, с силовыми [14, с. 204].

Важно не допускать чрезмерного развития гибкости, приводящего к перерастяжению мышечных волокон и связок, возникающему при слишком интенсивном воздействии упражнений.

Ловкость, как способность правильного, быстрого, рационального выхода из любой возникшей двигательной задачи, должна формироваться в старшем дошкольном возрасте с самого начала развития нового двигательного навыка.

Следует отметить, что физическая подготовленность детей характеризуется совокупностью сформированных двигательных навыков и основных физических качеств, проявляющихся через двигательные навыки и умения, обусловленные достаточным уровнем их развития. Эти две стороны двигательной функции тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Развитие физических качеств в старшем дошкольном возрасте требует учета возрастных особенностей детского организма, связанных с незавершенностью формирования нервной системы, преобладанием тонуса мышц-сгибателей, мышечной слабостью и т.п. Поэтому при подборе общеразвивающих упражнений предпочтение отдается тем из них, которые укрепляют основные мышечные группы и позвоночник с постепенным развитием силы и кратковременным скоростно-силовым напряжением: бег, метания, прыжки, лазание по вертикальной и наклонной лестнице [11, с. 68].

Современный этап развития образования характеризуется наличием нескольких концепций физического развития детей старшего дошкольного возраста, способствующих сохранению их здоровья. Каждая программа базируется на определенных взглядах авторов на ребенка, на закономерности его развития, а следовательно, и на создание педагогических условий, способствующих становлению личности, сбережению самобытности и раскрытию творческого потенциала каждого воспитанника [3, с. 115].

В программе «Радуга» Т.Н. Дороновой обращается внимание на воспитание и развитие детей детского сада, где основной компонент воспитания — физическая культура. Автором подчеркивается, что ребенку в дошкольном детстве необходимо почувствовать мышечную радость и полюбить движение, так как ему предстоит в дальнейшей жизни приобщаться к спорту и здоровому образу жизни. Т.Н. Доронова предлагает разнообразные средства и формы физического воспитания (гигиенические факторы, гигиена нервной системы, физические упражнения, профилактическая, развивающая, лекционная, реабилитационная направленность в подборе физических упражнений и пр.) [7, с. 66].

Программа «Развитие» авторского коллектива под руководством Л. А. Венгер характеризуется включением двух теоретических положений: теории А. В. Запорожца о самоценности дошкольного периода развития, перехода от утилитарного понимания дошкольного детства к гуманистическому пониманию и концепции Л. А. Венгер о развитии способностей, понимаемых как универсальные

действия ориентировки в окружающем мире с помощью специфических для дошкольника образных средств решения задач. Следует отметить, что данная программа характеризуется отсутствием задач физического развития ребенка [2, с. 36].

В. Т. Кудрявцевым и Б. Б. Егоровым на основе идеи комплексного междисциплинарного подхода к вопросу физического воспитания дошкольника была разработана развивающая педагогика оздоровления, общей целью программно-методического материала которой являются формирование двигательной сферы ребенка и создание психолого-педагогических условий развития его здоровья на основе творческой активности.

Программа «Детство», разработанная коллективом кафедры дошкольной педагогики РГПУ им. А. И. Герцена, направлена на развитие у дошкольников осознанной потребности в двигательной активности и физическом совершенствовании, интереса к физическим упражнениям, формирование представлений о здоровье, его ценности, полезных привычках, укрепляющих здоровье, о мерах профилактики и охраны здоровья, развитие устойчивого интереса к правилам и нормам здорового образа жизни, здоровьесберегающего и здоровьесформирующего поведения, умения элементарно описывать свое самочувствие и привлекать внимание взрослого в случае недомогания [9, с. 204].

Комплексная программа «От рождения до школы» характеризуется заботой о сохранении и укреплении здоровья детей, потребности в двигательной активности, предупреждении утомления, формированием начальных представлений о здоровом образе жизни, становлением ценностей здорового образа жизни, овладением его элементарными нормами и правилами, воспитанием культурно-гигиенических навыков, развитием интереса к участию в подвижных и спортивных играх и физических упражнениях, активности в самостоятельной двигательной деятельности; воспитание интереса и любви к спорту, формирование начальных представлений о некоторых видах спорта [12, с. 140].

Программа «Основы безопасности дошкольников» В. А. Ананьева направлена на развитие физической активности детей, приучение к заботе о своем здоровье и здоровье окружающих, формирование навыков личной гигиены, знаний о здоровой пище, инфекционной болезни и пр., а также предлагаются формы средствами специальных занятий, игр-занятий, изобразительной деятельности, прогулок, гигиенических процедур, закаливающих мероприятий, игр, спортивных мероприятий, праздников, бесед, чтения литературы и пр. [1, с. 116].

Анализ программ, реализуемых в дошкольных образовательных организациях, и методических пособий по исследуемой проблеме (А. И. Баркан, Ю. Ф. Змановский, Л. И. Латохина, Б. В. Шеврыгин, Н. В. Цыбуля, Т. Д. Фершалова и др.) показал, что, несмотря на различные концепции, подходы, методы и средства решения проблем оздоровления детей дошкольного возраста, в содержании каждой программы приоритетной является задача сохранения здоровья детей.

Цель физического воспитания в дошкольных образовательных организациях — формирование основ здорового образа жизни у детей.

Осуществляя физическое воспитание, педагог реализует оздоровительные, образовательные и воспитательные задачи.

Оздоровительные задачи подчинены охране жизни и укреплению здоровья детей, их всестороннему физическому развитию, совершенствованию функций организма, повышению активности и общей работоспособности детей.

Образовательные задачи подчинены формированию двигательных умений и навыков детей, развитию их физических качеств; способам, направленным на укрепление здоровья [2, с. 19].

Этот возраст важен для привития первоначальных навыков личной и общественной гигиены, т. к. получаемые детьми знания способствуют самостоятельному использованию средств физического воспитания не только в детском саду, но и дома, в семье.

Решение задач физического воспитания детей старшего дошкольного возраста осуществляется гигиеническими факторами, естественными силами природы, физическими упражнениями и др., используемыми педагогом в комплексе.

С помощью режима занятий, отдыха, питания, сна и т. д. осуществляется повышение эффективности воздействия физических упражнений на организм детей, т. к. чистое помещение, чистые физкультурный инвентарь, игрушки, одежда, обувь являются профилактикой заболеваний. Регулярным и доброкачественным питанием обеспечивается своевременная доставка другим органам необходимых питательных веществ, а следовательно, нормального роста и развития ребенка. Полноценным сном обеспечиваются отдых и повышение работоспособности нервной системы детей. Правильным освещением предупреждаются заболевания глаз и т. д.

Естественными силами природы (солнцем, воздухом, водой) обеспечиваются усиление положительного влияния физических упражнений на организм старшего дошкольника, и повышение его работоспособности, т. к. занятия на воздухе при солнечных излучениях или в воде способствуют возникновению положительных эмоций, повышению функциональных возможностей отдельных органов и систем организма. Для разностороннего влияния на организм следует принимать все естественные силы природы, целесообразно сочетая их [10, с. 101].

Движения, физические упражнения являются специфическими средствами физического воспитания. Двигательная активность является биологической потребностью организма, степень удовлетворения которой влияет на здоровье детей, их физическое и общее развитие.

Основным специфическим средством физического воспитания, оказывающим на ребенка разностороннее воздействие, являются физические упражнения, содействующие умственному, трудовому воспитанию, а также являющиеся средством лечения при многих заболеваниях.

Развитие физических качеств старших дошкольников должно строиться в соответствии со следующими принципами:

1. Гуманизации образования дошкольников в области физической культуры, предполагающего построение содержания, методов и форм занятий в соответствии с наличным опытом и уровнем достижений детей, направленностью их личности, структурой их интересов.

2. Демократизации образования дошкольников в области физической культуры, предполагающий обеспечение права педагогу на свободный выбор средств, форм и методов работы с детьми.

3. Гуманитаризации образования, предполагающий понимание дошкольником роли и места человека в мире движений; приобщение его к ценностям физической культуры и познание своих возможностей в мире движений.

4. Развивающего характера обучения, предполагающего опережение педагогических воздействий, стимулирование, направление и ускорение развития наследственных данных личности ребенка.

5. Оздоровительной направленности, предполагающей обеспечение рационального общего и двигательного режимов, создание оптимальных условий для игр и занятий детей, компенсирование недостатка двигательной активности детей, возникающего в условиях современной жизни и повышение сопротивляемости организма детей неблагоприятным воздействиям [9, с. 85].

6. Принцип единства с семьей, предполагающий единство требований со стороны педагогов и родителей в вопросах воспитания, оздоровления, распорядка дня, двигательной активности, гигиенических процедур, формирования культурно-гигиенических навыков, развития движений детей.

Таким образом, осуществление правильного физического воспитания детей является одной из ведущих задач дошкольных организаций. Вместе с тем предусматривается строгая последовательность усвоения детьми программы с учетом возрастных особенностей и возможностей ребенка каждого периода его жизни.

Недопустимо превышение требований, ускорение темпа обучения детей, с исключением промежуточных звеньев программы, поскольку это способствует непосильному напряжению организма, вредящему здоровью и нервно-психическому развитию детей.

Все формы организации физического воспитания детей (занятия, подвижные игры, самостоятельная двигательная активность и пр.) должны быть направлены на воспитание мыслящего, сознательно действующего в меру своих возрастных возможностей ребенка, содействовать успешному овладению им двигательными навыками, преодолению встречающихся трудностей, проявлению стремления к творческим поискам.

С целью эффективного развития физических качеств старших дошкольников необходимо соблюдение педагогом следующих педагогических условий:

1. Анализ и оценивание степени развития физических качеств детей.

2. Формулировка задач развития физических качеств детей на определенный период и определение первостепенных из них с учетом особенностей каждого ребенка.

3. Организация процесса развития физических качеств детей в определенной системе, с выбором наиболее целесообразных средств, форм и методов работы в конкретных условиях.

4. Проектирование желаемого уровня конечно-го результата.

5. Сравнение достигнутых результатов с исход-ными данными и поставленными задачами.

6. Владение самооценкой профессионального мастерства, постоянное его совершенствование [11, с. 104].

Следует отметить особую роль в занятиях физи-ческими упражнениями цветового насыщения поме-щения, в котором занимаются дети, так как оно об-уславливает взаимодействие внешней и внутренней среды, обеспечивающей жизнедеятельность и раз-витие ребенка. Запахи, звуки в зависимости от темы занятия могут использоваться с целью развития ана-лизаторных систем и ориентирования в простран-стве, формируя восприятие пространства за предела-ми зала, «видение сквозь стены», движение солнца и луны и т. д.

Одним из важных педагогических условий, спо-собствующих эффективному развитию физических качеств старших дошкольников, является использо-вание различных средств и методов физического вос-питания, направленных на решение данной задачи. Например, эффективное средство, развивающее бы-строту,— упражнения, способствующие быстрому выполнению движений. Педагогу нужно преду-сматривать, чтобы данные упражнения не были продолжи-тельны, однообразны; важно их повторение в разных условиях с разной интенсивностью, с усложнениями или, наоборот, со снижением требований [11, с. 89].

Важным педагогическим условием развития физических качеств старших дошкольников явля-ются игровые двигательные задания, подвижные спортивные игры, спортивные развлечения и т. п., которые учат детей придумыванию двигательного содер-жания к предложенному сюжету, самостоятель-ному обогащению и развитию игровых действий, созданию новых сюжетных линий, новых форм движения, что способствует исключению привычки механического повторения упражнений, активиза-ции в доступных пределах творческой деятельно-сти по самостоятельному осмыслению и успешному применению знакомых движений в нестандартных условиях.

Важным условием эффективного развития физических качеств старших дошкольников явля-ется профессиональная компетентность педагогов дошкольных образовательных организаций, пред-ставляющая собой интегральную характеристи-ку, включающую когнитивный (профессиональ-ные знания), деятельностный (профессиональные

умения и опыт) и профессионально-личностный компоненты [14, с. 36].

Современному педагогу сегодня как никогда важно обладание способностями, предполагающи-ми наличие знаний, умений и качеств, помогающих в любой момент в нахождении и отборе нужных зна-ний в созданных человечеством огромных хранили-щах информации.

Обеспечение высокого уровня компетентности воспитателя невозможно без личного стремления пе-дагога самообразовываться, саморазвиваться и само-реализовываться в социуме, выполнять свои профес-сиональные функции должным образом.

Поскольку ни одна, даже самая лучшая физикуль-турно-оздоровительная программа не может быть эффективной без совместной реализации ее основ с семьей, без созданного детско-взрослого сообще-ства, характеризующегося содействием друг другу, учетом возможностей и интересов каждого, его прав и обязанностей, то важным условием развития физи-ческих качеств старших дошкольников является тес-ное взаимодействие ДОО с семьей.

Важным условием развития физических качеств детей старшего дошкольного возраста является учет возрастных, индивидуальных физических и психи-ческих особенностей детей.

С целью изучения особенностей детей, ос-новных показателей их развития обычно в начале и в конце учебного года рекомендуется проведение психолого-педагогической диагностики, направ-ленной на обеспечение научного подхода к организа-ции работы с детьми, точный учет их потребностей по всем направлениям развития, систематизацию ра-боты педагога.

Проведение промежуточной диагностики реко-мендуеться в январе месяце только с детьми, имею-щими «низкий» или «ниже среднего» уровни усвое-ния программы.

В течение года с детьми может проводиться экс-пресс-диагностика, направленная на отслеживание динамики развития отдельных физических качеств у конкретных детей и способствующая осуществле-нию дифференцированного подхода к детям (кор-рекция и развитие определенного качества ребенка на основе соответствующих упражнений, игр, реко-мендованных программой).

Таким образом, развитие физических качеств детей старшего дошкольного возраста является сложным, многогранным и длительным процес-сом, требующим методической и диагностической обеспеченности, сотрудничества ДОО с семьей. Последовательная реализация указанных выше педа-гогических условий в дошкольной образовательной организациии предоставляет возможность эффектив-ного решения данной задачи.

1. Антонов Ю. Е. Здоровый дошкольник. Оздоровительные технологии 21 века. М.: Аркти, 2001. 211 с.
2. Варфоломеева З. С. Формирование физической культуры личности старших дошкольников в условиях реали-зации инновационных моделей физического воспитания: теория и практика: монография. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 191 с.
3. Волошина Л. А. Организация здоровьесберегающего пространства // Дошкольное воспитание. 2004. № 1. С. 114–117.

4. Глазырина Л. Д. Методика физического воспитания детей дошкольного возраста. М.: Педагогика, 2000. 256 с.
5. Глазырина Л. Д. Физическая культура дошкольникам: Программа и программные требования. М.: ВЛАДОС, 2014. 187 с.
6. Давыдов В. Ю., Шептикин С. А., Трифонов А. Г. Методика оценки физического развития и физической подготовленности детей старшего дошкольного возраста. Волгоград: ВГИК Универсал, 1993. 27 с.
7. Екжанова Е. А. Об особенностях организации физического воспитания в дошкольных образовательных учреждениях компенсирующего вида // Здоровье и физическое развитие детей в дошкольных образовательных учреждениях. М.: Просвещение, 2010. С. 66–69.
8. Зайцев А. А. Физическое воспитание дошкольников: Учеб. пособие. Калининград: Калинингр. ун-т., 2007. 71 с.
9. Комплексная образовательная программа дошкольного образования «Детство» / Т. И. Бабаева, А. Г. Гогоберидзе, О. В. Солнцева и др. СПб.: ООО «Издательство «Детство-Пресс», 2019. 352 с.
10. Кенеман А. В., Хухлакова Д. В. Теория и методика физического воспитания детей дошкольного возраста. Уч. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Дошкольная педагогика и психология». Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Просвещение, 2008. 272 с.
11. Моргунова О. Н. Физкультурно-оздоровительная работа в ДОУ. Воронеж: ИкМА, 2005. 127 с.
12. От рождения до школы. Основная образовательная программа дошкольного образования / под ред. Н. Е. Вераксы, Т. С. Комаровой, М. А. Васильевой. 4-е изд., перераб. М.: Мозаика-Синтез, 2018. 352 с.
13. Пензулайева Л. И. Физическая культура в детском саду. Система работы в старшей группе. М.: Мозаика-Синтез, 2012. 72 с.
14. Степаненкова Э. Я. Теория и методика физического воспитания и развития ребенка: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2006. 368 с.

References

1. Antonov Yu. E. *Zdorovyj doshkolnik: Ozdorovitelnyye tekhnologii XXI veka* [Healthy preschooler: Wellness technologies of the 21st century]. Moscow: Arkti Publ., 2001. 211 p. (In Russian).
2. Varfolomeeva Z. S. *Formirovaniye fizicheskoy kultury lichnosti starshikh doshkolnikov v usloviyakh realizatsii innovatsionnykh modeley fizicheskogo vospitaniya: teoriya i praktika* [Formation of physical culture of the personality of senior preschoolers in the conditions of realization of innovative models of physical education: theory and practice] (2nd ed.). Moscow: FLINTA: Nauka Publ., 2012. 191 p. (In Russian).
3. Voloshina L. A. *Organizatsiya zdorovyezberegayushchego prostranstva* [Organization of health-saving space]. *Doshkolnoye obuchenije — Preschool education*, 2004, (1), pp. 114–117 (in Russian).
4. Glazyrina L. D. *Metodika fizicheskogo vospitaniya detey doshkolnogo vozrasta* [Methods of physical education of preschool children]. Moscow: Pedagogika, 2000. 256 p. (In Russian).
5. Glazyrina L. D. *Fizicheskaya kultura doshkolnikam: Programma i programmnyye trebovaniya* [Physical culture for preschoolers: Program and program requirements]. Moscow: VLADOS Publ, 2014. 187 p. (In Russian).
6. Davydov V. Yu., Sheptikin S. A., Trifonov A. G. *Metodika otsenki fizicheskogo razvitiya i fizicheskoi podgotovlennosti detei starshego doshkolnogo vozrasta* [Methods of assessment of physical development and physical fitness of children of senior preschool age]. Volgograd: VGIK Universal Publ., 1993. 27 p. (In Russian).
7. Ekzhanova E. A. *Ob osobennostyakh organizatsii fizicheskogo razvitiya v doshkolnykh obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh kompensiruyushchego vida* [About features of the organization of physical education in preschool educational institutions of the compensating type]. *Zdorovye i fizicheskoye razvitiye detey razvitiya v doshkolnykh obrazovatelnykh uchrezhdeniyakh* [Health and physical development of children in preschool educational institutions]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 2010, pp. 66–69 (in Russian).
8. Zaitsev A. A. *Fizicheskoye vospitaniye doshkolnikov: uchebnoye posobiye* [Physical education of preschoolers: textbook]. Kaliningrad: Kaliningrad University Publ, 2007. 71 p. (In Russian).
9. Babayeva T. I., Gogoberidze A. G., Solntseva O. V. at al. *Kompleksnaya obrazovatelnaya programma doshkolnogo obrazovaniya "Detstvo"* [Complex educational program of preschool education “Childhood”]. St. Petersburg.: Publ. House DETSTVO-PRESS”, 2019. 352 p. (In Russian).
10. Keneman A. V., Khukhlayeva D. V. *Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya detey doshkolnogo vozrasta: uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh institutov po spetsialnosti "Doshkolnaya pedagogika i psichologiya"*. [Theory and methodology of physical education of preschool children: manual for students of pedagogical institutes on speciality “Preschool pedagogy and psychology”] (2nd ed.). Moscow: Prosveshcheniye Publ., 2008. 272 p. (In Russian).
11. Morganova O. N. *Fizkulturno-ozdorovitelnaya rabota v DOU* [Physical culture and health work in a childrens' educational institution]. Voronezh: Ikma Publ., 2005. 127 p. (In Russian).
12. Veraksa N. E., Komarova T. S., Vasilyeva M. A. (Ed.) *Ot rozhdeniya do shkoly: Osnovnaya obrazovatelnaya programma doshkolnogo obrazovaniya* [From birth to school: The main educational program of preschool education] (4th ed.). Moscow: MOSAICA-SYNTES Publ., 2018. 352 p. (In Russian).
13. Penzulayeva L. I. *Fizicheskaya kultura v detskom sadu: Sistema raboty v starshei gruppe* [Physical education in a kindergarten: The system of work in the senior group]. Moscow: MOSAIKA-SINTEZ, 2012. 72 p. (In Russian).
14. Stepanenкова E. Ya. *Teoriya i metodologiya fizicheskogo vospitaniya i razvitiya rebenka: uchebnoye posobiye* [Theory and methodology of physical education and child development: manual for students] (2nd ed.). Moscow: Publ. Center “Akademiya”, 2006. 368 p. (In Russian).

СНЕГОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат психологических наук,

доцент кафедры консультативной психологии и психологии здоровья

Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,

snegova_e.v.psy@mail.ru

YEKATERINA V. SNEGOVA

Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Counseling and Health Psychology of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

МАЛЬЦЕВА СВЕТЛНА ЕВГЕНЬЕВНА

магистрант Санкт-Петербургского государственного института

психологии и социальной работы,

fateewasveta@yandex.ru

SVETLANA YE. MALTSEVA

Master's Degree Student of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 159.9

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
ПРЕДПОЧТЕНИЙ СТАРШЕКЛАССНИКОВ**

**PSYCHOLOGICAL STUDY OF PROFESSIONAL PREFERENCES
OF HIGH SCHOOL STUDENTS**

Аннотация. В статье представлены результаты психологического исследования профессиональных предпочтений старшеклассников. Рассматриваются особенности профессионального самоопределения старшеклассников. Устанавливаются основные критерии выбора профессии старшеклассниками. Изучается отношение старшеклассников к выбранной профессии и к своему профессиональному будущему. Определяется количество старшеклассников, имеющих проблемы в сфере профессионального самоопределения. Исследуются профессиональные предпочтения старшеклассников, а именно, предпочтаемые сферы профессиональной деятельности и профессиональные интересы. Проводится сравнительный анализ профессиональных предпочтений и профессиональных интересов юношей и девушек. Анализируются связи между особенностями профессиональных предпочтений старшеклассников и их проблемами в сфере профессионального самоопределения. Также устанавливаются связи между особенностями профессиональных предпочтений старшеклассников и их личностными свойствами, такими как ценностные ориентации и уровень интернальности. По результатам комплексного анализа данных делаются выводы.

ABSTRACT. The article presents the results of psychological research of professional preferences of high school students. Features of professional self-determination and professional preferences of high school students are considered. The main criteria for choosing a profession by high school students are established. The attitude of high school students towards the chosen profession and their professional future is studied. The number of high school students with problems in the field of professional self-determination is determined. Professional preferences of high school students are investigated, namely, preferred areas of professional activity and professional interests. A comparative analysis of the professional preferences and professional interests of young men and women is carried out. Links between the characteristics of professional preferences of high school students and their problems in the field of professional self-determination are analysed. Links are also established between the features of the professional preferences of high school students and their personal properties, such as value orientations and the level of internality. Conclusions are drawn from the integrated analysis of the data.

Ключевые слова: старшеклассники, профессиональные предпочтения, профессиональное самоопределение, проблемы профессионального самоопределения, трудности профессионального самоопределения, выбор профессии, профессиональный выбор, профессиональная сфера, профессия, специальность, профессиональные интересы, ценностные ориентации, уровень субъективного контроля, интернальность, экстернальность.

KEYWORDS: high school students, professional preferences, professional self-determination, problems of professional self-determination, difficulties of professional self-determination, choice of profession, professional choice, professional sphere, profession, specialty, professional interests, value orientation, level of subjective control, internality, externality.

Создание актуальных, адекватных нынешней социально-экономической ситуации в нашей стране программ психологического консультирования молодых людей с проблемами в сфере профессионального самоопределения обуславливает необходимость всестороннего исследования профессиональных предпочтений современных старшеклассников. Подобные исследования дают возможность обнаружить не только особенности профессиональных предпочтений представителей молодого поколения, но и выявить причины, инициирующие возникновение проблем в сфере профессионального самоопределения у части из них.

Согласно этому, целью нашей работы стало исследование профессиональных предпочтений старшеклассников.

В соответствии с целью были поставлены следующие задачи: провести исследование особенностей профессионального самоопределения старшеклассников; исследовать профессиональные предпочтения старшеклассников; выявить взаимосвязи между особенностями профессиональных предпочтений старшеклассников и их проблемами в сфере профессионального самоопределения; выявить взаимосвязи между особенностями профессиональных предпочтений старшеклассников и их личностными свойствами, такими как ценностные ориентации, а также уровень интернальности.

Согласно задачам исследования был подобран комплекс диагностического инструментария. В комплекс были включены биографический метод, психодиагностические методы и методы математической обработки данных.

В блоки биографического метода и психодиагностических методов вошли следующие методики: Авторская биографическая анкета; Тест «Диагностика профессиональных предпочтений» Дж. Голланда [2]; методика «Дифференциальный-диагностический опросник» (ДДО) Е. А. Климова [3]; тест «Карта интересов» Е. А. Голомштока [1]; методика «Диагностика карьерных профессионально-организационных отношений» (блок «Выбранная профессия» и блок «Профессиональное будущее») Е. В. Снеговой [5]; методика «Диагностика структуры ценностных ориентаций» С. С. Бубновой [7]; опросник УСК (Уровень субъективного контроля) Дж. Роттера (адаптация Е. Ф. Бажина, С. А. Голынкиной, А. М. Эткинда) [4].

Для математической обработки полученных данных использовались Первичные описательные статистики, Коэффициент корреляции Спирмена; *U*-критерий Манна — Уитни.

Базой исследования являлось частное учреждение «Общеобразовательная Вальдорфская

школа Василеостровского района города Санкт-Петербурга».

В исследовании принимали участие старшеклассники в количестве 32 человек (20 девушек и 12 юношей) в возрасте от 15 до 18 лет. Средний возраст респондентов в выборке исследования составил 16 лет.

Необходимо отметить, что в нашей работе под профессиональными предпочтениями мы будем понимать предполагаемые выбираемые личностью ориентиры будущей профессионально-трудовой деятельности, обуславливаемые ее интересами, склонностями, способностями и ценностями.

Кроме того, под профессиональным самоопределением мы будем понимать «сложный динамический поэтапный процесс осуществления выбора профессионального пути, поиска смысла в предполагаемой, осваиваемой или уже выполняемой трудовой деятельности, а также увязывание личностью в единое целое индивидуального стиля жизни и профессиональной карьеры» [6, с. 41].

Рассмотрение результатов исследования начнем с анализа итоговых данных, полученных в процессе исследования особенностей профессионального самоопределения старшеклассников с использованием Авторской биографической анкеты и методики «Диагностика карьерных профессионально-организационных отношений» (блок «Выбранная профессия» и блок «Профессиональное будущее») Е. В. Снеговой.

Произведем анализ общих наиболее интересных значимых биографических данных и данных биографической анкеты, связанных с особенностями профессионального самоопределения представителей выборки исследования.

В ходе математической обработки обнаружено, что 75 % опрошенных старшеклассников имеют хорошую успеваемость (в основном учатся на четверки и пятерки). 25 % респондентов имеют удовлетворительную успеваемость (в основном учатся на тройки).

Большая часть опрошенных учеников (69 %) имеют увлечения, связанные с различными видами творческой деятельности. Спортом увлекаются 34 % респондентов. Интеллектуальными видами деятельности увлекаются также 34 % старшеклассников. Общественной деятельностью занимаются 22 % молодых людей.

Большинство опрошенных старшеклассников (78 %) определяют, что для них имеет значение в жизни самореализация. При этом значение образа жизни в человеческом бытии определяют 22 % респондентов.

Кроме того, установлено, что на выбор будущей профессии влияют в основном близкие

родственники (63% респондентов). 40% старшеклассников считают, что на их профессиональный выбор оказывают влияние друзья, товарищи по учебе, приятели. 34% молодых людей отмечают, что на их выбор профессии влияют средства массовой информации. Влияние учителей на выбор профессии отмечают 12% старшеклассников. И 6% респондентов считают, что на их профессиональный выбор влияют другие значимые взрослые.

В процессе анализа данных обнаружены основные критерии выбора профессии старшеклассников. Так, 78% молодых людей при выборе профессии учитывают вероятностный уровень будущей заработной платы. 65% старшеклассников отмечают, что в процессе профессионального выбора необходимо учитывать возможности для развития. 59% старшеклассников при выборе будущей профессии учитывают наличие возможности работы за рубежом. 47% респондентов выделяют критерий потенциального карьерного роста при выборе профессии.

Установлено, что 25% участвовавших в исследовании старшеклассников определяют настоящий период своей жизни как трудный, а 6% — как очень трудный период в своей жизни.

При этом 31% молодых людей из числа тех, кто определяет настоящий период своей жизни как трудный и очень трудный, считают, что сложности данного этапа жизни обусловлены прежде всего проблемами с выбором будущей профессии.

Анализ данных, полученных посредством методики «Диагностика карьерных профессионально-организационных отношений» (блок «Выбранная профессия» и блок «Профессиональное будущее») Е. В. Снеговой, позволил установить, что у старшеклассников в среднем по выборке исследования выявлено нейтральное отношение к выбранной будущей профессии (+0,3). Однако отношение к своему профессиональному будущему в среднем по выборке исследования обнаружено отрицательное (-0,25).

Следовательно, можно констатировать, что большей части респондентов выбранная будущая профессия нравится, однако их представления о предполагаемой будущей реализации себя в этой профессиональной сфере имеют негативную окраску.

Вместе с тем в процессе обработки полученных данных установлено, что почти треть респондентов (а именно 28% старшеклассников) имеют негативное отношение к выбранной профессии. И, в свою очередь, 62,5% старшеклассников имеют негативное отношение к своему профессиональному будущему.

Перейдем к рассмотрению результатов исследования профессиональных предпочтений старшеклассников. С целью реализации данной задачи использовались методики: тест Диагностики профессиональных предпочтений Дж. Голланда; методика «Дифференциально-диагностический опросник» (ДДО) Е. А. Климова; методика «Карта интересов» Е. А. Голомштока.

В ходе рассмотрения данных, полученных с использованием методики Дж. Голланда, позволяющей исследовать профессиональные предпочтения

старшеклассников, выявлено, что самое высокое значение среднеарифметического имеет показатель «Артистический тип личности» — 8–9 баллов (средне-высокий уровень проявления). Все остальные показатели имеют примерно одинаковые значения среднеарифметического — от 6 до 7 баллов (средний уровень проявления).

Анализ процентного распределения респондентов по группам профессиональных предпочтений позволил установить, что 43% респондентов относятся к артистическому типу личности. То есть этим молодым людям присущ эмоционально сложный взгляд на жизнь. Из особенностей личности можно выделить: гибкость и оригинальность мышления, хорошо развитые перцепцию и моторику, преобладание в структуре интеллекта вербальных способностей. Наиболее предпочтительные сферы деятельности: история, филология, искусство.

У 19% старшеклассников выявлено преобладание социального типа личности. Следовательно, данные респонденты отличаются выраженными социальными умениями, проявляющимися в общении и стремлении к лидерству. К основным личностным особенностям относятся: эмоциональность, чувствительность, приспособляемость; в структуре интеллекта выражены вербальные способности; отличаются стремлением поучать и воспитывать окружающих, а также способностью к сопереживанию, сочувствию. Предпочитаемые сферы деятельности: педагогика, психология, социальная работа, медицина.

13% респондентов относятся к реалистическому типу личности, то есть обладают высокой эмоциональной стабильностью, предпочитают заниматься конкретными объектами и их использованием. Выбирают занятия, требующие моторных навыков. Характерны невербальные способности, пространственное воображение. Наиболее предпочтительные сферы деятельности: технические виды деятельности, физика, химия.

У 9,5% старшеклассников обнаружено преобладание конвенционального типа личности. Следовательно, данная группа респондентов, имея способности к переработке конкретной, рутинной информации, отдает предпочтение структурированной деятельности, работе по инструкциям. В структуре интеллекта преобладают невербальные счетные способности. Черты характера: консерватизм, конформизм, зависимость. Предпочитаемые сферы деятельности: финансовая деятельность, бухгалтерский учет, товароведение, делопроизводство.

Также у 9,5% респондентов выявлен интеллектуальный тип и у 6% респондентов определен предпримчивый тип личности.

При этом для интеллектуального типа (9,5%) характерны следующие способности: аналитический ум, независимость и оригинальность суждений, преобладание теоретических и эстетических ценностей, ориентированность на решение интеллектуальных творческих задач. Структура интеллекта гармонична, развиты вербальные и невербальные способности. Наиболее предпочтительные сферы деятельности: наука, математика, геология, география и т. д.

В свою очередь, для респондентов с предприимчивым типом личности (6%) характерны: стремление к лидерству, потребность в признании, энтузиазм, импульсивность. В структуре интеллекта преобладают вербальные способности. Предпочитаемые сферы деятельности: управленческая деятельность, бизнес, дипломатическая деятельность.

В ходе сравнительного анализа показателей методики Д. Голланда было выявлено статистически значимое различие между юношами и девушками по показателю «Артистический тип личности» ($p < 0,05$). То есть у респондентов статистически достоверно выше уровень среднеарифметического значения показателя «Артистический тип личности», чем в группе респондентов-юношей.

Рассмотрим результаты, полученные посредством Дифференциально-диагностического опросника (ДДО) Е. А. Климова. Установлено, что наиболее предпочтительными профессиональными сферами в исследуемой выборке являются: «человек — художественный образ» (среднеарифметическое значение — 5,62, средне-высокий уровень проявления) и «человек — человек» (среднеарифметическое значение — 4,2, средний уровень проявления).

Таким образом, для старшеклассников, участвующих в исследовании, наиболее предпочтительными являются творческие специальности, а также профессии, связанные с общением и обслуживанием людей.

Менее предпочтительными профессиональными сферами в выборке исследования являются: «человек — природа» (среднеарифметическое значение — 3,53, средне-низкий уровень проявления), «человек — знак» (среднеарифметическое значение — 3,28, средне-низкий уровень проявления) и «человек — техника» (среднеарифметическое значение — 3,28, средне-низкий уровень проявления). То есть респонденты в меньшей степени предпочитают специальности, связанные с растениеводством, животноводством; специальности, связанные с расчетами, буквенными знаками и техническими профессиями.

Сравнительный анализ средних арифметических значений показателей Методики ДДО Е. А. Климова в группах девушек и юношей показал, что у девушек статистически значимо выше предпочтение профессий сфер «человек — художественный образ» и «человек — природа» ($p < 0,001$), а для юношей характерна более выраженная направленность на сферы типа «человек — знак» и «человек — техника».

В ходе рассмотрения данных, полученных с использованием методики «Карта интересов» Е. А. Голомштока, установлено, что большинство сфер профессиональных интересов в среднем по выборке исследования слабо выражены. Часть сфер профессиональных интересов в среднем по выборке исследования отрицаются. Так, однозначно отрицаются такие сферы, как: математика (-3,65), физика (-2,25), электротехника и радиотехника (-2,15), металлообработка (-1,9), химия

(-1,53), экономика (-1,25), транспорт (-1,43), военные специальности (-0,56), техника (-0,25).

Сравнительный анализ средних арифметических значений показателей методики «Карта интересов» Е. А. Голомштока позволил выявить значимые различия ($p < 0,001$) между юношами и девушками по таким сферам профессиональных интересов, как техника, электротехника и радиотехника, металлообработка, физика, математика и сценическое искусство. То есть для юношей более значимы сферы интересов, связанные с техникой, электротехникой и радиотехникой, металлообработкой, физикой, математикой, а для девушек более значимой сферой является сценическое искусство.

Перейдем к рассмотрению результатов исследования взаимосвязей между особенностями профессиональных предпочтений старшеклассников и их проблемами в сфере профессионального самоопределения.

В ходе проведения математико-статистического анализа с использованием критерия Манна — Уитни для независимых выборок установлено ($p < 0,05$), что для старшеклассников, имеющих проблемы с выбором профессии, характерен более выраженный интерес к профессиональным сферам гуманитарного и художественного типа, то есть к сферам, связанным с историей, журналистикой, литературой, педагогикой и общественными науками (Авторская биографическая анкета и методика «Карта интересов» Е. А. Голомштока).

В свою очередь, старшеклассники, не имеющие проблем с профессиональным выбором, в большей степени предпочитают сферы, связанные со строительными специальностями, транспортом и иностранными языками.

То есть у старшеклассников без проблем в сфере профессионального самоопределения, по сравнению со старшеклассниками с проблемами в сфере профессионального самоопределения, значимо более выражен утилитарно-рациональный подход к выбору профессии, они предпочитают конкретные специальности и навыки, которые более востребованы на рынке труда.

В ходе выявления взаимосвязей между особенностями профессиональных предпочтений старшеклассников и их проблемами в сфере профессионального самоопределения с использованием корреляционного анализа установлена значимая отрицательная взаимосвязь на уровне $p < 0,01$ ($r = -0,485$) между показателями «Сложный период жизни, связанный с выбором профессии» и «Конвенциональный тип личности». Наличие этой связи указывает на то, что если у старшеклассников имеются трудности с выбором профессии, то у них в меньшей степени выражен конвенциональный тип личности. И наоборот, наличие высокой степени выраженности конвенционального типа личности связано с отсутствием проблем с выбором профессии. То есть у старшеклассников, имеющих способности, связанные с переработкой конкретной, рутинной информации, отдающих предпочтение структурированной деятельности, работе по инструкциям, имеющих в структуре интеллекта преобладание невербальных счетных

способностей, с такими чертами характера, как консерватизм, конформизм, зависимость, отсутствуют трудности, связанные с выбором профессии. Кроме того, старшеклассники с высокой степенью выраженности конвенционального типа личности имеют профессиональные предпочтения к сферам деятельности: финансовая деятельность, бухгалтерский учет, товароведение, делопроизводство.

С целью обнаружения взаимосвязей между склонностями старшеклассников к определенным сферам деятельности и их ценностными ориентациями использовался корреляционный анализ.

В ходе корреляционного анализа установлена значимая положительная связь между ценностной ориентацией «Поиск и наслаждение прекрасным» и сферой деятельности «человек — художественный образ» $p < 0,01$ ($r = 0,583$). Наличие этой связи указывает на то, что, если для старшеклассника является важным реализовывать поиск и наслаждение прекрасным, он выбирает специальности, связанные с творческой деятельностью.

Также обнаружена значимая отрицательная связь между ценностной ориентацией «Общение» и сферой деятельности «человек — природа» $p < 0,01$ ($r = -0,450$). Таким образом, если для старшеклассника общение не является значимым, то он предпочитает профессии, связанные с растениеводством, животноводством и лесным хозяйством.

Кроме того, выявлена значимая отрицательная связь между ценностной ориентацией «Любовь» и сферой деятельности «человек — знак» $p < 0,01$ ($r = -0,548$). Наличие этой связи указывает на то, что, если для старшеклассника не является важным реализовывать чувство любви, он выбирает профессии, связанные с расчетами, цифровыми и буквенными знаками.

Установлена также отрицательная взаимосвязь между ценностной ориентацией «Помощь и милосердие к другим людям» и сферой деятельности «человек — техника» $p < 0,01$ ($r = -0,478$). Следовательно, если у старшеклассника отсутствует желание оказывать помощь и проявлять милосердие к другим людям, то он предпочитает технические профессии.

Для обнаружения взаимосвязей между профессиональными предпочтениями старшеклассников и их ценностными ориентациями также использовался корреляционный анализ.

В ходе корреляционного анализа установлена значимая положительная корреляционная связь между ценностной ориентацией «Высокий социальный статус и управление людьми» и конвенциональным типом личности $p < 0,01$ ($r = 0,473$). Наличие этой связи указывает на то, что, если для старшеклассника являются значимыми наличие высокого статуса и возможность управлять людьми, он предпочитает сферы деятельности, связанные с финансами, бухгалтерским учетом, товароведением и делопроизводством.

Наряду с этим выявлена значимая положительная корреляционная связь между ценностной ориентацией «Поиск и наслаждение прекрасным» и художественным типом личности $p < 0,01$ ($r = 0,612$). Следовательно, если для старшеклассника является

важным осуществлять поиск и наслаждение прекрасным, то он предпочитает профессии, связанные с искусством, филологией и историей.

В свою очередь, установлена значимая положительная корреляционная связь между ценностной ориентацией «Высокий социальный статус и управление людьми» и предпринимательским типом личности $p < 0,05$ ($r = 0,391$). То есть, если для старшеклассника являются значимыми наличие высокого статуса и возможность управлять людьми, он предпочитает сферы деятельности, связанные с бизнесом иправленческой деятельностью.

Кроме того, обнаружена значимая положительная корреляционная связь между ценностной ориентацией «Общение» и конвенциональным типом личности $p < 0,05$ ($r = 0,400$). Таким образом, если для старшеклассника является важным реализовывать общение, то он предпочитает сферы деятельности, связанные с товароведением и делопроизводством.

Выявлены: значимая положительная корреляционная связь между ценностной ориентацией «Познание нового в мире, природе, человеке» и интеллектуальным типом личности $p < 0,05$ ($r = 0,356$), значимые отрицательные связи между ценностными ориентациями «Высокое материальное положение» $p < 0,01$ ($r = -0,535$), «Высокий социальный статус и управление людьми» $p < 0,01$ ($r = -0,512$), а также интеллектуальным типом личности. Наличие этих связей указывает на то, что, если для старшеклассника является значимым осуществлять познание нового в мире, природе, человеке и не являются важными высокое материальное благополучие, высокий социальный статус, возможность управлять людьми, он предпочитает сферы деятельности, связанные с наукой.

Обнаружена также значимая отрицательная связь между ценностной ориентацией «Любовь» и конвенциональным типом личности $p < 0,01$ ($r = -0,502$). Такая связь свидетельствует о том, что, если для старшеклассника незначимым является переживание чувства любви, то он предпочитает сферы деятельности, связанные с финансами, бухгалтерским учетом, товароведением и делопроизводством.

Вместе с тем установлена значимая отрицательная связь между ценностной ориентацией «Поиск и наслаждение прекрасным» и предпринимательским типом личности $p < 0,01$ ($r = -0,513$). Следовательно, если для старшеклассника является незначимым осуществлять поиск и наслаждение прекрасным, он предпочитает сферы деятельности, связанные с бизнесом и управлениемской деятельностью.

С использованием корреляционного анализа осуществлялось выявление взаимосвязей между интересами старшеклассников и их ценностными ориентациями. Корреляционные связи были выявлены на уровнях: $p < 0,01$ и $p < 0,05$.

Так, обнаружены положительные значимые связи между ценностной ориентацией «Поиск и наслаждение прекрасным» и такими интересами, как история, литература, журналистика, общественная деятельность, ИЗО, сценическое искусство, музыка.

С вышеназванной ценностной ориентацией имеется также отрицательная значимая связь с интересом к электротехнике и радиотехнике. Наличие этих связей указывает на то, что, если для старшеклассника является важным осуществлять поиск и наслаждение прекрасным, он проявляет интерес к истории, литературе, журналистике, общественной деятельности, ИЗО, сценическому искусству, музыке; одновременно с этим у него отсутствует интерес к электротехнике и радиотехнике.

В свою очередь, установлены положительные значимые связи между ценностной ориентацией «Познание нового в мире, природе, человеке» и такими интересами, как физика, химия, техника, транспорт, история, математика, экономика, музыка.

Вместе с тем ценностная ориентация «Высокое материальное благосостояние» имеет значимые положительные связи с интересами к транспорту, военным специальностям, юриспруденции, экономике.

А ценностная ориентация «Высокий социальный статус» имеет значимые положительные связи с интересами к военным специальностям, общественной деятельности, юриспруденции.

Кроме того, выявлена положительная значимая связь между ценностной ориентацией «Помощь и милосердие к людям» и интересами к сфере обслуживания, геологии, географии.

Также обнаружена значимая положительная связь между ценностной ориентацией «Признание и уважение людей» и интересами к медицине, педагогике, сфере обслуживания.

Значимая отрицательная взаимосвязь установлена между ценностной ориентацией «Любовь» и такими интересами, как физика, техника, электротехника, радиотехника, металлообработка, деревообработка. Следовательно, если для старшеклассника важно реализовывать чувство любви, то у него отсутствуют интересы к физике, технике, электротехнике, радиотехнике, металлообработке, деревообработке.

Для обнаружения взаимосвязей между профессиональными предпочтениями, интересами старшеклассников и их уровнем субъективного контроля также использовался корреляционный анализ.

В ходе корреляционного анализа установлено, что имеется значимая положительная взаимосвязь между уровнем интернальности в межличностных отношениях и исследовательским (интеллектуальным) типом личности $p < 0,01$. То есть если для старшеклассника в большей мере характерно проявление автономной ответственности за выстраивание межличностных отношений, то он предпочитает специальности, связанные с научной деятельностью.

Таким образом, комплексный анализ полученных результатов исследования профессиональных предпочтений старшеклассников сводится к следующему.

Первое — установлено, что 31% старшеклассников из числа тех, кто определил настоящий период своей жизни как трудный и очень трудный, считают, что сложности данного этапа жизни

обусловлены прежде всего проблемами с выбором будущей профессии.

Также выявлено, что у большинства старшеклассников налицо нейтральное отношение к выбранной будущей профессии, но одновременно с этим большинство старшеклассников имеют отрицательное отношение к своему профессиональному будущему.

То есть большей части респондентов выбранная будущая профессия нравится, а их представления о предполагаемой будущей реализации себя в этой профессиональной сфере имеют негативную окраску.

Вместе с тем в процессе обработки полученных данных обнаружено, что почти треть респондентов, а именно 28% старшеклассников, имеют негативное отношение к выбранной профессии. И, в свою очередь, 62,5% старшеклассников имеют негативное отношение к своему профессиональному будущему.

Кроме того, установлено, что на выбор будущей профессии влияют в основном близкие родственники (63% респондентов). 40% старшеклассников считают, что на их профессиональный выбор оказывают влияние друзья, товарищи по учебе, приятели. 34% молодых людей отмечают, что на их выбор профессии оказывают влияние средства массовой информации. Влияние учителей на выбор профессии отмечают 12% старшеклассников. И 6% респондентов считают, что на их профессиональный выбор оказывают влияние другие значимые взрослые.

В процессе анализа данных обнаружены основные критерии выбора профессии старшеклассников. Так, 78% респондентов при выборе профессии учитывают вероятностный уровень будущей заработной платы. 65% старшеклассников отмечают, что в процессе профессионального выбора необходимо учитывать возможности для развития. 59% респондентов при выборе будущей профессии учитывают наличие возможности работы за рубежом. 47% респондентов выделяют критерий потенциального карьерного роста при выборе профессии.

Второе — обнаружено, что для 43% респондентов характерен артистический тип личности (тест Диагностики профессиональных предпочтений Дж. Голланда). То есть этим молодым людям присущ эмоционально сложный взгляд на жизнь. Из особенностей личности можно выделить: гибкость и оригинальность мышления, хорошо развитые перцепцию и моторику, преобладание в структуре интеллекта вербальных способностей. Наиболее предпочтительные сферы деятельности: история, филология, искусство.

У 19% старшеклассников выявлено преобладание социального типа личности. Предпочтительными для них сферами деятельности являются педагогика, психология, социальная работа, медицина.

В свою очередь, 13% респондентов имеют реалистический тип личности. То есть для них наиболее предпочтительны технические виды деятельности, физика, химия.

У 9,5% старшеклассников обнаружено преобладание конвенционального типа личности.

Предпочтительными для них сферами деятельности являются финансовая деятельность, бухгалтерский учет, товароведение, делопроизводство.

Вместе с тем у 9,5% респондентов выявлен интеллектуальный тип (предпочтительные сферы деятельности: наука, математика, геология, география и т.д.) и у 6% респондентов определен предпринимчивый тип личности (предпочитаемые сферы деятельности: управлеченческая деятельность, бизнес, дипломатическая деятельность).

Также в ходе сравнительного анализа выявлено, что у девушек статистически достоверно выше уровень среднеарифметического значения показателя «Артистический тип личности», чем в группе респондентов юношей.

Кроме того, установлено, что предпочтительными сферами профессиональной направленности (методика ДДО Е. А. Климова) в исследуемой выборке являются: «человек — художественный образ» и «человек — человек». То есть для старшеклассников, участвующих в исследовании, наиболее предпочтаемыми являются творческие специальности, а также профессии, связанные с общением и обслуживанием людей. Менее предпочтительными сферами профессиональной направленности в выборке исследования являются: «человек — природа», «человек — знак» и «человек-техника». То есть старшеклассники в меньшей степени предпочитают специальности, связанные с растениеводством, животноводством, а также специальности, связанные с расчетами, буквенными знаками и техническими профессиями.

При этом сравнительный анализ показал, что у девушек статистически значимо выше предпочтение профессий сфер «человек — художественный образ» и «человек — природа», а для юношей характерна более выраженная направленность на специальности типа «человек — знак» и «человек — техника».

В свою очередь, в ходе рассмотрения данных, полученных с использованием методики «Карта интересов» Е. А. Голомштока, установлено, что большинство сфер профессиональных интересов в среднем по выборке исследования выражены слабо. Часть сфер профессиональных интересов в среднем по выборке исследования вообще отрицаются. Отрицаются такие сферы, как математика, физика, электротехника и радиотехника, металлообработка, химия, экономика, транспорт, военные специальности, техника.

Сравнительный анализ позволил выявить значимые различия между юношами и девушками по таким сферам профессиональных интересов, как техника, электротехника и радиотехника, металлообработка, физика, математика и сценическое искусство. То есть для юношей более значимы сферы интересов, связанные с техникой, электротехникой и радиотехникой, металлообработкой, физикой, математикой, а для девушек более значимой сферой является сценическое искусство.

Третье — выявлены связи между особенностями профессиональных предпочтений старшеклассников и их проблемами в сфере профессионального самоопределения. Так, для старшеклассников,

имеющих проблемы с выбором профессии, характерен более выраженный интерес к профессиональным сферам гуманитарного и художественного типа, то есть к сферам, связанным с историей, журналистикой, литературой, педагогикой и общественными науками.

Обнаружено также, что старшеклассники, не имеющие трудностей с профессиональным выбором, в большей степени предпочитают профессиональные сферы, связанные со строительными специальностями, с транспортом и с иностранными языками.

То есть у старшеклассников без проблем в сфере профессионального самоопределения, по сравнению со старшеклассниками с проблемами в сфере профессионального самоопределения, значимо более выражен утилитарно-рациональный подход к выбору профессии, они предпочитают конкретные специальности и навыки, которые более востребованы на рынке труда.

Кроме того, у старшеклассников без проблем в сфере профессионального самоопределения обнаружено наличие высокой степени выраженности конвенционального типа личности. Иными словами, у них имеются склонности, связанные с переработкой конкретной, рутинной информации, с предпочтением структурированной деятельности, работе по инструкциям. Эти старшеклассники имеют в структуре интеллекта преобладание невербальных счетных способностей и обладают следующими чертами характера: консерватизм, конформизм, зависимость.

Четвертое — установлены связи ценностных ориентаций и уровня субъективного контроля старшеклассников с их профессиональными предпочтениями и интересами. Так, обнаружено, что при наличии желания реализовывать поиск и наслаждения прекрасным старшеклассники интересуются историей, литературой, журналистикой, общественной деятельностью, ИЗО, сценическим искусством, музыкой, выбирают специальности, связанные с творческой деятельностью. Однако эти молодые люди не проявляют интерес к электротехнике и радиотехнике. Если же ценностная ориентация, связанная с поиском и наслаждением прекрасным, не значима, то старшеклассники предпочитают сферы деятельности, связанные с бизнесом и управлеченской деятельностью.

Кроме того, если для старшеклассников общение не является значимым видом деятельности, то они предпочитают профессии, связанные с растениеводством, животноводством и лесным хозяйством.

При этом для старшеклассников, не имеющих значимой ценности любви в структуре личности, характерен выбор профессий, связанных с расчетами, цифровыми и буквенными знаками. А старшеклассники, для которых значима ценность, связанная с переживанием чувства любви, не интересуются физикой, техникой, электротехникой, радиотехникой, металлообработкой, деревообработкой.

Также при отсутствии значимого желания оказывать помочь и проявлять милосердие к другим

людям старшеклассники предпочитают технические профессии. Напротив, при наличии значимого желания оказывать помощь и проявлять милосердие к другим людям старшеклассники интересуются сферой обслуживания.

При наличии у старшеклассников в структуре личности значимых ценностных ориентаций, связанных с высоким статусом и возможностью управлять людьми, они предпочитают сферы деятельности, связанные с финансами, бухгалтерским учетом, товароведением и делопроизводством, а также проявляют интерес к транспорту, военным специальностям, юриспруденции, экономике, общественной деятельности.

Выявлено также, что при наличии значимости осуществления познания нового в мире, природе,

человеке для старшеклассников не являются важными ценностями высокое материальное благополучие, высокий социальный статус и возможность управлять людьми. Эти старшеклассники предпочитают сферы деятельности, связанные с научной деятельностью, и проявляют интересы к физике, химии, технике, транспорту, истории, математике, экономике, музыке.

Вместе с тем, если для старшеклассников значима ценностная ориентация, связанная с признанием и уважением людей, то они проявляют интерес к медицине, педагогике, сфере обслуживания.

Кроме того, для старшеклассников с проявлением автономной ответственности за выстраивание межличностных отношений характерно предпочтение специальностей, связанных с научной деятельностью.

1. Зеер Э.Ф., Павлова А. М., Садовникова Н.О. Профориентология: Теория и практика: учеб. пособ. для высшей школы. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 192 с.
2. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. 544 с.
3. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 304 с.
4. Психологические тесты для профессионалов / авт.-сост Н. Ф. Гребень. Минск: Соврем. шк., 2007. 496 с.
5. Психология менеджмента: практикум / под. ред. Г. С. Никифорова. СПб.: Речь, 2010. 535 с.
6. Снегова Е. В. Особенности профессионального самоопределения молодежи // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2007. Вып. 2, т. 8. С. 41–44.
7. Шапарь В. Б. Практическая психология. Инструментарий. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 768 с.

References

1. Zeyer E.F., Pavlova A. M., Sadovnikova N.O. *Proforientologiya: Teoriya i praktika: ucheb. posob. dlya vysshei shkoly* [Career science: Theory and practice: textbook for higher school]. Moscow: Akademicheskiy proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2004. 192 p. (In Russian).
2. Ilyin Ye.P. *Differentsialnaya psikhofiziologiya muzhchiny i zhenshhiny* [Differential psychophysiology of a man and a woman]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 544 p. (In Russian).
3. Klimov Ye.A. *Psikhologiya professionalnogo samoopredeleniya: ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy* [Psychology of professional self-determination: textbook for students of higher schools] (4th ed.) Moscow: Akademiya Publ., 2010. 304 p. (In Russian).
4. Greben N. F. *Psikhologicheskiye testy dlya professionalov* [Psychological tests for professionals]. Minsk: Sovremennaya Shkola Publ., 2007. 496 p. (In Russian).
5. Nikiforov G. S. (Ed.) *Psikhologiya menedzhmenta: praktikum* [Psychology of management: practicum]. St. Petersburg: Rech Publ., 2010. 535 p. (In Russian).
6. Snegova Ye. V. *Osobennosti professionalnogo samoopredeleniya molodezhi* [Features of professional self-determination of youth]. *Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psichologii i sotsialnoy raboty — Scientific Notes Journal of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*, 2007, 2 (8), pp. 41–44 (in Russian).
7. Shapar V. B. *Prakticheskaya psikhologiya: instrumentariy* [Practical psychology: instruments]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2005. 768 p. (In Russian).

КОСТИНА ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА

кандидат психологических наук, доцент Российской государственного педагогического университета имени А. И. Герцена,
lumiko@mail.ru

LYUBOV M. KOSTINA

Cand. Sc. (Psychology) Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia

УДК 159.99

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ
В АДАПТАЦИОННЫЙ ПЕРИОД**

**PSYCHOLOGICAL MODEL OF FORMATION OF PSYCHOLOGICAL SECURITY
OF THE PERSONALITY OF STUDENTS IN THE ADAPTATION PERIOD**

Аннотация. Одной из ведущих проблем современных научных исследований является изучение феномена психологической безопасности. В настоящее время активные исследования ведутся в двух параллельных областях — это психологическая безопасность образовательной среды и психологическая безопасность личности учащихся. В данной статье рассматривается понятие психологической безопасности личности обучающихся. Предпринята попытка выделить и обосновать компоненты и структурные элементы психологической безопасности личности: устойчивость личности в среде, в том числе и в психотравмирующий период; сопротивляемость (жизнестойкость) внешним и внутренним воздействиям; переживание защищенности или незащищенности личности; эффективность деятельности. Представляется модель формирования психологической безопасности личности учащегося в адаптационный период, обусловленный переходом на следующую ступень образования. Раскрываются цель, задачи, принципы условия структура (компоненты), содержание и основные технологии реализации модели.

ABSTRACT. One of the leading problems of modern scientific research is the study of the phenomenon of psychological security. Currently, active research is being conducted in two parallel areas — psychological safety of the educational environment and psychological safety of the students' personality. This article deals with the concept of the psychological safety of the students' personality. An attempt was made to identify and justify the components and structural elements of psychological security of an individual: personality stability in the environment, including the traumatic period, resistance (vitality) to external and internal influences, experiencing the security or insecurity of the individual, performance efficiency. A model of the formation of psychological security of the student's personality during the adaptation period, due to transition to the next level of education, is presented. The goal, tasks, principles, structure (components), content and main technologies of model implementation are revealed.

Ключевые слова: психологическая безопасность личности, модель формирования.

Keywords: psychological security of a person, model of formation.

На современном этапе в связи с принятием нового закона «Об образовании» и парадигмальными изменениями общественного сознания остро встает вопрос о достижении максимального эффекта в уровне образования ребенка в условиях его полной психологической безопасности. Исследования данной проблемы получают все большее распространение (И. А. Баева, М. Р. Битянова, Н. В. Груздева, Г. А. Мкртычан, В. И. Панов и др.). Вместе с тем наблюдается расхождение в трактовке самого понятия «психологическая безопасность». В отдельных работах оно обозначается как качество какой-либо системы, определяющее ее возможность и способность к самосохранению, в других — как система гарантий, обеспечивающих устойчивое развитие и защиту

от внутренних и внешних угроз. Общим мнением можно признать то, что «... безопасность направлена на сохранение системы, на обеспечение ее нормального функционирования» [1, с. 17]. При этом психологическая безопасность рассматривается в контексте безопасности среды и безопасности личности.

Многочисленные попытки исследователей выделить определенный набор свойств и качеств личности, обеспечивающих защищенность человека в социуме вообще и в образовательном процессе в частности, определяют необходимость более глубокого изучения психологической безопасности личности учащегося в образовательном процессе.

Остановимся подробнее на определении данного феномена. В некоторых работах (например,

В. П. Соломин, Л. А. Михайлов, Т. В. Маликова, О. В. Шатрова) рассматривается психологическая безопасность личности через призму внешних факторов, угрожающих ее целостности и стабильности, провоцирующих психологическую незащищенность и травмированность личности ребенка [8]. На наш взгляд, практически невозможно создание модели формирования психологической безопасности личности в данном направлении. Трудности связаны в первую очередь с тем, что учеными не будет признана состоятельной и окончательной любая попытка классифицировать все возможные микро- и макрофакторы, угрожающие психологической безопасности личности учащегося. Это связано и с постоянно изменяющимися условиями внешней среды, и с динамическими изменениями самой личности. Иными словами, одна и та же ситуация в разные периоды времени может оцениваться человеком как безопасная, как нейтральная и как опасная.

В связи с этим возникает необходимость конструирования модели формирования психологической безопасности учащегося, основанной на более детальном рассмотрении индивидуальных психологических особенностей обучающегося, способствующих ощущению и проявлению психологической безопасности личности независимо от воздействующих на нее факторов.

В подобном подходе психологическая безопасность личности проявляется как «ее способность сохранять устойчивость в среде с определенными паттернами, в том числе и с психотравмирующими воздействиями, сопротивляемость деструктивным внутренним и внешним воздействиям, и отражается в переживании своей защищенности в конкретной жизненной ситуации» [5].

В результате анализа современных научных исследований нами были выделены следующие показатели психологической безопасности личности:

1. Устойчивость личности в среде, в том числе и в психотравмирующий период. Безопасность понимается как проявление различных материальных и социальных систем сохранять устойчивость при различных отрицательных явлениях (Н. Н. Рыбалкин).

2. Сопротивляемость (жизнестойкость) внешним и внутренним воздействиям. Безопасность понимается как свойство личности, характеризующее ее защищенность от деструктивных воздействий за счет внутренних ресурсов сопротивляемости (И. А. Баева).

3. Переживание защищенности/незащищенности личности. Безопасность проявляется как переживание индивидом позитивных/негативных психических состояний, отсутствие/наличие беспокойства, тревожности.

4. Эффективность деятельности. Психологическая безопасность рассматривается через показатель эффективности деятельности, в которую личность включена (И. А. Баева).

Подробнее данные элементы были описаны нами в более ранних работах [2–4].

В условиях глобализации активно пропагандируются унифицированные идеологические,

культурные, религиозные, политические стандарты и высока вероятность сужения спектра адаптивных стратегий личности в социуме. Все более актуальной становится задача охраны здоровья обучающихся, создания адаптивного образования, профилактики возникновения и развития школьной дезадаптации. Это, с одной стороны, может облегчить функционирование общественных институтов в плане формирования адаптивного гражданина будущего общества, а с другой — одновременно ослабить адаптационный ресурс, базирующийся на эволюционно закрепленном разнообразии взаимодействующих субъектов. В то же время отрицание либо игнорирование объективно существующих закономерностей в процессе социально-психологической адаптации обучающегося на всех ступенях непрерывного образования может привести к дисфункции общественных структур как агентов адаптации личности к происходящим переменам.

Переходный период от одного уровня непрерывного образования к другому, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, является наиболее сложным. Отмечается рост количества обучающихся, испытывающих затруднения на различных ступенях непрерывного образовательного процесса. В настоящее время, по данным Росстата, насчитывается более 20 млн человек, обучающихся на начальных, средних и высших уровнях образования. При этом самые низкие показатели психического и физического здоровья регистрируются в 1, 5 и 10 классах школ, то есть в адаптационные периоды. Современное образование призвано формировать такой субъект жизнедеятельности, который способен социально самоопределяться в изменяющихся условиях социокультурной среды. В этой связи значимым для теории и практики образования представляется научное осмысление форм и методов психологической поддержки личности в образовательном процессе.

Методологическое и теоретическое обоснование проблемы адаптации обучающихся на разных уровнях непрерывного образования рассматривается на философском, общеначальном и собственно психологическом уровнях. Философский уровень определяется в работах В. Ю. Верещагина, А. Б. Георгиевского, В. П. Петленко, М. В. Ромма, Ю. А. Урманцева, Г. И. Царегородцева и др. На данном уровне определяется статус понятия «адаптация личности», анализируются особенности процесса адаптации с точки зрения усвоения человеком социального опыта, накопленного в ходе культурно-исторического развития общества. Учеными раскрываются механизмы ценностного освоения окружающей действительности, способствующие избирательному превращению объективных общественных форм и условий жизнедеятельности в формы субъективного значения (ценностные ориентации, установки, мотивы, потребности), а также самореализация в этих сообществах.

На общеначальном уровне проблема адаптации личности в образовательном процессе в первую очередь представлена медико-биологическими иссле-

дованиями (Ю. А. Александровский, В. А. Ананьев, А. И. Воложин, Д. Н. Давиденко, Г. М. Зараковский, В. И. Медведев, Ю. К. Субботин). На медико-биологическом уровне адаптация изучается как способ жизнедеятельности человека в изменившихся условиях окружающей среды, выявляются биологические факторы, механизмы, нарушающие состояние равновесия человека с окружающей средой и обуславливающие возникновение отклонений в его физическом и психическом здоровье.

В науках о человеке рассматривается адаптация как значимая составляющая, обеспечивающая нормальное функционирование личности в настоящем и его полноценное развитие в будущем. В теоретическом и экспериментальном плане данной проблемой занимались такие ученые, как С. Д. Дерябо, Е. П. Крупник, Г. М. Зараковский, Ф. З. Меерсон, В. И. Медведев, В. И. Панов, Р. А. Тагирова, В. А. Ясвин и др. Отдельно рассматривалась проблема обоснования связи адаптации с условиями развития и саморазвития личности (В. А. Ананьев, И. В. Дубровина, Л. А. Коростылева, П. С. Кузнецов, В. А. Мурзенко, С. И. Сороко, С. Т. Порохова и др.). Большая часть перечисленных исследований рассматривает адаптацию как способ существования личности либо как уникальное средство проявления его психики.

На собственно психологическом уровне адаптация исследуется в различных отраслях психологического знания. Индивидуальные психологические проявления адаптации рассматриваются в трудах Б. Г. Ананьева, Н. А. Бернштейна, Ф. Б. Березина, Б. М. Величковской, Г. Селье и др. Роль адаптации в интеллектуальном развитии личности отображена в работах Л. И. Анциферовой, Л. С. Дикой, У. Найсера, Ж. Пиаже, М. А. Холодной и др. Социально-психологический аспект адаптации освещается в исследованиях А. Бандуры, А. А. Реана, К. Хала и др.

Особое место занимают научные исследования, предметом которых является психологическая адаптация в образовательном процессе. Возрастной аспект проблемы психологической адаптации в образовании отражен в работах Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, Т. В. Драгуновой, И. В. Дубровиной, А. Н. Леонтьева, М. И. Лисиной, С. Л. Рубинштейна, Д. Б. Эльконина и др. Учеными отмечаются динамичность и неконстантность изучаемого феномена в связи с изменением функциональных систем, обеспечивающих возрастное развитие человека.

Анализ динамики научного интереса на разных уровнях непрерывного образования показал, что большая часть работ рассматривает проблему адаптации обучающихся на этапе перехода на начальную ступень обучения (А. Л. Венгер, Н. И. Гуткина, М. В. Максимова, О. В. Панферова, И. Л. Пшенцова, Д. В. Рязанова, С. В. Феоктистова). Данный период признается одним из наиболее значимых в возрастном развитии ребенка. В контексте психологической безопасности личности исследователи утверждают, что дети, у которых отмечены наибольшие трудности в адаптации, подвержены одновременному воздействию многих

факторов риска, которые присутствуют в их жизни длительное время (И. А. Баева). Некоторые авторы выделяют информационную среду как фактор, влияющий на психологическую безопасность личности обучающихся при адаптации к образовательному процессу (например, И. Л. Пшенцова, Д. В. Рязанова) в качестве инструментария реализации модели формирования психологической безопасности. Отмечается, что проблемы психологической безопасности личности в период адаптации обучающегося к образовательному процессу могут проявляться в физиологической дезадаптации и психосоматических реакциях, в снижении ресурсов, неустойчивости нервной системы к учебным нагрузкам. В младших классах дети становятся группой риска по развитию болезней нервной регуляции. Обобщая результаты разработки модели комплексной безопасности, Л. А. Гаязова также отмечает связь психологической безопасности с адаптацией обучающихся к образовательной системе. В качестве одного из показателей безопасности образовательной среды автор рассматривает наличие реализуемых программ сопровождения учащихся, направленных на адаптацию различных групп детей к образовательной среде (Л. А. Гаязова).

Несколько скромнее представлен спектр работ, посвященных проблеме перехода на ступень основного образования (М. Р. Битянова, Е. В. Иванова, Н. И. Сперанская, Г. А. Цукерман, Т. И. Юферова) и среднего полного образования (О. А. Альшина, А. Л. Венгер, Ю. М. Десятникова, И. В. Дубровина, Н. В. Морозова). В контексте психологической безопасности личности подростков в адаптационный период выделяется проблема информационного стресса и формирования под его воздействием разных видов аддикций, суицидальных рисков и общей социальной дезадаптации. Это определяет необходимость разработки системы и принципов безопасности развития личности в образовательной среде.

Практически неизученной остается проблема адаптации к образовательному процессу обучающихся на этапе перехода на высший уровень образования (О. В. Буховцева, Е. В. Воеводина, Е. Е. Горина, И. Г. Гурова). В контексте психологической безопасности личности студентов в образовательном процессе вуза весьма неожиданным представляется исследование Е. В. Воеводиной и Е. Е. Гориной. Авторы, изучая восприятие инвалидов в образовательной среде вуза, отмечают стремление некоторых респондентов к сохранению своей психологической безопасности, что проявляется в отвращении, в желании уйти, в стремлении к отчуждению от инвалидизированных одногруппников. Подобное стремление к эмоциональной отстраненности может способствовать установлению социально-психологических барьеров в общении, что негативно влияет на психологическую адаптацию обучающихся в среде вуза.

Всеми исследователями отмечается важность и необходимость сформированности основных психических новообразований предыдущего периода для более успешного освоения деятельности на последующих этапах.

Не меньший интерес в работах отводится проблеме так называемой неадаптации. В ряде работ исследуются отдельные аспекты проблемы адаптации к образовательному процессу. Отдельно рассматриваются затруднения в учебной деятельности (Н. В. Вострокнутов, Ю. З. Гильбух, В. Е. Каган), отклонения в поведении в процессе дезадаптации (Б. Н. Алмазов, Д. Стотт, И. А. Невский), проблемы межличностных отношений, конфликтов (В. В. Гроховский, Я. Л. Коломинский, Т. Е. Конникова); повышенная тревожность в процессе адаптации и учебной деятельности (А. И. Захаров, А. М. Прихожан, *B. N. Phillips* и др.).

В отечественных исследованиях проявление трудностей при смене обучающимися уровня неприродного образования рассматривается в различных аспектах. Чаще всего данные трудности обозначаются термином «школьная дезадаптация», под которым понимается неадекватная форма приспособления личности к образовательному процессу, проявляющаяся в форме нарушения учебной деятельности, поведения, психосоматических заболеваний, проблем в межличностных отношениях со всеми субъектами образования, повышения тревожности и пр. Другие авторы определяют данные проблемы как «психогенную школьную дезадаптацию». Формы проявления здесь будут идентичны предыдущему описанию. Отличительной особенностью в поведении ребенка являются стойкие затруднения в учебе и отказ от посещения образовательного учреждения. Н. Г. Лусканова отмечает ряд симптомов дезадаптации, принятых в зарубежной психологии: повышенную возбудимость и конфликтность, чрезмерную подвижность, чувство собственной неполноценности, упрямство, агрессию по отношению к людям и вещам, неадекватные страхи, сверхчувствительность, неуверенность в принятии решений, неспособность сосредоточиться в работе, частые эмоциональные расстройства, лживость, завышенную самооценку, патологические привычки, говорение с самим собой, лицевые тики.

В отечественной психологии к основным внешним признакам дезадаптации в образовательном процессе относят различные нарушения школьных норм поведения, повышенную агрессивность, отставание в учебе, повышенную двигательную активность, проблемы межличностного взаимодействия, неспособность определять для себя оптимальную позицию в отношении с окружающими, неадекватную самооценку и уровень притязаний, увеличение количества страхов, наличие истерических реакций, стремление к уединению, повышенную отвлекаемость, речевые нарушения, соматические проблемы, уходы из дома, отказ от обучения.

Исследователи школьной дезадаптации называют ряд причин формирования данного феномена.

Социальная ситуация развития ребенка определяет социальные причины школьной дезадаптации. В данном случае наибольший акцент исследователи делают на факторах, связанных со школьной средой и всем процессом обучения. Так, например, отмечается, что при ориентации учителя на социальную, а не на индивидуальную норму повышается уровень дезадаптации учащихся. Также

школьную дезадаптацию связывают с отношением учителя к учащимся и стилем руководства. В работе Н. Ф. Масловой школьная дезадаптация коррелирует со стилем руководства, который демонстрирует учитель. В исследовании Н. А. Березовик и Я. Л. Коломинского выделяются стили отношения педагога к детям и их связь с уровнем дезадаптации ребенка к школе. К причинам дезадаптации обучающегося в образовательном учреждении относят неэффективную систему требований, которую использует взрослый, неопределенность представлений о ценностях и нормах поведения в коллективе. Ряд исследователей описывают связь индивидуальных особенностей педагогов с уровнем дезадаптации школьников. К данным особенностям относят импульсивность, эмоциональную возбудимость, степень отличия креативности от среднего значения, индивидуальный темп психической активности, преобладание верbalного интеллекта.

В последнее время наблюдается рост интереса исследователей к изучению семьи как социального фактора психологической адаптации личности к образовательному процессу. Например, отмечается связь с такими показателями, как отношение в семье к ребенку и его учебе, тип семейного воспитания, игнорирование взрослыми индивидуальных особенностей детей, воспитание ребенка до школы в домашних условиях и т. д., развод родителей, конфликтные ситуации в семье, неполная семья, отверженность ребенка, противопоставление его другим детям.

Более широкий спектр исследований рассматривает педагогические и психологические причины школьной дезадаптации. Определяются личностные особенности школьника, влияющие на уровень его адаптации к образовательному процессу. К ним относят такие особенности, как недостаточное интеллектуальное или психомоторное развитие, неконтактность, тревожность, низкий уровень развития познавательных потребностей, недостаточное развитие произвольной сферы, несформированность видов мышления, недостаточное развитие речевой сферы, сниженный уровень верbalного интеллекта, низкий темп когнитивной активности, нестабильная или низкая умственная работоспособность. Отдельную группу формируют причины, связанные с недостатками психолого-педагогического воздействия. К данной группе относят низкий уровень подготовленности ребенка к школе, социально-педагогическую запущенность, несформированность отдельных школьных навыков, низкий уровень социально-психологической компетентности, неразвитость структур учебной деятельности, отсутствие навыков самоконтроля.

Ряд работ посвящен рассмотрению психофизиологических причин низкой адаптации и дезадаптации обучающихся к образовательному процессу. Авторы отмечают связь дезадаптации с низким уровнем функциональной готовности, то есть с несоответствием задач школьного обучения степени созревания определенных мозговых структур и нервно-психических функций, с частотой заболеваемости, с наличием хронических заболеваний, черепно-мозговыми травмами, расстройством нервно-психической сферы, слабым развитием

костно-мышечной системы. Изучается роль анамнестических факторов в адаптационном процессе.

Анализ научных исследований показал достаточно широкий спектр причин появления и проявления проблем психологической адаптации обучающихся на различных уровнях непрерывного образовательного процесса.

Таким образом, в современных научных исследованиях большое внимание уделяется проблеме психологической адаптации обучающихся к образовательному процессу. Вместе с тем остаются недостаточно изученными вопросы компонентной структуры психологической адаптации личности на различных уровнях непрерывного образования, включая дошкольный и послевузовский уровень.

Обобщая современные научные данные, выделим основные компоненты (показатели) адаптации обучающихся к образовательному процессу на различных уровнях «ненервного» образования:

1. Когнитивно-деятельностный компонент, проявляющийся в отставании обучающегося по программам, соответствующим уровню непрерывного образования. Данный компонент проявляется в успешности учебной деятельности, выраженной в успеваемости по основным предметам учебного цикла.

2. Эмоционально-личностный компонент. Характеризуется преобладанием соответствующих психических состояний и уровнем тревожности.

3. Психосоматический компонент, связанный с психосоматическим ухудшением здоровья, обострением хронических или соматических заболеваний.

Данные компоненты мы будем использовать в ходе экспериментальной работы в качестве показателей психологической адаптации обучающихся на уровнях непрерывного образования.

Таким образом, перед современными исследователями встает вопрос об оптимальных способах формирования (развития, сохранения) психологической безопасности личности учащегося.

В данной работе мы предприняли попытку создать модель формирования психологической безопасности личности учащегося в период перехода его на следующую ступень образования.

Цель: формирование психологической безопасности личности учащегося в адаптационный период, обусловленный переходом на следующую ступень образования.

Задачи:

1. Формирование у учащихся представлений о способах поведения, навыков самоконтроля и произвольности поведения.

2. Формирование у воспитанников умений управлять своими эмоциями и эмоциональными состояниями.

3. Выработка у детей коммуникативных навыков, навыков межличностного взаимодействия.

4. Психологическая коррекция у учащихся эмоционального беспокойства, тревожности, негативных психических состояний.

5. Формирование родительской компетентности у семьи в процессе формирования психологической безопасности личности их ребенка.

6. Формирование профессиональной компетентности педагогов образовательных учреждений по вопросам организации и реализации модели формирования психологической безопасности личности учащегося в адаптационный период, обусловленный переходом на следующую ступень образования.

Принципы построения и реализации модели:

1. Соответствие содержания данным научного исследования.

2. Нацеленность психологической работы на активную поддержку формирования у учащихся психологической устойчивости, жизнестойкости, переживания защищенности и эффективность деятельности.

3. Соответствие содержания возрастным и индивидуальным особенностям обучающихся.

4. Последовательное и постепенное включение учащихся в процесс реализации модели.

5. Свободный выбор формы и методов психолого-педагогического воздействия.

6. Активное привлечение семьи к реализации модели формирования психологической безопасности личности несовершеннолетнего учащегося.

7. Системность и планомерность содержания работы педагогов образовательных учреждений по формированию психологической безопасности личности учащегося в адаптационный период, обусловленный переходом на следующую ступень обучения.

Условия реализации модели:

1. Гармоничное сочетание на аксиологической основе психолого-педагогических и социокультурных целей, принципов, содержания, форм, методов и средств формирования психологической безопасности личности учащегося.

2. Специальная организация социально ориентированного опыта учащихся в образовательной среде.

3. Согласованность компонентов психологической безопасности личности учащихся в образовательном процессе.

4. Учет индивидуальных качеств личности учащихся как системы субъективных детерминант их способности к формированию психологической безопасности.

5. Поддержка мотивации учащихся, а также членов их семей в процессе формирования психологической безопасности личности.

6. Предоставление учащимся свободы выбора способов коммуникации путем стимулирования и поощрения взаимодействия в среде сверстников.

7. Развитие родительской компетентности у семьи в процессе формирования психологической безопасности личности их несовершеннолетних детей.

8. Развитие профессиональной компетентности педагогов в области взаимодействия с семьей учащихся.

9. Развитие профессиональной компетентности педагогов в области сопровождения и поддержки психологической безопасности личности учащегося в адаптационный период, обусловленный переходом на следующую ступень образования.

Структура (компоненты) модели:

Модель формирования безопасности личности учащегося в период перехода на следующую ступень образования представляется в виде целостной и динамической системы, включающей в себя ряд компонентов:

Целевой компонент модели, предусматривающий единство конкретной цели и комплекса задач, логично взаимосвязанных между собой.

Организационный компонент, включающий:

1. Принципы организации процесса формирования психологической безопасности личности учащихся.

2. Уровни реализации модели:

- научный, предусматривающий учет результатов современных научных исследований и результатов собственных экспериментальных данных о взаимосвязи компонентов психологической безопасности личности учащихся;

- методический, предполагающий формирование профессиональной компетентности педагогов и будущих специалистов, работающих с семьей и ребенком в образовательных учреждениях;

- практический, предусматривающий реализацию программ формирования психологической безопасности личности учащегося.

Комплекс психолого-педагогических условий, определяющих формирование психологической безопасности личности учащихся в период перехода на следующую ступень образования:

- аксиологической — осознание обучающимся индивидуальных мировоззренческих идеалов, ценностных отношений, ведущего мотива собственного поведения или необходимости его изменения;

- когнитивной — принятие собственного стиля поведения, стремление к независимой оценке;

- аффективной — осознание учащимся роли и значения психологической безопасности личности;

- конативной — принятие собственного стиля эмоционального и поведенческого самовыражения.

Содержательный компонент, раскрывающий собственно содержание и его взаимосвязь с методическим обеспечением поддержки формирования безопасности личности учащегося в период перехода на следующую ступень образования.

Технологический компонент модели, представленный комплексом приемов и средств, используемых психологом при работе с учащимися, педагогами и семьей.

Оценочный компонент, включающий критерии и методику оценки эффективности реализации модели формирования безопасности личности учащегося в период перехода на следующую ступень образования.

Представленная модель носит целостный характер, так как все указанные компоненты

взаимосвязаны между собой, несут определенную смысловую нагрузку и работают на конечный результат.

Модель также характеризуется:

- инвариантностью, которая включает постоянные части, такие как цель, задачи, принципы, условия реализации;

- вариативностью, определяющей содержание, методы и техники;

- прагматичностью, так как модель выступает средством организации практических действий психолога;

- открытостью, так как модель встроена в контекст образовательной системы учреждения как дополнительное и как самостоятельное звено.

Содержание модели. Системное проектирование модели формирования безопасности личности учащегося в период перехода на следующую ступень образования базируется на понимании содержания данного феномена.

Модель задает систему проектных характеристик и включает:

- Сущностные признаки, раскрывающие индивидуальные проявления психологической безопасности личности учащихся: устойчивость, жизнестойкость, переживание безопасности, эффективность деятельности.

- Структурные компоненты: когнитивный, эмоциональный, поведенческий.

- Способы организации: в процессе учебной деятельности (на уроках или занятиях), в свободной деятельности (вне уроков или занятий), в досуговой деятельности или самостоятельной работе.

- Субъекты взаимодействия: обучающиеся (воспитанники, учащиеся, студенты, аспиранты), педагоги, семья у несовершеннолетних учащихся (родители, прародители, близкие родственники).

Достоинством данной модели является ее независимость от уровня (ступени) образования и от реализуемой образовательной программы.

Основные технологии. В качестве инструментария реализации модели формирования психологической безопасности личности учащихся могут выступать: авторская технология интегративной игровой терапии, технологии включения семьи в психокоррекционную работу с ребенком, технологии сотрудничества образовательного учреждения с семьями несовершеннолетних учащихся и воспитанников. Более подробно о данной технологии — в работе Л. М. Костиной [6].

Таким образом, обозначенные современные тенденции позволяют говорить о необходимости детальной разработки, конкретизации и апробации модели формирования психологической безопасности личности учащегося в период его перехода на следующую ступень образования.

-
- Баева И. А. Психологическая безопасность и проблема насилия в образовании [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nrcnn.ru/lang/activity.html?id=150> (дата обращения: 09.10.2018).
 - Гаязова Л. А. Психологические основания мониторинга безопасности образовательной среды // Известия Российской государственной педагогической академии им. А. И. Герцена. 2012. № 145. С. 64–70.

3. Костина Л. М. Психологическая безопасность личности: подходы, компоненты // Преемственность психологической науки в России: традиции и инновации. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 215-летию Герценовского университета. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2012. С. 294–298.
4. Костина Л. М. Стратегические направления формирования психологической безопасности личности дошкольника // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 155. С. 66–71.
5. Костина Л. М., Хоменко И. А. Продуктивная социально востребованная деятельность — основа психологической безопасности личности // Народное образование. 2012. Т. 1420, № 7. С. 267–272.
6. Костина Л. М. Основные черты концепции интегративной игровой коррекции//Интеграция образования. 2004. № 1 (34). С. 131–135.
7. Психология безопасности как основа гуманитарных технологий в социальном взаимодействии: Научно-методические материалы / под ред. И. А. Баевой. СПб.: ООО «Книжный дом», 2008. 193 с.
8. Соломин В. П., Михайлов Л. А., Маликова Т. В., Шатрова О. В. Психологическая безопасность: учебное пособие. М.: Дрофа, 2008. 284 с.

References

1. Bayeva I.A. *Psichologicheskaya bezopasnost i problema nasiliya v obrazovanii* [Psychological safety and the problem of violence in education] Баева И. А. Психологическая безопасность и проблема насилия в образовании (in Russian). Available at: <http://nrcnn.ru/lang/activity.html?id=150> (accessed: 09.10.18)
2. Gayazova L. A. Psikhologicheskiye osnovaniya monitoring bezopasnosti obrazovatelnoi sredy [Psychological grounds for monitoring of safety of the educational environment]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitata im. A. I. Gertse* — News of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, 2012, (145), pp.64–70 (in Russian)
3. Kostina L. M. Psikhologicheskaya bezopasnost lichnosti: podkhody, komponenty [Psychological safety of a personality: approaches, components] *Preymstvennost psikhologicheskoi nauki v Rossii: traditsii i innovatsii: Sbornik materialov Mehdunarodnoi nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 215-letiyu Gertsenovskogo universiteta* [Continuity of psychological science in Russia: traditions and innovations: Collection of papers of the International Scientific and Practical Conference dedicated to 215th Anniversary of the Gertsen University]. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, 2012, pp. 294–298 (in Russian).
4. Kostina L. M. Strategicheskiye napravleniya formirovaniya psikhologicheskoy bezopasnosti lichnosti doshkolnika [Strategic directions of formation of psychological safety of a preschooler personality] Стратегические направления формирования психологической безопасности личности дошкольника. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitata im. A. I. Gertse* — News of Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen, 2013, (155), pp.66–71 (in Russian)/
5. Kostina L. M. Khomenko I. A. Produktivnaya sotsialno vostrebovannaya deyatelnost — osnova psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti [Productive socially demanded activity is the basis of psychological security of a personality]. *Narodnoye obrazovaniye — Public Education*, 2012, 1420 (7), pp. 267–272 (in Russian).
6. Kostina L. M. Osnovnyye cherty kontseptsii integrativnoi igrovoi korreksii [The main features of the concept of integrative game-correction]. *Integratsiya obrazovaniya — Integration of education*, 2004, 1 (34), pp.131–135 (in Russian).
7. Bayeva I.A. (Ed.) *Psikhologaya bezopasnost kak osnova gumanitarnykh tekhnologiy v sotsialnom vzaimodeystviu: nauchno-metodicheskiye materialy*. Pod red. [Psychology of safety as the basis of humanitarian technologies in social interaction: scientific and methodological materials]. St. Petersburg: Knizhnyi Dom Publ., 2008. 193 p. (In Russian)
8. Solomin V. P., Mikhailov L. A., Malikova T. V., Shatrova O. V. *Psikhologicheskaya bezopasnost: uchebnoye posobie* [Psychological safety of a personality: manual for students]. Moscow: Drofa Publ, 2008. 284 p. (In Russian)

РЯБЧЕНКО СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования
Дальневосточного федерального университета,
rsa37927@gmail.com

SERGEI A. RYABCHENKO

*Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Educational psychology
of Far Eastern Federal University*

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИГРОВОГО КИНО В ИНТЕРАКТИВНОМ ОБУЧЕНИИ

PECULIARITIES OF THE USE OF FEATURE FILMS IN INTERACTIVE LEARNING

Аннотация. Данная статья посвящена возможностям и преимуществам, использования кинематографа как инструмента интерактивного обучения. Автор рассматривает ряд принципов, которые позволяют максимально реализовать преимущества кинотренинга, дает ряд практических рекомендаций, касающихся проведения данного вида интерактивного обучения. В настоящей статье кино рассматривается как коммуникативная система, в которой действуют механизмы социально-психологического влияния, а специфика языка кино позволяет усиливать это влияние. Анализируя особенности восприятия кино, автор приводит ряд примеров, указывающих на суггестивные средства фильма, метафоричность языка кино позволяет усиливать данный эффект. Кроме того, в данной статье уделяется внимание способности кинотренинга формировать определенные концепты, которые помогают усвоению сложных научных понятий. В статье дается краткое описание авторской разработки учебного проекта по теме «тайм-менеджмент» с использование игрового кино. Автором рассматриваются прогнозируемые результаты работы в рамках данного проекта.

ABSTRACT. This article focuses on the opportunities and benefits of using cinema as an interactive learning tool. The author examines a number of principles that allow to maximize the benefits of film-training and give some practical guidelines for carrying out this type of interactive instruction. In the present article cinema is considered as a communicative system in which mechanisms of socio-psychological influence operate, and the nature of the language of the movie allows to enhance this influence. Analyzing the features of the perception of cinema, the author gives a number of examples pointing to the suggestive means of the film, and the metaphorical language of the movie allows to intensify this effect. Moreover, the article focuses on the ability of cinema training to form certain concepts that help in the assimilation of scientific theory. The article gives a brief description of the author's development of a training project on the topic of time management using feature films. The author considers the predicted results of work in the framework of this project.

Ключевые слова: архетип, групповая дискуссия, интерактивные методы обучения, миф, идентификация, концепт, механизмы социально-психологического влияния.

KEYWORDS: archetype, group discussion, interactive teaching methods, myth, identification, concept, mechanisms of socio-psychological influence.

Интерактивные технологии обучения — знание нашего времени. Они стали не только инструментом отдельных педагогов, стремящихся внедрять практико-ориентированный подход в образовательный процесс, но и требованием Федерального государственного образовательного стандарта среднего и высшего образования. Вместе с тем, как показывает практика общения с магистрантами и педагогами, многие из них испытывают определенные трудности в освоении интенсивных технологий интерактивного обучения. Использование игрового кино в интерактивном

обучении может стать существенным подспорьем в решении данной проблемы.

Коммерческое развлекательное кино за последнее время существенно подпортило репутацию кинематографа как «важнейшего из искусств». Однако антитезисом этому может служить сцена из фильма «Побег из Шоушенка», когда герои фильма, сортируя книги для тюремной библиотеки, отправляют роман Дюма «Граф Монте-Кристо» на полку «Образование».

В отечественной литературе не так много источников, которые могли бы оказать практическую

помощь в освоении технологий использования игрового и анимационного кино в интерактивном обучении.

Стоит отдельно отметить учебное пособие А. А. Трусь [13]. Хотя оно ориентировано на бизнес-образование, однако может быть использовано для разработки авторских методик проведения интерактивных занятий, которые направлены на повышение социально-психологической компетентности обучающихся. В частности, автор приводит ряд доводов в пользу использования «кинотренинга» и «видеообсуждения»¹ как эффективной технологии интерактивного обучения.

Так, А. А. Трусь отмечает, что «... использование тренером этого методического инструмента создает участникам тренинга ощущение психологической безопасности и защищенности» [13, с. 12]. Действительно, участники групповой дискуссии, обсуждая сюжет фильма (фрагмент фильма), не столь озабочены своими проекциями, которые характеризуют их личность.

Кроме того, данная процедура позволяет управлять групповой динамикой, а также выполнять диагностическую функцию в отношении уровня подготовленности аудитории к анализу просмотренного материала [13, с. 12–19]. Видеообсуждение также может стимулировать дальнейшую самостоятельную работу с отсмотренным материалом после завершения дискуссии; участники уже по-новому могут проанализировать фильм, вызвавший интерес. Как остроумно высказалась Фаина Раневская, что она четвертый раз смотрит фильм и должна сказать, что сегодня актеры играли как никогда.

Еще одна особенность использования игрового кино в образовательных целях, на которую следует обратить внимание, — это способность создавать иллюзию реальности происходящего на экране: «... кино вызывает у зрителя такое ощущение достоверности, которое совершенно недоступно никаким другим искусствам и может равняться лишь с переживаниями, вызываемыми непосредственными жизненными впечатлениями, — бесспорно. Очевидна и выгода этого для силы художественно-впечатления» [10, с. 96.].

Так, например, в художественном фильме «Зелиг» (режиссер Вуди Аллен, 1983 г.) эффект документальности достигается вплетением документальных кадров в ткань игрового кино. Ряд эпизодов фильма выполнен в документальной черно-белой стилистике, Зелиг (герой киноповествования) попеременно появляется в кадре со Скоттом Фицджеральдом, Папой Пием XI, Адольфом Гитлером и другими историческими персонажами. Леонард Зелиг — вымышленный персонаж, однако такая «документальность» создает ощущение правдивости повествования.

Аналогичный художественный прием мы можем увидеть в фильме «Форрест Гамп» (режиссер

Роберт Земекис, 1994 г.). На протяжении всего фильма главный герой (актер Том Хэнкс) встречается с множеством знаковых фигур в истории Соединенных Штатов, включая двух президентов страны. В составе символической сборной лучших игроков-любителей по американскому футболу его принимает президент Джон Кеннеди. Позже он получает из рук президента Линтона Джонсона Медаль почета — высшую воинскую награду страны.

Отдельно можно выделить эпизод с участием Форреста Гампа в телевизионном шоу Дика Каветта (*The Dick Cavett Show*), которое регулярно выходило на американском телевидении несколько десятков лет. Надо сказать, что это была реальная передача, вышедшая 11 сентября 1971 года, в которой приняли участие Джон Леннон с супругой Йоко Оно. Для съемок этой сцены из оригинальной записи убрали Йоко Оно, затем с помощью компьютерной графики в кадре появился Том Хэнкс, а Дик Каветт сыграл самого себя. Комментарии музыканта Джона Леннона по поводу впечатлений Гампа о Китае взяты из текста песни самого Леннона — *Imagine*.

На первый взгляд, это просто забавный аттракцион с использованием компьютерной графики, который позволяет объединить кадры кинохроники и игрового кино, стилизовать ряд эпизодов в духе документального кино. На самом деле все гораздо тоньше и сложнее.

Ю. М. Лотман, дискутируя на тему, должно ли художественное кино походить на реальную жизнь, приводит ряд важных доводов в пользу «документальности» и «фотографичности» игрового кино: «Если представить себе, как выглядит то, что происходит на экране, для того, кто сидит в зале, то, пожалуй, основным вопросом, который неизбежно возникает у зрителя, будет вопрос: похоже это на жизнь или нет? При этом почему-то предполагается, что «что такое жизнь» мы знаем, и, следовательно, сопоставить экран с жизнью очень просто» [11, с. 7]. Автор указывает на принципиально важный момент, на принципиально другой ракурс рассмотрения данного вопроса: «Стремление зрителя сопоставить экран с жизнью — это требование, предъявленное не столько экрану, сколько жизни» [11, с. 8]. Вернемся к тем эпизодам в фильме Роберта Земекиса, где документальные кадры объединены с игрой актеров. Задача состоит не только в том, чтобы придать главному герою большую «документальность» и тем самым имитировать реальность происходящего. История главного героя развивается на фоне истории его страны, но это не просто фон повествования — судьбы героев киноповествования тесно переплетаются со всем тем, что происходит с самим обществом. Задача авторов данного фильма, как нам кажется, — обратить взор зрителя именно на современную общественную жизнь; другими словами, фигура и фон постоянно меняются местами в фокусе восприятия зрителя.

Кроме того, Ю. М. Лотман, объясняя специфику изобразительных средств кино, говорит, что «... никакое другое искусство не способно в такой

¹ Групповая дискуссия по поводу просмотренного киноматериала. Однако для краткости изложения в данной статье мы будем использовать в тексте термины «видеотренинг» и «видеообсуждение», которые предложил А. А. Трусь.

мере создавать иллюзию подлинности, заставлять зрителя забывать, что наблюдаемые им события — не жизнь, а ее художественный образ» [11, с. 10]. Тот факт, что неотъемлемой частью кинематографа является фотография, заставляет зрителя относиться к происходящему на экране с доверием, верить в подлинность его сообщений: «Таким образом, материалом киноискусства является сама окружающая нас жизнь. Вся цепочка “вещи (люди, пейзажи) — оптика — фотография” как бы проникнута объективностью. Этот материал отличается от материала живописи и скульптуры (краски, камень) тем, что имеет изначальный образ, а от литературы и музыки — тем, что образ этот наделен самодовлеющей, объективно-реальной природой» [11, с. 11].

Сила воздействия кинофильма возрастает, когда происходят первичная идентификация (с главным героем фильма) и вторичная (с ситуацией киноповествования). В экспериментальных условиях ученые наблюдали, что люди, взаимодействуя с виртуальными героями, проявляли реальные реакции на субъективном, физиологическом и поведенческом уровнях. В качестве примера можно привести повторение классического эксперимента Стэнли Милгрэма (*Stanley Milgram*), но уже в условиях виртуальной реальности.

Ю. М. Лотман в своих работах, посвященных кинематографу, использует словосочетания «экран как собеседник», «диалог с экраном», подчеркивая тем самым диалоговую сущность кино: «Является ли кино коммуникативной системой? Но в этом, кажется, никто не сомневается. Режиссер, киноактеры, авторы сценария, все создатели фильма что-то нам хотят сказать своим произведением. Их лента — это как бы письмо, послание зрителям» [11, с. 6]. Безусловно, кино — это особый вид общения, однако в нем, так же как и в живом общении, присутствуют механизмы социально-психологического влияния (подражание, эмоциональное заражение, убеждение, внушение). Если с первыми тремя механизмами социально-психологического влияния все очевидно, то несколько аргументов в пользу «внушения» следуют все же привести.

Режиссер Ю. Н. Арабов [3, с. 16–32], анализируя особенности восприятия кино, указывает на суггестивные средства фильма (изображение, звук, слово, пауза): «Чередование черных и белых кусков в кино, сверхъяркое излучение и следующая вслед за ним темная пауза — излюбленное средство у ряда авторских режиссеров: Дреера, Бергмана, Сокурова. Средство, имеющее, как мы выяснили, гипнотический эффект» [3, с. 11]. Автор описывает ряд феноменов суггестии в кино в терминах нейролингвистического программирования (образ, символ, знак и «якорная техника») [3, с. 34]. На основании своего многолетнего опыта режиссер утверждает, что кино — зрелице гипнотическое; более того, путем заимствования приемов у психотерапии может совершенствовать данный инструмент влияния.

Популярность ряда культовых фильмов ряд специалистов объясняют тем, что они вызывают «архетипический резонанс», т. е. напрямую обращаются к неосознаваемым структурам психики. Так,

А. Л. Баркова отмечает: «Мифологическое клише — это цельная система, где заранее заданы образы-архетипы, отношения между ними, сюжетные линии и тип оценок» [4, с. 154]. История, о которой повествует каждый культовый фильм, — это история об архетипах, не о стереотипах. Режиссер Джордж Лукас неоднократно говорил, что значительная часть успеха «Звездных войн» объясняется точным соответствием архетипическим доминантам, и о том влиянии, которое оказала на его творчество работа по сравнительной мифологии Джозефа Кэмпбелла «Герой с тысячью лицами» [9]. В рамках данной публикации нет возможности подробно рассмотреть механизм «архетипического резонанса», однако можно рекомендовать ознакомиться с данным феноменом в сборнике статей «Кино и глубинная психология» [7]. Неизменная популярность таких культовых лент, как «Матрица», «Побег из Шоушенка», «Форрест Гамп», во многом объясняется тем, что их сюжеты повторяют структуру героического мифа или «мифологического клише».

Метафоричность языка кино открывает широчайшие возможности поиска новых смыслов для участников кинотренинга: «Она (*метафора*) оказывается своего рода “тележкой”, перевозящей внутренние содержания клиента из сферы бессознательного в его сознание» [5, с. 111]. Как удивительно точно и кратко выразился французский режиссер Жан Виго: «Метафора — это миф вкратце» [7, с. 98].

Фильм Роберта Земекиса изобилует метафорами: например, в начале повествования Гамп, спасаясь от школьных хулиганов, которые преследуют его на автомобиле, вынужден бежать. Ортопедические скобы, которые сковывают свободу его движения, постепенно рассыпаются, и он мчится словно ветер. Этот эпизод, на наш взгляд, — метафора освобождения от социальных оков, от тех ограничений, которые накладывает на индивида общество, мешая тем самым развитию уникальных сильных сторон личности. Именно благодаря своей непохожести на среднестатистического американца Гамп добивается успеха во всех своих предприятиях. Он и звезда футбола, и герой войны, и чемпион по игре в пинг-понг, и человек, обежавший все Соединенные Штаты четыре раза (он бежал 3 года, 2 месяца, 14 дней и 16 часов).

Еще одна метафора, которая прослеживается на протяжении всего фильма, — метафора движения. Мелькают страницы политической истории США, в этой гонке участвуют Элвис Пресли, братья Кеннеди, Джон Леннон, реальные и вымышленные персонажи. Кто-то из них сходит с дистанции, а Форрест все бежит. Похоже, он единственный, кто бежит к себе, остальные в этой гонке теряют самих себя. Это бесконечное движение ассоциируется с дорогой, линией жизни, судьбой: «Не знаю, у всех ли есть судьба или мы летим по жизни, как перышко на ветру. Мне кажется, и то и другое. (*I don't know if we each have a destiny, or if we're all just floating around accidental-like on a breeze, but I, I think maybe it's both*)», — размышляет Гамп. Путешествие героя — это неотъемлемая часть героического мифа. Однако если не ограничиваться

поверхностными представлениями, что это история об американском Иванушке-дурочке, которому просто-напросто сказочно везет, то возникает вопрос: в чем основной замысел киноповествования? Почему в фильме погибают реальные исторические персонажи, которые имели изначально большие шансы подняться к вершинам успеха, реализовать американскую мечту? На наш взгляд, данный фильм — не только социальная сатира, в которой ставится под сомнение вся система ценностей американского общества, но и возникает вопрос об аутентичности бытия.

И здесь важно сделать акцент на еще одной важной особенности кинотренинга — возможности формировать у обучающихся определенные концепты. В «Кратком словаре когнитивных терминов» мы найдем следующее определение термина: «Концепт — это оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга... всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [8, с. 90]. Понятие концепта отражает представление о смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают опыт и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира. Термину «концепт» также соответствует термин «смысл», «основной замысел». Важнейшей функцией концептов является функция заместительства, в процессе осмысливания каких-либо сложных явлений концепты замещают множество однородных объектов.

Дело в том, что традиционное академическое образование предполагает усвоение теории, осознанное понимание всех причинно-следственных связей в той картине мира, которая задается теорией. Теория, в свою очередь, требует адекватной методологии, научного обоснования, экспериментального или эмпирического подтверждения. Многие гуманитарные дисциплины, например психология, философия или *психосемантика*, оперируют значительным объемом гипотетических конструктов, отвлеченных понятий, что налагает ряд ограничений, особенно если речь идет о краткосрочных образовательных курсах, каковыми являются тренинги. Тренинг — это другой жанр, это обучение на собственном опыте (*experiential learning*). Однако, в свою очередь, усвоенные концепты помогают в освоении научной теории, так как выступают своеобразным фундаментом, на котором выстраивается научное «здание». Рассмотрим еще одно определение «концепта», данное Ю. С. Степановым: «Концепт — это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12, с. 40]. Концепт не возникает из значений слов, а является результатом столкновения усвоенного значения с личным жизненным опытом, когда аллюзии, метафоры, миф являются катализаторами данного процесса.

В качестве иллюстрации данных рассуждений рассмотрим несколько эпизодов из фильма «Форрест Гамп».

Дженни спрашивает Гампа, кем он станет, когда вырастет.

— Кем буду я? (*Who I'm gonna be?*) — переспрашивает Форрест Гамп. — А разве я не буду самим собой? (*Aren't-aren't I going to be me?*).

Для Гампа быть самим собой так же естественно, как и дышать; чем бы он ни занимался, он предельно аутентичен, все его поступки конгруэнтны внутренним душевным состояниям. Узнав о смерти Элвиса Пресли, он размышляет: «Наверное, трудно быть королем» (*Must be hard being a king*). Известие об убийстве Роберта Кеннеди наводит его на мысль: «Наверное, тяжело быть братом» (*It must be hard being brothers*). Следует пояснить, что в ряде воспоминаний близкие к Роберту Кеннеди люди утверждали: он долго не соглашался баллотироваться на пост президента США, но вынужден был сделать этот шаг из-за внешних обстоятельств. В более широком контексте это похоже на послание: не быть самим собой — это трудно, более того — это смертельно опасно.

Всего превыше — верен будь себе.

Тогда как утро следует за ночью,

Не будешь вероломным ты ни с кем.

(Уильям Шекспир, «Гамлет»).

В силу своих ментальных особенностей Гамп оказался невосприимчив к расовым, политическим предрассудкам, стандартам преуспевания, которые господствуют в обществе. Он не стремится быть героями войны, знаменитостью, миллионером, однако обретает все это, именно оставаясь при этом самим собой. Он не утратил связи со своей природной сущностью, что зачастую происходит со многими людьми в процессе социализации. В фильме его противоположностью (тенью) является Дженни (актриса Робин Райт). В поисках своей экзистенциальной идентичности она экспериментирует, примеряя на себя множество ролей. Пытается быть популярной певицей, как Джоан Баэз, участвует в движении хиппи, оказывается среди борцов за гражданские права. В конце концов все это приводит ее на грань самоубийства (сцена на балконе).

Таким образом, опыт, который получают участники групповой дискуссии в ходе обсуждения киноматериала, способствует усвоению концептов, представляющих собой заместителей понятий, у которых есть общепринятые словарно закрепленные значения. Концепт же намекает на возможное значение (аллюзии, метафоры), обращается к предшествующему опыту человека, т. е. концепт способствует возникновению индивидуальных смыслов, в отличие от закрепленных в словарях значений.

Кинематограф предоставляет огромнейший материал для анализа конкретных ситуаций (АКС). Так, журнал *Top-Manager* опубликовал специальный выпуск «100 лучших фильмов для менеджеров», в котором приводятся ситуации, иллюстрирующие ряд категорий социальной психологии и психологии управления, как лидерство, инновации, управление конфликтами, планирование и деловое общение [1]. Игровой фильм может стать основой для целого проектов (метод проектов).

В качестве иллюстрации использования игрового кино в качестве основы для учебного проекта мы взяли художественный фильм «Побег из Шоушенка» (режиссер Фрэнк Дарабонт, 1994 г.). Проект реализовывался в рамках изучения дисциплины «Тайм-менеджмент в профессиональной деятельности». Цель данного проекта — развитие навыков планирования и целеполагания. Задача — освоение базовых элементов технологии *Getting Things Done* («Приводить дела в порядок») Дэвида Аллена [2]. Книги Дэвида Аллена и его метод GTD получили широкое распространение. Более того, любой желающий может установить данный инструмент планирования на свой *Smartphone*. Тем не менее остановимся на ряде ключевых принципов, постулированных Дэвидом Алленом.

Во-первых, главное — освободить голову от мыслей о проектах, перестать волноваться, что делать дальше с одним из проектов и не забыли ли мы что-то в рамках другого. Во-вторых, если задача требует длительной пошаговой реализации, это — проект. Например: «Получить визу» — это не задача, а проект, состоящий из ряда последовательных шагов: сфотографироваться, сделать выписку, заполнить анкету (сканить ее перед этим), записаться в консультацию и т. д. Автор пишет, что у современного активного человека всегда будет за 100 открытых проектов (если меньше — значит, вы что-то забыли). Другими словами, данный метод позволяет параллельно работать над несколькими проектами, определяя приоритеты и последовательность реализации каждого из этапов. В-третьих, данный метод универсален для того, чтобы применять его к различным классам задач. Кроме того, Аллен делится своим опытом, что он не разделяет время на рабочее и свободное, т. к. все это время — время его жизни.

Учебный проект, получивший название «Побег из Шоушенка» по методу *Getting Things Done*, может быть реализован в недельном цикле. На первом занятии обучающиеся знакомятся с базовыми принципами данного метода, получают представление об основных элементах технологии работы с возникающими задачами. В частности, осваивают алгоритм рабочего процесса (рис. 1). Второй этап — самостоятельная работа, в которой происходят работа с литературой и выполнение заданий на материале фильма в соответствии с предложенной инструкцией.

Краткая инструкция может выглядеть следующим образом:

- Просмотреть х/ф «Побег из Шоушенка» (режиссер Фрэнк Дарабонт, 1994).
- Проанализируйте, используя сюжет фильма, каким образом главный герой спланировал и осуществил проект побега.
- Используйте принципы, этапы и схемы работы GTD (см. рис. 1).

Выполнение работы можно разделить на пять отдельных этапов:

- 1) собираем воедино все проблемы, занимающие наше внимание;
- 2) уясняем их суть и решаем, какие шаги предпринять;
- 3) организуем полученные результаты (категории / проекты);

4) рассматриваем альтернативные варианты реализации;

5) конкретные предпринимаемые действия.

Последний пункт методики GTD — это один из важнейших этапов. Очень сложно выбрать из списка задачи, которые требуют скорого решения. Для этого автор предлагает воспользоваться четырьмя критериями выбора:

- Контекст (*context*) — действие, которое требует определенной обстановки. Например, какие обстоятельства помогли Энди Дюфрейну (актер Тим Роббинс) в день побега;
- Время (*time*) — следует группировать свои задачи таким образом, чтобы на масштабные проекты оставалось как можно больше времени;
- Запас сил (*energy*) — задачи из списка следует выбирать исходя из своего самочувствия. На пике активности решать сложные задачи, в пик пониженного тонуса — самые простые;
- Приоритеты (*priority*) — важно правильно расставить приоритеты и выполнять те задачи, которые принесут максимум пользы.

Третий этап — это интерактивное занятие в малых группах по практическому освоению методики GTD.

Целесообразно дать обучающимся ориентированную основу использования алгоритма рабочего процесса (рис. 1).

Пример:

— «Что это?»

— Двойной пожизненный срок за убийство, которого Энди Дюфрейн не совершил.

— «Требует ли это активных действий?»

— Большинство узников тюрьмы отвечают «НЕТ» (в «корзину» или «архив»).

— Энди выбирает многоходовый проект — «Побег».

— Как он осуществляет проект (обзор следующих действий)?

— Где взять инструмент для осуществления побега?

— Делегирование — Рэд (актер Морган Фриман) все может достать.

— Как спрятать орудие (детализация проекта), а кроме того, скрыть следы подкопа? Дальше обучающихся следует разделить на подгруппы (3–4 чел.) по темам, на которые разветвляется основной проект: «Подкоп» — *Engage* (время, место, обстоятельства побега); «Социальные проекты» (библиотека, Томми, друзья); «Возмездие» (директор Нортон). В дальнейшем на всем протяжении интерактивного занятия преподаватель выступает в роли модератора процесса. Проясняющими, наводящими, формирующими вопросами он помогает развитию дискуссии. Безусловно, преподаватель должен управлять групповым процессом, однако подобного рода дискуссии всегда будут с открытым финалом.

В непредсказуемости финала, на наш взгляд, находит свое отражение концепция «интertextуальности» в кинематографе. Так, М. Б. Ямпольский пишет: «Текст не вещь, это трансформирующееся поле смыслов, которое возникает на пересечении автора и читателя. При этом тексту принадлежит не только то, что сознательно внес в него автор,

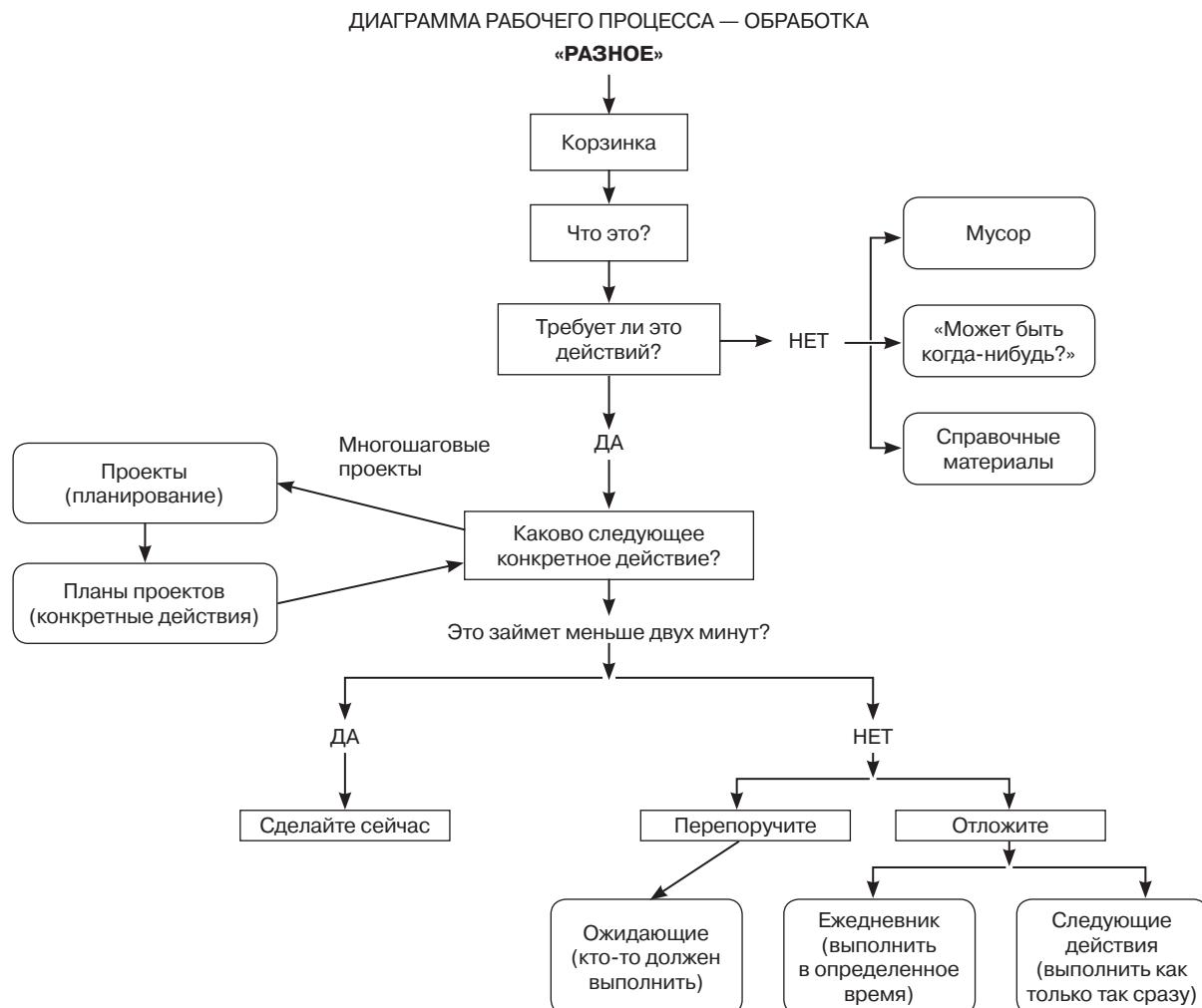

Рис. 1. Алгоритм рабочего процесса

но и то, что вносит в него читатель в своем с ним диалоге» [14, с. 34]. Таким образом, участники дискуссии становятся «соавторами» кинематографического текста в рамках групповой дискуссии, обсуждая сюжет киноповествования, выступая от лица киногероев, привнося свои смыслы и ценности. В этом и состоит синергетический эффект кинотренинга. Кино, как диалог, дополненный непосредственной интеракцией, становится своеобразной «фабрикой смыслов».

С тем чтобы снять данное противоречие, работая в малых группах целесообразно предварять обсуждением фактора целеполагания.

— Какую цель поставил перед собой Энди Дюфрейн?

— Побег — это цель или средство (инструмент)?

— Что символизирует надпись «*Brooks was here, so was Red...*» («Здесь был Брукс, а также Ред»)?

— Где тюрьма на самом деле?

— Как, находясь в заключении, Энди постоянно расширял границы свободы для себя и для других?

— Зачем он помогал Томми поступить в колледж, учил его читать, создавал тюремную библиотеку?

— Почему в тюремном дворе зазвучал Моцарт (дуэт Сюзанны и графини из оперы «Свадьба Фигаро»)?

— Что хотел сказать Энди своему другу, когда рассказывал о Зихуатанезо (Сиуатанехо) — местечке, которое находится в сотне миль к северо-востоку от Акапулько на берегу Тихого океана?

Диалог:

Энди: «Ты знаешь, что говорят мексиканцы о Тихом океане? Говорят, у него нет памяти. Именно там я хочу провести остаток своих дней».

Ред: «В теплом месте, где исчезает память».

Все эти вопросы останутся без ответа, если не понять конечную цель киногероя.

Художественный фильм снят по повести Стивена Кинга (Stephen King) «Рита Хейворт и спасение из Шоушенка» (Rita Hayworth and Shawshank Redemption), которая впервые была опубликована в 1982 году. Маловероятно, что писатель задумал свою повесть как иллюстрацию метода Дэвида Аллена, хотя удивительным образом побег идеально спланирован. Фильм насыщен экзистенциальной проблематикой, как зрелый фрукт: чуть посильнее нажмешь — и брызнет сок! В фильме в явной и неявной форме возникают вопросы

жизни и смерти, свободы и ответственности, добра и зла. Энди Дюфрейн предельно лаконично формулирует эзистенциальную дилемму: «Выбор простой: занимайся жизнью или занимайся смертью» (*Get busy living, or get busy dying*). Вероятно, поэтому добрый десяток лет «Побег из Шоушенка» возглавляет Топ-250 сайта «Кинопоиск» (<https://www.kinopoisk.ru/top>), а некогда самый кассовый блокбастер «Аватар» давно опустился в третью сотню.

Следует отметить, что «Побег из Шоушенка» кроме несомненных художественных достоинств обладает сильным мотивирующим эффектом. Особую культурную ценность представляют те присвоенные компоненты образования, которые глубоко укореняются в личности учащегося в виде смыслов и ценностей. На наш взгляд, он как нельзя лучше демонстрирует ценность, которую составляет время нашей жизни, и содержит ряд имплицитных посланий: «Выбор простой: занимайся жизнью или занимайся смертью», или «Тот, кто хочет получить все сразу, получает ничего и постепенно». Символично, что в эпизоде, когда директор тюрьмы Нортон обнаруживает в Библии, которая находилась с Энди все 19 лет заключения, маленький геологический молоток, он читает: «Вы правы, директор Нортон», — спасение лежит внутри. Перефразируя, мы можем получить еще одну эзистенциальную сентенцию: «У Бога нет других рук, кроме твоих собственных».

Какие компоненты образования наиболее чувствительны к вышеописанным феноменам использования игрового кино в образовательном процессе? Для этого следует обратить наше внимание непосредственно к структурным компонентам образования. За основу мы взяли представления о содержании образования В. В. Гузеева и А. А. Остапенко [6, с. 135], которые отражены в табл. 1. Не вдаваясь подробно в терминологию,

отметим, что *экстериорные* компоненты содержания образования внешние по отношению к обучающемуся и существуют в культурном пространстве независимо от того, осведомлен он о них или нет, а *интериорные* — внутренние компоненты (усвоенные и присвоенные учащимся).

Табл. 1

Компоненты содержания образования

Экстериорные/ Интериорные объекты	Интериорные объекты	
	Усвоение	Присвоение
Факты	Представления	Знания
Способы	Умения	Навыки
Ценности, отношения	Нормы	Убеждения, смыслы

Знания и умения сравнительно легко формализуются, калькулируются и измеряются (ЕГЭ, ГИА и т. п. тесты, рейтинги). В силу этого они главным образом являются предметом внимания в образовательном процессе.

Однако ценности и смыслы невозможно передать как знания. Они передаются от учителя ученику через механизмы социально-психологического влияния (внушение, убеждение, подражание, эмоциональное заражение). Прежде всего речь идет о личностно-развивающем и воспитывающем характере образования, важнейшим инструментом которого является общение. Только в совокупности вышеперечисленная триада образовательных компонентов, по нашему мнению, способна произвести максимальный эффект. А. Н. Леонтьев писал, что смыслу не учат — смысл воспитывается. В этом и заключается главная ценность использования лучших образцов кинематографического искусства в образовательных целях.

1. 100 лучших фильмов для менеджеров // *Top-Manager*. 2007. № 1 (67). 318 с.
2. Аллен Д. Как поддерживать дела в порядке. Принципы полноценной жизни без стресса. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. 400 с.
3. Арабов Ю. Н. Кинематограф и теория восприятия. Учебное пособие. М.: ВГИК, 2003. 106 с.
4. Баркова А. Л. От короля Лира к товарищу Сухову. Судьба мифологического клише в художественном мышлении // Человек. 1998. № 2. С. 154–170.
5. Волкова Д. Э., Орлов А. Б., Орлова Н. А. Знак, метафора, символ — методология субъектности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 3. С. 89–119.
6. Гузеев В. В., Остапенко А. А. Усвоение знаний и освоение умений: сходство и различие процессов // Народное образование. 2009. № 4. С. 131–138.
7. Кино и глубинная психология. Юнгянский взгляд. Сборник. М.: МААП, 2010. 304 с.
8. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. 245 с.
9. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячу лицами. Миф. Архетип. Бессознательное. СПб.: София, 1997. 336 с.
10. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн: Ээсти Раамат, 1973. 138 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinostetika.txt> (дата обращения: 28.10.2019).
11. Лотман Ю. М., Цивьян Ю. Г. Диалог с экраном. Таллинн: Александра, 1994. 216 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 992 с.
13. Трусь А. А. Кинотренинг: технология и методика видеообсуждения. СПб.: Речь, 2011. 191 с.
14. Ямпольский М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК Культура, 1993. 464 с.

References

1. 100 luchshikh filmov dlya menedzherov [100 best films for managers]. *Top-Manager*, 2007, 1 (67). 318 p. (In Russian).

2. Allen D. *Kak podderzhvat dela v poryadke. Printsipy polnotsennoy zhizni bez stressa* [How to keep things in order. Principles of full-life without stress] Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2010. 400 p. (In Russian).
3. Arabov Yu. N. *Kinematograf i teoriya vospriyatiya: Uchebnoye posobiye* [Cinema and the theory of perception: Manual]. Moscow: all-Russian State Institute of Cinematography Publ., 2003. 106 p. (In Russian).
4. Barkova A. L. *Ot korоля Lira k tovarishchu Sukhovu. Sudba mifologicheskogo klijes v khudozhestvennom myshlenii* [From King Lear to comrade Sukhov. The fate of the mythological cliché in artistic thinking]. *Chelovek — Human*, 1998, (2), pp. 154–170 (in Russian).
5. Volkova D. E. Orlov A. B., Orlova N. A. *Znak, metafora, simvol — metodologiya subyektnosti* [Sign, metaphor, symbol — methodology of subjectivity] *Psichologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki — Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 2010, 7 (3), pp. 89–119 (in Russian).
6. Guzeyev V. V., Ostapenko A. A. *Usvojeniye znaniy I osvojeniye umeniy: skhodstvo I razlichie protsessov* [Assimilation of knowledge and development of skills: similarity and difference of processes]. *Narodnoye obrazovaniye — Public Education*, 2009, (4), pp. 131–138 (in Russian).
7. Kino i glubinnaya psichologiya: Yungianskiy vzglyad [Cinema and depth psychology: a Jungian view]. Moscow: Moscow Association of Analytical Psychology Publ., 2010. 304 p. (In Russian).
8. Kubryakova Ye. (Ed.) *Kratkiy slovar kognitivnykh terminov* [A concise dictionary of cognitive terms]. Moscow: Moscow State University Publ., 1996. 245 p. (In Russian).
9. Kempbell G. *Geroy s tysyachyu litsami: Mif. Arkhetip. Bessoznatelnoye*. [A hero with a thousand faces: Myth. Archetype. Unconscious]. St. Petersburg: Sofiya Publ., 1997. 336 p. (In Russian).
10. Lotman Yu. M. *Semiotika kino i problem kinoestetiki* [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. Tallin: Eesti Raamat Publ., 1973. 138 p. (In Russian). Available at: <http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt> (accessed 28.10.2019).
11. Lotman Yu. M., Tsivyan Yu. G. *Dialog s ekranom* [Dialogue with the screen]. Tallin: Aleksandra Publ., 1994. 216 p. (In Russian).
12. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian culture] (3rd ed.). Moscow: Akademicheskiy Proekt Publ., 2004. 992 p. (In Russian).
13. Trus A. A. *Kinotrening: Tekhnologiya i metodika videoobsuzhdeniya* [Film training: Technology and methodology of video reasoning]. St. Petersburg: Rech Publ., 2011. 191 p. (In Russian).
14. Yampolskiy M. B. *Pamyat Tiresiya. Intertekstualnost i kinematograf* [Memory of Tiresiy. Intertextuality and cinema]. Moscow: Kultura Publ., 1993. 464 p. (In Russian).

ПОЛЯКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

кандидат биологических наук, учитель биологии ГБОУ «Школа № 292 с углубленным изучением математики Фрунзенского района Санкт-Петербурга»,
osca@yandex.ru

OLGA N. POLYAKOVA

*Cand.Sc. (Biology) biology teacher of school № 292 with advanced study of mathematics
in Frunzensky district of St. Petersburg*

АРЕФЬЕВА НАДЕЖДА ВАЛЕРЬЕВНА

учитель биологии ГБОУ «Школа № 292 с углубленным изучением математики
Фрунзенского района Санкт-Петербурга»,
osca@yandex.ru

NADEZHDA V. AREFYEVA

*Biology teacher of school № 292 with advanced study of mathematics
in Frunzensky district of St. Petersburg*

УДК 159.9

**ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ВЫПУСКНИКА СРЕДНЕГО ОБЩЕГО
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ
В ОБЛАСТИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ДИСЦИПЛИН**

**PERSONAL QUALITIES OF A GRADUATE OF GENERAL SECONDARY
EDUCATIONAL INSTITUTION SPECIALIZING IN NATURAL SCIENCES**

Аннотация. Для выпускника школы, который готов связать свой профессиональный интерес с изучением окружающего мира, с нашей точки зрения предположительно можно выделить наличие таких качеств, как хорошее развитие сенсорных систем и памяти, логическое мышление и способность к эмоционально-образному представлению, некоторая степень нестандартности, pragmatичности, педантичности на среднем уровне и выше среднего когнитивного познания, творческие способности. Приоритетными с точки зрения психофизиологического статуса и социальных возможностей обучающихся для преподавателей основной общеобразовательной и средней школы будут мотивационные факторы обучения. Основным социальным фактором, способствующим формированию естественнонаучного стиля мышления у обучающихся, является личность педагога на ступени основного общего образования (5–9 классы). Невозможно создать идеальную модель портрета выпускника, поскольку надо учитывать слишком много факторов социального окружения ребенка, особенности его жизни вне стен школы, культурологические особенности семьи и возможности образовательного учреждения.

ABSTRACT. For a school graduate who is ready to connect his//her professional interest with the study of the world around him/her, from our point of view, it is possible to distinguish such qualities as good development of sensory systems and memory, logical thinking, and the ability to emotionally-figurative representation, some degree of irregularity, pragmatism, pedantry, cognitive knowledge at the average level and above the average, and creative abilities. From the point of view of the psychophysical status and social opportunities of learners motivational factors of training for teachers of a secondary school will be foreground. The main social factor contributing to the formation of natural-scientific style of thinking in the student is the personality of the teacher at the stage of basic general education (5–9 form). It is impossible to create an ideal model of a graduate portrait as there are many factors to consider: child's social environment, features of his life outside the school, cultural features of his life and opportunities of the educational institution.

Ключевые слова: портрет выпускника школы, личностные характеристики, социальные факторы, естественнонаучные дисциплины, конкурентоспособность, мотивация, личность педагога.

KEYWORDS: graduate portrait, personal qualities, social factors, natural sciences, competitiveness, motivation, personality of the teacher.

Актуальность. В настоящее время современные стандарты образования требуют индивидуализации подхода к обучающемуся и высокого уровня конкретизации его возможностей. Должны учитываться также требования работодателя, который получит конечный продукт образовательного учреждения, например выпускника средней общеобразовательной школы, обладающего определенной конкурентоспособностью. Предполагается, что, имея специфический набор когнитивных, личностных, социальных характеристик конкретной личности выпускника, мы можем прогнозировать возможные пути его будущей трудовой деятельности. Тогда, в зависимости от потребностей общества, можно будет готовить успешные в трудоустройстве кадры.

С другой стороны, специализация образования в основной общеобразовательной и средней школе позволяет максимально развить желаемые для конкретного обучающегося качества. В данном случае требования о качестве образования выдвигаются со стороны родителей и самого обучающегося. И могут возникать расхождения в результате, предполагаемом со стороны заказчика (родителя) и реальном результате обучения ребенка. Здесь три составляющие проблемы: природные (наследственные в том числе) данные обучающегося, возможности педагогического коллектива образовательного учреждения и тот образ, который требуется сформировать в связи со спецификой выбранного направления обучения. Конкретизация последнего и представляет для нас, преподавателей блока естественнонаучных дисциплин основной общеобразовательной и средней школы, особый интерес.

Целью нашей работы было определение личностных характеристик выпускника основной общеобразовательной и средней школы, овладевшего естественнонаучным стилем мышления. Соответственно, мы определили следующие задачи работы:

- сформировать портрет абитуриента, успешного в освоении таких школьных учебных дисциплин, как биология, физика или химия;
- выявить наследственно обусловленные особенности личности, демонстрирующей склонность к дисциплинам естественнонаучного цикла;
- проанализировать социальные факторы, способствующие формированию естественнонаучного стиля мышления у обучающихся общеобразовательной школы.

Наша работа является теоретическим исследованием, направленным на решение вопросов, которые перед нами ставят ФГОС (федеральные государственные стандарты) последнего поколения, реализация которых началась с параллели первого года обучения в начальной общеобразовательной школе в 2010 году. В документе «Об утверждении Федерального государственного образовательного Стандарта Основного общего образования» (ФГОС) [9] прописываются основные личностные характеристики выпускника без учета ее профессиональной направленности. С точки зрения преподавателей, обучающих естественнонаучному

циклу дисциплин, необходимость создать условия для формирования личности, «активно и заинтересованно познающей мир, осознающей ценность труда, науки и творчества; умеющей учиться, осознающей важность образования и самообразования для жизни и деятельности, способной применять полученные знания на практике» [9, с. 3–4], не позволяет увидеть конкретного человека за этими словами.

Рассматривая естественнонаучное образование, можно отметить [16, с. 92], что оно определяет довольно широкий спектр всевозможных профилей, которые базируются на его предметной основе познания Природы. Обучающиеся, отдающие предпочтение естественнонаучному профилю, имеют внутреннюю мотивацию к изучению живой или неживой материи, ориентиры поступления в высшие профессиональные учебные заведения естественнонаучного профиля, всегда стоят перед выбором, в какой класс пойти: физико-математический, химико-биологический, химико-технологический или эколого-биологический.

Мы создали модель гипотетической личности, которая обладает естественнонаучным стилем мышления. Под личностными качествами понимаются биологические, социальные качества, характеризующие личность, и профессиональные качества, обуславливающие способность к профессиональной деятельности,— и тогда в качестве профессионального саморазвития можно рассматривать [4, с. 211] сознательную деятельность, направленную на полную самореализацию себя как личности в той социальной сфере деятельности, которую определяет профессия. Модель была создана усилиями учителей методического объединения естественнонаучного цикла дисциплин ГБОУ «Школа № 292 с углубленным изучением математики Фрунзенского района г. Санкт-Петербурга» на основе опроса «Каким вы видите своего выпускника в будущем?». Результаты опроса были обработаны, проранжированы и сведены в табл. 1.

Если обобщить портрет, описанный в таблице, можно сказать, что в целом получилась личность неоднозначная, не всегда социально адаптивная, свойственная скорее уже состоявшемуся ученому. Для выпускника школы, который готов связать свой профессиональный интерес с изучением окружающего мира, с нашей точки зрения, можно выделить предположительно наличие таких качеств, как хорошее развитие сенсорных систем (врожденная характеристика) и памяти, логическое мышление и хороший уровень эмоционально-образного представления, некоторая степень нестандартности, прагматичности, педантичности, на уровне и выше среднего когнитивные познания и творческие способности, коммуникабельность.

Проанализировав имеющуюся отечественную литературу, в которой проводится анализ личностных характеристик обучающихся с разным уровнем склонности к освоению биологических, технических и гуманитарных дисциплин [10, 12, 15, 16, 18], мы пришли к выводу, что у обучающихся

Особенности личности, обладающей естественнонаучным стилем мышления

Статус	Характеристика	Пояснения
Физиологический статус	Должны быть хорошо развиты сенсорные анализаторы	Развиты чувствование, идентификация и анализ поступающих из внешней среды сигналов
Когнитивный статус	Хорошая память	Может быть избирательной (при включенной когнитивной доминанте)
	Часто пользуются интуитивным решением проблемы	Когда когнитивная доминанта выводится на уровень подсознания, и требуется время для получения осознанного решения проблемы
	Логичны	Способны выстраивать алгоритмы и логические цепочки своих рассуждений
	Многовариативны	Способны находить несколько вариантов решений на одну проблему
	Нестандартность мышления	Можно охарактеризовать как креативность. Могут видеть проблему там, где для других ее не существует
	Соблюдают технику безопасности, в том числе и на рефлекторном уровне	Осознают последствия, которые могут возникнуть при отступлении от техники безопасности или нарушении технологического процесса
Интерес в смежных дисциплинах	История	Поскольку исследование окружающего мира проходило в своем логичном историческом контексте, неразрывно связанном с научно-техническим прогрессом, экономикой и войнами
	Математика	Используют математические методы и анализ с выходом на статистическую обработку материалов, построением графиков. Владеют «искусством игры с цифрами» при анализе результатов эксперимента
	Родной язык	Умеют описывать то, что изучают так, чтобы без дополнительных вопросов это было понятно другим
	Английский	Является международным языком общения в науке
	Информатика	Обработка результатов и их представление, разработка программ под свою тему, использование электронных материалов и т. д.
Эмоциональный статус	Противоречивы	Способны создавать противоречивые и проблемные ситуации для себя и для других
	Высокий уровень эмоционально-образного мышления и	Хорошее воображение и подвижный тип нервной системы
	Творческий	Художественные способности выше среднего
Психический статус	Умение сомневаться в своих ощущениях	Доверяют, но проверяют
	Любознательность	Любознательны выше социально допустимого
	Прагматичность	Выстраивают свою систему поступков и взглядов на жизнь в аспекте получения практически полезных результатов
	Педантичны	Точны в формулировках и в формальных требованиях
	Высокий уровень планирования	Последовательны в достижении результата
Социальный статус	Патриотичны	Ценят ту научную школу, в которой работают
	Уважают себя	Знают, что 50% здоровья зависит от образа жизни и наличия вредных привычек, остальное — вопрос наследственности
	Ответственность избирательная	Берут на себя ответственность за принятые самими решения
	Коммуникабельны, но могут позволить себе не быть доброжелательными и общительными	Поскольку работают с опасными объектами (существами, веществами и прочее)
	Нестандартны	Могут позволить иметь собственное мнение о проблеме
	Манипуляторы	Могут манипулировать окружающими, поскольку имеют больше знаний об окружающем мире, чем остальные
	Требовательны к себе и к другим	Уровень этичности временами может быть средним и даже близким к низкому; могут быть грубыми
Духовно-нравственный статус	Циничность	Некоторая степень вызывающе-пренебрежительного отношения к нормам общественной морали. Если нельзя, то попробовать все равно можно (в интересах науки)
	Часто религиозны	Могут позволить себе верить в высшие силы, но полностью не доверяют им

выявляли уровень проявления тех признаков, которые интересовали самих исследователей.

На личность учителя профессия оказывает несомненное влияние, причем основными составляющими являются учебный предмет, который он преподает, и стаж работы. Интересными оказались результаты исследований [17, с. 21], согласно которым учителям биологии, в отличие от преподавателей остальных дисциплин средней и старшей школы, в большей степени присуща такая черта, как высокая интенсивность непрагматичного отношения к природе. Для них также характерны общительность, мягкое сердечность и консервативность, высокое суперэго, дипломатичность и самомнение. Здесь можно использовать такие характеристики, выражающие два крайних полюса, как «фанаты» и «сторонние наблюдатели». Поскольку в процессе обучения важна личность педагога, интересными оказались результаты, о коммуникативно-личностном потенциале влияния учителя на ученика, которое включает и неосознанное заражение состоянием или побуждение к подражанию [17, с. 12]. Эти черты могут привлекать определенную категорию учащихся — возможно, имеющих сходные качества характера, как и у преподавателя. Тогда эффективность познавательной деятельности обучающихся может быть обеспечена за счет возможного соответствия стилей обучения педагогов со стилями индивидуальной познавательной деятельности школьников [12, с. 89].

Развитие ученика происходит в социальной среде, в которой находятся не только взрослые участники образовательного процесса (учителя и родители), но и сверстники, обладающие разным спектром интересов и возможностей. Реализовать потенциальные способности [17, с. 212] означает общественную возможность их развития. В социальной ситуации развития профессиональное саморазвитие обучающегося обуславливается развитием других обучающихся, с которыми он находится в прямом или косвенном общении. Мы хотим отметить, что в задачу педагога не входит стопроцентное раскрытие способностей каждого из обучающихся. Педагогом создаются возможности для обучения, позволяющие работать в коллективе с ориентацией не на среднего обучающегося, а на каждого в отдельности с учетом его познавательных возможностей, потребностей и интересов. При этом может повышаться интерес к дисциплине, а между педагогом и обучающимся устанавливаются отношения, снижающие психологическое напряжение на занятиях. В результате повышаются качество знаний и активность слабоуспевающих детей [8, с. 202]. В средних специализированных образовательных учреждениях можно создавать условия в рамках освоения профессии, развивающие социально значимые профессиональные качества. Например, для среднего медицинского персонала это будут такие навыки, как сопереживание, умение заботиться о других, способность быть терпеливым и небрезгливым [6, с. 110]. Однако для более высоких степеней образования эти качества могут не находиться

в приоритете, так как акцент смещен в сторону повышения когнитивных возможностей и высококвалифицированных, но узконаправленных навыков.

ФГОС устанавливают требования к личностным результатам в соответствие с возрастными и индивидуальными особенностями обучающихся. В аспекте исследуемого направления обучения подрастающего поколения личностными результатами могут выступать следующие показатели: сформированность основ экологической культуры, наличие опыта экологически ориентированной рефлексивно-оценочной и практической деятельности в жизненных ситуациях [1, с. 221]. В связи с особенностями развития ряда характеристик, присущих интересующей нас категории обучающихся, следует учитывать возрастные особенности, когда развитие этих характеристик может проходить наиболее успешно. Соответственно, были сформулированы принципы природообразного обучения с учетом возрастных психофизиологических особенностей и чувствительных периодов, наиболее эффективных для обучения. Например, сензитивным периодом для развития воображения и фантазии является возраст 5–7 лет, для формирования логического мышления следует использовать проблемные и практико-ориентированные обучающие методики для работы с детьми в возрасте 10–13 лет [14, с. 5520]. Для этого возрастного периода условия процесса обучения позволяют реализовать одновременное развитие функций правого и левого полушарий мозга ученика за счет перевода учебной и иной информации с одного из трех языков познания (чувственно-сенсорный, образный и речевымыслительный) на два других. В этот возрастной период достаточно легко осуществляется обучение с использованием перевода информации с языка образов на язык знаков, символов и наоборот, который реализуется, например, при решении задач по геометрии, стереометрии. В свою очередь, это способствует развитию функций полушарий головного мозга и, соответственно, развитию потенциала мыслителя и творческой личности обучающихся [14, с. 5520]. Получается, что необходимость развития метапредметных связей, заложенных в современных стандартах образования, предполагает более эффективное развитие психофизиологических особенностей ребенка. Для выпускника, владеющего естественнонаучным стилем мышления, будет логичным наличие широкого кругозора по разным дисциплинам, и не только связанным с исследованием природы.

В средней школе в процессе включения обучающихся в деятельность, согласованную с профилем образования, подростки осознают свои интересы, способности, общественные ценности, связанные с выбором профессии и своего места в обществе. Обучение в старшей школе отмечено развитием профессионального самосознания, когда у школьников появляется личностный смысл выбора профессии, приобретаемый опыт соотнесения общественной сферы выбора деятельности со своими идеалами, представлениями

о ценностях, постижения реальных возможностей [13, с. 3]. Период юношества сталкивает человека с проблемами формирования собственной и социальной идентичности, а также жизненной позиции, траекторией жизненного движения [3, с. 60]. В этот период личностно-ориентированное обучение помогает развивать такие профессиональные качества, как умение добиваться поставленной цели, высказывать свое мнение и аргументировать его, ориентироваться в мировом и культурном пространстве, уметь находить выход из нестандартных ситуаций, развивать деловой контакт, понять свои способности и качества характера [11, с. 150]. На становление духовно-нравственных ценностей обучающихся сильное воздействие может оказывать высокая концентрация интеллектуального потенциала в одном учебном коллективе [18, с. 86], если таковая имеется. В противном случае большую роль будут играть семья и социальная среда вне школы. Соответственно фактор «использование свободного времени» может оказывать влияние на обучаемость и на уровень успеваемости. При увеличении количества свободного времени уменьшается вероятность высокого уровня успеваемости [5, с. 57]. Те, кто выбирает приоритеты в изучении окружающего мира, достаточно много времени проводят в практическом освоении разных сфер по своему интересу, предоставляемых системой дополнительного образования и внеурочной деятельности.

Выпускник среднего образовательного учреждения (абитуриент), обладающий набором личностных черт, соответствующих выбранной профессии, является более конкурентоспособным при выборе дальнейшего образовательного маршрута. Категория «конкурентоспособность субъекта» означает «быть способным к конкуренции», а это предполагает наличие собственного мотива к эффективной деятельности, наличие ресурсов для реализации деятельности, а также способность противостоять конкуренту. В данном случае категория «конкурентоспособность» трактуется в контексте междисциплинарного подхода, то есть учитывается комплекс факторов личностных, психологических, педагогических, социальных и экономических [7, с. 18]. В социальном контексте конкурентоспособность определяется влиянием социального окружения на учащегося. Молодые люди в возрасте от 15 до 18 лет, как правило, формируют свое поведение с учетом приоритетов семьи и ближайшего окружения. Также следует учитывать, что школьники восприимчивы к суждениям своих друзей и сверстников, рассматривая их в первую очередь как конкурентов [7, с. 19].

Личностно-образовательный потенциал определяется индивидуальными способностями учащихся, одаренностью, сформированными в ходе обучения знаниями и навыками, измеряемыми баллами итоговой и промежуточной аттестации. Особое значение для подростка приобретают самоконтроль и самооценка, которые являются психологической основой становления самосознания, важным элементом рефлексии

учебно-профессионального развития личности обучающихся [2, с. 147]. Логично, что самыми значимыми для выпускника школы критериями при выборе будущей профессии должны быть соответствие специальности их индивидуальным способностям и возможности для личностного развития [18, с. 90].

При формировании успешного профориентационного статуса выпускника следует выделить наличие мотивации. Соответственно, с точки зрения психофизиологического статуса и социальных возможностей обучающихся приоритетными для преподавателей (основной общеобразовательной и средней школы) будут мотивационные модели обучения. Личность и опыт преподавателя, его успешность и социальный статус играют в данном случае далеко не последнюю роль.

Нет возможности создать идеальную модель портрета выпускника. Слишком много факторов социального окружения ребенка, разнообразие возможностей его жизни вне стен школы. Мы можем сформировать портрет потенциального абитуриента высшего учебного заведения с естественнонаучной направленностью или работника в сфере «человек — природа» через личность конкретного педагога и создание коллектива обучающихся, объединенных несколькими разными мотивами, но общей идеологией.

Мы не обнаружили в литературных источниках противоречий с созданной нами гипотетической моделью выпускника школы, который готов связать свой профессиональный интерес с изучением окружающего мира. К наследственно обусловленным особенностям такой личности можно выделить такие качества, как хорошее развитие сенсорных систем и наличие творческих способностей, в том числе нестандартность мышления. Основным социальным фактором, способствующим формированию естественнонаучного стиля мышления у обучающихся, является личность педагога на ступени основного общего образования (5–9 классы).

В качестве практического вывода проведенной нами исследовательской работы представляем в табл. 2 наше видение путей формирования личности, выбравшей в качестве приоритетного направления изучение окружающего мира.

В заключение мы хотели бы отметить, что личность выпускника должна быть многосторонней. Излишняя акцентуация в одном направлении снижает возможности адаптации после завершения обучения в среднем образовательном учреждении, влияет на конкурентоспособность при дальнейшем выборе профессии, снижает возможности альтернативного выбора пути для самореализации, если изменяются жизненные обстоятельства.

Развитие естественнонаучного стиля мышления в условиях современного мира позволяет сохранить здоровье в широком его понимании, уметь находить адекватные решения в нестандартных жизненных ситуациях, стимулирует потребность в дальнейшем самообразовании и реализации себя как личности во многих направлениях своей жизни.

Табл. 2

Особенности формирования личности, обладающей естественнонаучным стилем мышления

Статус	Характеристика	Методы, оказывающие влияние на формирование статуса
Физиологический статус	Должны быть хорошо развиты сенсорные анализаторы	Использование методик, позволяющих развивать и совершенствовать возможности сенсорных систем. Разъяснение принципов здорового образа жизни, позволяющих сохранять имеющийся потенциал анализаторов
Когнитивный статус	Хорошая память	Использовать разнообразные мнемотехнические методы
	Часто пользуются интуитивным решением проблемы	Создавать проблемные задачи, имеющие пролонгированное решение
	Логичны	Обучать различным способам обработки информации и создания разных схем подачи материала
	Многовариативны	Предлагать практико-ориентированные задачи, имеющие несколько вариантов решения
	Нестандартность мышления	Использовать нестандартные методы решения проблем, как, например, майевтика, в основе которой лежит искусство диалога, и мозговой штурм, в котором используется принцип разделения во времени двух этапов творческого процесса: генерирование идей и их критическая оценка
Интерес в смежных дисциплинах	Соблюдают технику безопасности, в том числе и на рефлекторном уровне	Разъяснение необходимости соблюдения техники безопасности и самоконтроля
	История	Формировать метапредметные связи проведением бинарных интегрированных уроков
	Математика	
	Родной язык	
	Английский язык	
Эмоциональный статус	Информатика	
	Противоречивы	Обучать методикам самоконтроля
	Высокий уровень эмоционально-образного мышления и	Использовать методы, требующие возможностей невербального решения
Психический статус	Творческий	Предлагать оформление задач, а не только их решение
	Умеют сомневаться в своих ощущениях	Обучить использовать современные методы изучения окружающего мира
	Любознательны	Использовать недирективный подход к обучению
	Прагматичны	Ориентироваться на получение конечного продукта деятельности
	Педантичны	Знание терминов и четкое соблюдение инструкций, например при оформлении практической работы
Социальный статус	Высокий уровень планирования	Обучение грамотной постановке цели и задач
	Патриотичны	Формирование данных навыков зависит от: <ul style="list-style-type: none"> условий воспитания в семье; особенностей воспитательной и психосоциальной работы в учебном заведении; экономических возможностей; личности учителя
	Уважают себя	
	Ответственность избирательная	
	Коммуникабельны, но могут позволить себе не быть доброжелательными и общительными	
	Нестандартны	
	Манипуляторы	
Духовно-нравственный статус	Требовательны к себе и к другим	
	Циничны	
	Часто религиозны	

1. Дерешева Н. М., Салчак Т. Х. А. Экологические тренинги при обучении биологии как условие развития личностных качеств обучающихся // Современные технологии: актуальные вопросы, достижения и инновации Сборник статей XII Международной научно-практической конференции. В 2 частях / под общ. ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017. С. 221–223.
2. Ёлкина И. М. Система оценивания результатов при различных педагогических подходах // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 5. С. 141–150.
3. Живоглядова А. Ю. Требования к образовательному пространству системы СПО для формирования личностных качеств обучающихся // Лучшая студенческая статья — 2018. Сборник статей XIV Международного научно-исследовательского конкурса: в 4 ч.. Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. С. 60–63.
4. Журавлева Т. Л. Пути преобразования личностных качеств в профессиональные качества у обучающихся образовательной организации системы МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (82). С. 208–216.
5. Лебедева Т. В., Цыпин А. П., Сидоренко В. С. Статистический анализ факторов, влияющих на успеваемость студентов российских вузов // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 9. С. 55–58.
6. Малогулова И. Ш., Колосова О. Н., Борисова Н. В., Пшениникова Е. В., Кузьмина А. А. Довузовская профориентация в медицинском институте СВФУ // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. 2017. № 1 (6). С. 106–111.
7. Михалкина Е. В., Косолапова Н. А., Михалкина Д. А. Человеческий капитал и конкурентоспособность выпускников российской средней школы: потенциал формирования и проблемы измерения // Journal of economic regulation (вопросы регулирования экономики). 2014. Т. 5, № 1. С. 13–25.
8. Пенкина Н. А. Личностно ориентированный подход как критерий повышения качества знаний обучающихся по химии // Современное образование: от традиций к инновациям. Сборник научных статей по результатам XII Всероссийской научно-практической конференции / под редакцией Н. Г. Чаниловой, С. А. Пилюгиной. Саратов: изд-во «ГАУ ДПО «Саратовский областной институт развития образования», 2017. С. 199–202.
9. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/55170507/>(дата обращения: 16.12.2019).
10. Семилетова В. А., Хренова Ю. Р., Рыбалова М. В. Психофизиологические особенности студентов с разным вегетативным статусом // Вестник новых медицинских технологий. Электронное издание. 2016. № 3. С. 134–138.
11. Синчурина Е. С. Влияние личностного подхода на формирование профессиональных качеств обучающихся// Компетентностный подход: современные аспекты развития образования. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. С. В. Фроловой, С. Л. Коротковой, М. А. Сморгуновой. Саратов: ИЦ «Наука», 2017. С. 148–150.
12. Соколова И. Ю., Иванова Т. В. Развитие личностного потенциала студентов в процессе подготовки к профессиональной деятельности // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2014. № 1 (13). С. 86–91.
13. Соколова Д. В., Сеничева Н. Н. Психологическая готовность старшеклассников к профессиональному самоопределению // Вопросы территориального развития. 2015. № 5 (25). С. 4.
14. Соколова И. Ю Реализация концепции природосообразного и культурносообразного образования в системах общего и профессионального образования // Фундаментальные исследования. 2015. №2–24. С. 5516–5522.
15. Соколова И. Ю. Анализ влияния результатов развития школьников на качество подготовки специалистов, бакалавров в ВУЗе // Крымский научный вестник. 2015. № 6 (6). С. 191–210.
16. Старченко С. А., Бондаренко Ю. М. Новая модель содержания биологического образования в профильной школе // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 2. С. 91.
17. Точило И. Э. Влияние личности учителя биологии на формирование субъективного отношения к природе у подростков: автореф. канд. псих. наук. М.: Московский государственный областной университет, 2008. 22 с.
18. Шафранов-Куцев Г. Ф., Ефимова Г. З. Социологический портрет старшеклассника университетской (элитной) гимназии в региональном интерьере // Образование и наука. 2014. № 10 (119). С. 76–92.

References

1. Deresheva N. M., Salchak T. Kh. A. Ecologicheskiye treningi pri obuchenii biologii kak usloviye razvitiya lichnostnykh kachestv obuchayushchikhsya [Ecological trainings in teaching biology as a condition for the development of personal qualities of students] Sovremennyye tekhnologii: aktualnyye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sbornik statey XII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Modern technologies: actualquestions, achievements and innovations: Collections of papers of the 12th International Scientific and Practical Conference]. 2017. pp. 221–223 (in Russian).
2. Yolkina I. M. Sistema otsenivaniya rezul'tatov pri razlichnykh pedagogicheskikh podkhodakh [The system of evaluation of results in different pedagogical approaches]. Otechestvennaya I zarubezhnaya pedagogika — Russian and Foreign Pedagogy, 2012, (5), pp.141–150 (in Russian).
3. Zhivoglyadova A. Yu. Trebovaniya k obrazovatelnomu prostranstvu sistemy SPO dlya formirovaniya lichnostnykh kachestv obuchayushchikhsya [Requirements to the educational space of special vocational education system for the formation of personal qualities of students]. Luchshaya studencheskaya sistya — 2018: Sbornik statey XIV Mezhdunarodnogo naucnno-issledovatelskogo konkursa [The Best Student's Article –2018: Collected Papers of the

- 14th International Scientific Competition]. Penza: Nauka i Prosveshcheniye Publ. (G. Yu. Gulyayev Individual Enterprise), 2018, pp. 60–63 (in Russian).
4. Zhuravleva T. L. Puti preobrazovaniya lichnostnykh kachestv v professionalnyye kachestva u obuchayushchikhsya obrazovatelnoi organizatsii sistemy MVD Rossii [Ways of transformation of personal qualities into professional qualities of students in the educational system of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii — Bulletin of Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, 2 (82), pp. 208–216 (in Russian).
 5. Lebedeva T. V., Tsypin A. P., Sidorenko V. S. Statisticheskiy analiz faktorov, vliyayushchikh na uspevayemost studentov rossiyskikh vuzov [Statistical analysis of factors effecting student performance in Russian higher schools]. *Intellekt, in-nivatsii, investitsii. — Intelligence, innovations, investments*, 2016, (9), pp. 55–58 (in Russian).
 6. Malogulova T. L., Koloova O. N., Borisova N. V., Pshennikova Ye. V., Kuzmina A. A. Dovuzovskaya proforientatsiya v meditsinskom institute SVFU [Pre-university career guidance at the medical institute of North-Eastern Federal University]. *Vestnik Severo-Vostochnogo Federalnogo Universiteta im M. K. Amosova. Seriya: Meditsinskiye nauki — Bulletin of North-Eastern Federal University named after M. K. Amosov. Series: Medical Sciences*, 2017, 1 (6), pp. 106–111 (in Russian).
 7. Mikhalkina Ye. V., Kosolapova N. A., Mikhalkina D. A. Chelovecheskiy capital i konkurentosposobnost rossiyskoy sredney shkoly: potentsial formirovaniya i problemy izmereniya [Human capital and competitiveness of Russian secondary school graduates; potential for the formation and the measurement problem]. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki — Questions of economic regulation*, 2014, 5 (1), pp. 13–25 (in Russian).
 8. Penkina N. A. Lichnostno oriyentirovannyi podkhod kak kriteriy povysheniya kachestva znaniy obuchayushchikhsya po khimii [Personal- oriented approach as a criterion for improving the quality of students' knowledge in chemistry]. *Sovremennoye obrazovaniye: ot traditsiy k innovatsiyam: Sbornik nauchnykh statey po rezulatam XII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii — Modern Education: from Traditions to Innovations: Collection of Scientific Papers on the Results of the all-Russian Scientific and Practical Conference*. Saratov: Nauka Publishing Center, 2017, pp. 199–202 (in Russian).
 9. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.12.2010 №1897 [Order of the Ministry of Education and Science of 29.12.2010 №1897] (in Russian). Available at: <http://base.garant.ru/55170507/> (accessed 16.12.2019).
 10. Semiletova V. A., Khrenova Yu. R., Rybalova M. V. Psikhofiziologicheskiye osobennosti studentov s raznym vegetativnym statusom [Psychophysiological features of students with different vegetative status]. *Vestnik novykh meditsinskikh tekhnologiy — Bulletin of New Medical Technologies*, 2016, (3), pp. 134–138 (in Russian).
 11. Sinchyrina Ye. S. Vliyaniye lichnostnogo podkhoda na formirovaniye professionalnykh kachestv obuchayushchikhsya [Influence of personal approach on the formation of students' qualities]. *Competentnostnyi podkhod: sovremennyye aspekty razvitiya obrazovaniya: Sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Competitive Approach: Collected Papers of the all-Russian Scientific and Practical Conference]*. 2017, pp. 148–150 (in Russian).
 12. Sokolova D. V., Senicheva N. N. Psichologicheskaya gotovnost starsheklassnikov k professionalnomu samoopredeleniyu [Psychological readiness of high school students for professional self-determination]. *Voprosy territorialnogo razvitiya — Issues of Territorial Development*, 2015, 5 (25), p. 4 (in Russian).
 13. Sokolova I. Yu., Ivanova T. V. Razvitiye lichnostnogo potentsiala studentov v protsesse podgotovki k professionalnoy deyatelnosti [Development of personal potential of students in the process of preparation for professional activity]. *Professionalnoye obrazovaniye v Rossii i za rubezhom — Professional Education in Russia and Abroad*, 2014, 1 (13), pp. 86–91 (in Russian).
 14. Sokolova I. Yu. Realizatsiya kontseptsii prirodosoobraznogo i culturosoobraznogo obrazovaniya v sistemakh obshchego i professionalnogo obrazovaniya [Implementation of the concept of natural and cultural education in the systems of general and professional education]. *Fundamentalnyye issledovaniya — Fundamental Research*, 2015, 2–24, pp. 5516–5522 (in Russian).
 15. Sokolova I. Yu. Analiz vliyaniya rezulatov razvitiya shkolnikov na kachestvo podgotovki spetsialistov, bakalavrov v vuze [Analysis of the impact of the results of the development of schoolchildren on the quality of training of specialists, bachelors at a higher school]. *Krymskiy naychnyi vestnik — Crimean Scientific Bulletin*, 2015, 6 (6), pp. 191–210 (in Russian).
 16. Starchenko S. A., Bondarenko Yu. M. Novaya model soderzhaniya biologicheskogo obrazovaniya v profilnoy shkole [A new model of the content of biological education in the profile school]. *Sovremennyye problem nauki i obrazovaniya — Modern Problems of Science and Education*, 2019, (2), p. 91 (in Russian).
 17. Tochilo I. E. *Vliyaniye lichnosti uchitelya biologii na formirovaniye subyektivnogo otnosheniya k prirode u podrostkov: avtoref. dis. ... cand. psikhol. nauk* [Influence of the personality of the biology teacher on formation of the subjective attitude to the nature in teenagers: Cand. Sc. (Psychology) dissertation abstract]. Moscow: Moscow State Regional University, 2008. 22 p. (In Russian).
 18. Shafranov-Kutsev G. F., Yefimova G. Z. Sotsiologicheskiy portret starsheklassnika universitetskoy (elitnoy) gimnazii v regionalnom interyere [Sociological portrait of a high-school student of university (elite) gymnasium in the regional interior]. *Obrazovaniye i nauka — Education and Science*, 2014, 10 (119), pp. 76–92 (in Russian).

ПЫРЬЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

кандидат психологических наук, педагог-психолог

Центра психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи

Выборгского района Санкт-Петербурга,

evgpyrev@yandex.ru

YEVGENY A. PYRYEV

*Cand. Sc. (Psychology), teacher-psychologist, Head of the Department of Innovation,
Center of Psychological, Pedagogical, Medical and Social Assistance of Vyborg district
(Saint Petersburg)*

УДК 159.942.5

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ И ГИПЕРАКТИВНОСТИ

DIAGNOSIS OF EMOTIONAL SPHERE OF STUDENTS WITH ATTENTION DEFICIT AND HYPERACTIVITY DISORDER

Аннотация. В настоящей статье предложена диагностическая процедура, обладающая доступностью и объективностью изучения эмоций, позволяющих прогнозировать поведение обучающихся с СДВГ. Диагностика эмоций обучающихся с синдромом дефицита внимания и гиперактивности представлена двумя методиками: «Тест цветовых выборов» и «Тест цветовых ассоциаций». Данные проективные методики вскрывают неосознаваемые эмоции, регулирующие и побуждающие поведение обучающихся. Методики портативны, непродолжительны по времени и информативны. Эмоции представляются переменной, регулирующей и побуждающей поведение обучающихся в широком аспекте, т. е. в школе, семье и на улице. Помимо поведения эмоции оказывают определенное влияние на когнитивный аппарат, т. е. на память, внимание, мышление, речь обучающихся. Доминирование эмоциональной сферы в схеме влияния объясняется древними нейронными схемами головного мозга. В качестве доказательной базы доминирования эмоций в психике и поведении приводится их диагностика.

ABSTRACT. This article proposes a diagnostic procedure that has the accessibility and objectivity of studying emotions to predict the behavior of students with ADHD. Diagnosis of emotions of students with attention deficit hyperactivity disorder is represented by two methods: "Color Choices Test" and "Color Association Test". These projective techniques reveal unconscious emotions that regulate and encourage students' behavior. The methods are portable, short in time and informative. Emotions are represented by a variable that regulates and encourages the behavior of students in a broad aspect, i. e. at school, family and in the street. In addition to behavior, emotions have a certain effect on the cognitive apparatus, i. e. on memory, attention, thinking, speech of students. The dominance of the emotional sphere in the scheme of influence is explained by ancient neural circuits of the brain. As an evidence base for the dominance of emotions in the psyche and behavior, their diagnosis is given.

Ключевые слова: эмоциональные, когнитивные и поведенческие признаки синдрома дефицита внимания и гиперактивности обучающихся, диагностика эмоциональной сферы обучающихся, учебная деятельность обучающихся младшего школьного возраста.

KEYWORDS: *emotional, cognitive and behavioral symptoms of attention deficit disorder and hyperactivity of students, diagnosis of the emotional sphere of students, educational activities of students of primary school age.*

Введение

Актуальность настоящей статьи продиктована потребностью образовательных учреждений в новых эффективных подходах к диагностике, обучению и воспитанию обучающихся с синдромом дефицита внимания и гиперактивности (далее будем пользоваться термином «обучающиеся с СДВГ»).

Цель исследования: обоснование важности исследования эмоций для преодоления трудностей обучения и поведения обучающихся с СДВГ.

Объект исследования: эмоции обучающихся младших классов общеобразовательной школы.

Предмет исследования: изучение эмоциональной сферы личности и мотивации учебной деятельности обучающихся с СДВГ.

Практическая целесообразность исследования заключена в разработке и предложении диагностической процедуры, обладающей доступностью и объективностью изучения эмоций обучающихся с СДВГ.

Основные положения теории и практики СДВГ

Вопросы диагностики обучающихся с СДВГ изучают в медицине, педагогике и психологии. Это позволяет рассматривать данное явление с разных позиций. В педагогике и психологии чаще всего изучают, развивают и корректируют когнитивные и поведенческие признаки СДВГ [1, 4, 19]. Медицинский подход основан на изучении ЭЭГ-активности нейронов структур головного мозга и коррекции этих явлений средствами фармакологии [2, 3, 8, 10].

Симптомами когнитивных признаков СДВГ выступают невнимательность детей, трудности сосредоточения на объекте, быстрая отвлекаемость, отсутствие способности к умственному напряжению. По данным чешского исследователя З. Тржесоглавы, частота симптомов СДВГ обучающихся распределяется следующим образом: нарушение внимания — 96%, гиперактивность — 80%, легкие неврологические признаки — 70%, перцептивные нарушения — 67%, снижение способности к обучению — 67%, импульсивность — 63%, отклонения в эмоциональном восприятии — 58%, снижение развития моторики — 38% детей, 36,2% детей имеют отклонения в артикуляции [19].

Н. Н. Заваденко указывает, что на сегодня установлены три вида СДВГ: «невнимательный», «гиперактивный» и «смешанный». Самым распространенным является «смешанный» вид [9]. Е. В. Фесенко и Ю. А. Фесенко указывают, что при многих преимуществах таких детей они нередко страдают от того, что не могут до конца реализовать свой потенциал, отвергаются сверстниками, становятся обузой для воспитателей, учителей, а также для близких людей. Зачастую они даже изгои для социального окружения. Пограничные психические (резидуально-неврологические) расстройства детского возраста, к которым, помимо СДВГ, относятся заикание и другие нарушения речи, тики, энурез и энкопрез, неврозы,— самые распространенные виды коморбидных заболеваний [21].

В диссертационном исследовании Н. И. Цыганковой когнитивная сфера обучающихся с СДВГ характеризуется средней степенью сформированности интеллектуальных функций. Мотивационная функция таких детей отличается неустойчивостью учебной мотивации, которая проявляется в незрелости учебных мотивов. В поведенческой сфере наблюдаются трудности в межличностных отношениях. В частности, происходит большое число помогающих копинг-стратегий, в том числе социально неодобряемых, направленных на внешнее отреагирование аффекта: «борюсь, дерусь», «дразню», «дергаю, толкаю». Интересно, что данные копинг-стратегии снижают личностную напряженность и фрустрацию [22].

Проблемы детей СДВГ не заканчиваются в начальной школе — они дают о себе знать в юношестве и во взрослой жизни. Такие люди чаще других попадают в аварии, замечены в девиантном и делинквентном поведении. Так, по данным исследования Российского института судебной психиатрии им. В. П. Сербского, более 90% взрослых геймеров (игроманов) в детстве страдали СДВГ [9]. Похожую

точку зрения высказывают А. Г. Полунина, Д. М. Давыдов и Е. А. Брюн, которые пишут о когнитивных нарушениях и риске развития алкоголизма и наркомании у подростков с СДВГ [15].

Сегодня помимо когнитивной и поведенческой составляющих СДВГ говорят об эмоциях, воле и характере детей младшего школьного возраста. Особое внимание уделяют эмоциям. Исследователи отмечают, что эмоциональные переживания детей неустойчивы, наблюдается быстрая смена эмоций от положительных до отрицательных. Эмоциональная неустойчивость приводит к психической истощаемости, проявляющейся в быстрой утомляемости интеллекта, что сказывается на снижении успеваемости.

По данным медицинских исследований М. Е. Баулиной, Е. Д. Белоусовой, Н. Н. Заваденко, Е. С. Логинова и др., примерно половина детей с СДВГ страдает от различных тревожных состояний, которые могут быть обусловлены неуверенностью и сомнениями в своих силах, неумением эффективно строить отношения со сверстниками и взрослыми, постоянным неуспехом в учебе и других видах деятельности. Дети с СДВГ гораздо хуже адаптируются в новой обстановке и более подвержены воздействию негативных стресс-факторов, увеличивающих тревожный фон настроения [1, 2, 4, 9, 13]. Л. Э. Кузнецова и В. В. Гладко считают, что в личностном плане такие дети не уверены в себе и у них заниженная самооценка [11].

Доминирование эмоций в психике и поведении человека подтверждается многочисленными научными исследованиями. Так, Дж. Пейпец, Т. Адорно, Ж. Леду, П. МакЛеан и др. в разные годы на основе экспериментов установили первенство эмоциональных схем в акте нейрофизиологического и психического отражения [14, 23, 26, 28, 32]. В. Р. Хесс, Р. Людмер, Дж. Панксеп проводили эксперименты о важности нейромедиаторов при активации эмоций различной модальности [25, 26, 30]. Н. Н. Данилова, А. Л. Крылова, Р. Френкэн, Р. Экман, Дж. МакГракен, С. Томкинс, П. Ваттум и другие писали о влиянии эмоций на поведение человека [7, 20, 24, 28, 31, 32].

Постановка проблемы исследования

Нейрофизиологические механизмы эмоций, доминирование их на уровне организма важно подтвердить экспериментально, т. е. в диагностике. Чаще всего в психологии и педагогике диагностiku признаков СДВГ рекомендуют проводить посредством опросников. Например, для выявления эмоциональных качеств личности предлагаются: опросник школьной тревожности Филипса, состоящий из 56 вопросов; опросник Кеттелла (детский вариант); опросник агрессивности Басса—Дарки и другое [12, 21]. Примечательно, что заполнение опросников требует времени, а диагностику предлагаю для детей 7–10 лет, которым трудно высидеть больше 10–15 минут. Понятно, что результативность такой диагностики сомнительна.

В настоящей статье выполнена диагностика эмоциональной сферы обучающихся начальной школы посредством проективных методик.

Преимуществом проективных методик является интерес, который они вызывают у детей, также они непродолжительны по времени и информативны. Исследование эмоциональной сферы обучающихся с СДВГ проводилось посредством методики «Тест цветовых выборов» и «Тест цветовых ассоциаций»; обе методики в авторской модификации [16, 17]. Методика «Тест цветовых ассоциаций», разработанная и проверенная на надежность и валидность, основана на положении о мотивационной функции эмоций. Анализ эмоций, переживаемых в адрес учебной деятельности, школы в целом, позволяет изучать эмоциональный аспект мотивации обучающихся всех возрастов.

Объектом исследования эмоций стали обучающиеся с 1 по 4 классы в возрасте от 7 до 10 лет. Они посещают развивающие занятия ГБУ ДО ЦППМСП Выборгского района г. Санкт-Петербурга. Некоторым испытуемым был поставлен диагноз СДВГ по медицинским показателям, другие отобраны на основе когнитивных и поведенческих признаков, проявляющихся в учебной деятельности и дома в семье. В исследовании приняли участие 28 испытуемых, отнесенных к явлениям СДВГ по внешним, т.е. поведенческим признакам. Данная выборка приближена к показателю генеральной совокупности, что позволяет говорить о достоверности полученных результатов. По гендерному признаку данные исследования не дифференцировались.

В статье акцент сделан как на описании диагностического материала, так и на данных пилотного исследования обучающихся. Наряду с экспериментальной группой испытуемых, отнесенных к категории «обучающиеся с СДВГ», в диагностике приняла участие контрольная группа обучающихся в количестве 30 человек. Контрольная группа выбрана для сравнения с экспериментальной группой. Математическим методом исследования стал коэффициент различия Стьюдента (*t*-различие).

На первом этапе получены данные эмоциональной сферы личности по методике «Тест цветового выбора». Принято считать, что восьмицветовой тест М. Люшера позволяет диагностировать эмоциональную сферу человека. В частности, основные цвета (синий, желтый, зеленый, красный), если выбираются первыми, то символизируют положительные эмоции человека. Второстепенные цвета (серый, черный, фиолетовый, коричневый), наоборот, позволяют диагностировать негативные эмоции, например тревожность, пессимизм, агрессивность и др. Однако на практике в известном тесте выбор цвета испытуемым имеет опосредованное отношение к его эмоциям. Внимательное изучение работ М. Люшера позволяет обнаружить потребностное содержание цветов, а не эмоциональное. Об этом достаточно подробно пишет Л. Н. Собчик [18].

Данная «ошибка» имеет вполне научное объяснение. Так, в начале XX века и вплоть до 1980-х годов исследователи не видели различий между эмоциями и потребностями [31]. По данным Л. Н. Собчик, синий цвет в классическом восьмицветовом тесте символизирует потребность

в чувственных удовольствиях; зеленый — потребность в самоутверждении; красный — потребность в доминировании и т. д. [18].

В модифицированном варианте «Тест цветового выбора» изучаются эмоции. Такое стало возможным по результатам диагностики эмоций на большой выборке [16]. Модификация теста основывалась на известной позиции основателя первой психологической лаборатории В. Вундта, а еще раньше — немецкого поэта И. Гёте, которые считали, что цвет — это эмоция, а эмоция — это цвет [5, 6]. Стандартизация теста позволила наполнить цвета эмоциональным содержанием. Подверглись модификации и сами цвета. В тесте предложены цвета, отражающие особенности российского национального и культурного восприятия.

Методика «Тест цветовых выборов» построена на основе восьми цветов, известных в психофизиологии: синий, красный, зеленый, фиолетовый, черный, желтый, коричневый, серый. Представляется следующее психологическое содержание цветов. Выбор синего цвета говорит о переживании эмоции удовольствия; зеленый — это эмоция интереса; красный — эмоция злости; желтый — эмоция радости; фиолетовый — эмоция равнодушия; коричневый — эмоция отвращения; черный цвет — эмоция страха; серый цвет — эмоция печали [17].

Следующая методика — «Тест цветовых ассоциаций» — предложена для диагностики эмоционального содержания учебной мотивации обучающихся общеобразовательной школы. Изучение цветовых ассоциаций в учебной деятельности, а также ее различных сторон позволяет раскрыть особенности эмоционального аспекта учебной мотивации обучающихся. Далее применительно к учебной деятельности обучающихся будем пользоваться термином «эмоциональная учебная мотивация». Этот термин введен в наших ранних работах [17].

По инструкции к методике испытуемому дается задание соотнести цвет на карточке с учебной ситуацией, в качестве которой выступают: «учебные предметы» (по учебной программе класса), «одноклассники» (отдельно мальчики и девочки), «учитель», «школа» и т. д. Испытуемым дается следующее задание: «С каким цветом из предложенных восьми ты ассоциируешь уроки русского языка», «……… одноклассников — мальчиков, девочек», или: «В каком цвете ты видишь уроки русского языка, математики ……, своих одноклассников» и т. д.

При экспериментальном исследовании эмоционального аспекта учебной мотивации используется следующее мотивационное содержание эмоций. Так, видение испытуемыми учебных предметов в желтом, зеленом и красном цветах символизирует наличие эмоционально положительной учебной мотивации; ассоциация учебных предметов с черным, коричневым и серым цветами является показателем эмоционально отрицательной учебной мотивации; ассоциация учебных предметов с синим и фиолетовым цветами является показателем эмоционально нейтральной учебной мотивации.

Психологическое и мотивационное значение каждого конкретного цвета выглядит следующим образом:

• синий цвет свидетельствует о переживании детьми в адрес учебного предмета эмоции удовольствия. Данная эмоция нейтральная для поведения ребенка — она никуда не ведет, не побуждает.

• ассоциация учебного предмета с зеленым цветом показывает переживание эмоции интереса. Эта эмоция реализуется в стремлении к освоению учебных знаний и приобретению учебных навыков.

• ассоциация учебы с красным цветом говорит о переживании эмоции злости. Данная эмоция показывает стремление ребенка к успеху путем настойчивости и высокой самоотдачи.

• ассоциация желтого цвета с учебным предметом свидетельствует о переживании обучающимися эмоции радости, которая мотивирует на овладение знаниями. Дети переживают радость, и их связи со школой и учебным предметом только укрепляются. Желтый цвет ассоциируют с учебой обучающиеся, демонстрирующие познавательную мотивацию.

• ассоциация учебы с фиолетовым цветом показывает переживание эмоции равнодушия. Данная эмоция свидетельствует о желании уйти от реальной действительности, закрыться, восстановить силы. Эмоция равнодушия направлена на восстановление потраченных сил, восполнение энергетического баланса.

• ассоциация учебы с коричневым цветом реализуется в переживании эмоции отвращения. Учащиеся, ассоциирующие учебный предмет с коричневым цветом, демонстрируют усталость, огорчение и пассивность. Эмоция отвращения приводит к уходу, разрыву с учебным предметом и учителем, ведущим этот предмет.

• черный цвет является показателем эмоции страха. В мотивационном плане ассоциация черного цвета с учебным предметом говорит о наличии защитного, стрессового поведения, в котором много ошибок и непоследовательности.

• серый цвет в ассоциации символизирует переживание эмоции печали. Учащийся, выбирающий серый цвет в адрес учебы, утомлен и поэтому пассивен. Эмоция печали уводит от учебного предмета, разрывает с ним связь.

Описание результатов диагностики

Согласно данным методики «Тест цветовых выборов», большинство испытуемых экспериментальной группы показали наличие стресса, негативного состояния и тревожности. Известно, что стресс, а также дистресс диагностируется перемещением основных цветов в позицию второстепенных. Соответственно, второстепенные цвета перемещаются «снизу вверх», т.е. происходит зеркальное отражение. По правилу классического теста, которое использовано в модификации, перемещение «вторичных» цветов, например 6-го (коричневый цвет) или 7-го (черный), на четвертую позицию оценивается как 1 балл стресса, на третью позицию — 2 балла, на вторую — 3 балла, на первую — 4 балла. По данным проведенного исследования о стрессе или «негативном состоянии» можно говорить при количестве баллов от 6 до 10. Данный психоэмоциональный феномен может состоять из явлений как агрессивности, так и тревожности.

В интерпретации теста важны соотношение цветов и их последовательность. По данным проведенной диагностики распространенными цветовыми рядами обучающихся с СДВГ являются «красный, черный, фиолетовый, зеленый...» или «синий, серый, фиолетовый, коричневый...», а также «коричневый, серый, красный, фиолетовый...». При интерпретации теста особое внимание обращается на выбор цвета в первой и второй позициях. Соотношение цветов «синий и серый», «красный и черный», «коричневый и серый» определяется как «негативное эмоциональное состояние». В частности, парное соотношение цветов «красный и черный» диагностируется как «негативное состояние злости»; соотношение цветов «красный и серый», «коричневый и серый» — это «крайне негативное состояние страха» [18].

По данным проведенного исследования, экспериментальной группе обучающихся свойственна эмоциональность по классу тревоги и беспокойства. Эти и другие негативные эмоции могут становиться источником поведенческих реакций ребенка, его несдержанности, навязчивости, импульсивности, хаотичности.

В контрольной группе обнаружены несколько другие эмоции. Первыми при выборе цветов представлены «синий, зеленый», «желтый, красный», а также «зеленый, желтый». Данное соотношение цветов говорит о позитивном эмоциональном состоянии испытуемых. Так, цвета «синий, зеленый» свидетельствуют о переживании эмоции интереса ко всему новому, наличие познавательной активности, стремление к овладению знаниями; цвета «желтый, красный» — о переживании радости, восторга, эмоционального возбуждения по этому типу; соотношение цветов «зеленый, желтый» также показывает позитивное эмоциональное состояние обучающихся, переживающих эмоции радости и интереса.

Сравнение экспериментальной и контрольной групп по *t*-критерию Стьюдента проводилось по правилу классического теста. Каждому цвету, выбранному испытуемым, присваивалось числовое порядковое значение, отражающее его порядок в стандарте, принятом М. Люшером: 1 (синий), 2 (зеленый), 3 (красный), 4 (желтый), 5 (фиолетовый), 6 (коричневый), 7 (черный), 8 (серый). В расчет коэффициента *t*-различия вошли только первые два цветовых выбора, например: «3 (красный) — 7 (черный)» или «1 (синий) — 8 (серый), а также: «4 (желтый) — 1 (синий)», «3 (красный) — 2 (зеленый)» и т.д. Таким образом, в расчете коэффициента различия использованы 56 числовых данных 28 испытуемых экспериментальной группы и 60 числовых данных 30 испытуемых контрольной группы. Коэффициент *t*-различия Стьюдента по цветовым выборам составил 4,285. Экспериментальные и контрольные группы различаются по числовым показателям в 99,9% случаев при *n* = 60.

В гистограмме 1 (см. рис. 1) представлены процентные показатели выраженности эмоций контрольной (левый столбик) и экспериментальной (правый столбик) групп.

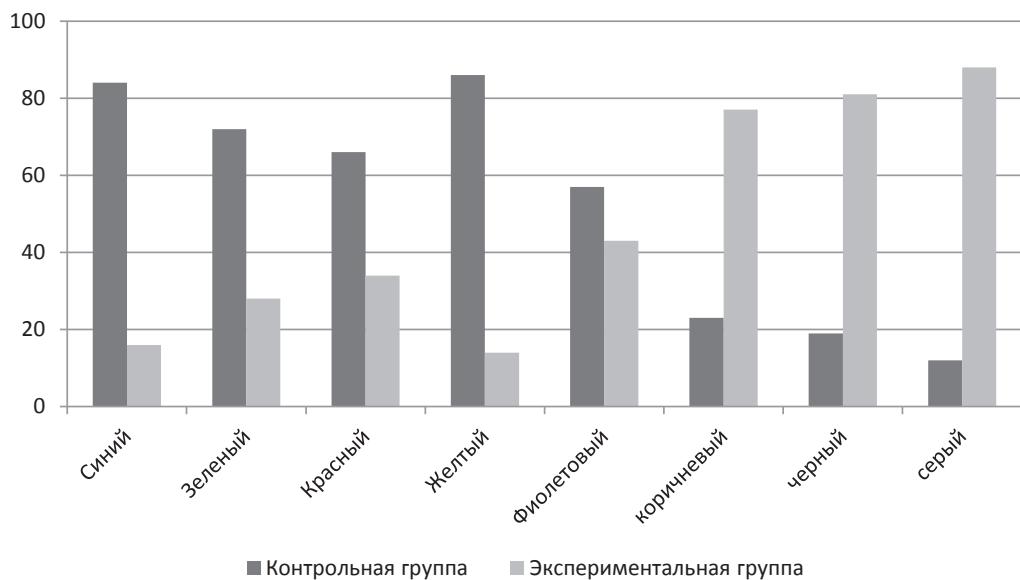

Рис. 1. Гистограмма «Процентные показатели выраженности эмоций экспериментальной и контрольной групп»

В гистограмме 1 представлены только первые позиции цветового выбора испытуемых. Процентное соотношение цветов распределилось следующим образом: позитивным цветам — синему, зеленому, красному, желтому — предпочтение отдали испытуемые контрольной группы; негативным цветам — коричневому, черному, серому — испытуемые экспериментальной группы (обучающиеся с симптомами СДВГ). Так, синий цвет контрольной группы на первое место поместили 84% испытуемых и 16% — экспериментальной; зеленый — 72% и 28%; красный — 66% и 34%; желтый — 86% и 14%; фиолетовый — 57% и 43%; коричневый — 23% и 77%; черный — 19% и 81%; серый — 12% и 88%. Испытуемые с симптомами СДВГ разместили негативные цвета (серый, коричневый, черный) в среднем на 82%; в контрольной группе таких испытуемых только 18%. Интересно, что шесть испытуемых контрольной группы поместили на первое место коричневый цвет (эмоция отвращения); также у шестерых испытуемых встречается черный цвет (эмоция страха); четверо испытуемых контрольной группы на первую позицию разместили серый цвет (эмоция печали).

Таким образом, в отличие от экспериментальной группы, в которой много выборов негативных цветов, контрольная группа отличается их минимальным количеством. Если 87% испытуемых экспериментальной группы на первые четыре позиции поместили негативные цвета, то в контрольной группе таких выборов только 13%.

На следующем этапе эксперимента изучалась эмоциональная учебная мотивация обучающихся. Она изучалась с помощью методики «Тест цветовых ассоциаций». Предметом исследования стали ассоциативные эмоции обучающихся, полученные в адрес «базовых» и «развивающих» учебных предметов. В качестве базовых учебных предметов выделены: русский язык, математика, природоведение

и чтение; развивающими учебными предметами стали уроки музыки, физкультуры и рисования.

Обнаружено, что много негативных эмоций в адрес учебной деятельности переживают обучающиеся экспериментальной группы. Например, 44% этой группы переживают эмоцию страха в адрес уроков русского языка; 66% — эмоцию отвращения в адрес уроков математики; 72% — эмоцию печали в адрес уроков по литературному чтению. 27% испытуемых отрицательные эмоции совмещают с положительными. Например, наряду с эмоциями страха и отвращения в адрес некоторых основных учебных предметов переживают интерес и радость.

68% обучающихся с СДВГ переживают в адрес развивающих учебных предметов — рисования, физкультуры и музыки — больше позитивных эмоций, тогда как негативных эмоций — единицы. В адрес уроков физкультуры эмоции только позитивные. В частности, 100% представителей данной группы в адрес уроков физкультуры переживают эмоции радости, удовольствия, интереса. Высокий процент позитивных эмоций обучающиеся переживают в адрес уроков музыки и несколько меньше позитивных эмоций в адрес уроков рисования (33%). В целом следует отметить доминирование позитивных эмоций экспериментальной группы в адрес «развивающих» учебных предметов — физкультуры и музыки. В свою очередь, эмоции печали, страха и отвращения переживаются в адрес интеллектуально сложных учебных предметов, таких как математика и русский язык, требующих усидчивости и терпения.

В экспериментальной и контрольной группах учебная мотивация проверялась в положительных, отрицательных и нейтральных эмоциях. Видение обучающимися учебных предметов (или только одного учебного предмета, как в настоящем эксперименте) в желтом, зеленом и красном цветах

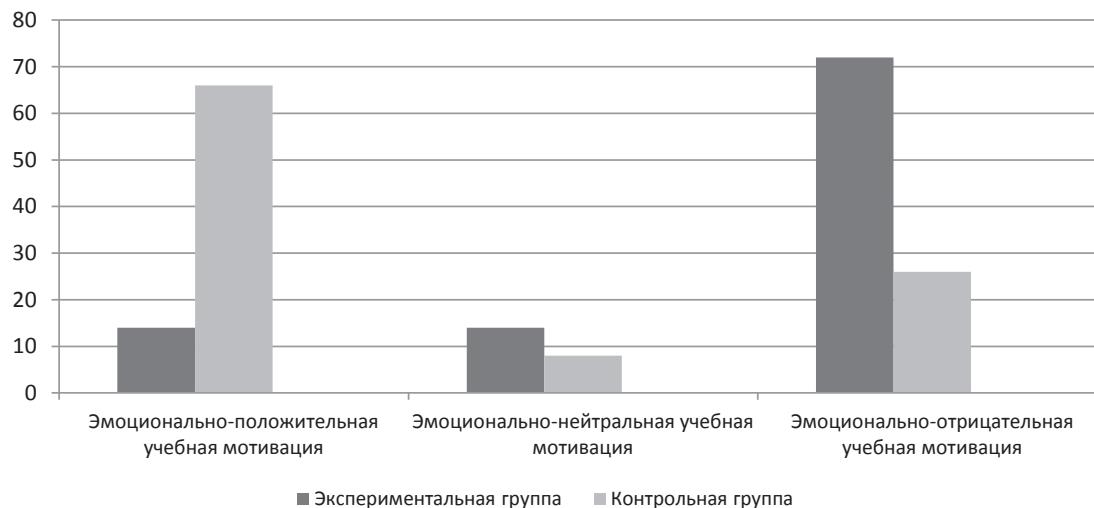

Рис. 2. Гистограмма показателей эмоций, переживаемых в адрес уроков математики

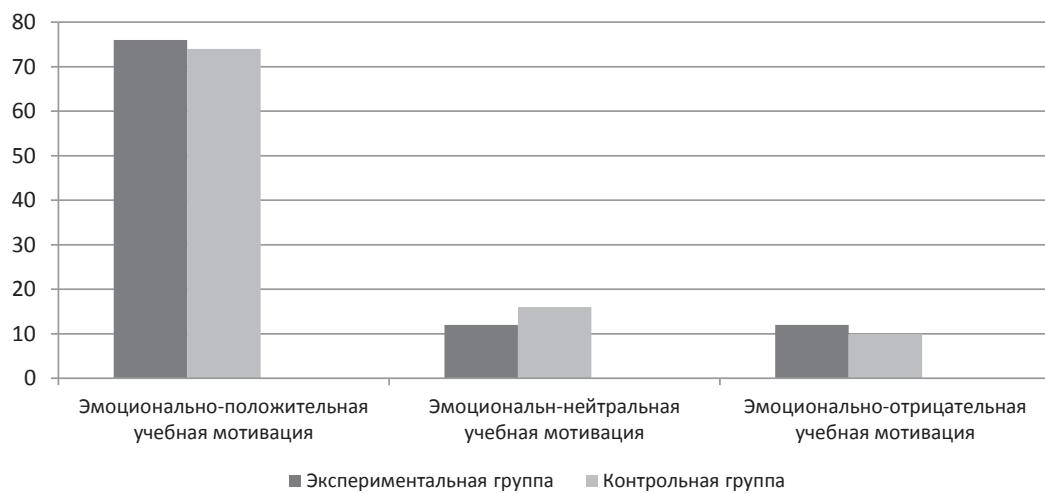

Рис. 3. Гистограмма показателей эмоций, переживаемых в адрес уроков физической культуры

символизирует наличие эмоционально положительной учебной мотивации; ассоциация учебных предметов с черным, коричневым и серым цветами является показателем эмоционально отрицательной учебной мотивации; ассоциация учебных предметов с синим и фиолетовым цветами является показателем эмоционально нейтральной учебной мотивации.

Показатели эмоциональной учебной мотивации представлены по двум ключевым в экспериментальном плане учебным предметам — математике и физической культуре. Такой выбор продиктован различием характеристик двигательной и интеллектуальной нагрузки учебных предметов. Выбор учебных предметов также объясняется наглядностью сравнения данных. В гистограмме 2 (см. рис. 2) представлены эмоции от уроков математики, а в гистограмме 3 (см. рис. 3) — от уроков физической культуры. Левая колонка во всех видах эмоциональной учебной мотивации — это

показатели экспериментальной, а правая — контрольной группы.

Коэффициент *t*-различия Стьюдента рассчитан по групповым эмоциям, с которыми обучающиеся ассоциируют уроки математики. Для подгруппы «эмоционально положительная учебная мотивация» эмоциями выступили радость и интерес; для подгруппы «эмоционально отрицательная учебная мотивация» — печаль, страх и отвращение; для подгруппы «эмоционально нейтральная учебная мотивация» — удовольствие и равнодушие. Процентные показатели гистограммы 2 рассчитаны по частоте попадания эмоций в каждую из подгрупп.

Коэффициент различия по данным «эмоционально положительная учебная мотивация» по экспериментальной и контрольной группам обучающихся составил -3.728 , что говорит о значимости показателя на уровне 99% случаев при $n=20$; коэффициент различия по данным «эмоционально

отрицательная учебная мотивация» составил $-3,239$ при $n=20$; по данным «эмоционально нейтральная учебная мотивация» $-1,834$, при $n=4$. Коэффициенты различия данных свидетельствуют о высокозначимых показателях по всем трем группам эмоциональной учебной мотивации. В отличие от обучающихся экспериментальной группы, контрольная группа в целом переживает позитивные эмоции в адрес уроков математики. Так, 66% испытуемых контрольной группы по качеству ассоциативных эмоций отнесены к группе «эмоционально положительная учебная мотивация», тогда как к группе «эмоционально отрицательная учебная мотивация» -26% . Также обнаружено, что обучающиеся с СДВГ незначительно отличаются оценками по математике от сверстников, даже в некоторых ситуациях оценки выше, однако на уровне эмоций различие существенное. Так, хорошая успеваемость обучающихся с СДВГ по математике приходит в противоречие с негативными эмоциями страха, печали и отвращения. Переживание данных эмоций приводит к импульсивному, хаотичному, неконтролируемому поведению, что сказывается на низкой успеваемости по математике, требующей усидчивости и терпения.

На гистограмме 3 (см. рис. 3) представлены эмоции в адрес уроков физической культуры. Отметим еще раз, что левая колонка является показателем экспериментальной, а правая — контрольной групп. Коэффициент t -различия Стьюдента рассчитан по тем же правилам, что в гистограмме 2.

Переживание эмоций в адрес уроков физической культуры на уровне числовых данных не имеет существенных различий по экспериментальной и контрольной группам. Коэффициент t -различия по трем подгруппам — «положительная, нейтральная и отрицательная эмоциональная учебная мотивация» — обучающихся расположился от $0,262$ до $0,428$. При $n=20$ данные коэффициенты не являются статистически значимыми.

Уроки физической культуры, по данным проведенного исследования, одинаково интересны всем обучающимся. Такая ситуация объясняется спецификой уроков физической культуры. Они отличаются подвижностью, свободой эмоционального и психомоторного выражения. Такие внешние характеристики уроков физической культуры близки внутреннему, психологическому содержанию обучающихся с синдромом дефицита внимания и гиперактивности. В свою очередь, обучающиеся контрольной группы, часто в силу своего возраста, имеют похожие психологические и поведенческие составляющие. Обучающиеся начальной школы в целом активные, подвижные, неусидчивые, импульсивные, обладающие низким самоконтролем.

Выводы

Изучение эмоциональной составляющей психики сегодня ограничено техническими приемами громоздких и неинформативных методик опросников. В настоящей статье этот недостаток преодолен. В качестве диагностики эмоций предложены проективные методики: «Тест цветовых выборов» и «Тест цветовых ассоциаций».

Посредством выбора цветов и ассоциации цвета с предметом вскрываются неосознаваемые эмоции, регулирующие и побуждающие поведение человека. Методики проективны, доступны для любого возраста, информативны, вызывают эмоциональный отклик испытуемых.

В качестве испытуемых в статье выступили обучающиеся младшего школьного возраста, разделенные на контрольную и экспериментальную группы. По данным методики «Тест цветового выбора», позволяющим получить информацию о стрессе и эмоциональных чертах личности, установлено, что обучающиеся экспериментальной группы в 82% случаев переживают негативные эмоции страха, печали, разочарования. Это свидетельствует о наличии стресса по классу тревоги и беспокойства. Диагностируются данные психологические феномены посредством размещения серого, коричневого и черного цветов на первые и вторые позиции. Парное соотношение цветов «красный и черный» свидетельствует о негативном состоянии злости, а соотношение цветов «красный и серый», «коричневый и серый» — это крайне негативное состояние страха.

Использование методики «Тест цветовых ассоциаций» позволяет получить неосознаваемые эмоции, переживаемые обучающимися в адрес учебной деятельности. Содержанием учебной деятельности выступили «базовые» и «развивающие» учебные предметы. Переживание негативных эмоций (страха, печали, отвращения) в адрес учебных предметов характеризует эмоционально отрицательную учебную мотивацию. В свою очередь, переживание эмоций интереса и радости — это эмоционально положительная учебная мотивация.

Обучающиеся с СДВГ переживают в адрес развивающих учебных предметов — рисования, физкультуры и музыки — преимущественно позитивные эмоции, тогда как в адрес уроков математики и русского языка больше негативных эмоций. Так, 100% представителей данной группы в адрес уроков физкультуры переживают эмоции радости, удовольствия, интереса. В свою очередь, эмоции печали, страха и отвращения переживаются в адрес интеллектуально сложных учебных предметов, таких как математика и русский язык, что говорит о неосознаваемых трудностях, с которыми сталкиваются обучающиеся в процессе учебной деятельности.

Таким образом, проведенное пилотное исследование эмоций обучающихся с СДВГ позволяет рекомендовать для диагностики данного феномена две проективные методики: «Тест цветовых выборов» и «Тест цветовых ассоциаций». Предложенные проективные методики вызывают у детей интерес своей красочностью и необычностью; они непродолжительны по времени и информативны для исследователя. Особенностью предложенных методик и их преимуществом является то, что они вскрывают неосознаваемые эмоции, обективированные в психике человека и его поведении.

По данным диагностики и направленного наблюдения за обучающимися экспериментальной и контрольной групп установлена зависимость когнитивных структур и поведения от эмоций,

переживаемых обучающимися. Переживание стресса, тревоги и беспокойства, как правило, приводит к невнимательности, трудности сосредоточения на объекте, быстрой отвлекаемости, хаотичностью поведения. В свою очередь, переживание положительных эмоций — интереса,

радости и удовольствия, — наоборот, характеризуется концентрацией внимания на объекте, эффективностью запоминания, устойчивостью восприятия и продуктивностью мышления. Поведение в этом случае отличается последовательностью и дисциплинированностью.

1. Баулина М. Е. Актуальные проблемы диагностики синдрома дефицита внимания с гиперактивностью у детей // Практическая медицина. 2013. №1 (66). С. 150–158.
2. Белоусова Е. Д., Никанорова М. Ю. Синдром дефицита внимания и гиперактивности // Российский вестник перинатологии и педиатрии. 2000. №3. С. 39–42.
3. Брагина Н. Н., Доброхотова Т. А. Функциональная асимметрия человека. М.: Медицина, 1988. 240 с.
4. Брязгунов И. П., Касатикова Е. В. Дефицит внимания с гиперактивностью у детей. М.: Медпрактика, 2002. 128 с.
5. Вундт В. Основы физиологической психологии // Чувства и аффекты. СПб.: тип. П. П. Сойкина, 1910. Гл. XVI. В. 3. Т. 3. С. 125–280.
6. Гёте И. В. Учение о цвете. Теория познания. М.: Либроком, 2011. 200 с.
7. Данилова Н. Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. М.: МГУ, 1989. 339 с.
8. Дубровинская Н. В. Нейрофизиологические механизмы внимания: онтогенетическое исследование. Л.: Наука, 1985. 144 с.
9. Заваденко Н. Н., Суворинова Н. Ю. Синдром дефицита внимания с гиперактивностью: выбор оптимальной продолжительности лекарственной терапии // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2011. Т. 111, №10. С. 28–32.
10. Коновалов А. Н., Корниенко В. Н. Компьютерная томография в нейрохирургической клинике. М.: Медицина, 1985. 296 с.
11. Кузнецова Л. Э., Гладько В. В. Психологические особенности детей с синдромом дефицита внимания и гиперактивности, условия их психокоррекции // Молодой ученый, 2016. Т. 111, №7. С. 327–331.
12. Лазебник Т. А. Современные аспекты диагностики и лечения синдрома нарушения внимания с гиперактивностью у детей. Методическое пособие. СПб.: МАЛО, 2002. 48 с.
13. Логинова Е. С. Психофизиологическая структура вербального и невербального интеллекта детей 6–7 и 9–10 лет с разной успешностью обучения: автореф. дис. ... канд. биол. наук. М.: Институт возрастной физиологии РАО, 2003. 20 с.
14. Пейпец Дж. Висцеральный мозг, его строение и связи // Ретикулярная формация мозга. М.: Гос. изд. мед. лит., 1962. С. 520–532.
15. Полунина А. Г. Давыдов Д. М., Брюн Е. А. Когнитивные нарушения и риск развития алкоголизма и наркоманий при синдроме дефицита внимания с гиперактивностью // Психологический журнал. 2006. Т. 27. №1. С. 81–88.
16. Пырьев Е. А. Экспериментальные исследования эмоциональной мотивации // Вестник Бурятского государственного университета. Психология. 2015. Т. 1, №5. С. 8–14.
17. Пырьев Е. А. Эмоции в структуре мотивации учебно-профессиональной деятельности студентов вуза // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Психология. Кострома: КГУ, 2016. Т. 22. №1. С. 107–111.
18. Собчик Л. Н. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. СПб.: Речь, 2001. 112 с.
19. Тржесоглава З. Легкая дисфункция мозга в детском возрасте / пер. с чешск. М.: Медицина, 1986. 256 с.
20. Фрэнкин Р. Мотивация поведения: биологические, когнитивные и социальные аспекты. СПб.: Питер, 2003. 651 с.
21. Фесенко Ю. А. Эмоциональные проявления при синдроме дефицита внимания с гиперактивностью у младших школьников: диагностика и психокоррекция // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. Т. 3, №1. С. 27–33.
22. Цыганкова Н. И., Никольская И. М. Межличностные отношения младших школьников с гиперкинетическим расстройством // Вестник Тюменского государственного университета: Сер. Педагогика и психология. Тюмень: ТюмГУ, 2011. Т. 1, №9. С. 216–225.
23. Adorno T. W., Levinson D. J., Sanford R. N. The Authoritarian Personality. New York: Harper and Row, 1950. 228 p.
24. Ekman R., Levenson R. W., Frisen W. V. Automatic nervous system activity distinguishes among emotions. Science, 1983, 221, pp. 1208–1210.
25. Hess W. R. Hypothalamus and thalamus (2nd ed.). Stuttgart: Thieme. 1969. 77 p.
26. Le Doux J. E. Emotional memory systems in the brain. Behavioral Brain Research. New York: Guilford. Press, 1993, (58), pp. 69–79.
27. Ludmer R., Dudai Y., Rubin N. Uncovering Camouflage: amygdala activation predicts long-term memory of induced perceptual insight. Singapore: Springer Nature Singapore Pte Ltd. Neuron 69. 2011, pp. 102–114.
28. MacLean P. D. The triune brain in evolution. Role in paleocerebral functions. New York, Plenum, 1990. 672 p.
29. Mac Cracken J. T. A two-part model of stimulant action on attention-deficit hyperactivity disorder in children. J. Neuropsychiatry Clin Neurosci, Biological Psychiatry, 1991, (3), pp. 201–209.
30. Panksepp J., Panksepp, J. B. A continuing critique of evolutionary psychology: Seven sins for seven sinners, plus or minus two. Evolution and Cognition, 2001, 7 (1), pp. 56–80.
31. Tomkins S. Affect, imagery, consciousness. Vol. 1. The positive affects. New York, Springer. 1962. V. 1. 184 p.

32. Wattum P.J., Chappell P.B., Zelberman D., Scahill L.D., Leckman J.F. Patterns of response to acute naloxone infusion in Tourette's syndrome. *Mov. Disord.*, 2000, (15), 6. pp. 1252–1254.

References

1. Baulina M. E. Aktualnye problemy diagnostiki sindroma deficit vnimaniya s giperaktivnostyu u detey [Actual problems of diagnosis of attention deficit hyperactivity disorder in children]. *Prakticheskaya medicina — Practical Medicine*, 2013, 1 (66). pp. 150–158 (in Russian).
2. Belousova E. D., Nikanorova M.YU. Sindrom deficitavnimaniya i giperaktivnosti [Attention deficit hyperactivity disorder]. *Rossiyskiy vestnik perinatologii i pediatrii — Russian Bulletin of Perinatology and Pediatrics*, 2000, 1 (3), pp. 39–42 (in Russian).
3. Bragina N. N., Dobrohotova T. A. *Funktionalnaya asimmetriya cheloveka* [Functional asymmetry of a human]. M.: Medpraktika Publ., 1988. 240 p. (In Russian).
4. Bryazgunov I. P., Kasatikova E. V. *Deficit vnimaniya s giperaktivnostyu u detey* [Attention deficit hyperactivity disorder in children]. Moscow, 2002. (In Russian).
5. Vundt V. Osnovy fiziologicheskoy psihologii [Fundamentals of physiological psychology]. In V. Vundt. *Chuvstva i affekty* [Feelings and affects]. St. Petersburg.: Soykin Typogra, 1910, vol. 3., pp. 125–280 (in Russian).
6. Gete I. V. *Uchenie o cvete. Teoriyapoznaniya* [The doctrine of light. Theory of knowledge]. M.: Librokom Publ., 2011. 200 p. (In Russian).
7. Danilova N. N., Krylova A. L. *Fiziologiya vysshay nervnoy deyatelnosti* [Phisiology of higher nervous activity]. Moscow: Moscow State University Publ., 1989. 339 p. (In Russian).
8. Dubrovinskaya N. V. *Neyrofiziologicheskie mekhanizmy vnimaniya: ontogeneticheskoe issledovanie* [Neurophysiological mechanisms of attention: ontogenetic research]. Leningrad: Nauka Publ., 1985. 144 p. (In Russian).
9. Zavadenko N. N. Sindrom deficitavnimaniya i giperaktivnosti: bybor optimalnoy prodolzhitelnosti i lekarstvennoy terapii [Attention deficit hyperactivity disorder: the choice of optimal duration and medical therapy]. *Zhurnal nevrologii i psichiatrii — Journal of Neurology and Psychiatry*, 2011, 111 (10) pp. 28–32 (in Russian).
10. Konovalov A. N., Kornienko V. N. *Kompyuternaya tomografiya v neyrohirurgicheskoy klinike* [Computer tomography in a neurosurgical clinic]. M.: Medicina Publ., 1985. 296 p. (In Russian).
11. Kuznecova L. E., Gladko V. V. Psihologicheskiye osobennosti detej s sindromom deficit vnimaniya i giperaktivnosti, usloviya ikh psikhokorrektii [Psychological features of children with attention deficit hyperactivity disorder, conditions of their psychotherapy]. *Molodoy uchenyi — Young Scientist*, 2016, 7 (111), pp. 327–331 (in Russian).
12. Lazebnik T. A. *Sovremennyye aspekty diagnostiki i lecheniya sindroma narusheniya vnimaniya s giperaktivnostyu u detey: Metodicheskoye posobie* [Modern aspects of diagnostics and treatment of attention deficit hyperactivity disorder in children: Methodological manual]. St. Petersburg: MALO Publ., 2002. 48 p. (In Russian).
13. Loginova E. S. *Psikhofiziologicheskaya struktura verbalnogo i neverbalnogo intellekta detey 6–7 i 9–10 let s raznoy uspeshnostyu obucheniya: avtoref. dis. ... kand. biol. nauk* [Psychobiological structure of verbal and non-verbal intelligence of children of 6–7 and 9–10 years old with different learning success: Cand Sc. (Biology) dissertation abstract]. Moscow: Institute of Age Physiology of Russian Academy of Education Publ., 2003. 20 p. (In Russian).
14. Peypets Dzh. Vistseralnyi mozg, yego stroyeniye i svyazi [Visceral brain, its structure and connections]. *Retikulyarnaya formatsiya mozga* [Reticular formation of brain]. Moscow: State Publishing House of Medical Literature, 1962. pp. 520–532 (in Russian).
15. Polunina A. G. Davydov D. M., Bryun E. A. Kognitivnyye narusheniya i risk razvitiya alkogolizma i narkomanii pri syndrome deficit vnimaniya s giperaktivnostyu [Cognitive impairment and risk of alcoholism and drug addiction in attention deficit hyperactivity disorder]. *Psikhologicheskiy zhurnal — Journal of Psychology*, 2006, 27, (1), pp. 81–88 (in Russian).
16. Pyryev Ye. A. Eksperimentalnyy eissledovaniya emocionalnoj motivacii [Experimental studies of emotional motivation]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psichologiya — Bulletin of Buryat State University. Series: Psychology*, 2015, 1 (5), pp. 8–14 (in Russian).
17. Pyryev Ye. A. Emotsii v structure motivatsii uchebno-professionalnoy deyatelnosti studentov vuza [Emotions in the structure of motivation of educational and professional activity of university students]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Psichologiya — Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov. Series: Psychology*, 2016, 22, (1), pp. 107–111 (in Russian).
18. Sobchik L. N. *Modificirovannyi vosmitsvetovoy test Lyushera* [Modified eight-colour Lusher test]. St. Petersburg: Rech Publ., 2001. 112 p. (In Russian).
19. Trzhesoglava Z. *Legkaya disfunktsiya mozga v detskom vozraste* [Mild brain dysfunction in childhood]. Moscow: Medicina, 1986. 256 p. (In Russian).
20. Frenkin R. *Motivaciya povedeniya: biologicheskiye, kognitivnyye i sotsialnyye aspekty* [Motivation of behavior: biological, cognitive and social aspects]. St. Petersburg: Piter Publ., 2003. 651 p. (In Russian).
21. Fesenko Yu. A. Emotsionalnyye proyavleniya pri syndrome defitsita vnimaniya s giperaktivnostyu u mладshikh shkolnikov: diagnostika i psikhokorreksiya [Emotional manifestation under attention deficit hyperactivity disorder in primary school children]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina — Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 2015, 3 (1), pp. 27–33 (in Russian).
22. Tsygankova N. I., Nikolskaya I. M. *Mezhlichnostnyye otnosheniya mладshikh shkolnikov s giperkineticheskim rasstroystvom* [Interpersonal relationship of primary schoolchildren with hyperkinetic disorders]. *Vestnik Tyumenskogo*

- gosudarstvennogo universiteta: Seriya: Pedagogika i psikhologiya — *Bulletin of Tyumen State University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2011, 1 (9), pp. 216–225 (in Russian).
- 23. Adorno, T. W., Frenkel-Brunswik, E., Levinson, D. J., & Sanford, R. N. (1950). The authoritarian personality. New York: Harper and Row, 1950. 228 p.
 - 24. Ekman R., Levenson R. W., Frisen W. V. Automatic nervous system activity distinguishes among emotions. *Science*, 1983, 221, pp. 1208–1210.
 - 25. Hess W. R. *Hypothalamus and thalamus* (2nd ed.). Stuttgart: Thieme. 1969. 77 p.
 - 26. Le Doux J. E. Emotional memory systems in the brain. *Behavioral Brain Research*. New York: Guilford Press... search, 1993, 58., pp. 69–79.
 - 27. Ludmer R., Dudai Y., Rubin N. Uncovering Camouflage: amygdala activation predicts long-term memory of induced perceptual insight. *Neuron* 69. Singapore: Springer Nature Singapore, 2011, pp. 102–114.
 - 28. MacLean P. D. *The triune brain in evolution. Role in paleocerebral functions*. New York, Plenum, 1990. 672 p.
 - 29. Mac Cracken J. T. A two-part model of stimulant action on attention-deficit hyperactivity disorder in children. *Biological Psychiatry Journal*, 1991, (3), pp. 201–209.
 - 30. Panksepp J., Panksepp, J. B. A continuing critique of evolutionary psychology: Seven sins for seven sinners, plus or minus two. *Evolution and Cognition*, 2001, 7 (1), pp. 56–80.
 - 31. Tomkins S. *Affect, imagery, consciousness. Vol. 1. The positive affects*. New York, Springer. 1962. V. 1. 184 p.
 - 32. Wattum P. J., Chappell P. B., Zelterman D., Scahill L. D., Leckman J. F. Patterns of response to acute naloxone infusion in Tourette's syndrome. *Movement Disorders*, 2000, (15), 6, pp. 1252–1254.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С СЕМЬЕЙ

БАНДУРА ОКСАНА ОЛЕГОВНА

кандидат психологических наук,

доцент кафедры консультативной психологии и психологии развития

Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,

dz.bandura@mail.ru

OKSANA O. BANDURA

Cand. Sc. (Psychology),

*Associate Professor at the Department of Counseling and Health Psychology
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УСОВА АНАСТАСИЯ ВЛАДИСЛАВОВНА

студентка Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,

usova.working@gmail.com

ANASTASIYA V. USOVA

Student of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

ОЛЬХОВСКИЙ МАРК ДМИТРИЕВИЧ

студент Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,

olkhovsky.m@gmail.com

MARK D. OLKHOVSKIY

Student of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work

УДК 159.9

НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ: ОТСРОЧЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ

DOMESTIC VIOLENCE: AFTER-EFFECTS OF ABUSE OF CHILDREN

Аннотация. Исследователи отмечают разнообразные непосредственные и отсроченные последствия насилия над детьми. Непосредственные последствия более очевидны и чаще становятся предметом исследования, тогда как связь отсроченных последствий с опытом насилия, пережитым в детском возрасте, менее изучена. Отсроченные последствия могут быть многочисленными и не менее серьезными для человека, менять его отношение к своему телу и личности, а также формировать особые жизненные сценарии. В совокупности представляя набор определенных психических изменений.

В данной статье представлен обзор различных проявлений и последствий насилия над детьми, в частности, анализируются первичные результаты эмпирического исследования его отсроченных последствий у женщин. В совокупности с их влиянием на отношения, выстраиваемые женщиной, а также на качество жизни в целом, они являются не менее значимыми.

ABSTRACT. Researchers distinguish various immediate and chronic child abuse after-effects. Immediate after-effects are more obvious and often become a subject of study, while the chronic ones are less relevant. Chronic after-effects could be vast and have severe consequences. They can change person's attitude to one's body and personality, and also form some special intravital scenarios, that could be represented by certain mental changes.

This article reviews a wide range of manifestations and consequences of child abuse, mainly, the empiric study results of child abuse chronic after-effects among woman. In conjunction with its impact on relationships built by woman and her living standards, these after-effects are not less relevant.

Ключевые слова: *психологическое насилие, психотравма, жизнестойкость, ролевые ожидания.*

Keywords: *psychological violence, psychological trauma, hardiness, role expectations.*

Одним из наиболее тяжелых непосредственных последствий, которые несет общество в связи с насилием, осуществляется над детьми, является потеря человеческих жизней из-за убийств и самоубийств детей и подростков. И. Г. Малкина-Пых отмечает, что таким образом происходит потеря будущих родителей, производительных членов общества, а также распространение и усугубление ситуации насилия из-за воспроизведенной ими жестокости, поскольку совершающие насилие часто являлись жертвами в своем прошлом [10, с. 226].

По данным, приведенным в статье А. С. Свечникова, в России ежегодно погибает около 2982 детей, а 3233 страдают от тяжкого вреда здоровью. Редкое явление — убийство ребенка матерью — регистрируется в 200–250 случаях ежегодно [18, с. 15]. Н. В. Тарабрина уточняет, что в сборе статистики участвуют только те случаи, о которых стало известно по рассказам самих жертв, реальные же цифры значительно больше. Например, данные, полученные фондом «Защита детей от насилия», свидетельствуют о том, что более 60 000 несовершеннолетних страдают от посягательств ежегодно [21, с. 68].

Определения насилия разнообразны, однако общими аспектами любого насилия являются системность поведения и преследуемая цель, которую С. В. Фролов определяет как сохранение одним членом семьи контроля и власти над другими [23, с. 67]. Также необходимо дополнить, что действия в отношении ребенка являются насилием, если нарушают его благополучие (физическое или психическое), а также ставят под угрозу его развитие и здоровье [17, с. 5].

Е. П. Ильин обращает внимание, что не каждое действие, со стороны кажущегося насилием, является таковым, поскольку может не восприниматься как такое человеком-объектом. Важной отличительной чертой насилия является стремление нарушить моральную или телесную целостность, идти против желания человека и тем более унизить его. Даже проявление ласки со стороны родителя может восприняться ребенком как насилие и вызвать у него протест, в то время как соответствующие желания (например, желанию учиться) или не противоречащие принятым им правилам поведения (дисциплина) действия не воспринимаются ребенком как насильственные [4, с. 168].

И. Г. Малкина-Пых определяет некоторые параметры, позволяющие выделить отдельные виды насилия. Например, в зависимости от поведения агрессора насилие можно подразделять на скрытое (косвенное) или явное. Данное событие может происходить в настоящем или прошлом, продолжительное время или выступать в единичном случае, а также совершаться дома, в школе или на улице — со стороны знакомых или незнакомых взрослых.

Эти параметры влияют на глубину нанесенной травмы и степень выраженности последствий переживания насилия во взрослой жизни [10, с. 211].

В исследованиях, содержащих классификацию насилия, выделяют следующие виды насилия: физическое, сексуальное, психологическое, эмоциональное, а также насилие в виде пренебрежения интересами и нуждами ребенка [10, с. 211–212]. Б. К. Уайнхолд к эмоциональному насилию также относит грубые слова и формы обращения, лишение любви, чрезмерный контроль и неуважение, непонимание по отношению к нуждам ребенка. Также автор отмечает, что сексуальное насилие над детьми может быть как преднамеренным, так и непреднамеренным, включать в себя непосредственно инцест, а также умалчивание темы секса или предоставление ребенку ложной информации. Отврежение и пренебрежение автор подразделяет на физическое, эмоциональное и духовное. При этом физическое насилие легче распознать, так как оно представляет собой лишение отношений, и ребенок способен дифференцировать реальное ощущение, тогда как эмоциональное и духовное пренебрежение и отврежение сопровождаются ощущением, будто «что-то случилось» — менее конкретным, не позволяющим осознать происходящее. Родители могут физически присутствовать, отсутствуя эмоционально [22, с. 17]. А. С. Свечникова отмечает важный аспект эмоционального насилия, заключающийся в том, что физическое и сексуальное насилие далеко не в каждом случае становится основой пожизненных травм, тогда как эмоциональная боль, атмосфера страха всегда присутствуют в ситуации жестокого обращения и являются подлинной трагедией для ребенка [18, с. 16–17].

Зачастую формы насилия переплетаются, представляя собой совокупность, в которой один вид насилия дополняет другой. Е. П. Ильин указывает, что насилие, будь оно физическим или сексуальным, всегда будет в первую очередь носить психологический характер [4, с. 173]. И. Г. Малкина-Пых также пишет о неизбежном переживании нескольких форм насилия сразу. Например, ребенок, переживающий инцест, также страдает от манипуляций, разрушения семейных отношений и потери доверия, что можно классифицировать как психологическое насилие [10, с. 212].

Широкое распространение феномена насилия над детьми обусловлено специфической ситуацией, в которой находится ребенок. А. С. Свечникова характеризует эту ситуацию уязвимостью ребенка и его зависимостью от родителей, особенно в раннем возрасте [18, с. 15]. Об этом также упоминает Е. А. Петрова. Ребенок, способный контролировать весьма незначительное количество явлений и полностью зависящий от поведения взрослых и внешних обстоятельств, таким образом, находится в зоне риска переживания психотравмирующих

событий [16, с. 88]. Попадая в ситуацию насилия, будучи не в состоянии принять положительные и отрицательные стороны личностей своих родителей, он отчаянно пытается сохранить свои представления о них как о «хороших», отрицая факт насилия. Отрицание выступает в качестве защитной реакции, не давая осознать ребенку факт отвержения и враждебности [10, с. 225].

Дети, растущие в ситуации насилия, характеризуются проблемами в обучении, отставанием в развитии, имеют многочисленные поведенческие и эмоциональные трудности. У них прослеживается высокий уровень агрессивности и делинквентности; самооценка и эмпатия, напротив, находятся на низком уровне, отсутствуют навыки и умения построения взаимоотношений, а также слабо развит социальный интеллект [13, с. 44].

Л. А. Дементий отмечает характерные для личности последствия пережитого насилия на примере подростков. Автор связывает насилие, пережитое в детском возрасте, с переживанием детской и общей депрессии, неуверенностью, негативной самооценкой, уровнем истощаемости организма, чувством отвержения и ощущением себя «вне» жизни, низким уровнем жизнестойкости и волевого самоконтроля, оценкой своих способностей как неэффективных, а также с наличием суицидальных мыслей и тенденций [3, с. 23].

Пережитое насилие существенно влияет на формирование «Я»-образа, что экспериментально подтверждалось Т. Г. Волковой, которая сравнивала особенности подростков 15–17 лет, переживших насилие и не сталкивавшихся с ним. Были выявлены достоверные данные, говорящие о характерных для жертв насилия, отличающих их от сверстников чертах, таких как отсутствие желания признавать свою ответственность за важные события жизни, зависимость от чужого мнения, негативная реакция на агрессию со стороны других людей при склонности в межличностных отношениях придерживаться агрессивного либо подчиняемого стиля поведения. Их восприятие жизни происходит только в одном из временных контекстах: в прошлом (вспоминания об обидах), будущем (ставит нереальные цели, живет неоправданными надеждами, опасениями) или в настоящем [19, с. 121].

Р. В. Кадыров, И. А. Ковалев и И. С. Ильина дополняют перечень последствий детской психотравмы. Опыт переживания насилия формирует плохое чувство автономии; нарушается образ тела, появляются трудности в регуляции аффекта и управлении импульсами, что включает агрессивные проявления по отношению к себе и другим людям. Также у ребенка формируется подчиняемость, особенно в отношении близких, и в то же время — неуверенность в предсказуемости и надежности окружающих [6, с. 66].

Ж. Нямаа в ходе исследования с участием 228 детей от 7 до 8 лет при помощи детского варианта личностного опросника Р. Кеттела (*Raymond B. Cattell*) и метода интервью предпринял попытку охарактеризовать личностные качества детей, имеющих травматический опыт, ниже следующим образом. На основании полученных данных и сравнения их с данными контрольной группы

был сделан вывод, что дети, пережившие физическое насилие, статистически достоверно отличаются от детей, не имеющих травматического опыта, по следующим качествам личности: замкнутость, эмоциональная неустойчивость, зависимость, робость, несмелость в межличностном общении, чувствительность, тревожность, а также напряженность [15, с. 114–116].

А. С. Свечникова обращает внимание, что для людей, переживших насилие в детском возрасте, характерно воспроизведение пережитого воздействия с собственными детьми в будущем [18, с. 17].

Важно учитывать, что ребенок может не распознавать совершаемые с ним действия как насилие в силу своего возраста. Даже если он осознает происходящее, его опыта недостаточно, чтобы осознавать последствия для своего психического и физического здоровья [21, с. 69]. Ситуацию усугубляет зависимость ребенка от родителей, неспособных его защитить, отрицающих наличие проблемы и неспособных обсуждать ее суть [14, с. 14].

Ситуация насилия в семье неизбежно нарушает основной принцип безопасности для ее членов и особенно травматической является для ребенка, находящегося в зависимом положении, уязвимого для внешних воздействий и ищущего во взрослом близком человеке опору и поддержку. Насилие, пережитое в детском возрасте, влечет за собой развитие многочисленных социальных и психологических затруднений. Проявление его последствий может наблюдаться различным образом — например, в результате него повышается вероятность развития психических расстройств [1, с. 333].

В. Л. Ситников и А. А. Стреленко связывают пережитое в детстве насилие, в частности сексуального характера, с различного рода самодеструкциями, в том числе с суицидальными тенденциями, уже во взрослом возрасте и утверждают о наличии прямой корреляции между этими явлениями [19, с. 121]. Внутренний диалог людей, переживших насилие, по мнению Е. Т. Соколова, деструктивен и неустойчив, «Я»-образ, формировавшийся в условиях эмоционального голода, расплывчат, нарушены отношения с собственным телом, телесной экспрессии. Образ взрослого в глазах ребенка, столкнувшегося с насилием, амбивалентен — от любящего к отвергающему, от понимающего к наказывающему, — что в итоге способно привести к стойкой патологизации межличностных отношений. «Я»-образ с опытом насилия формируется специфически, характеризуясь значительной проницаемостью, неустойчивостью, уязвимостью к любым воздействиям извне [19, с. 126].

Д. В. Каширский утверждает, что пережитый женщиной в детстве психотравмирующий опыт, оставляя неизгладимый след в виде психических изменений, отнюдь не всегда вырастает в психическое расстройство. Переживаемое ребенком насилие, в особенности сексуального характера, определяя процесс становления, становится своеобразным условием и контекстом развития, обусловливая специфические внутренние противоречия, направленность и содержание саморазвития личности, включая мир субъективных ценностей

и эмоций [7, с. 34]. Далее автор приводит результаты исследования, которые говорят о том, что вид последствий отчасти зависит от типа пережитого женщиной в детстве насилия: сексуального или несексуального (психологического, физического). Для жертв сексуального насилия более характерно испытывать затруднения, связанные с наличием внутренних конфликтов и противоречий, касающихся семейной жизни и отношений с противоположным полом, ощущения собственного потенциала и мнимой или реальной невозможности его воплотить. Они часто склонны переживать о «потерянном или упущенном времени». Они высоко ценят свободу — вероятно, как следствие преодоления травмы и ее последствий в виде зависимости (от людей, ПАВ и пр.), — в то время как физическое и эмоциональное насилие чаще раскрывается последствиями в виде неудовлетворенности в сферах финансов и здоровья, которые очень значимы для этих женщин. Они хотят иметь более высокий социальный статус, достаточно заботятся о своем здоровье, высоко ценят свободу действий и поступков и стремятся достичь гармонии и баланса [7, с. 35–36].

У. Виртц к последствиям пережитого в детском возрасте насилия относит самоотчуждение, утрату ощущения собственной идентичности. Женщинам с подобным опытом свойственно ощущение, что они отдали от себя слишком много, они склонны считать себя жертвами, что усиливает чувство вины и изоляции [2, с. 218]. Они находятся в слиянии со своим прошлым, в состоянии застоя, психологически закрыты, фиксированы на дихотомии добра и зла. Их поведенческий диапазон ограничен, из-за страха перед новыми разочарованиями они склонны избегать риска. Жизнь кажется таким женщинам непосильным делом [2, с. 219].

Взрослые, пережившие насилие в детском возрасте, воздвигают физические и психологические преграды для защиты от повторного переживания отвержения и пренебрежения. Часто они верят, что виной травматизирующей ситуации послужили они сами, а действия родителей, являющиеся фактически насилием, предприняты для их собственной пользы и из лучших побуждений [22, с. 17–20].

Признавая, что люди могут обретать смысл и цель жизни, проходя через страдания, в работе с психотравмой следует не только смягчать посттравматические симптомы, но и способствовать личностному росту и позитивным изменениям в жизни в целом [12, с. 142].

И. Г. Малкина-Пых освещает важный аспект, заключающийся в том, что детские воспоминания, связанные с насилием, могут блокироваться на многие годы и жертва может даже не осознавать, что переживала в детстве. Или женщина может помнить сам факт насилия, но не связывать его с трудностями, возникающими в ее теперешней жизни. Женщины приходят с жалобами на дефицит тепла в семье, дисгармонию супружеских отношений или на различные страхи [11, с. 415].

М. Ш. Магомед-Эминов отмечает, что в изучении травматических событий внимание акцентируется в основном на нейтрализации негативных

последствий, а не на потенциале возможностей позитивного выхода [9, с. 112].

Говоря о позитивных последствиях, автор акцентирует внимание на том, что они не исключают испытываемые человеком страдания и борьбу с хаосом и расстройством равновесия. Однако, восстанавливая нарушенное равновесие, человек трансформирует себя и свой мир, конструирует самоидентичность роста, сменяющую самоидентичность жертвы или уцелевшего [9, с. 113].

Автор считает важным осознание отсутствия противоречий между выгодами и потерями, связанными с травмой. Идентичные переживания могут выступать как основа формирования чувств значимости или тревоги, уверенности или страха, радости или горя. Внимание, уделяемое одному, не вступает в противоречие с наличием другого [9, с. 116].

У. Виртц выделила некоторые темы в терапии, характерные для женщин, переживших в детстве насилие в семье. Они задаются вопросами о причинах произошедшего и их роли в этом, о причинах собственного молчания. Они хотят быть точно уверенными, что произошедшее было в реальности, не было сном или фантазией, убедиться в собственной адекватности и психическом здоровье. Таких женщин беспокоит вопрос: могут ли другие каким-либо образом видеть или ощущать, что с ними произошло, является ли произошедшее клеймом на всю жизнь и смогут ли они построить здоровые отношения, быть привлекательными для других людей в будущем, учитывая их опыт и тем более рассказывая о нем [2, с. 196–197]?

Особенности женщин, переживших насилие в детстве, в процессе терапии выражаются в позе, мимике, жестах, характеризующихся тенденцией стараться занимать как можно меньше места, говорить тише, постоянно будто искать укромный уголок. Они часто употребляют характерные выражения вроде «я боюсь», «я вынуждена», «меня заставляют», «мне разрешают», выражая позицию маленького ребенка, зависимого человека. Для них характерны представления о себе и мире, сводящиеся к неспособности дать отпор, ожиданию насилия, чувствам вины, ненужности и одиночества, нарочитом подчеркивании положительных качеств родителей или активному поддержанию позиции одного из родителей, если между ними существует конфликт. Они склонны к игнорированию некоторых воспоминаний и событий прошлого. Для них характерны расстройства сексуальной сферы, выражающиеся в гинекологических проблемах,abortах, выкидышиах, бесплодии [10, с. 258].

Л. Смолова видит важнейший аспект терапии детской психотравмы в том, чтобы найти и наделить травматические ситуации смыслом, найти ответы на вопросы «зачем?» и «ради чего?», что является сугубо индивидуальной работой. Осознание смыслов неизменно ведет к идеи переобучения и пониманию того, какие конкретные навыки необходимо сформировать, чтобы стать более целостной и устойчивой личностью [20, с. 365].

У. Виртц приводит в пример римскую пословицу как иллюстрацию невозможности «совершить» исцеление клиента, которая звучит как «*Medicus*

curat, natura sanat» («Врач ухаживает, природа исцеляет»), обращая внимание на то, что специалисты способны лишь помочь разобраться с трудностями, препятствующими исцелению, выбор же всегда остается за самим человеком [2, с. 160].

Насилие является комплексным феноменом и следствием совокупности различных причин, различные формы насилиственных действий часто взаимосвязаны и влекут за собой нарушения на различных уровнях функционирования организма и психики. Исходя из теоретического анализа психологические травмы можно охарактеризовать как потенциальный разрушитель базовых представлений о себе и мире. Следовательно, детские психотравмы, вовремя не проработанные, могут стать фундаментом для формирования личности взрослого, имеющего разнообразный перечень жизненных затруднений и ограничений. Невозможность получить помощь от собственных родителей делает ребенка неспособным к поиску помощи у взрослых и построению здоровых отношений с людьми.

В связи с широким распространением данного феномена и обширным спектром последствий для обозначенной проблемы нами было проведено эмпирическое исследование, цель которого — изучить психологические последствия насилия, пережитого в детском возрасте у женщин.

Эмпирическое исследование проводилось на базе консультативно-тренингового центра (КТЦ) «Реальность». Основной категорией клиентов данного Центра являются женщины в возрасте от 18 до 40 лет. Основными направлениями в работе Центра являются телесно-ориентированная терапия, когнитивно-поведенческая терапия, сказкотерапия, релаксация.

Предполагалось, что у женщин, переживших насилие в семье в детском возрасте, снижены жизнестойкость и адекватность ролевых ожиданий в браке, наблюдаются проявления ПТСР. Для исследования были использованы следующие методики:

1. Тест жизнестойкости, разработанный С. Мадди и адаптированный Д. А. Леонтьевым [8, с. 4].

2. Опросник «Ролевые ожидания и притязания в браке» (РОП) [5, с. 467].

3. Миссисипская шкала (*Mississippi Scale for Combat-Related PTSD*) (Keane, Caddell, Taylor, 1988) [21, с. 140].

Как мы видим из рис. 1, итоговый балл по Миссисипской шкале, измеряющей выраженность симптомов ПТСР у испытуемых в среднем, превышает отметку в 100, что свидетельствует о ярко выраженном влиянии перенесенной травмы. Показатель жизнестойкости испытуемых находится на низком уровне (среднее значение — менее 62,19 баллов по методике «Тест жизнестойкости С. Мадди»), что говорит об их низкой способности выносить неустранимую тревогу, сопровождающую неизвестность, выбор будущего. Компоненты, включенные в понятие жизнестойкости, такие как вовлеченность и контроль, также находятся на низком уровне (средние значения по той же методике — менее 29,56 и 20,74 баллов соответственно) у данных испытуемых. Их убежденность в способности

влиять на события собственной жизни минимальна, присутствует чувство отвержения, ощущение себя «вне» жизни. Единственный компонент, развитый до нормативных показателей, — это принятие риска, что говорит об их способности воспринимать жизнь как способ приобретения опыта и может быть обусловлено развитием этого качества в процессе психологического консультирования.

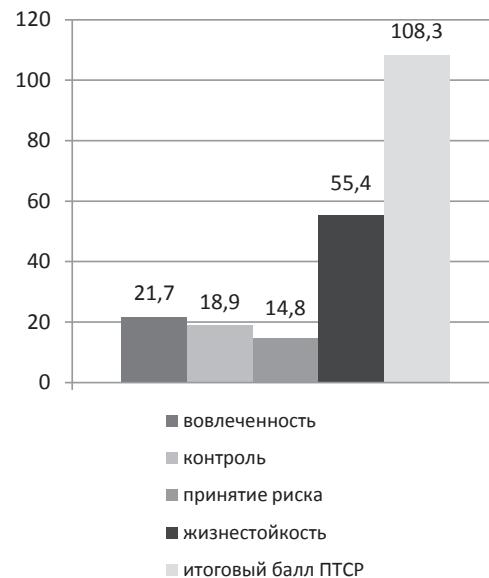

Рис. 1. Средние значения выраженности проявлений жизнестойкости и ПТСР у женщин, переживших насилие в детском возрасте

В контексте психологического консультирования, учитывая полученные данные, целесообразно развивать у данной категории клиентов интерес к собственной деятельности и жизни, а также ощущение включенности в жизнь и способности влиять на ее события, что способствует развитию жизнестойкости. Также, учитывая данные, полученные по шкале ПТСР, стоит принимать во внимание развитие у такого рода клиентов данного вида последствий. В процессе работы целесообразно применять техники, способствующие расслаблению и снятию эмоционального напряжения, а также прочие методы, применяемые для работы с людьми с ПТСР.

Результаты исследования ролевых ожиданий и притязаний в браке у женщин-клиенток КТЦ «Реальность» с использованием опросника «Ролевые ожидания и притязания в браке» представлены на рис. 2.

По интимно-сексуальной шкале получены самые низкие оценки (в среднем 3 балла), входящие в диапазон низких значений, что говорит о том, что такой тип женщин недооценивает сексуальные отношения в браке. Значения по шкале личностной идентификации с супругом находятся в пределах средних значений и говорят об ожидании женщинами общности в сферах интересов, потребностей, ценностных ориентаций и личного времяпрепровождения. Хозяйственно-бытовая шкала указывает на средние ожидания данного типа женщин

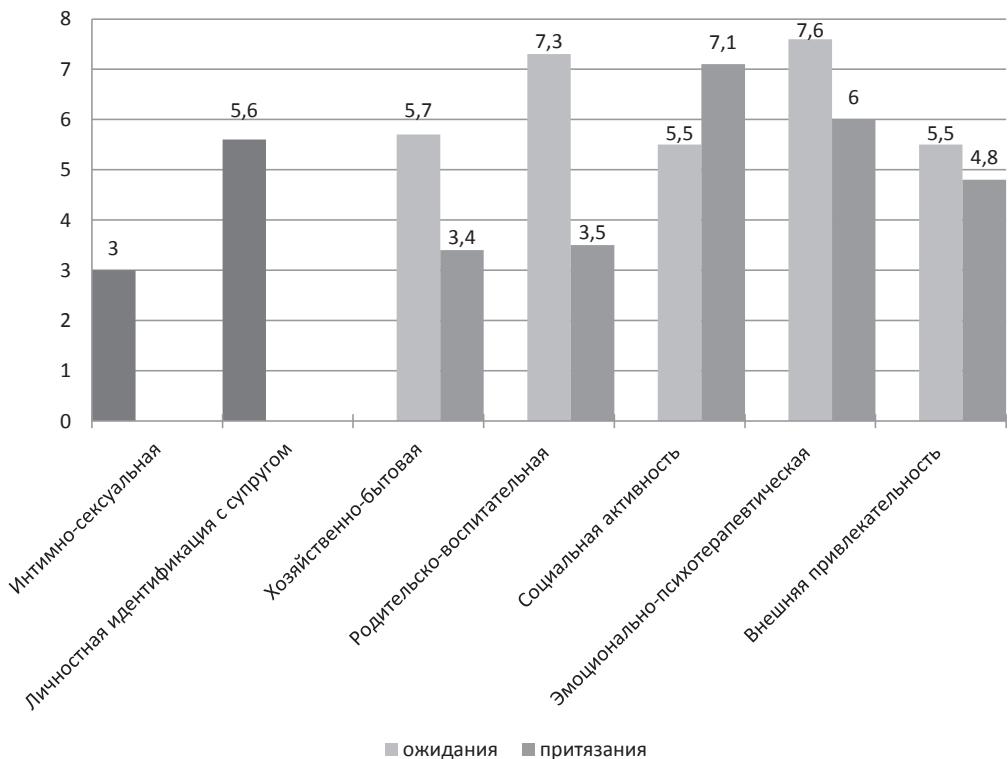

Рис. 2. Средние значения выраженности ролевых ожиданий и притязаний в браке у женщин, переживших насилие в детском возрасте

от партнера решения бытовых вопросов, при этом готовность активно принимать участие в ведении домашнего хозяйства у них чуть превышает низкие значения. Высокие значения подшкалы ролевых ожиданий родительно-воспитательной шкалы говорят о высокой выраженности установки активной родительской позиции партнера, при этом ролевые притязания по данной шкале соответствуют нижней границе средних значений, немного превышая низкие значения. Это говорит о том, что они не ориентированы на собственную родительскую позицию. Оценки по шкале социальной активности у данных испытуемых соответствуют средним значениям по подшкале ролевых ожиданий и высоким — по подшкале ролевых притязаний, что говорит о выраженности собственных профессиональных потребностей, высокой социальной активности. Подшкала ролевых ожиданий эмоционально-психотерапевтической шкалы показывает высокие значения, что говорит о высокой ориентации данного типа женщин на то, что партнер возьмет на себя роль эмоционального лидера. Их ожидания от партнера эмоциональной и моральной поддержки достаточно высоки. Подшкала ролевых притязаний отражает готовность женщин выполнять ту же функцию для партнера. Значения по этой подшкале находятся в пределах среднего диапазона. В шкале внешней привлекательности отражена степень выраженности установки женщин на значимость внешнего облика в отношениях. Полученные данные по обеим подшкамалам данной шкалы находятся в диапазоне средних значений,

что говорит об умеренной выраженности установки относительно себя и партнера.

В контексте психологического консультирования, исходя из полученных данных, важно обратить внимание, что, как показывает рис. 2, ролевые ожидания испытуемых, за исключением шкалы «социальная активность», в целом значительно выше ролевых притязаний. А это говорит о том, что такой тип женщин ожидает от партнера большего, чем от себя самих. Это может быть связано с усвоенными в детстве ролевыми моделями, поскольку в ситуации насилия часто подавляется естественная активность и инициативность жертвы. Это, в свою очередь, приводит к убеждению, что за благополучие отношений несет ответственность кто-то другой. Данное убеждение может служить коррекционной мишенью в рамках психологического консультирования, поскольку выработка более здоровой позиции и способности признать и взять на себя свою часть ответственности за благополучие отношений является важным фактором построения здоровой семьи.

Также интересно отметить в целом маскулинность в собственной позиции женщин. Обобщив и проанализировав результаты, можно заметить, что они ищут в партнере способность отвечать за бытовой аспект отношений, занимать выраженную родительскую позицию и нести в отношениях психотерапевтическую функцию, отвечая за эмоциональную атмосферу и теплоту отношений. Учитывая, что при этом сами женщины не видят для себя ценности собственной родительской позиции

Рис. 3. Доля женщин с низким, средним и высоким уровнем жизнестойкости по общей шкале жизнестойкости

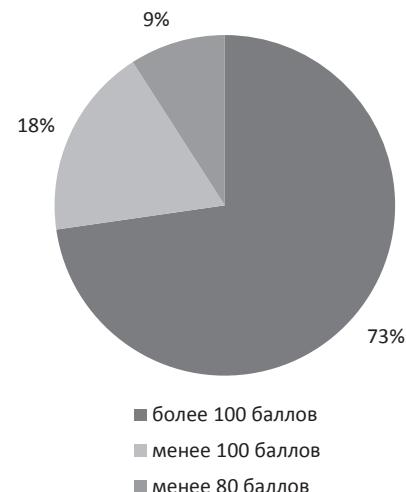

Рис. 4. Доля женщин с низким, средним и высоким уровнем выраженности симптомов посттравматического стрессового расстройства

и не готовы нести ответственность за бытовой аспект отношений, а также в меньшей степени готовы отвечать за эмоциональную атмосферу, — это может свидетельствовать о выраженному смещении ролевых позиций в отношениях. Кроме того, это потенциально мешает построению здоровой семьи и может выступать предметом внимательного изучения психологом при работе с данным типом клиентов. Для женщин этой категории наиболее выраженной ценностью является социальная активность, потребность в профессиональной реализации, что может быть связано с тем фактом, что межличностные отношения, не подразумевающие эмоциональной близости и интимности, вызывают у них меньшую тревогу. Интимные отношения для них представляются наименее важным аспектом отношений, что может быть связано с тем фактом, что женщины данной категории часто переживали в детстве комплексный вид насилия, включающий в себя физическое и сексуальное, закономерными последствиями которого являются проблемы в сексуальной сфере. Обесценивание данной сферы отношений также может приводить к затруднению построения семейных отношений и требует отдельной внимательной психотерапевтической проработки.

Доли женщин с высоким, средним и низким уровнем жизнестойкости, измеренным с использованием Теста жизнестойкости С. Мадди, отражены на рис. 3. Средние показатели жизнестойкости, выявленные у 18% испытуемых, характеризуют их как способных эффективно справляться с напряжением, связанным со стрессовыми ситуациями, за счет стойкого совладания, восприятия их как менее значимых. Как и предполагалось, женщины, пережившие насилие в детском возрасте, только в 1 случае из 11 (9%) продемонстрировали высокий уровень жизнестойкости.

Данные результаты, отраженные в рис. 3, подтвердили предположение о снижении жизнестойкости у женщин, переживших насилие в детском

возрасте, так как большая часть испытуемых (73%) продемонстрировали низкие показатели жизнестойкости, что говорит об их неспособности эффективно справляться со стрессовыми ситуациями и находиться в ситуации неопределенности. Полученные результаты закономерны, так как показатель жизнестойкости является комплексным показателем, составные компоненты которого формируются в детстве. Решающую роль в развитии этих компонентов жизнестойкости играют отношения родителей и ребенка. Например, для развития компонента вовлеченности важную роль играют принятие и поддержка, любовь и одобрение со стороны родителей, чего женщины, выросшие в ситуации семейного насилия, были лишены. Низкие показатели по шкале развития компонента контроля также могут быть связаны с ситуацией насилия в детстве, поскольку в этом случае особое значение имеет поддержание родителями инициативы ребенка, чего последний в ситуации насилия часто бывает лишен.

В контексте психологического консультирования представление о взаимосвязи пережитого в детском возрасте насилия и низких показателей жизнестойкости играет значительную роль, так как эти показатели возможно развивать и во взрослом возрасте. На развитии отдельных компонентов жизнестойкости у клиентов, переживших насилие в детском возрасте, психологу-консультанту стоит сосредоточить особое внимание, так как повышение этих показателей позволит клиентам более эффективно справляться со стрессовыми ситуациями, а значит, и повысить качество жизни. Также способность чувствовать себя более спокойно в ситуации неопределенности играет важную роль для прохождения данными клиентами необходимой психотерапевтической работы.

Как показано на рис. 4, более половины испытуемых (73%) имеют высокий (более 100 баллов) уровень выраженности симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТРС), что свидетельствует о сниженной психологической

устойчивости. К симптомам ПТСР относятся потеря смысла жизни, изменение структуры самосознания, разрушение основополагающих структур личности, изменение отношения к окружающим и себе, преимущественно в негативную сторону. Средняя степень (менее 100 баллов) выраженности симптомов ПТСР отмечена у 18% испытуемых, и низкая степень (менее 80 баллов) — всего у 9%, то есть у 1 испытуемого из 11.

В рамках психологического консультирования женщин, переживших насилие в детском возрасте, целесообразно уделить особое внимание психологической работе с симптомами ПТСР, учитывая степень их выраженности. Представленные на рис. 1–4 данные наглядно свидетельствуют о снижении жизнестойкости и адекватности ролевых ожиданий, а также о проявлении ПТСР у женщин, переживших насилие в детском возрасте.

Формы насилия многообразны, и ситуация, в которой оказывается ребенок в случае насилия в семье, усугубляется тем фактом, что в этом случае

он не может получить любовь, поддержку и одобрение от самых близких людей, лишается жизненной опоры. Однако стоит перестать воспринимать людей, столкнувшихся в детстве с насилием, как пассивных участников событий и в консультировании обратиться к их сильным сторонам, помогая найти личностные ресурсы и новые личностные смыслы, потенциально скрытые в переживании психотравмы.

Последствием насилия, пережитого в детском возрасте, являются разнообразные жизненные трудности. Исходя из этого, психолог-консультант, работающий с клиентами данной категории, должен иметь разностороннюю профессиональную подготовку для эффективной коррекции психотравм. Независимо от подхода, многие авторы сходятся во мнении, что главным условием для преодоления психотравмы, связанной с насилием, пережитым в детстве, является осознанное намерение самой женщины упорно работать над преодолением ограничений и улучшением качества жизни.

1. Боголюбова О. Н., Скочилов Р. В. Опыт переживания насилия в детском возрасте и риск заражения ВИЧ у молодых людей из социально уязвимых групп // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2010. № 2. С. 333–341.
2. Виртц У. Убийство души: Инцест и терапия. М.: Когито-Центр, 2014. 293 с.
3. Демина Л. Д. Психологическое здоровье и защитные механизмы личности. Барнаул: Изд. Алтайского университета, 2005. 132 с.
4. Ильин Е. П. Насилие как психологический феномен // Universum: Вестник Герценовского университета. 2013. № 1. С. 167–174.
5. Ильин Е. П. Психология взрослости. СПб.: Питер, 2012. 544 с.
6. Кадыров Р. В. Психическая травма раннего возраста и психологические характеристики личности наркозависимых // ТМЖ. 2016. № 4 (66). С. 66–69.
7. Каширский Д. В. Ценности женщин, переживших насилие в детском возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2013. № 2. С. 34–37.
8. Леонтьев Д. А. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
9. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен посттравматического роста // Вестник ТГУ. 2009. Т. 71, № 3. С. 111–117.
10. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. СПб.: Питер, 2019. 832 с.
11. Малкина-Пых И. Г. Гендерная терапия. М.: Изд-во «Эксмо», 2006. 928 с.
12. Мищенко Л. В. Посттравматический рост как путь создания новой парадигмы работы с психотравмой // СИСП. 2017. № 2–2. С. 142–145.
13. Платонова Н. М., Платонов Ю. П. Насилие в семье: особенности психологической реабилитации. СПб.: Речь, 2004. 154 с.
14. Норвуд Р. Женщины, которые любят слишком сильно. М.: Добрая книга, 2019. 352 с.
15. Нямаа Ж. Структура личностных качеств у детей, переживших психическую травму // Наука и школа. 2011. № 4. С. 114–116.
16. Петрова Е. А. Влияние детского травматического опыта на формирование психопатологической симптоматики взрослых людей // Вестник НовГУ. 2016. № 2 (93). С. 88–91.
17. Психологическое сопровождение детей, переживших насилие и жестокое обращение в семье. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. 99 с.
18. Свечникова А. С. Феномен насилия над детьми в семье // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2008. № 7. С. 14–17.
19. Ситников В. Л. Образ тела в сознании виктимных подростков, переживших сексуальное насилие // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Педагогические науки. 2016. № 2. С. 118–129.
20. Смолова Л. В. Психологическое консультирование. М.: Флинта, 2016. 412 с.
21. Тарабрина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
22. Уайнхолд Б. К. Бегство от близости: избавление ваших отношений от контрзависимости — другой стороны созависимости. СПб.: ИГ «Весь», 2014. 528 с.
23. Фролова С. В. Консультативная психология. Теория и практика. Саратов: СГУ, 2010. 154 с.

References

1. Bogolyubova O. N., Skochilov R. V. *Opyt perezhivaniya nasiliya v detskom vozraste i risk zarazheniya VICH u molydykh lyudey iz sotsialno uyazvimykh grupp naseleniya* [Experience of abuse in childhood and risk of HIV contamination among young participants of vulnerable groups]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 12: Sotsiologiya — Bulletin of Saint Petersburg State University. Series 12: Sociology*, 2010, (2), pp. 333–341 (in Russian).
2. Wirtz U. *Seelenmord: inzest und therapie*. Stuttgart: Kreuz Verlag, 2005 (in German). (Rus. ed.: Virtz U. *Ubiystvo dushi: Intsest i terapiya* [Soul murder: Incest and therapy]. Moscow: Kogito-Tsentr Publ., 2014. 374 p.)
3. Demina L. D. *Psikhologicheskoye zdorovye i zashchitnyye mehanizmy lichnosti* [Psychological health and mechanisms of self-defensiveness]. Barnaul: Altay State University Publ., 2005. 132 p. (In Russian).
4. Ilyin Ye. P. *Nasiliye kak psikhologicheskiy fenomen* [Abuse as a psychological phenomenon] *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta — Universum: Bulletin of Gertsen University*, 2013, (1), pp. 167–174 (in Russian).
5. Ilyin Ye. P. *Psikhologiya vzroslosti* [Psychology of adulthood]. St. Petersburg: Piter Publ., 2012. 544 p. (In Russian).
6. Kadyrov R. V. Kovalev I. A., Ilyina I. S. *Psikhicheskaya travma rannego vozrasta i psikhologicheskiye kharakteristiki lichnosti narkozavisimykh* [Psychological tender age trauma and psychological internals of drug addicts]. *Tikhookeanskiy meditsinskiy zhurnal — Pacific Medical Journal*, 2016, 4 (66), pp. 66–69 (in Russian).
7. Kashirskiy D. V. *Tsennosti zhenshchin, perezhivshikh nasiliye v detskom vozraste* [Values of woman, outlasted abuse in childhood]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psichologiya. Sotsiokinetika — Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy, Psychology, Sociokinetics*, 2013, (2), pp. 34–37 (in Russian).
8. Leontyev D. A. *Test zhiznestoykosti* [Viability test]. Moscow: Smysl Publ., 2006. 63 p. (In Russian).
9. Magomed-Eminov M. Sh. *Fenomen posttravmaticheskogo rosta* [Post-traumatic growth phenomenon]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Tambov State University*, 2009, 71 (3), pp. 111–117 (in Russian).
10. Malkina-Pykh I. G. *Viktimologiya* [Victimology]. St. Petersburg: Piter Publ., 2019. 832 p. (In Russian).
11. Malkina-Pykh I. G. *Gendernaya terapiya* [Gender therapy]. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 928 p. (In Russian).
12. Mishchenko L. V. *Posttravmaticheskiy rost kak put sozdaniya novoy paradigm raboty s psikhotravmoy* [Post-traumatic growth as a way to create a new psychotrauma therapy model]. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem — Modern Research of Social Problems*, 2017, (2), pp. 142–145 (in Russian).
13. Platonova N. M., Platonov Yu. P. *Nasiliye v semye: Osobennosti psikhologicheskoy reabilitatsii* [Domestic violence: Psychological adjustment features]. St. Petersburg: Rech Publ., 2004. 154 p. (In Russian).
14. Norwood R. *Women who love too much: when you keep wishing and hoping he'll change*. London: Arrow Books, 2014. (Rus. ed.: Norvud R. *Zhenshchiny, kotoryye lyubyat slishkom silno* [The women who love too much]. Moscow: Dobraya kniga Publ., 2019. 352 p.)
15. Nyamaa ZH. *Struktura lichnostnykh kachestv u detey, perezhivshikh psikhicheskuyu travmu* [Personal qualities structure of children who experienced psychological trauma].//*Nauka i shkola — Science and School*, 2011, (4), pp. 114–116 (in Russian).
16. Petrova Ye. A. *Vliyaniye detskogo travmaticheskogo opyta na formirovaniye psikhopatologicheskoy simptomatiki vzroslykh lyudey* [Influence of traumatic experience on formation of psychopathological symptomatology of adults]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Novgorod State University*, 2016, 2 (93), pp. 88–91 (in Russian).
17. *Psikhologicheskoye soprovozhdeniye detey, perezhivshikh nasiliye i zhhestokoye obrashcheniye v semye* [Psychological support of children who experienced family violence and abuse]. Tambov: Biznes-Nauka-Obshchestvo Publ., 2014, 99 p. (In Russian).
18. Svechnikova A. S. *Fenomen nasiliya nad detmi v semye* [Phenomenon of family child violence]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 9: Issledovaniya molydykh uchenykh — Bulletin of Volgograd State University. Series 9: Research of Young Scientists*, 2008, (7), pp. 14–17 (in Russian).
19. Sitnikov V. L. *Obraz tela v soznanii viktimnykh podrostkov, perezhivshikh seksualnoye nasiliye* [Body image in the mind of victimized teenagers who experienced sexual abuse]. *Uchenyye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogicheskiye nauki — Scientific Notes Journal of TRANS Baikal State University. Series: Pedagogical Sciences*, 2016, (2), pp. 118–129 (in Russian).
20. Smolova L. V. *Psikhologicheskoye konsultirovaniye* [Psychological counseling]. Moscow: Flinta Publ., 2016. 412 p. (In Russian).
21. Tarabrina N. V. *Praktikum po psichologii posttravmaticheskogo stressa* [Practicum on psychology of post-traumatic stress]. St. Petersburg: Piter Publ., 2001. 272 p. (In Russian).
22. Uaynkholt B. K. *Begstvo ot blizosti: izbavleniye vashikh otnoshenij ot kontrzavisimosti — drugoy storony sozavisimosti* [Escaping of intimacy: getting rid of counter dependence — the other side of codependency]. St. Petersburg: Ves Publ., 2014. 528 p. (In Russian).
23. Frolova S. V. *Konsultativnaya psichologiya*. Teoriya i praktika [Counseling psychology. Theory and practice]. Saratov: Saratov State University Publ., 2010. 154 p. (In Russian).

КАСАРКИНА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева,
eienovik@mail.ru

ELENA N. KASARKINA

*Cand.Sc. (Sociology), Associate Professor at the Department of Social Work,
Mordovian State University named after N. P. Ogarev*

УДК 316.4.051.63

**ПОТЕНЦИАЛ СЕМЕЙНО-РОДСТВЕННОЙ ПОМОЩИ В ПРЕОДОЛЕНИИ
КРИЗИСА МОРДОВСКОЙ МОЛОДОЙ СЕМЬИ НА СЕЛЕ**

**POTENTIAL OF THE FAMILY-RELATED HELP IN OVERCOMING CRISIS
OF THE MORDOVIAN YOUNG FAMILY IN THE COUNTRYSIDE**

Аннотация. В статье рассмотрена роль родительской семьи в помощи и поддержке молодоженам. Выявлено влияние семейно-родственной помощи на успешность формирования фамилистической культуры мордовской молодой семьи на селе, ее значение в проявлении и преодолении кризиса, а также ценностные ориентации молодежи в сфере брачно-семейных отношений. В результате эмпирически обоснована востребованность семейно-родственной помощи у мордовы как традиционного социального института и современной формы межпоколенных взаимоотношений. По результатам анкетного опроса молодых семей и родителей молодых супружеских пар, проживающих в сельской местности, выявлены объективные и субъективные аспекты функционирования института помощи в различных подсистемах семейно-родственных отношений мордовы. Обосновано, что родительская семья и вся система связанных с ней отношений важнее для молодых супружеских пар, чем деятельность иных субъектов, в чьи функции входит оказание социальной помощи. Также выявлено, что семейно-родственная помощь определяется социальными параметрами территориальной общности и национальными характеристиками социокультурной сплоченности.

ABSTRACT. The article considers the role of parent family in helping and supporting newlyweds is considered. The influence of family-related assistance on the success of the formation of the familistic culture of the mordovian young family in rural areas, its importance in the manifestation and overcoming of the crisis, as well as value orientations of young people in the sphere of marriage and family relations are revealed. As a result, the demand for family-related assistance in Mordovia as a traditional social institution and a modern form of intergenerational relationships is empirically substantiated. According to the results of a questionnaire survey of young families and parents of young spouses living in rural areas, the objective and subjective aspects of the functioning of the Institute of assistance in various subsystems of family-related relations of Mordovia are revealed. It is proved that the parent family and the entire system of relations connected with it are more important for young spouses than the activities of other entities whose functions include the provision of social assistance. It is also revealed that the family — related help is defined by social parameters of territorial community and national characteristics of sociocultural unity.

Ключевые слова: молодая семья, семейно-родственная помощь, село, мордва.

Keywords: young family, family-related help, mordva.

В кризисных условиях современной России молодая семья сталкивается с множеством проблем и зачастую не в силах справиться с ними в одиночку (жилищные, финансово-бытовые, проблема трудаустройства, психологические, проблема планирования молодой семьи). К сожалению, молодая семья находится в условиях, когда не может рассчитывать только на социальную поддержку со стороны государства.

Нежелание власти всерьез и надолго заниматься государственной молодежной политикой,

социальной политикой относительно молодой семьи чревато негативными и далеко идущими последствиями, страшной платой (расплатой) за которое может быть потеря будущего страны, а не одного поколения, как может показаться в первом приближении к проблеме [3, с. 59].

На момент создания семьи молодые люди зачастую только входят во взрослую жизнь — им приходится осваивать множество новых социальных ролей и функций. Поэтому от того, какие условия будут созданы для жизни, зависят их

репродуктивные установки, ценностные ориентации и мотивации сохранения брака и семьи. Однако современная ситуация в России обостряет социальное положение молодой семьи. В настоящее время без социальной поддержки молодые семьи не в состоянии сформировать собственные ресурсы, необходимые для полноценного выполнения функций института семьи.

Проблема исследования состоит в выявлении зависимости влияния семейно-родственной помощи на молодую семью от национальных характеристик социокультурной сплоченности, социальной ситуации и территориальных условий проживания. Все объекты и субъекты, подсистемы и элементы семейно-родственной помощи функционируют во времени и пространстве, в тесной взаимосвязи, устойчивости и изменчивости, а в целом — развиваются как единое целое. Поэтому изучение отдельных компонентов, изолированных или автономных частей семейно-родственной помощи не может обеспечить получение адекватной, максимально полной информации о роли семейно-родственной помощи в преодолении кризиса сельской молодой семьи.

К сожалению, существующий стереотип, согласно которому молодая семья на селе формирует и сохраняет в себе традиции, национальные нормы и ценности, в настоящее время себя не всегда оправдывает. Также образующиеся и проживающие в сельской местности молодые семьи не более крепкие, чем городские. Современная ситуация в России, выражаясь в кризисе нравственно-духовной сферы, проблемных социально-экономических условиях, затруднениях социальной идентичности личности, девальвации конструктивных семейных ценностей, растущей материальной и социальной поляризации общества, затрагивает не только город, но и село. Национальные и территориальные параметры сельской общности влияют на тенденцию к изменению фамилистической культуры молодой семьи с традиционного типа на современный; при этом происходящие изменения имеют как негативную, так и позитивную направленность» [4, с. 80–81].

Изменения в семейной обрядности мордвы привели к формированию нового комплекса народной культуры. Кроме закрепления в быту новых обычаяев происходил отбор старых, но уже с внесенными в них коррективами, необходимыми для дальнейшего функционирования. На развитие обрядов жизненного цикла оказали влияние и активные межэтнические контакты с другими народами, прежде всего с русским, в результате чего произошло заимствование некоторых элементов семейной обрядности [1, с. 94].

Актуальность исследования семейно-родственной помощи мордовской молодой семьи на селе обусловлена проблемой, которая характеризуется, с одной стороны, сложностью процесса трансформации семьи и системы семейно-родственных отношений в современной России, с другой — ресурсным дефицитом государства в отношении социальных гарантий как для всего общества в целом, так и для семьи в частности.

Семейно-родственная помощь на селе становится одной из наиболее востребованных форм социального института помощи. Данная помощь инстинктивная, естественная, своевременная, разнообразная, отвечающая основным потребностям и интересам, основанная на родстве и/или своячестве, универсальная, динамичная. Однако семейно-родственная помощь может обладать характеристиками ограниченного бюджета и сил семьи, зависеть от характера семейных отношений, требовать взаимообмена, быть обусловленной структурой семьи и развивать иждивенчество. Результативной семейно-родственной помощью следует считать помощь, соотношение целей и задач которой отвечает потребностям, идеям и нормам молодой семьи. С другой стороны, результативная семейно-родственная помощь — это помощь, которая отличается конструктивными результатами. Среди них — приобретение молодой семьей собственного жилья, преодоление семейных кризисов и конфликтов, сохранение молодой семьи, рождение детей в молодой семье, налаживание тесных семейно-родственных отношений. Также важным показателем результативности семейно-родственной помощи являются и понесенные затраты в соотношении с поставленными целями и задачами.

Еще в работах классиков социологии осуществлен анализ характера и роли семьи как важнейшего социального института помощи. Особый интерес в данном отношении представляют идеи Дж. П. Мердока, по мнению которого, экономическая поддержка членов семьи — ее важная и неотъемлемая характеристика [5]; Э. Гидденса, определяющего семью как ячейку общества, которая состоит из людей, поддерживающих друг друга одним или несколькими способами, например социально, экономически или психологически (любовь, забота, привязанность) либо члены которой отождествляются друг с другом как поддерживающая ячейка [2, с. 162].

В работах зарубежных авторов *C. Jeffrey* и *L. Mcdoweland* отмечается неизменность кризисных отношений в первые годы становления семьи [6]. Некоторые зарубежные ученые придерживаются мнения, что кризис молодой семьи обусловлен ее стремлением к созданию условий для семейного жизнеобеспечения (приобретение жилья, материальная обеспеченность), нежели налаживания благоприятного психологического микроклимата (*L. Simons, C. Burt, R. Tambling* [8]), потребностью профессионального саморазвития и самореализации (получение качественного образования, возможности карьерного роста) (*M. Shucksmith* [7]).

На базе кафедры социальной работы Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева было проведено социологическое исследование с целью выявления роли и потенциала семейно-родственной помощи в преодолении кризиса мордовской молодой семьи на селе. Объектом исследования выступила молодая семья, проживающая в сельской местности (на примере Республики Мордовия). Предмет исследования — субкультура семейно-родственной помощи мордовской молодой семьи на селе.

Достижение данной цели опосредовали следующие задачи:

1. Изучить теоретические подходы к анализу кризиса молодой семьи и особенности ее развития на селе в современных условиях России.

2. Рассмотреть структурные элементы семейно-родственной помощи в мордовской культуре.

3. Проанализировать понятие и значение субкультуры семейно-родственной помощи в проявлении и преодолении кризиса мордовской молодой семьи на селе.

4. Обосновать роль семейно-родственной помощи в преодолении кризиса сельской мордовской молодой семьи на основе результатов авторских социологических опросов.

5. Выделить перспективы семейной политики в отношении молодой сельской семьи и рекомендации молодой семье в решении проблем брачно-семейных отношений.

Научная новизна в решении поставленной проблемы состоит в том, что выявлены объективные и субъективные аспекты функционирования института помощи в различных подсистемах семейно-родственных отношений мордвы (на примере родительских и молодых сельских семей).

Хронологические рамки исследования — октябрь–декабрь 2017 года, февраль–апрель 2018 года.

Территориальные рамки исследования — Атяшевский и Чамзинский районы Республики Мордовия.

Наиболее существенную роль в определении методологических подходов исследования имел ряд концепций развития молодой семьи, среди них — кризисный, модернизационный и системный. Формирование направлений теоретического анализа проблемы исследования происходило также с учетом научных позиций ученых, исследующих детерминацию характеристик жизни семьи регионально-поселенческими, культурными, этническими факторами. При написании работы применялись общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, интерпретации, системный метод, вторичный анализ эмпирических данных.

Проведены авторские исследования:

1) анкетный опрос: «Семейно-родственная помощь молодой семьи». Опрошено 32 молодые полные семьи (64 человека) в Чамзинском и Атяшевском районах РМ;

2) анкетный опрос «Родители как субъекты помощи молодой семьи». Опрошены родители молодых супружеских пар в Чамзинском и Атяшевском районах РМ — 98 человек.

Опрошенные молодые семьи представляли все существенные категории планируемого объекта исследования. В исследовании применялась целевая случайная выборка: определялась группа лиц, отвечающих некоторым определенным критериям, устанавливаемым при организации исследования.

Критерии отбора респондентов из числа молодых супружеских пар:

1. Наличие зарегистрированного брака.

2. Первый опыт зарегистрированных брачных отношений.

3. Стаж семейной жизни до 5 лет.

4. Граница возраста супружеских пар — до 30 лет.

5. Полная однодетная молодая семья (данный критерий выбран потому, что особенности жизнедеятельности и проблемы жизнедеятельности различных типологий молодых семей имеют свою специфику (неполные, многодетные, разведенные и т. д.) и их необходимо рассматривать отдельно);

6. Постоянное место жительства в селе.

7. Принадлежность супружеских пар к мордовской национальности.

8. Личное желание участвовать в опросе.

Критериями отбора респондентов из числа родителей молодых супружеских пар выступили:

1. Кровнородственные взаимосвязи.

2. Постоянное место жительства в селе.

3. Принадлежность родителя к мордовской национальности.

4. Личное желание участвовать в опросе.

Гипотезы исследования:

1. Родительская семья и вся система связанных с ней отношений значительно чаще и результативнее выступают в качестве источника помощи и поддержки для молодых супружеских пар, чем деятельность иных субъектов, в чьи функции входит оказание социальной помощи. Однако семейно-родственная помощь имеет не только преимущества, но и недостатки социального содействия молодой семье в трудной жизненной ситуации.

2. Результативность семейно-родственной помощи для молодой семьи определяется рядом факторов, таких как доступность субъекта помощи; качество и количество оказываемой помощи; стадия (кризис) жизненного цикла семьи; возникновение потребности в определенных видах помощи; наступление семейных значимых событий (рождение ребенка, болезнь, потеря работы).

Результаты исследования:

1. Семейная помощь — это социальный институт, представляющий собой: а) регулярную и долговременную социальную практику, санкционируемую и поддерживаемую с помощью общественных норм и имеющую важное значение в структуре общества посредством удовлетворения социально значимых потребностей; б) устойчивый, организованный комплекс правил, ценностей, принципов, социальных норм и связей, установок, регулирующих различные модели поведения и организующих их в систему ролей и статусов. К наиболее востребованным видам семейно-родственной помощи следует отнести: социально-экономическую (поддержание и улучшение жизненного уровня молодой семьи, финансовая поддержка); социально-бытовую (оказание помощи в жизнедеятельности и ведении домашнего хозяйства, наставления, обучение молодых супружеских пар); социально-медицинскую (поддержание в улучшении здоровья, забота о заболевших членах молодой семьи); социально-психологическую (коррекция психологического состояния для адаптации молодой семьи к среде обитания (обществу), эмоциональная поддержка); социально-педагогическую (профилактика отклонений в поведении и аномалий личного развития, формирования позитивных интересов, в том числе в сфере семейного досуга); социально-правовую

(поддерживающие или изменяющие правовой и социальный статус, советы, посредничество).

2. Семейно-родственная помощь выступает как показатель проявления и преодоления кризиса мордовской молодой семьи на селе. Родительская семья и ближнее окружение самыми первыми узнают о событиях и происшествиях в молодой семье (как счастливых, так и проблемных), нежели друзья, коллеги по работе и иные субъекты (78,9% ответов молодых супружников). При возникновении в семье конфликтов и ссор обращаются за помощью к родителям 64,8% опрошенных респондентов, на родительскую помощь в воспитании детей рассчитывают 89,8% молодых семей, среди молодых супружников нет ни одного, кто считает, что в их семье нет проблем. Семейный бюджет 36,3% молодоженов пополняется преимущественно семейно-родственной помощью, также 25,8% молодых семей проживают с родителями. С покупкой жилплощади помогли родители/родственники 52,9% респондентов. По мнению молодых супружников, если бы помощь со стороны родителей и родственников отсутствовала, в молодой семье полностью исчезли бы средства к существованию (32,3% ответов), случился развод (18,9% ответов).

На рис. 1 отображены мнения молодых супружников относительно получаемых семейно-родственных видов помощи, на рис. 2 — источники семейного дохода молодых супружников.

Также следует отметить, что социальное самочувствие молодых супружников определяется рядом показателей, немаловажное место среди которых занимает внутренняя атмосфера в семье. Если мы обратимся к данным нашего исследования, то наиболее часто встречающиеся характеристики внутрисемейной обстановки, которые выбирали респонденты: «материальная нуждаемость» (94,7% ответов); «любовь» (54,2% ответов); «редкие ссоры» (45,3% ответов); «поддержка, помощь» (64,7% ответов). На втором месте были отмечены такие характеристики, как «взаимопонимание» (53,2% ответов); «симпатия» (34,3% ответов); «ревность» (32,7% ответов). 18,9% респондентов считают свою семью на грани развода. Однако и такие показатели, как «счастье» (всего 17,8%), «отсутствие проблем» (0%), без которых невозможно семейное благополучие, тоже не нашли достаточного отклика в ответах молодых супружников.

3. Родительская семья у мордвы и вся система связанных с ней взаимоотношений значительно чаще и результативнее выступают в качестве

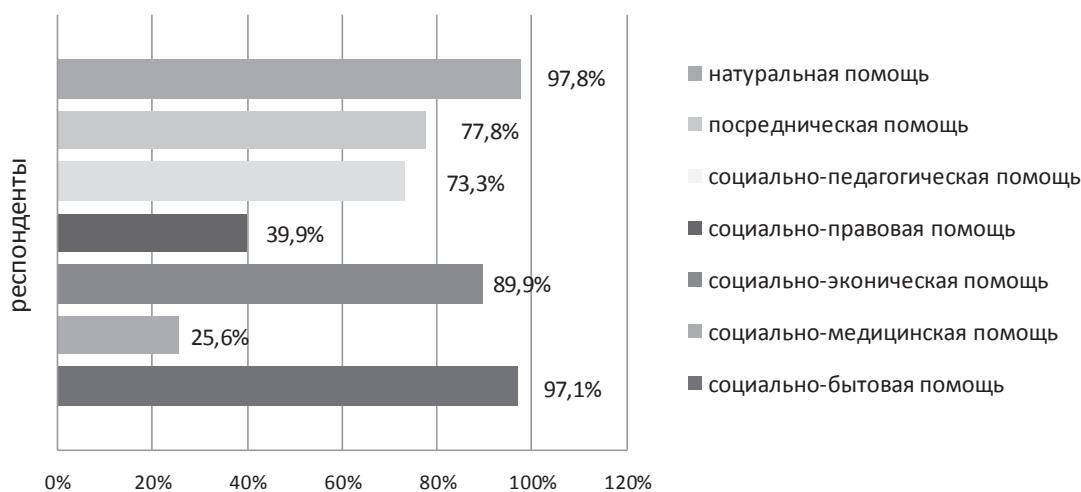

Рис. 1. Востребованные и получаемые виды семейно-родственной помощи (анкетный опрос молодых семей)

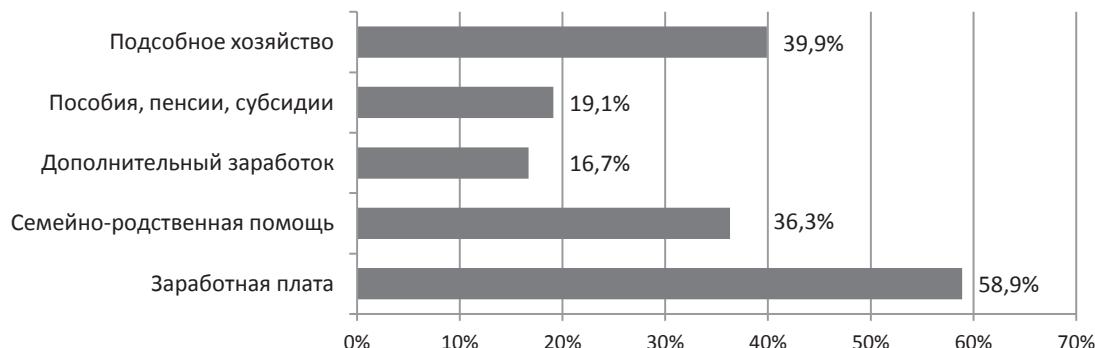

Рис. 2. Распределение мнений респондентов относительно доминирующих источников семейного дохода (анкетный опрос молодых семей)

источника помощи и поддержки для молодых супружеских пар на селе, чем деятельность государственных учреждений и общественных организаций, в чьи функции входит оказание социальной помощи. Так, родительская семья оказывает социально-экономическую помощь (89,9% ответов респондентов), натуральную помощь (97,8% ответов респондентов), социально-бытовую помощь (97,1% ответов респондентов). Однако субкультура семейно-родственной помощи мордовской молодой семьи на селе имеет не только преимущества, но и недостатки. С одной стороны, данная помощь инстинктивна, естественна, своеевременна, разнообразна, основана на родстве, соответствует основным потребностям и интересам молодой семьи (родители членов молодой семьи отмечают, что помогают своим детям, потому что «это долг, это наши дети, внуки» (27,5%); «больше некому помочь» (37,8%); «нам тоже родители помогали в свое время» (34,7%)). С другой стороны, помочь родителей ограничена бюджетом и силами семьи (45,2% ответов родителей), зависит от характера семейных отношений (13,6% старшего поколения отмечают проблемные отношения с молодыми супружами), предполагает взаимообмен («стану старым — они мне помогать будут» (23,8% ответов родителей). Обратимся к данным нашего исследования (рис. 3).

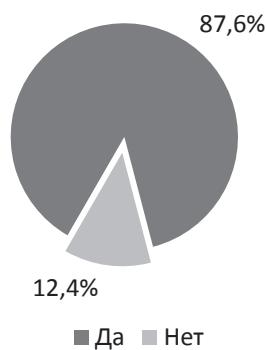

Рис. 3. Распределение мнений респондентов на вопрос: «Считаете ли Вы, что родители/родственники должны Вам помогать?» (анкетный опрос молодых семей)

По данным социологического исследования, значительная часть семей пользуется материальной помощью родителей, и при этом чем меньше стаж семейной жизни супружеских пар, тем больше вклад родителей в их семейный бюджет.

В ходе исследования выяснились различия в оказании семейно-родственной помощи. Так, в большинстве случаев помощь оказывается родителями жены (58% ответов респондентов), бабушками/дедушками (28% ответов респондентов), тетями/дядями (10% ответов респондентов), братьями/сестрами (4% ответов респондентов).

Интерес представляет распределение мнений молодоженов относительно того, что было бы с их семьей, если бы помочь со стороны родителей или родственников отсутствовала. Мнения распределились следующим образом: старались решать

проблемы своими силами (43,9% ответов респондентов); в семье полностью отсутствовали средства к существованию (32,3% ответов респондентов); отсутствие помощи привело к разводу (18,9% ответов респондентов); существенных изменений не произошло (7% ответов респондентов); стали жить лучше (0% ответов респондентов). Несколько иное мнение мы получили со стороны родителей молодых супружеских пар. Значительное число родителей (75,6%) отмечает, что при отсутствии помощи с их стороны молодые семьи решали бы проблемы своими силами, а 23,1% отметили, что в семье полностью отсутствовали бы средства к существованию.

4. Мордовская молодая сельская семья стремится не к социальному иждивенчеству, а к самостоятельности. Показателем является то, что 65,6% респондентов стараются решать проблемы своей семьи самостоятельно; 47,1% молодых семей, не имеющих отдельного собственного жилья, планируют оформить кредиты на его приобретение; 39,9% самостоятельно ведут личное подсобное хозяйство; 97,9% респондентов считают своим долгом помогать родителям/родственникам. Значимыми условиями успешной адаптированности молодой семьи к современному обществу в России являются социальная активность самих молодых супружеских пар, их способность модифицировать социальные воздействия, информированность о возможностях выбора и правах, умение максимально использовать свой потенциал, успешно справляться с возложенными на них ролями и функциями. Однако желание самопомощи не всегда совпадает с возможностями молодых супружеских пар. Общество и семья должны не столько удовлетворять потребительские наклонности молодежи, сколько предоставлять возможности для самостоятельного и ответственного действия.

Например, в нашем исследовании молодые семьи имеют по одному ребенку. Почти половина из них (49,1%) имеют установку на второго ребенка и отмечают, что не последнюю роль в этом играет ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (Федеральный закон от 29.12.2006 №256-ФЗ). Однако также 50,9% молодых семей отметили, что материнский капитал для них не является стимулом для рождения второго (третьего) и более детей. Причиной этого молодые супружеские пары называют тот факт, что материнский капитал не позволит в полной мере решить все проблемы.

5. Мордовская молодая семья на селе относится к группе социального риска, что характеризуется нестабильностью внутрисемейных отношений, объективно недостаточным уровнем материальной и финансовой обеспеченности. Так, материальные трудности волнуют 96,6% молодых семей, безработица — 37,8%, семейные ссоры и конфликты отмечают 59,9%, считают семью на грани развода 18,9% молодежи. В отдельном благоустроенным жилье, не нуждающемся в ремонте, проживает лишь 2% опрошенных. Молодые семьи, имеющие отдельную жилую площадь (26,3% респондентов), получили ее следующим образом: 1) с покупкой жилплощади помогли родители/родственники — 52,9% респондентов; 2) сами заработали на покупку жилплощади — 26,3% респондентов; 3) жилплощадь досталась

по наследству — 14,3% респондентов; 4) с покупкой жилплощади помогло государство — 6,5% респондентов. 47,1% респондентов вообще не имеют отдельного собственного жилья. Из них 25,8% проживают с родительской семьей, 21,3% — на съемной квартире. С целью выяснить субъектов, на которые ориентируются члены молодых семей в решении своих жилищных вопросов, мы задали членам молодой семьи вопрос относительно того, как они планируют улучшить свои жилищные условия, — и получили следующие варианты ответов: 1) «ориентируемся на собственные усилия и сбережения» (65,7%); 2) «ожидаем получить социальную выплату от государства» (64,8%); 3) «надеемся на помощь родителей/родственников» (53,9%); 4) «помоги ни от кого не ждем» (12,4%); 5) «надеемся на помощь некоммерческих организаций» (2,7%).

6. В силу отсутствия достаточного жизненного опыта, материального благосостояния молодая семья не всегда способна рационально оценивать сложившуюся ситуацию и вырабатывать соответствующие ей модели поведения. В условиях современности молодая семья зачастую не способна самостоятельно решить свои проблемы — ей необходима комплексная поддержка со стороны государства, общественных институтов, семьи. 78% респондентов не чувствуют себя социально защищенными. Обратимся к данным, указанным в табл. 1.

Табл. 1

Нуждаемость молодых семей в различных видах помощи (по степени значимости), в % (анкетный опрос молодых семей)

Виды помощи	Процентное соотношение
Материальная помощь	28,2
Социальная помощь	14,2
Медицинская помощь	13,4
Социально-консультативная помощь	9,2
Помощь в трудоустройстве	8,1
Психологическая помощь	7,8
Социально-медицинская помощь	7,2
Социально-педагогическая помощь	6,2
Юридическая помощь	5,7

7. В современных условиях при недостаточности ресурсов государственной системы социальной поддержки семьи необходимо и целесообразно проведение целерациональной семейной политики, направленной на развитие и совершенствование семейно-родственной само- и взаимопомощи, стимулирование внутренних резервов семьи. Немногие из опрошенных респондентов согласны с тем, что государство заботится о благополучии молодой семьи (обратимся к рис. 4).

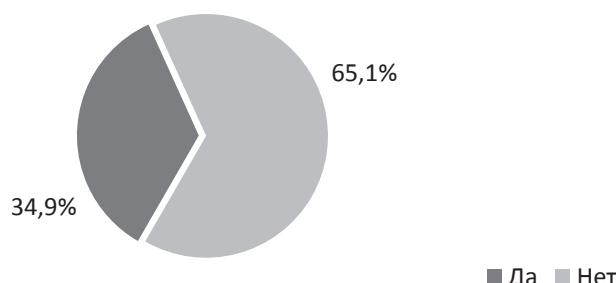
8. Влияние родителей и родственников у мордвы на современную молодую семью на селе носит как положительный, так и отрицательный характер. Положительное влияние семейно-родственной помощи проявляется тогда, когда эта помощь востребована молодой семьей. Однако если родительская семья стремится оказать содействие, вмешивается в жизнь молодоженов против их воли, она воспринимается отрицательно. Обратимся к данным исследования, указанным в табл. 2 и 3.

Можно сказать, что положительного влияния родителей и родственников на укрепление молодой семьи гораздо больше, чем отрицательного. Однако молодым супругам свойственно выделять несколько больше негативных проявлений участия родителей в их жизни, чем это отмечают сами родители. Как правило, это проявляется в стремлении молодых супругов как можно скорее приобрести независимость и самостоятельность от родительской семьи, а это не всегда получается. Родители, в свою очередь, нередко руководствуются принципом: «Я помогаю — а значит, имею право учить» (отметили 35,9% родителей), либо «Я лучше знаю — жизнь прожил» (отметили 65,9% родителей).

Подводя итоги, следует отметить, что субкультура семейно-родственной помощи мордовской молодой семье на селе характеризуется следующими показателями:

1) востребованной для молодой семьи является семейно-родственная помощь, отличающаяся конструктивными характеристиками. Среди них: цели (сохранение молодой семьи); принципы (добровольность, доступность, универсальность); потребности (помогать, опекать, заботиться, любить); результаты (приобретение жилья, рождение детей,

Результаты анкетного опроса молодых семей

Результаты анкетного опроса родителей молодых супружеских пар

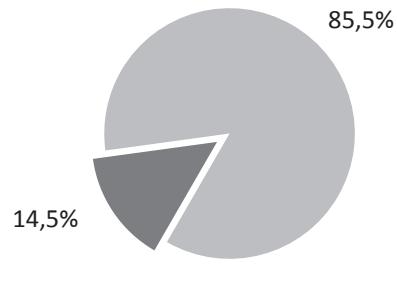

Рис. 4. Распределение мнений респондентов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что государство заботится о благополучии молодой семьи?»

Табл. 2

Положительное влияние родителей и родственников на укрепление молодой семьи, %

Положительное влияние родителей и родственников на укрепление молодой семьи	Мнение родителей молодых супружеских пар, %	Мнение молодой семьи, %
Помогают материально	75,6%	89,9%
Помогают в воспитании детей, присмотре и уходе за ними	83,2%	74,3%
Способствуют сглаживанию конфликтов, поддерживают психологически, морально	82,3%	52,8%
Помогают в ведении хозяйства, в быту	76,7%	65,6%
Поддерживают семейные традиции, передают позитивный жизненный, семейный опыт	82,3%	43,6%

Табл. 3

Отрицательное влияние родителей и родственников на укрепление молодой семьи, %

Негативное влияние родителей и родственников на укрепление молодой семьи	Мнение родителей молодых супружеских пар, %	Мнение молодой семьи, %
Создают дополнительные материальные сложности	13,4%	1,2%
Навязывают свое мнение, мешают самостоятельному принятию решений	2,3%	36,7%
Способствуют возникновению конфликтов, ссор с супругом (супругой)	15,9%	32,4%
Показывают плохой пример семейных взаимоотношений и отношений с родственниками	5,3%	32,4%

преодоление конфликтов); затраты (оптимальные и оправданные);

2) семейно-родственная помощь служит важным средством воспроизведения отношений любви и взаимопонимания, конструктивных семейных ценностей;

3) семейно-родственная помощь не только пассивно подает молодой семье средства к существованию, но и стимулирует молодежь на самопомощь. Современная молодая семья становится более самоуправляющейся; отмечается готовность членов

молодой семьи нести личную ответственность за свое жизнеобеспечение;

4) результативность семейно-родственной помощи для молодой семьи определяется рядом факторов, таких как: доступность субъекта помощи; качество и количество оказываемой помощи; стадия (кризис) жизненного цикла семьи; возникновение потребности в определенных видах помощи; наступление семейных, значимых событий (рождение ребенка, болезнь, потеря работы).

1. Акимова З. И. Аспекты свадебных обрядов мордвы Москвы и Московской области: трансформация в условиях мегаполиса // Финно-угорский мир. 2016. Т. 26, № 1. С. 89–94.
2. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах: монография. СПб.: Питер, 2004. 208 с.
3. Иваненков С. П. Некоторые методологические проблемы исследования молодой семьи // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2008. Т. 10. № 2. С. 54–59.
4. Касаркина Е. Н., Антипова А. А. Традиции и современные тенденции фамилистической культуры мордовской молодой семьи на селе // Финно-угорский мир. 2017. Т. 32, № 3. С. 79–89.
5. Мердок Дж. П. Социальная структура: монография. М.: ОГИ, 2003. 608 с.
6. Jeffrey C., Mcdoweland L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives // Youth & Society. December 2004. Volume 36. pp. 131–142.
7. Shucksmith M. Young people and social exclusion in rural areas // Sociologia ruralis. 2004. Volume 44, 1. pp. 43–59.
8. Simons L., Burt C., Tambling R. Identifying Mediators of the Influence of Family Factors on Risky Sexual Behavior // Journal of Child and Family Studies. May 2013. Volume 22. Issue 4. pp. 460–470.

References

1. Akimova Z. I. Aspekty svadebnykh obryadov mordvy Moskvy i Moskovskoy oblasti: transformaciya v uslovyjakh megapolisa [Aspects of wedding ceremonies of Mordovians Moscow and Moscow region: transformation in a megapolis]. *Finno-ugorskiy mir — Finno-Ugric World*, 2016, 26 (1), pp. 89–94 (in Russian).
2. Giddens E. *Transformatsiia intimnosti: Seksualnost, lyubov i erotizm v sovremennykh obshchestvakh* [The transformation of intimacy: Sexuality, love and eroticism in modern societies]. St. Petersburg: Piter Publ., 2004. 208 p. (In Russian).

3. Ivanenkov S.P. *Nekotorye metodologicheskie problemy issledovaniya molodoy semyi* [Some methodological problems of a research of a young family] *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psichologii i social'noj raboty* — Scientific notes of the St. Petersburg state institute of psychology and social work, 2008, T. 10, (2), pp. 54–59 (In Russian).
4. Kasarkina Ye. N., Antipova A. A. *Traditsii i sovremennoye tendentsii familisticheskoy kultury mordovskoy molodoy seymii na sele* [Traditions and modern trends in the family culture of a Mordovian young family in the countryside]. *Finno-ugorskiy mir — Finno-Ugric World*, 2017, 32 (3), pp. 79–89 (in Russian).
5. Merdok Dzh. P. *Sotsialnaya struktura* [Social structure]. Moscow: OGI Publ., 2003. 608 p. (in Russian).
6. Jeffrey C. and Mcdoweland L. Youth in a Comparative Perspective: Global Change, Local Lives. *Youth & Society*, 2004, (36), pp. 131–142.
7. Shucksmith M. Young people and social exclusion in rural areas. *Sociologia ruralis*. 2004, 44 (1), pp. 43–59.
8. Simons L., Burt C. and Tambling R. Identifying Mediators of the Influence of Family Factors on Risky Sexual Behavior. *Journal of Child and Family Studies*, 2013, 22 (4), pp. 460–470.

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

СЕМЕНКОВ ВАДИМ ЕВГЕНЬЕВИЧ

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
semenkov1959@rambler.ru

VADIM YE. SEMENKOV

*Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Theory and Technology
of Social Work of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

УДК 17

БОЛЕЗНЬ КАК СОМАТИЧЕСКИЙ И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕНЫ

DISEASE AS A SOMATIC AND EXISTENTIAL PHENOMENON

Аннотация. В статье рассматривается болезнь как соматический и экзистенциальный феномен. Автор исходит из того, что опыт болезни — важнейшая составляющая повседневного опыта жизни любого человека. Хроническая болезнь участвует в учреждении совершенно особого «мира», отличного от того, в котором живут обычной жизнью «здоровые» люди, — «мира» с особой логикой, онтологией и этосом. Дихотомия в понимании болезни может быть сформулирована следующим образом: либо мы продолжаем считать болезнь чем-то вроде устранимой (или нет) поломки машины, либо признаем болезнь фундаментальной составляющей субъективного опыта, — и тогда анализ субъективных смыслов обязателен.

Annotation. The article deals with the disease as a somatic and existential phenomenon. The author proceeds from the fact that the experience of the disease is the most important component of the daily experience of any person's life. The author points out that chronic disease participates in the establishment of a very special "world", different from the one in which "healthy" people live a normal life — "world" with special logic, ontology and ethos. The dichotomy in the understanding of the disease can be formulated as follows: either we continue to consider the disease as something like a fixable (or not) machine failure, or we recognize the fundamental component of subjective experience and then the analysis of subjective meanings is mandatory.

Ключевые слова: болезнь как экзистенциальное событие, медикализация жизни, нарратив болезни, астенизация больного.

Keywords: disease as an existential event, medicalization of life, narrative of disease, asthenization of the patient.

Введение

Опыт болезни — важнейшая составляющая повседневного опыта жизни любого человека. Болезнь, особенно тяжелая, хроническая (а именно о таком заболевании пойдет речь дальше), ставит нас перед ситуацией утраты некоторых наших способностей: мы не можем быть такими, как были раньше, и, соответственно, мы должны быть и вести себя по-другому. Эта необходимость быть и вести себя по-другому, понимаемая автором данной статьи как экзистенция, с неизбежностью ставит перед любым заболевшим человеком проблему выбора в своем отношении к этому событию. В рамках формирования своего отношения к болезни индивид конституирует какой-то новый формат повседневности, отличный от формата повседневной жизни «здоровых» людей. Хронический больной, с одной стороны, отчужден своей болезнью от социального мира, и в этом мире он уже

«свой-чужой», а с другой стороны, он, за счет этой экзистенции больного, становится чужим самому себе. Эта чуждость самому себе требует адекватных форм выражения, ибо в рамках академической медицины болезнь рассматривается сугубо как соматический феномен, а экзистенциальный опыт или игнорируется как несущественный в ходелечения больного, или редуцируется до патологии.

Дихотомия в понимании болезни может быть сформулирована следующим образом: либо мы продолжаем считать болезнь чем-то вроде устранимой (или нет) поломки машины, либо признаем болезнь фундаментальной составляющей субъективного опыта — и тогда анализ субъективных смыслов, ею порождаемых, обязателен¹.

¹ Это высказывание принадлежит профессору Владимиру Ивановичу Медведеву. Сделано при обсуждении проблемы болезни на одном из заочных круглых столов.

Болезнь в контексте философской антропологии

Болезнь как внутренний субъективный опыт и как экзистенциальное событие, в ходе которого происходит формирование субъективных смыслов болезни,— вполне достойная тема для философского осмысления.

Конечно, эта тема может быть интересна лишь той философии, которая антропологически ориентирована. Для представителей аналитической и классической философии такая тема заведомо посторонняя. Равно как тема болезни неинтересна для всех, кто ориентирован на сциентистское понимание философии. И это достаточно очевидно: когда философ видит свою задачу в отделении достоверного научного знания от знания лженаучного и ненаучного, в поле его внимания заведомо не попадут вещи, неуловимые для изучения с помощью общезначимых эмпирических методов. Только пристальный учет субъективного опыта в формировании самости человека может сфокусировать исследовательский интерес философа на такой теме, как болезнь.

При этом до банальности очевидно, что болезнь в рамках научного дискурса — тема более чем важная, а в ряде направлений — просто фундаментальная. Но дело в том, что болезнь для позитивной науки — соматический по преимуществу феномен, и изучаться этот феномен должен теми методами, которые дают общезначимое знание. Философская антропология, понимаемая как дисциплина, выходящая за пределы сциентизма, наоборот, именно эти субъективные смыслы и ставит во главу угла, именно их анализирует в рамках того, что можно определить как некое экзистенциальное событие.

Эти субъективные смыслы ускользают от внимания медицины в ее традиционном понимании. Дело в том, что медицина в традиционном понимании является таким знанием о человеке, которое можно назвать принципиально негуманитарным. Медицина, равно как и любая иная научная и негуманитарная дисциплина, стремится к объективности и технологичности. Но объективирующий технологический подход в медицине имеет границы. Эти границы непреодолимы в рамках натуралистической модели знания и требуют иной перспективы видения — гуманитарной перспективы. В этом случае возникают вопросы: кто должен реализовывать эту гуманитарную составляющую медицины? какие для этого должны быть институты? в рамках какой методологии имеет смысл вести изучение этой составляющей медицины?

На последний вопрос ответ представляется очевидным: в рамках феноменологической методологии. Что касается ответов на другие вопросы, то здесь все не так очевидно. Однако стратегически значимой представляется перспектива теоретического обоснования значимости голоса пациента.

Медикализация жизни в современном обществе

Уже отмечено, что в современном обществе повседневная жизнь индивида существенно изменилась ввиду процесса медикализации жизни, когда

человек «начинает смотреть на себя как на пациента, а человеческое тело от рождения и до смерти становится объектом пристального медицинского контроля и регулирования» [4, с. 63]; иными словами, теперь «роль больного» (*sick role*) исполняется на протяжении всей жизни, благодаря чему формируется особый тип человека, «тотально зависимого от медицинского знания» [4, с. 64]. Поэтому если в «старых мирах» взаимодействие со своей болезнью требовало сил, то в «прекрасном новом мире», наступившем вместе с революционными прорывами химико-фармацевтической промышленности, человек превращается в астеническое (от лат. *stenos* — «сила») существо. Он, с одной стороны, уже не должен прилагать усилия к работе над собой («все делает таблетка»), а с другой стороны, нуждается в постоянной медицинской заботе и опеке. Так возникает феномен *медикализации жизни*.

Конечно, «медикализация» жизни и астенизация человека далеко не исчерпывают перечень эффектов «прекрасного нового мира», утраты им гуманистической составляющей в медицине. В частности, одним из эффектов ухода из ситуации болезни самого больного как субъекта взаимодействия является объективация болезни. Болезнь начинает восприниматься как «самостоятельная биологическая сущность», а связанные с ней трансформации самости остаются абсолютно незатребованными ни на уровне практик оказания врачебной помощи, ни в корпусе медицинского знания. «ИндустрIALIZАЦИЯ врачебного дела» закрепляет и усиливает объективацию болезни и способствует обезличиванию медицины, при том обезличиванию не только со стороны пациента, но и со стороны врача.

Подобно тому, как «культура» приходит на место «искусства», «техника» — на место «науки», «управление» — на место «политики», а «сексуальность» подменяет «любовь» (А. Бадью), «медицина» как технология вытесняет «врачевание», а «медик» — «врача»². «Медик» — это «технолог», который представляет собой «фигуру власти над пациентом», тогда как «врач» является «фигурой этики»; он, как верно заметил В. Лехциер, «имеет дело... с индивидуальным больным, целостью его опыта и открыт событию его патоса» [4, с. 231]. Ввиду этого объективация болезни и утрата значимости ее «смыслового измерения» неизбежно «обращаются неэффективностью терапии и необратимой хронизацией патологического процесса» [4, с. 233].

Нюренбергским врачебным кодексом 1947 года был утвержден принцип границы медицинского вмешательства — «информированное согласие» (*informed consent*), — который предполагает трансформацию отношений между медиками и пациентами в субъект-субъектные. Именно в рамках Нюренбергского процесса была осознана неприемлемость позиции медика как субъекта власти. Эта

² Это высказывание принадлежит доктору философских наук Юлии Владимировне Ватолиной. Сделано ею при обсуждении проблемы болезни на одном из круглых столов.

позиция неразрывно связана с объектной позицией пациента. В такой позиции врач всегда может получить «добровольное согласие» пациента, поэтому и сейчас на практике субъект-объектный паттернализм продолжает существовать и в ряде случаев усугубляется до вседозволенности.

Однако такое паттерналистское регулирование «извне» и «сверху» отношений «врач — пациент» вообще не органично для медицины. Как верно заметила Ю. Ватолина, медицина изначально является «терапией» как практикой «заботы», попечения (гр. *terapia* — забота, служение, попечение, лечение), с одной стороны, и восстановлением до целого («целительством») — с другой. С позиции феноменологического понимания болезни и форм отношения к ней, именно об этом «начале» медицина и должна вспомнить сегодня, именно это «начало» (*arkhe*) она, как свою суть, должна нести в себе³.

Что мешает вспоминанию? Можно указать на целый ряд проблем, связанных с глубинным культурно-историческим контекстом.

Дело в том, что сам базовый феномен медикализации — как «процесс патологизации общества, производства повседневного пациентского самосознания», которое предполагает «абсолютную отдачу себя на попечение врача и институциональных структур медицины» [4, с. 196].

Поскольку этот феномен порожден западной цивилизацией, а уже затем становится глобальным, то стоит рассмотреть его культурно-исторический контекст — то есть понять его как феномен современной цивилизации, или, еще точнее, как продукт десекуляризации общества и массового сознания.

Нам надо видеть и осмыслять фундаментальное различие в восприятии самой болезни традиционным религиозным сознанием и современным секуляризованным. Если для традиционного религиозного сознания при всех оговорках психологического плана болезнь всегда есть принципиально позитивный опыт, напоминающий человеку о его собственной вине в этой болезни и предстоящем после смерти ответе перед Богом; то для секуляризованного сознания, опять-таки при всех индивидуальных оговорках, болезнь есть принципиально негативный опыт, ломающий земные человеческие планы. Причем эти желанные планы часто ломаются до такой степени, что эта земная жизнь начинает представляться человеку законченной и бесмысленной вследствие физической неспособности реализовать эти планы. Тем не менее у этих двух разных модусов восприятия болезни есть общий знаменатель: в обоих случаях болезнь переживается как стресс и крушение планов, часто доходящее до полного отчаяния. Только в первом случае этот стресс понимается как опыт позитивный — вразумление; а во втором — как негативный (утрата).

Выше уже было приведено высказывание Ю. Ватолиной о том, что «медицина» как технология вытесняет «врачевание», а «медик» — «врача».

³ Это высказывание также принадлежит Ю. В. Ватолиной в рамках заочного обсуждения проблем болезни.

Это, в свою очередь, поднимает проблему расчеловечивания фигуры пациента, своегоенного современному технологическому и автоматизированному подходу к процессу оказания медицинской помощи. В ходе этого технологического и автоматизированного подхода пациент из субъекта взаимоотношений с врачом превращается в объект медицинской манипуляции, а врач становится в глазах пациента безликой функцией. Современная армянская писательница Марьям Петросян в своем знаменитом романе «Дом, в котором» хорошо формулирует различие человека и пациента: «Пациент не может быть человеком. Это два совершенно разных понятия. Делаясь пациентом, человек утрачивает свое “Я”. Стирается личность, остается животная оболочка, смесь страха и надежды, боли и сна. Человеком там и не пахнет. Человек где-то за пределами пациента дожидается возможного воскрешения. А для духа нет страшнее, чем стать просто телом» [5, с. 156].

Утрата медицинской искусства гуманистического патронажа как интерсубъективного общения с больным имела своим следствием проблематизацию в интерпретации феномена боли и страдания. Эта проблематизация обусловлена тем, что врач через использование медицинского категориально-понятийного аппарата и сведения болезни к соматическому феномену узурпирует феномен боли и заболевания.

Очевидно, что больной индивид нуждается в профессиональном медицинском объяснении того, что с ним происходит. Но все дело в том, что это объяснение не всегда оправдывает его ожидания ввиду того, что для врача болезнь пациента — медицинский факт, требующий объективного изучения и лечения в соответствующих условиях: в пределах стерильного поля больничной палаты. В то время как для больного болезнь — вещь личная и интимная, влияющая на его жизнь именно за пределами этой палаты. Эта разница в перспективе видения ситуации может приводить не просто к недопониманию врачом больного, но в каких-то случаях — к усугублению его состояния.

Один из возможных выходов из этой ситуации разницы взглядов видят в практике *нarrативной терапии*. Практика нарративной терапии — это не только практика разговора врача с больным, но и отношение врача к болезни пациента именно как к его экзистенциальному опыту.

Подобный подход требует от врача выхода за сложившиеся рамки специалиста в определенной (медицинской) технологии, смысл которой состоит в обеспечении лечения и ухода за биологическим механизмом, в широчайшее общегуманитарное искусство исцеления. Пока об этом выходе можно говорить только в рамках пожеланий и рекомендаций. Ввиду этого мы все еще обречены воспринимать палату как специфическое «больничное» пространство, где царствует боль, а не выздоровление и исцеление. Это и заставляет нас говорить о больнице как об обезличенном космосе, превращающем человека в больного и пациента.

Снова надо напомнить, что такая практика регулирования отношений «врач — больной» не была изначальной для медицины как практики «заботы»,

попечения, с одной стороны, и восстановления до целого («целительства») — с другой.

В связи с этим укажем на суждения французского философа Мишеля Фуко (1926–1984) об этической стороне возникновения современной клиники, высказанные в его знаменитой работе «Рождение клиники» 1963 года издания. Фуко рассматривает клинику как ту структуру, которая исключает свободную медицину: «Не стоит удивляться тому, что <в конце XVIII века> тема медицины полностью связывается с клиникой, совершенно вытесняя доминировавшую вплоть до этого времени тему <развития> свободной медицины» [9, с. 99].

Появление в конце XVIII — начале XIX века клиники являлось такой социальной формой организации массовой медицинской помощи, при которой богатые, оплачивая помощь бедным, извлекали из этой помощи и собственное благо. В том числе и за счет жесткой связи клинической практики и исследовательских процедур на малоимущих больных. Поэтому неудивительно, что уже «в начале XIX века врач превращается в должностное лицо, которому местная власть поручает уже не только жизни людей, но и, например, моральную и квазиправовую ответственность за распределение помощи между нуждающимися. Эти черты медицины-здравоохранения остаются определяющими на протяжении всего XX века и во многом сохраняются до сих пор. Именно отсюда берут начало всем известные меры наподобие медицинских карт или профилактических прививок, сопровождающие человека от рождения до смерти и направленные, по сути, на его интеграцию в общество... Непривитый или «недопривитый» ребенок в глазах различных (не только медицинских) инстанций воспринимается как потенциальная угроза, а его родители — как «неразумные» люди, если не своего рода правонарушители» [7].

Тот же Мишель Фуко показал, что изначальная коннотация лазарета как гостеприимного, очистительного места, дающего нам надежду на воскрешение, возвращение к жизни, не сочетается со стерильностью и условностью койки, капельницы и аппаратов жизнеобеспечения в современных госпиталях и клиниках. Такая расчеловеченная стерильность (не в антисептическом, а в антропологическом смысле слова) позволяет назвать пространство палаты «койко-местом», в котором постепенно теряется и тает человек. В этом контексте нетрудно понять укоренившееся в сознании большинства из нас восприятие больницы «как места, где люди умирают» [9, с. 156].

В современных клиниках боль и болезнь выступают прежде всего в качестве соматического феномена, и крайне редко — как нечто факультативное, в качестве события и переживания. И здесь пренебрежение мнением пациента, не относящимся к клинической картине, может привести к усугублению состояния пациента.

Гуманистическая перспектива восприятия болезни как экзистенциального феномена видится в налаживании искусства коммуникации, чья задача — достижение взаимопонимания между врачом и пациентом как важнейшего условия исцеления.

О принципиальной порочности сложившейся в рамках клиники коммуникации «врач — пациент» уже писали, и не раз. Так, например, Жиль Делёз говорит о достоинствах и недостатках патерналистской модели коммуникации (родительско-детских отношений между врачом и пациентом), в рамках которых врач, становясь для пациента отражением себя исцеленного, с точки зрения пациента обязан брать на себя ответственность за всю его жизнь. Мишель Фуко и Дитмар Кампер говорят о том, что врач и пациент находятся в отношениях «надзиратель — заключенный», где врач оттачивает на пациенте свои техники. В продолжение традиции такого разговора необходимо сказать о том, что боль и болезнь имеют для врача и пациента различную природу. Если для врача это симптоматика и клиника, то для больного болезнь — экзистенциальное событие.

Кризис коммуникации в условиях клиники как места заключения больного, подробно описанный Мишельем Фуко, сводится уже к «глухоте» врача, являющегося для беззащитного пациента «субъектом власти», в глазах которого пациент — не личность, а просто поле битвы с болезнью.

Вынося за скобки неклиническую историю боли (боль как нарратив), врач не в состоянии воспринять пациента как человека, а воспринимает его как случай, объект. Пациент же, лишенный возможности ответственного и не случайного для врача формирования нарратива о своем заболевании, видит во враче лишь функцию. Так в условиях патерналистского подхода возникает кризис взаимопонимания. В ситуации такой квазикоммуникации врач, замещающий фигуру родителя, становится заложником поведения пациента, перелагающего всю ответственность за свое существование на врача, ставшего для пациента родительской функцией. При этом такая ситуация ущербна и для врача, поскольку при такой коммуникации пациент не только не слышит требований и рекомендаций врача, но и властно вовлекает его в любую сферу своей жизни, требуя от него решения любой проблемы в терминах «универсального рецепта».

Особую роль в таком виде кризиса играет автоматизация и механизация, стандартизация процесса лечения, сводящая личное общение врача и больного к минимуму и превращающая боль из события и переживания человека в симптом его заболевания или рефлекторную реакцию. Такой процесс обезличивания пациента и его боли В. Лехциер называет *медицификацией* [4, с. 289]. Разумеется, медицификация защищает врача от излишнего вчувствования в боль пациента, чтобы сохранить здоровье и хладнокровие, необходимые ему как профессиональному. Но полная отстраненность от личности пациента все-таки низводит врача до уровня биомеханика, способного лечить, но не исцелять.

Нарративный поворот в антропологии медицины

Ввиду вышеизложенного более чем ожидаемо введение в антропологию медицины методологического инструментария, связанного «нарративным поворотом» в гуманитарных науках. Этот поворот

обусловлен необходимостью проговаривания пациентом боли и обсуждения врачом совместно с пациентом процесса лечения. Причем это обсуждение должно вестись в терминах пациента и на его языке, что, в свою очередь, требует от врача знаний и умений, выходящих за пределы его практик. Пока до выхода на такую перспективу еще далеко и в реальности чаще всего врач и пациент все еще остаются друг для друга закрытым космосом. Но именно этот поворот будет способствовать преодолению взгляда на болезнь как на сугубо соматический феномен.

Исследование нарративов болезни показывает, как выстраивается особый внутренний опыт пациента, существенно влияющий на ее протекание. Поэтому «врачи начинают видеть в пациентских нарративах... окно в мир действительных страданий, а также способ доступа к индивидуальным конstellациям патологических симптомов и к их причинам» [4, с. 120]. «Отсюда,— отмечает В. Лехциер,— желание пациента вернуть себе нарративную субъектность, а с ней и ответственность за самого себя,— желание, которое некоторые... связывают уже с эпохой постмодерновой медицины» [3, с. 121].

Что это означает с культурно-исторической точки зрения?

Если оставить в стороне чисто прагматический аспект диагностики индивидуальных особенностей патологических симптомов, который в первую очередь и рассматривается в качестве рационального обоснования лечения, а обратиться к аспекту онтологическому, то в этом феномене нельзя не увидеть определенное возвращение к медицине традиционных цивилизаций, в которых одним из главных средств исцеления было исцеление словом.

И этим словом был не только заговор захаря или церковный молебен за здоровье, но и собственный внутренний голос больного. Эмпирически известен феномен, когда больному сразу становится легче еще до всякого лечения, а просто от разговора «по душам» с опытным врачом. Опытные врачи также весьма часто расспрашивают пациента о планах на будущее, зная, что тот, кто их не имеет, кому «некуда жить» (А. Платонов), как правило, обречен на болезнь и смерть,— шансы на выздоровление у таких людей намного ниже. Все это просто опыт, который используется современными врачами повседневно. Тем самым эмпирически очевидно, что «внутренний нарратив» пациента, т. е. его настрой на жизнь и выздоровление или на болезнь и смерть, является одним из ключевых факторов протекания болезни. Поэтому предложенный нарративный

подход в рамках антропологии медицины представляется очень актуальным и важным.

Не будет лишним еще раз уточнить следующий момент. Да, в современном медикализованном обществе человек отдает себя на попечение врача и институциональных структур медицины — примерно так, как в средние века он абсолютно вверял заботу о себе институту Церкви. Ввиду этого не может не возникнуть вопроса об уместности использования принципов доклинической медицины с ее персонификацией отношений лекаря и больного. Автору данной статьи представляется очевидным, что использование в медицине нарративных методов позволит в какой-то степени реактивировать принципы медицины традиционных «миров», вернув пациенту «нарративную субъектность» и «ответственность за самого себя». Но при этом надо сделать оговорку: «нарративная субъектность» и «ответственность за самого себя», вообще-то, никогда не исчезали полностью. Более того, они в некотором отношении даже поощрялись и медициной модерна, основанной на секулярной науке. Иное дело, что в модерне это — другая нарративность и другая «ответственность за самого себя».

В медицине модерна пациент выступает в роли помощника врача. Пациент в рамках такой медицины должен, во-первых, точно описать свои ощущения, а во-вторых, строго следовать его указаниям, чтобы излечиться или избежать заболевания. И здесь пациенты действительно подпадают под внушающее воздействие языковых и ментальных стереотипов врачей. Например, пациент должен только, но при этом тщательно описывать симптомы и ощущения, но ни в коем случае не называть свой диагноз.

Нарратив, о котором говорилось выше, совсем иного рода — это внутренний самостоятельный нарратив пациента, в котором он вырабатывает свое отношение к болезни. Этот нарратив имеет и этические, и религиозные, и сциентистские компоненты — это внутреннее усилие, концентрирующее всю личность. В данном смысле такой нарратив действительно является некоторым возвращением к тому переживанию болезни, которое было в традиционных обществах.

Собственно, это один из вариантов постмодерна — он состоит не в радикализации принципов модерна, а наоборот, в новом синтезе с теми элементами традиционной культуры, которые были репрессированы модерном, но сейчас оказались вновь востребованными, поскольку реально заменить их нечем.

1. Делёз Ж. Критика и клиника / пер. с фр. О. Волчек и С. Фокина. СПб., 2002. 240 с.
2. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль [сборник статей: пер. с нем.] / сост., вступ. ст. В. Савчука. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2010. 173 с.
3. Ларше Ж.-К. Болезнь в свете православного вероучения / пер. с фр. С. Кузнецовой. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2016. 176 с.
4. Лехциер В. Л. Болезнь: опыт, нарратив, надежда. Очерк социальных и гуманитарных исследований медицины. Вильнюс: Logvino literatures namai, 2018. 312 с. (Conditio humana).
5. Петросян М. С. Дом, в котором... М.: Гаятри / Livebook, 2009. 960 с.
6. Силуянова И. В. Антропология болезни. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. 304 с.

7. Страф И. Медицина между взглядом и дискурсом: диагноз Мишеля Фуко // Отечественные записки. 2006 №1. С. 32–43.
8. Хайдарова Г.Р. Феномен боли в культуре. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной акад., 2013. 317 с.
9. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А.И. Тхостова. 2-е изд. М.: Академический проект, 2014. 263 с.
10. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее / пер с англ. М.Б. Левина. М.: ACT: ACT МОСКВА, 2008. 349 с.

References

1. Deleuze G. *Kritika i klinika* [Criticism and Clinic]. St. Petersburg, 2002. 240 p. (In Russian).
2. Kamper D. *Telo. Nasiliye. Bol.* [Body. Violence. Pain]. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2010. 173 p. (In Russian).
3. Larcher J.-Cl. *Bolezni v svete pravoslavnogo veroucheniya* [Disease in the light of the Orthodox theology]. Moscow: Sretensky Monastery Publ., 2016. 176 p. (In Russian).
4. Lekhtsiyer V.L. *Bolezni: opyt, narrative, nadezhda. Ocherk sotsialnykh i gumanitarnykh issledovaniy meditsiny* [Disease: experience, narrative, hope. Essay on social and humanitarian studies of medicine]. Vilnius: Logvino Literatures namai Publ., 2018. 312 p. (In Russian).
5. Petrosyan M.S. *Dom, v kotorom...* [House in which...]. Moscow: Gayatry, Livebook Publ., 2009. 960 p. (In Russian).
6. Siluyanova I.V. *Antropologiya bolezni* [Anthropology of disease]. Moscow: Sretensky Monastery Publ., 2007. 304 p. (In Russian).
7. Staf I. *Meditina mezhdju vzglyadom i diskursom: diagnoz Mishelya Fuko* [Medicine between view and discourse: diagnosis of Michel Foucault]. *Otechestvennyye zapiski — Native Notes*, 2006, (1), pp. 32–43 (in Russian).
8. Khaidarova G.R. *Fenomen boli v culture* [Phenomenon of pain in culture]. St. Petersburg: Russian Christian Gumanitarian Academy Publ., 2013. 317 p. (In Russian).
9. Fuko M. *Rozhdeniye kliniki* [Birth of clinic]. Moscow: Akademicheskiy proekt Publ., 2014. 263 p. (In Russian).
10. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoye budushchcheye* [Our posthuman future]. Moscow: AST Publ., 2008. 349 p. (In Russian).

СЕМЕНО АНАСТАСИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и технологии социальной работы
Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы,
aasemeno@yandex.ru

ANASTASIYA A.SEMENO

*Cand.Sc. (Pedagogy), Associate Professor at the Department of Theory and Technology of Social Work
of St.Petersburg State Institute of Psychology and Social Work*

КОЛОСОВА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА

заместитель директора Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения
социального обслуживания населения «Комплексный центр социального обслуживания населения
Центрального района Санкт-Петербурга»,
kcson_cr_spb@mail.ru

MARINA A. KOLOSOVA

*Deputy Director of St.Petersburg State Budgetary Institution of Social Service «Complex Centre of Social
Service for Population of the Central District of St. Petersburg»*

ВАХОВСКАЯ КСЕНИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат социологических наук, заведующая организационно-методическим отделением
Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания
населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов
Невского района Санкт-Петербурга»,
csridinev@yandex.ru

KSENIYA A. VAKHOVSKAYA

*Cand.Sc. (Sociology), Head of the Organizational and Methodological Department of St.Petersburg State
Budgetary Institution of Social services «The Centre of Social Rehabilitation of Disabled People and
Children with Disabilities of the Nevsky District of St.Petersburg»*

МИРОНОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА

заведующая отделением профессиональной реабилитации инвалидов трудоспособного возраста
и профессиональной ориентации детей-инвалидов Санкт-Петербургского государственного
бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации
инвалидов и детей-инвалидов Невского района Санкт-Петербурга»,
csridinev@yandex.ru

YEKATERINA V. MIRONOVA

*Head of the Department of Professional Rehabilitation of Disabled People of Working Age and Vocational
Guidance for Disabled Children of St.Petersburg State Budgetary Institution of Social Services
«The Centre of Social Rehabilitation of Disabled People and Disabled Children
of the Nevsky District of St.Petersburg»*

УДК 65.272

**ОБЗОР ОПЫТНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИННОВАЦИОННЫХ ПЛОЩАДОК УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

**REVIEW OF EXPERIMENTAL ACTIVITIES OF INNOVATIVE PLATFORMS
OF SOCIAL SERVICE INSTITUTIONS SAINT PETERSBURG**

Аннотация. Для системы социальной защиты населения наступило время эксперимента, неразрывно связанное с модернизацией, основными итогами которого сегодня являются: разностороннее развитие социальных учреждений, обеспечение вариативности социальных услуг; стимулирование инновационной деятельности специалистов социальной сферы. Работа социальных учреждений в экспериментальном режиме обуславливает систематическое совершенствование содержания и методов предоставления социальных услуг, повышение квалификации специалистов социального профиля. С позиции данного подхода в статье представлены результаты деятельности опытно-экспериментальных площадок учреждений социального обслуживания населения Санкт-Петербурга. Даётся анализ опыта инновационной деятельности в работе с инвалидами и детьми-инвалидами, осуществляемыми совместной деятельностью с Санкт-Петербургским государственным институтом психологии и социальной работы. Для решения проблем различных категорий населения от специалистов социальной сферы требуется постоянный поиск новых, более качественных способов социального обслуживания, освоение социальных технологий и программ, внедрение их в практику социальной работы. Именно данная работа и освещена в статье.

ABSTRACT. The system of social protection of the population is inseparably linked with modernization, the main results of which today are: the versatile development of social institutions, ensuring the variability of social services; stimulation of innovative activities of specialists in the social sphere. The work of social institutions in the experimental mode leads to the systematic improvement of the content and methods of providing social services, professional improvement of social specialists. From the position of this approach, the article presents the results of the experimental sites of social service institutions of St. Petersburg. The article analyzes the experience of innovative activities in the work with disabled people and children with disabilities through joint activities with St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. In order to solve the problems of different categories of the population, specialists of the social sphere are required to constantly search for new, better ways of social service, the development of social technologies and programs, their introduction into the practice of social work. This work is covered in the article.

Ключевые слова: опытно-экспериментальная площадка; инновационная (экспериментальная) деятельность; апробация; инновация; внедрение инновационных технологий.

Keywords: experimental platform; innovative (experimental-activity); approbation; innovation; introduction of innovative technologies.

В связи с реформированием системы социальной защиты населения страны принятием Закона № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», введением профессиональных стандартов, сменой заявительного принципа социального обслуживания на выявительный к работникам социальной службы предъявляются достаточно высокие требования. Вице-премьер О.Ю. Голодец в интервью ОАО «Газета «Известия»» так комментирует сложившуюся ситуацию «...Сейчас в России разработаны и учреждены стандарты по специальностям “психолог в социальной сфере”, “педагог-психолог”, “специалист по работе с семьей”, “специалист по реабилитационной работе в социальной сфере”, “социальный работник”, “специалист по социальной работе”, “руководитель организации социального обслуживания”, “специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних”, “специалист по медико-социальной экспертизе”. Следующий этап — разработка федеральных государственных образовательных стандартов, затем — программы высшего образования, и через несколько лет вузы уже будут массово выпускать таких специалистов. Сегодня пришло время говорить о формировании национальной системы подготовки и переподготовки кадров социальной сферы».

Наряду с этим согласно профессиональным стандартам работники учреждений социального

обслуживания должны постоянно развиваться, обладать умением обобщать и представлять свой опыт, в том числе и в СМИ, разрабатывать и внедрять инновационные технологии обслуживания, отвечающие запросам времени, владеть навыками самоорганизации и самообучения. Достижение таких результатов невозможно без правильной организации работы с кадровым составом в учреждении, в том числе и методической работы. Именно она позволяет аккумулировать, обобщать, распространять передовой опыт; обеспечивает непрерывное развитие профессионального мастерства специалистов и их инновационную деятельность.

Опытно-экспериментальная работа является обязательным элементом управления развитием образовательного учреждения, обеспечивающим исследовательский характер работы педагогического коллектива по повышению качества образовательной деятельности в процессе внедрения образовательного новшества.

Для решения таких вопросов в 2017 году по распоряжению председателя Комитета по социальной политике г. Санкт-Петербурга А. Н. Ржаненкова Институтом стала осуществляться научно-экспериментальная работа с заключением соглашений о совместной деятельности по реализации экспериментального (инновационного проекта) с социальными учреждениями города.

В число экспериментальных площадок вошли следующие государственные учреждения г. Санкт-Петербурга:

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Центр содействия семейному воспитанию № 8»»;

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Центр социальной помощи семье и детям Калининского района Санкт-Петербурга»;

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Калининского района Санкт-Петербурга»;

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Невского района Санкт-Петербурга»;

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Комплексный центр социального обслуживания населения Центрального района Санкт-Петербурга»;

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Комплексный центр социального обслуживания населения Красносельского района Санкт-Петербурга»;

- Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Приморского района Санкт-Петербурга».

Основными задачами экспериментальной (инновационной) деятельности являются:

1. Научный анализ сложившейся практики социальной работы.

2. Проектирование нового содержания и складывание принципиально новой практики социальной работы, адекватных им способов управления.

3. Апробация и научно-методическое обеспечение внедрения новых социальных технологий в массовую практику, в том числе консультирование учреждений.

4. Повышение квалификации работников социальных служб по направлениям экспериментальной деятельности.

Экспериментальная деятельность на базе учреждений социального обслуживания, имеющих статус «экспериментальной (инновационной) площадки» (далее — ЭИП), осуществляется с целью внедрения инновационных направлений, технологий, методов в процесс оказания социальных услуг населению.

Общее научное руководство и координацию ЭИП осуществляет СПб ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы».

В настоящее время ЭИП развивают следующие актуальные направления: комплексное сопровождение детей, находящихся в ТЖС и СОП, и их семей по месту жительства; социальная

реабилитация (абилитация) молодых инвалидов с нарушениями интеллекта в условиях учреждения социального обслуживания; комплексная реабилитация инвалидов трудоспособного возраста; комплексное социальное сопровождение инвалидов по месту жительства.

Все темы и программы ИЭП проходят процесс согласования с Комитетом по социальной политике, вся опытно-экспериментальная работа на базе учреждений социального обслуживания ведется в соответствии с утвержденными планами.

Далее представим опыт работы ИЭП с инвалидами и лицами пожилого возраста и детьми-инвалидами на базе СПб ГБУ СОН «Комплексный центр социального обслуживания населения Центрального района Санкт-Петербурга» и СПб ГБУ СОН «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Невского района Санкт-Петербурга».

1. Изучение опыта здоровьесбережения инвалидов и лиц пожилого возраста по месту их жительства для разработки эффективной модели медико-социальной реабилитации инвалидов и лиц пожилого возраста с различными уровнями сохранности здоровья на примере ИЭП СПб ГБУ СОН «Комплексный центр социального обслуживания населения Центрального района Санкт-Петербурга».

На базе Центра осуществляется разработка модели отделения социально-медицинского ухода на дому для граждан пожилого возраста и инвалидов (далее — ОСМУ) как новой формы обслуживания на дому. Указанная модель является стационарозамещающей. Всесторонний подход к удовлетворению всех базовых потребностей клиента при обслуживании в инновационных отделениях ОСМУ на базе государственных бюджетных учреждений социального обслуживания для медико-социальной реабилитации инвалидов и лиц пожилого возраста с различными уровнями сохранности здоровья позволяет снизить количество нуждающихся в повторном стационарном размещении пожилых людей и инвалидов, что приводит к улучшению качества жизни в комфортных для них условиях.

С учетом региональных особенностей демографической ситуации в Санкт-Петербурге и с опорой на концепцию демографического развития (Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»), приоритетным направлением работы социальных служб становится расширение спектра медико-социальных услуг и помощи, оказываемой нуждающимся государственными социальными службами. В «Плане мероприятий («дорожной карте») по созданию системы комплексной медико-социальной помощи гражданам пожилого возраста в Санкт-Петербурге на 2019–2021 годы», утвержденной распоряжением Правительства Санкт-Петербурга от 28.08.2018 № 38-рп, особое внимание уделено созданию системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, включающей сбалансированное социальное обслуживание и медицинскую помощь на дому, развитие стационарозамещающих технологий социального обслуживания.

Учитывая изложенное, а также накопленный опыт и потенциал специалистов Центра, в начале 2018 года было принято решение о создании отделения социально-медицинского ухода на дому для граждан пожилого возраста и инвалидов. Целью разработки модели отделения является всесторонний подход удовлетворения всех базовых потребностей клиента при обслуживании в создаваемых отделениях по социально-медицинскому уходу на дому на базе государственных бюджетных учреждений социального обслуживания для медико-социальной реабилитации инвалидов и лиц пожилого возраста с различными уровнями сохранности здоровья, позволяющих снизить количество нуждающихся в повторном стационарном размещении пожилых людей и инвалидов, что приведет к улучшению качества жизни в комфортных для них условиях.

Предлагаемая модель социального обслуживания является стационарнозамещающей и при ее внедрении позволит гражданам пожилого возраста и инвалидам, нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе, получать необходимые социальные услуги в привычной домашней обстановке, а также улучшить морально-психологическое состояние клиентов за счет проведения индивидуальной работы по совершенствованию межличностной коммуникации граждан и сотрудников, предоставляющих социальные услуги.

В рамках поэтапной реализации экспериментального проекта в мае 2018 года было проведено исследование для разработки эффективной модели медико-социальной реабилитации инвалидов и лиц пожилого возраста с различными уровнями сохранности здоровья. По итогам данного исследования проведен анализ потребностей пожилых граждан.

В обследовании приняли участие 47 человек, из них 39 женщин и 8 мужчин. Среди них пенсионеров по инвалидности — 39 человек, пенсионеров по возрасту — 8 человек. Подгруппы мужчин и женщин, пенсионеров по возрасту и пенсионеров по инвалидности сравнивались с помощью непараметрического критерия Манна—Уитни для оценки различий между ними. Оказалось, что существенных статистически значимых различий между этими подгруппами респондентов не выявилось. Поэтому дальнейший анализ результатов был произведен по общей выборке пенсионеров.

Ответы респондентов анализировались по 51 признаку. Почти по всем признакам коэффициент вариации, свидетельствующий об изменчивости результатов в выборке, не превышает 50%. Это означает, что обследованная выборка пенсионеров достаточно однородна. Исключение составил признак «Оценка субъективного состояния удовлетворенностью жизнью в целом» (коэффициент вариации 64%).

Средний возраст респондентов — 75 лет 3 месяца, минимальный возраст — 40 лет, максимальный — 102 года; при этом модальное значение возраста (встречается чаще других) — 80 лет.

Обобщая результаты обследования, можно констатировать высокий уровень психосоциального напряжения респондентов. Ощущения страха, опасности и уязвимости очень негативно влияют

на качество жизни пожилых граждан. При этом их страхи и тревожность вызваны как наличием конкретных фактов и событий объективно опасной реальности, так и личными потерями и переживаниями. Для снижения уровня тревожности необходимы психологическая и социально-культурная работа с пожилыми людьми.

Открытие отделений как стационарнозамещающих позволит гражданам пожилого возраста и инвалидам, нуждающимся по состоянию здоровья в постоянном уходе, получать необходимые социальные услуги в привычной домашней обстановке, а также снизить расходы государства на содержание данной категории граждан в стационарах, в том числе при повторном обращении. В целях взаимодействия оказания социальной и медицинской помощи гражданам пожилого возраста планируется усиление межведомственного взаимодействия с учреждениями здравоохранения, в том числе гериатрическими отделениями (кабинетами), входящими в структуру гериатрической службы Санкт-Петербурга.

Коренное отличие от всех ныне существующих форм предоставления услуг на дому — обеспечение всестороннего удовлетворения потребностей подопечных приведет к улучшению качества жизни в комфортных привычных для них условиях. В связи с большой востребованностью услуг по социально-медицинскому уходу на дому считаем целесообразным открытие в Центре специализированного отделения социально-медицинского ухода на дому для граждан пожилого возраста и инвалидов, которое, в отличие от существующих отделений по обслуживанию на дому, обеспечит всесторонний подход удовлетворения всех базовых потребностей клиента: социально-бытовых, социально-медицинских, реабилитационных, педагогических, психологических, правовых, социально-досуговых и коммуникативных.

На экспериментальном отделении количество посещений клиента на дому может быть 1 или 2 раза в день. Для удобства учета времени посещения рабочий день специалиста по уходу, составляющий 12 часов, разбит на 5 временных интервалов времени по 2 часа, что равно 10 часам, и остаток 2 часа на дорогу от клиента к клиенту и обеденный перерыв специалиста. При посещении клиента 1 раз в день считаем, что он обслуживается по модулю № 1 = 2 часа. При посещении клиента 2 раза в день считаем, что он обслуживается по модулю № 2 = 4 часа в день. Таким образом, на 1 специалиста по уходу может быть от 3 до 5 подопечных, обслуживаемых в день. Социальный уход на дому в рамках модели осуществляется на основании карты оценки способности клиента к самообслуживанию и индивидуальной программы социального обслуживания клиента в соответствии с перечнем социальных услуг.

На этапе апробации модели отделения ОСМУ была сформирована группа клиентов из 22 человек, выразивших желание принять участие в эксперименте, и определен штат специалистов — как работающих на отделении, так и привлекаемых специалистов иных отделений Центра.

Отличительной чертой проекта нового отделения является увеличение коммуникативной и реабилитационной составляющей социального обслуживания. Исследование, проведенное специалистами Центра и Института, показало, что среди получателей услуг инновационного отделения значительная доля граждан желает получать на дому услуги специалистов реабилитационного отделения (использование тренажера ТИСА, индивидуальные занятия адаптивной физкультурой с учетом состояния здоровья и способности к передвижению, упражнения с массажными мячами и т.д.). Также интерес граждан был проявлен к освоению информационно-коммуникационных технологий и к занятиям с психологом на дому. Количество привлекаемых специалистов отделения реабилитации, психологов, юристов и специалистов по обучению компьютерной грамотности может варьироваться в зависимости от количества желающих получать услуги данного специалиста.

Уже по итогам работы отделения мы сделали вывод о необходимости в отделении двух ставок социальных работников для предоставления услуг по выписке рецептов на лекарства, получения и оформления ТСР, сопровождения в учреждения здравоохранения, оформления документов и оказания помощи в защите прав и законных интересов получателя социальных услуг и др. Нагрузка на данных социальных работников будет распределена в соответствии с целевым показателем «Дорожной карты».

В сентябре 2019 года проведено обучение специалистов по уходу, которые непосредственно оказывают услуги подопечным, в части повышения квалификации. Кроме того, специалисты прошли курс обучения по программе Российского Красного Креста «Первая помощь» и «Основы ухода на дому».

Стоит отметить положительную динамику получателей услуг даже за такой короткий период в части физической, эмоциональной и коммуникативной активности. Получатели социальных услуг ждут прихода специалистов, готовятся, в том числе совершая гигиенические процедуры, своевременно делают стрижку, подбирают одежду. Родные и близкие отмечают улучшение настроения, снижение количества жалоб на жизнь и здоровье. Ряд клиентов делают попытки двигаться в пределах комнаты и квартиры.

Анализируя полученный опыт внедрения инновационной стационарнозамещающей технологии, можно сделать вывод, что результат деятельности ОСМУ свидетельствует о том, что данный тип отделений позволяет добиться более полного удовлетворения нуждаемости граждан путем предоставления наиболее широкого спектра услуг и, как следствие, повышения качества их жизни.

2. Социально-трудовая реабилитация инвалидов и лиц с ОВЗ (на примере работы Санкт-Петербургского государственного бюджетного учреждения социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Невского района Санкт-Петербурга»).

Масштабная работа по социально-профессиональной реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья проводится в Санкт-Петербургском государственном бюджетном учреждении социального обслуживания населения «Центр социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов Невского района Санкт-Петербурга» (далее — СПб ГБУСОН «ЦСРИД Невского района») на отделении профессиональной реабилитации инвалидов трудоспособного возраста.

Она представлена следующими этапами:

- выявление потребностей в обучении и трудоустройстве;
- знакомство клиентов с профессиями, специальностями, вакансиями;
- информирование клиентов об особенностях поиска работы на современном рынке труда;
- специалистами экспресс-биржи организуются и проводятся семинары и индивидуальные консультации;
- ярмарка вакансий и учебных мест;
- сотрудничество с Агентством занятости Невского района.

В ходе проводимой экспериментальной (инновационной) работы были проведены следующие мероприятия:

1. Анализ базы получателей социальных услуг и выявление лиц, нуждающихся в трудоустройстве.
2. Обучение специалистов для дальнейшей работы и социального сопровождения инвалидов трудоспособного возраста в процессе трудовой деятельности.
3. Исследование возможностей определенных групп инвалидов в трудовой деятельности.
4. Формирование экспериментальных производственных коллективов из групп инвалидов трудоспособного возраста посредством выявления сильных профессиональных сторон и их психологической совместимости.
5. Распределение производственных обязанностей и ответственности в коллективе.
6. Анализ возможностей производственного коллектива к производственному труду.
7. Выявление степени влияния создания производственного коллектива на длительную интеграцию инвалидов в трудовые отношения и продуктивность деятельности коллектива в целом.
8. На основании исследования составление рекомендаций по оптимальному социальному сопровождению инвалидов трудоспособного возраста.

При формировании трудового (производственного) коллектива учитывались физические возможности каждого члена коллектива. Коллектив состоит преимущественно из инвалидов, каждый из которых выполняет посильную работу. Продукты труда должны иметь экономическую целесообразность, рыночную востребованность. Виды трудовой деятельности не сложные, доступны для выполнения инвалидами. Трудовые процессы необходимо структурировать по технологическим картам с глубоким разделением на отдельные операции. Социальное сопровождение осуществляют специалисты учреждений социального обслуживания, они

оказывают помочь при формировании трудового коллектива, в укреплении физического, психоэмоционального состояния инвалидов, консультативную и правовую поддержку инвалидам в процессе трудовой деятельности

Участниками процесса стали:

1. Инвалиды, нуждающиеся в трудоустройстве.
2. Работодатели: коммерческие и некоммерческие организации — Общественные организации инвалидов, благотворительные фонды.
3. Государственные организации социального обслуживания, занятости населения и др.

Инновация процесса заключается в следующих аспектах:

1. Труд выбирается с учетом возможностей инвалидов, а не инвалиды вовлекаются в уже имеющиеся трудовые отношения здоровых людей.

2. Формируется небольшой независимый производственный коллектив, способный осуществлять длительную стабильную трудовую деятельность своими средствами и силами.

3. Процесс формирования коллектива четко регламентирован и позволяет формировать коллективы в большом количестве, обеспечивая вовлечение в трудовую деятельность большого числа инвалидов.

4. Участие государственных учреждений, общественных организаций обеспечивает помочь и защиту при проведении трудовой деятельности.

5. Вовлечение инвалидов в полноценные длительные производственно-трудовые отношения. Обеспечение им равных возможностей. Повышение уровня жизни инвалидов и самореализации, что, в свою очередь, позволит снять часть нагрузки с государства.

Апробация проводилась для нескольких групп инвалидов, сформированных с учетом их физических возможностей, имеющихся трудовых навыков и психологической совместимости, по 6–7 человек, готовых включиться в трудовую деятельность.

Всего в проекте приняли участие 109 инвалидов трудоспособного возраста, имеющих нарушения в ментальной и двигательной сферах. В ИПР участников-инвалидов сделана запись о том, что «получатель социальных услуг может быть трудоспособен только в специально созданных условиях и со значительной помощью третьих лиц». Предложение о трудоустройстве на базе Центра поступило именно этой категории инвалидов, поскольку, с одной стороны, введение инновационных методик трудовой деятельности способствует процессу трудоустройства и реализации права инвалида на труд в случае отказа работодателя. С другой стороны, Центр, как инновационная площадка, расширил поле своей деятельности в области социально-трудовой реабилитации, привлек к себе новых клиентов и помог в становлении экономической независимости людям, от которых «отказывались» все прочие социальные структуры и учреждения, задействованные в процессе трудоустройства инвалидов.

В СПб ГБУСОН «ЦСРИДИ Невского района» инновационная работа по социальному сопровождению при трудоустройстве и обучении

в настоящее время продолжается и курируется специалистами отделения профессиональной реабилитации и профессиональной ориентации (специалисты по социальной работе, консультант по профессиональной реабилитации, психолог), которые курируют людей с ограниченными возможностями. В их работу входит:

1. Поиск работодателя и конкретного продукта деятельности, который имеет востребованность на рынке товаров.

2. Определение видов деятельности, необходимых для создания продукта.

3. Проведение мероприятий, направленных на повышение мотивации инвалида к трудовой деятельности.

4. Диагностика личностных особенностей и профессиональных навыков инвалидов с целью формирования коллективов с учетом их психологической совместимости.

5. Формирование трудового коллектива.

6. Социальное сопровождение при адаптации в трудовом коллективе.

7. Обучение профессиональным навыкам и организация стажировки.

8. Трудоустройство коллектива к работодателю.

9. Социальное сопровождение трудоустроенных инвалидов (коллектива) в течение первого полугода занятости с посещением места их трудоустройства.

Работы предусматривают непрерывное адресное сопровождение инвалидов: с момента поступившего запроса на содействие в трудоустройстве, обучения его во вновь созданном трудовом (производственном) коллективе до момента трудоустройства коллектива в организацию работодателя и адаптации на рабочем месте в течение шести месяцев.

Деятельность опытно-экспериментальных площадок — значимый инструмент в повышении профессионального уровня кадров учреждений системы социальной защиты населения города Санкт-Петербурга. На базах опытно-экспериментальных площадок осуществляется непрерывный интенсивный обмен новыми идеями, знаниями, научно-методическими разработками (методиками, проектами, технологиями социальной работы), трансляция инновационного опыта работы специалистов учреждений социального обслуживания города Санкт-Петербурга.

Проведя анализ опыта экспериментальных площадок мы можем заключить, что анализ деятельности ИЭП выявляет не только достижения, но и проблемы. ИЭП все еще слабо мультилицируют свой опыт в социальных сетях, на сайтах организаций ОЭП. Также иногда опытно-экспериментальная деятельность воспринимается как обычная рутинная работа, не все ЭИП активно разрабатывают инновационные технологии.

Проведя анализ работы экспериментальной (инновационной) деятельности, мы можем заключить, что оценка эффективности деятельности образовательного учреждения — экспериментальной площадки — это один из ключевых механизмов развития системы социальной защиты населения в целом и отдельных ее компонентов.

1. Зайцев Д. В. Организация, управление и администрирование в социальной работе. М.: Дашков и Ко, Наука-Спектр, 2015. 264 с.
2. Алексеева М. Б. Анализ инновационной деятельности. Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2016. 707 с.
3. Горенков Е. М. Инновационный потенциал как целостная социально-педагогическая система. М.: Прометей, 2017. 924 с.
4. Зарецкий А. Д. Менеджмент социальной работы. М.: Огни, 2017. 192 с.
5. Коныгина М. Н., Горлова Е. Б. Профессионально-этические основы социальной работы. М.: Константа, Академический проект, 2017. 192 с.
6. Холостова Е. И. Социальная политика и социальная работа: Учебное пособие. М., 2009. 216 с.

References

1. Zaytsev D. V. *Organizatsiya, upravleniye I administrirovaniye v sotsialnoy rabote* [Organization, management and administration]. Moscow: Dashkov and Co, Nauka- Spectr Publ., 2015. 264 p. (In Russian).
2. Alekseyeva M. B. *Analiz innovatsionnoy deyatelnosti.* [Analisis of innovative activity]. Uchebnik i praktikum dlya baka-lavriata i magistratury — Textbook and practicum for undergraduate and graduate studies, Moscow: Yurayt Publ., 2016. 707 p. (In Russian).
3. Gorenkov Ye. M. *Innovatsionnyi potentsial kak tselostnaya sotsialno-pedagogicheskaya sistema* [Innovative potential as holistic socio-pedagogical system]. Moscow: Prometey Publ., 2017. 924 p. (In Russian).
4. Zaretskiy A. D. *Menedzhment sotsialnoy raboty* [Management of social work]. Moscow: Ogni Publ., 2017. 192 p. (In Russian).
5. Konygina M. N., Gorlova Ye. B. *Professionalno-etichekiye osnovy sotsialnoy raboty* [Professional and ethical foundations of social work]. Moscow: Konstanta. Akademicheskiy proekt Publ., 2017. 192p. (In Russian).
6. Kholostova Ye. I. *Sotsialnaya politika i sotsialnaya rabota: Uchebnoye posobiye* [Social policy and social work: Manual]. 2009. 216 p. (In Russian).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ для журнала «Ученые записки СПбГИПСР»

1. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Объем статьи может составлять от 30 до 40 тыс. знаков с пробелами.

2. Автор представляет в электронном виде по электронному адресу редакции nic@gipsr.ru:

- текст статьи, оформленный в соответствии с требованиями;

- форму «описание статьи» (см. www.psycsocwork.ru).

3. Требования к оформлению текста:

- рукопись должна быть представлена в виде файла формата *Word*;

- текст должен быть набран шрифтом *Times New Roman*, кеглем (высота букв) 12 pt, междусторочный интервал «полуторный»;

- поля: слева 2,5 см, справа 1,5 см, сверху 2 см, снизу 2 см;

- все страницы, за исключением титульного листа, должны быть пронумерованы;

- обозначениям единиц измерения различных величин, сокращениям типа «г.» (год) должен предшествовать знак неразрывного пробела (сочетание клавиш *«Ctrl» + «Shift» + «-»*). То же самое относится к набору инициалов и фамилий;

- после упоминания в тексте фамилий зарубежных ученых, исследователей и т. д. на русском языке в скобках приводится написание имени и фамилии латинскими буквами, если за этим не следует ссылка на работу зарубежного автора;

- при использовании в тексте кавычек применяются так называемые типографские кавычки (« »);

- все сокращения должны быть при первом употреблении полностью расшифрованы, за исключением общепринятых сокращений математических величин и терминов;

- все ссылки на используемые источники должны быть сверены и снабжены указаниями источника и страницы в квадратных скобках: [3, с. 67], где первая цифра — номер источника в списке литературы;

- информация о грантах и благодарностях приводится в виде сноски в конце первой страницы статьи.

4. Каждая статья должна содержать аннотацию размером не менее 100 слов. Аннотация и ключевые слова

(не более 10) идут после названия статьи, до основного текста.

5. Рисунки и графики должны быть построены с использованием средств *MS OFFICE*, пронумерованы и озаглавлены. Текст подписи помещается под рисунком. Во избежание деформации рисунков в процессе форматирования текста необходимо все части рисунков, выполненных с помощью объектной графики *MS OFFICE*, объединять функцией группировки в единый объект.

6. Таблицы и другие цифровые данные должны быть тщательно проверены и снабжены ссылками на источники. Таблицы приводятся в тексте статьи, номер и название указываются над таблицей.

7. Список литературы должен содержать библиографические сведения о всех публикациях, упоминаемых в статье, и не должен содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок.

8. Пронумерованный список литературы (в алфавитном порядке, сначала на русском, затем на иностранных языках) приводится в конце статьи на отдельной странице с обязательным указанием следующих данных:

- для книг — фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания, количество страниц;

- для журнальных статей — фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, выпуск, страницы (первая и последняя);

- при оформлении ссылок на электронные ресурсы необходимо указать автора, название работы, место размещения публикации (сайт), точный адрес Интернет-страницы, а также дату обращения. Требования к оформлению ссылок на интернет-ресурсы содержатся в ГОСТ Р 0.7.5-2008. Пример оформления: Официальные периодические издания: электрон. путеводитель / Рос. нац. б-ка. Центр правовой информации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

10. Статьи публикуются только при наличии положительной рецензии редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы 2019 №2 (32)

Верстка: Радченко Н. Корректура: Баранникова М.

Адрес редакции: 199178, Санкт-Петербург, 12-я линия В.О., д. 13 литер «А», к. 504
Гарнитура Таймс. Печать ризографическая. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 20,0. Тираж 500 экз. Зак. № 191

Отпечатано в ООО «Русская корпорация»
Санкт-Петербург, 13-я линия В.О., д. 30, оф. 4. Тел./факс: (812) 327-49-46
e-mail: russian@ruscol.spb.ru

TERMS & CONDITIONS OF ARTICLE SUBMISSION TO THE SCIENTIFIC NOTES JOURNAL

1. Materials, submitted for publication, must be original, never published before. The volume of the article can constitute 30–40 thousand printed characters with spaces.

2. Following materials must be sent to the Editorial Board by e-mail (nic@gipsr.ru):

- text of the article (complied with the requirements);

- «article description» form (available at: www.psycsocwork.ru in Russian);

3. Text requirements:

- typed in MS Office Word;

- font — Times New Roman, size — 12 pt, interline spacing — 1,5;

- margins: left — 2,5 cm., right — 1,5 cm., top — 2 cm., bottom — 2 cm.

- all pages, except the top page, must be numbered;

- use non-breaking space to prevent text breaks during the printing make-up when inserting units of measurements or abbreviations,. Same rule applies to initials and surnames;

- use double quotes (« »);

- abbreviations must be deciphered at first use, except for conventional abbreviations, mathematical variables and terms;

- all sources used must be verified and supported with source description and page number in square brackets [3, p. 67], where the first digit is a source number in references;

- information about research scholarships and acknowledgements must be given as a footnote at the end of the first page;

4. Each article must contain abstract of no less than 100 words. Abstract and keywords (no more than

10) are given after the title of the article, before the main text.

5. Pictures and figures must be constructed by means of MS Office, numbered and titled. Text is placed below the figure. To avoid the deformation of picture during formatting, all parts of pictures drawn using MS Office object graphics must be grouped into a single object.

6. Tables and other digital data must be carefully checked and supplemented with source links. Tables are inserted into the text. Number and title are placed above the table.

7. Reference list must contain bibliographic information about all publications mentioned in the article, and should not contain any works, which are not referenced in the text.

8. Reference list is given at the end of the article on a separate page in alphabetical order with obligatory indication of the following information:

- book — author's (editor's) surname and initials, title of the book, place where published (city), name of the publishing office, year when published, number of pages;

- journal article — author's surname and initials, title of the article, title of the journal, year when published, volume, number, edition, pages referenced (first and last);

- on-line newspaper article — author's surname and initials, title of the article;

9. Publications for Ph.D. students are free of charge.

10. All articles, submitted for publication, are reviewed by the Editorial Board of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. Only positively reviewed articles are published.

SCIENTIFIC NOTES JOURNAL
of St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work
2019 №2 (32)

Page-proof: N. Radchenko. Proofreading: M. Barannikova

Editorial office: 199178 St. Petersburg 12th liniya V.O. 13 A, room 504

Font Times. Risographic printing. Format 60x90 1/8. Print page 20,0. Circulation 500 copies.

Printed by «Russkaya korporatsiya Publ.»

St. Petersburg, 13th liniya V.O. 13, office 4. Tel./fax: (812) 327-49-46

e-mail: russian@ruscol.spb.ru